

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

МОВА

**Науково-теоретичний часопис
з мовознавства**

№ 14

*Присвячено 200-річчю від дня народження
Миколи Васильовича Гоголя*

Одеса
«Астропринт»
2009

УДК 81(05)

Головний редактор Главный редактор Editor-in-chief	<i>Дмитро Семенович ІЩЕНКО</i> <i>Дмитрий Семёнович ИЩЕНКО</i> <i>Dmytro S. ISHCHENKO</i>
Заступники головного редактора Заместители главного редактора Vice-editors	<i>Олександр Іванович Бондар</i> <i>Александр Иванович Бондар</i> <i>Oleksandr I. Bondar</i> <i>Ірина Михайлівна Колегаєва</i> <i>Ирина Михайловна Колегаева</i> <i>Iryna M. Kolehajeva</i>
Відповідальний секретар Ответственный секретарь Secretary	<i>Євгеній Миколайович Степанов</i> <i>Евгений Николаевич Степанов</i> <i>Yevgeniy N. Stepanov</i>
Редакційна колегія	<i>Н. В. Бардіна, Л. М. Голубенко, В. В. Горбань,</i> <i>Л. М. Гукова, М. І. Зубов, Н. Г. Иванова,</i> <i>Ю. О. Карпенко, Т. Ю. Ковалевська, В. О. Колесник,</i> <i>С. В. Плотницька, Л. Ф. Фоміна</i>
Редакционная коллегия	<i>Н. В. Бардина, Л. Н. Голубенко, В. В. Горбань,</i> <i>Л. Н. Гукова, Н. И. Зубов, Н. Г. Иванова,</i> <i>Ю. А. Карпенко, Т. Ю. Ковалевская, В. А. Колесник,</i> <i>С. В. Плотницкая, Л. Ф. Фомина</i>

Часопис зареєстровано (1993) в Управлінні у справах друку Одеської обласної державної адміністрації, свідоцтво про реєстрацію № 167

Часопис «Мова» постановою президії ВАК України від 12 червня 2002 р. № 1-05/6 включено до переліку №10 наукових фахових видань України

Часопис «Мова» зареєстрований Державним комітетом телебачення та радіомовлення України 11 травня 2004 р., № 10а — 881

Рекомендовано до друку вченою радою ОНУ імені І. І. Мечникова

Випуск 14 видано за фінансової підтримки Фонду “Русский мир” згідно з Договором гранту №274Гр/1081-09 від 16 вересня 2009 р.

Адреса редакції / Адрес редакции / Address: Французький бульвар, 24/26, кімн. 111, 113
Одеса, 65058, Україна.

Телефон / Phone: +38 (048) 776-22-77; Факс / Fax: +38 (048) 746-51-14
e-mail: odessarussyaz@rambler. ru

*На стр. 3: пам'ятник “Птица тройка” роботи скульптора О. Черноиванова
(установлен в саду скульптур Одесского литературного музея в 2009 году)*

**ПОСВЯЩАЕТСЯ 200-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ**

ЗМІСТ

ПИТАННЯ ЗАГАЛЬНОГО МОВОЗНАВСТВА І СОЦІОЛІНГВІСТИКИ

<i>Космеда Т. А.</i> Диалог культур: “Мёртвые души” Н. Гоголя в переводе И. Франко	7
<i>Смолина К. П.</i> Русский язык в современной России и новых независимых государствах: состояние и перспективы	11
<i>Стернина М. А.</i> Параметрический метод сопоставительных исследований	16
<i>Хруцкая Н. В.</i> Лингвистическое прогнозирование литературной нормы современного русского языка на основе конкуренции вариантов языковых единиц	20
<i>Высоцкая З. И., Джунусалиева Г. Д.</i> Интерференция как лингвистический феномен и её проявление в условиях билингвизма близкородственных языков	25

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ

<i>Сиилин Л., Ванхала-Анишевски М.</i> Отражение мирового финансового кризиса в СМИ Финляндии	33
<i>Иванова Н. Г.</i> Локальные указатели в рекламном тексте	38
<i>Яроцкая Г. С.</i> Языковая репрезентация экономического сознания: принципы лингвокультурологического исследования	42
<i>Романец Л. А.</i> Прецедентные феномены в стихотворениях Измаила Гордона об Одессе	47
<i>Григоренко М. Ю.</i> Языковой, коммуникативный и прагматический статус эвиденциально-предположительных частиц <i>МОЛ, ДЕСКАТЬ, ЯКОБЫ, ДЕ</i>	52

ПИТАННЯ КОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

<i>Ионова И. А.</i> Концепт “галушки” в картине мира украинцев и его эстетическая актуализация в поэтике Н. В. Гоголя	57
<i>Кошарная С. А.</i> Народно-мифологическая традиция в творчестве Н. В. Гоголя (на материале повести “Ночь перед Рождеством”)	63
<i>Яковлева О. В.</i> Концептуальна теорія символу: проблеми та перспективи дослідження національної символіки	68
<i>Левицкий А. Э.</i> Особенности вербализации концептов <i>сон</i> и <i>мечта</i> средствами русского и английского языков	73
<i>Плотницкая С. В., Голубенко Л. Н., Вит Н. П., Еременок О. И.</i> Концепт “закон” в зеркале английской лингвокультуры	78
<i>Кравцова Ю. В.</i> Моделирование метафорической картины мира в поэзии В. Инбер	82
<i>Шумарина Т. Ф., Пен Бинь.</i> Эмотивно-оценочная интерпретация свойств человека в русской и китайской языковых картинах мира	87

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

<i>Ненашева Л. В.</i> “Житие Николая Мирликийского” второй половины XV века (наблюдения над текстом и языком списка)	93
<i>Делюсто М. С.</i> Граматична інтерференція у говірках межиріччя Дністра і Дунаю	95

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЕМАНТИКИ І ПРАГМАТИКИ

<i>Иноуз Ю.</i> Ритмико-звуковой и стилистический анализ повести Н. В. Гоголя “Нос”: к разгадке вариативности дат и имён	100
<i>Липатов А. Т.</i> Семантическая магия гоголевского глагола: изобразительные возможности и семантическая валентность слова и текста в повести Н. В. Гоголя “Тарас Бульба”	106
<i>Немировская А. Ф., Стоянова С. В.</i> Семантико-стилистическая многоплановость заглавий в ранней прозе Н. В. Гоголя	110
<i>Лавриненко А. Т.</i> О некоторых украинизмах в произведениях Н. В. Гоголя и их польских соответствиях (сопоставительно-исторический аспект)	115
<i>Чубур Т. А.</i> Анализ стилистических помет в толковых словарях русского языка в рамках контрастивной лексикографии	121
<i>Видел-Игнашчак М.</i> Религиозная лексика как конституирующий компонент религиозного языка в сопоставительном плане	126

<i>Ткачук Н. О.</i> Смысловый простір лінгвістичного символу	131
<i>Данилидиду Н. Ф.</i> Грецизмы в русском языке	135
<i>Козицка-Борисовска Ж., Кжановска А.</i> Несколько замечаний по поводу лексем “парламентский / непарламентский” в русском языке	141
<i>Дубовик Е. И.</i> Смыслы “совет” и “рекомендация” как составляющие модального значения целесообразности	147
<i>Каксин А. Д.</i> Абстрактная лексика в хантыйском языке: исконная и заимствованная	150
ПИТАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЇ	
<i>Лагоденко Д. В.</i> Образная основа фразеологизмов как способ осмысления действительности	154
<i>Горбань В. В., Порожнюк А. Л.</i> Фразеологизмы с суперконцептом <i>ЧЕЛОВЕК</i> в русском, украинском и немецком языках	157
<i>Луцеева Ю. Н.</i> Русские фразеологизмы с числительными семь, седьмой (в сопоставлении с украинскими и немецкими соответствиями)	162
<i>Гончарова Н. А.</i> Латиноязычные пословицы и поговорки с опорным компонентом фитонимом	168
ПИТАННЯ СЛОВОТВОРУ ТА МОРФОЛОГІЇ	
<i>Скляренко О. Н.</i> О некоторых разновидностях суффиксальных образований в ойконимии (типологический аспект)	171
<i>Голикова О. Н.</i> Номинатив и инфинитив как прегнантные формы имени и глагола	179
ПИТАННЯ СИНТАКСИСУ, ТЕКСТИКИ, ДИСКУРСОЛОГІЇ	
<i>Казаков И. Н.</i> Сказовый нарратив как способ передачи письменной речи (на материале повестей Н. Гоголя “Записки сумасшедшего” и Л. Леонова “Записки Ковьякина”)	186
<i>Нагорная С. Ю.</i> Традиционный текст и регулятивы языковой деятельности	191
<i>Кураш С. Б., Шецко Л. М.</i> Художественный троп как интертекстема	194
<i>Колода Д. В.</i> Монтажный принцип организации стихотворений Юрия Левитанского и синтаксические средства его реализации	199
ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ І МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ	
<i>Добровольская К. П.</i> Пути формирования языковой и поликультурной компетенции студентов на материале литературного наследия Н. В. Гоголя	205
<i>Васильева Г. М.</i> К вопросу о создании лексико-синтаксического словаря для начального этапа обучения РКИ	208
<i>Крюченкова Е. Ю.</i> Теоретические основы обогащения словарного запаса школьников 5–7 классов (лингвометодический аспект)	212
<i>Замковая Н. В., Моисеенко И. М.</i> Особенности учебника РКИ в условиях билингвизма в Эстонии	216
<i>Костина Н. И.</i> Лакунарность как лингводидактическая проблема	219
<i>Степанов Е. Н., Барина Л. М., Курова Г. И.</i> Принцип индивидуализации обучения при формировании учебных программ по РКИ в Одесском лингвистическом центре	223
<i>Гуськова Е. Д., Маричереда Л. С.</i> Конкретизация содержания, форм и методов преподавания научного стиля речи с учётом межпредметной координации (из опыта работы)	229
<i>Есимбек С. И.</i> Поисковые задания на занятиях по практическому курсу русского языка	232
<i>Колесова О. П.</i> Формування вмінь для виявлення негативних проявів інформаційних впливів засобів масової інформації	235
РЕЦЕНЗІЇ	
<i>Лукова Л. Н., Степанов Е. Н.</i> В. Н. Абашина. Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке: аспект актуального членения: Монография	239
НАШІ АВТОРИ	245
НАШИ АВТОРЫ	247

УДК [811.161.1+811.161.2]’255.2

Т. А. Космеда

Диалог культур: “Мёртвые души” Н. Гоголя в переводе И. Франко

В статье представлены мысли И. Франко относительно Н. Гоголя. Речь идет о взглядах И. Франко на теорию и практику перевода, прежде всего как фактора диалога культур, межкультурной коммуникации, дела народного просвещения.

Ключевые слова: диалог культур, межкультурная коммуникация, переводоведческая концепция И. Франко.

Творческое наследие Н. Гоголя до сих пор вызывает многочисленные споры. Ученые едины лишь в том, что его влияние на культуру славянских народов весьма значительно, и творческое наследие Н. Гоголя необходимо продолжать изучать всесторонне с учетом современной научной парадигмы.

Как известно, творческий и жизненный путь Н. Гоголя исследовали многие ученые, начиная с русского критика XIX в. В. Белинского и заканчивая современными работами, в частности и украинских исследователей — Ю. Барабаша, М. Дашкевича, М. Жулинского, И. Заславского и др. Много споров сфокусировано на проблеме, представителем какой культуры является Н. Гоголь — русской или украинской. Но не эта проблема является сегодня главной.

Не мог, как представляется, не обратить внимания на творчество Н. Гоголя и не способствовать его популяризации в Украине и другой гений украинской нации — И. Франко. Еще в 1882 г., когда И. Франко было всего 26 лет, он перевел на украинский язык, прежде всего для читателя Галиции, поэму “Мёртвые души”. Этот перевод, как представляется, до сих пор должным образом не оценен, в частности в аспекте проблем межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, переводоведения, ибо главная цель, которую поставил перед собой И. Франко, — адресовать перевод читателям конкретного территориального региона с учетом их национальной специфики, культуры, языка, ментальности, соответственно адаптируя текст Н. Гоголя.

И. Франко хорошо понимал, что культура зависит от того, насколько современное поколение сумеет впитать ценности предыдущей и современной культуры своего народа, всего человечества. И. Франко можно причислить к тем личностям, которые сумели овладеть культурным наследием родного украинского народа, региональной культурой галичан, европейской и мировой культурой в целом, современной для писателя и предыдущей. Известно и то, что в процессе формирования писательского мировоззрения, коммуникативной компетенции И. Франко чрезвычайно большую роль сыграла русская литература, язык и культура в целом [см. 5]. Это зафиксировано в воспоминаниях современников И. Франко, его собственных высказываниях, фактах биографии и всей творческой деятельности.

Один из современников И. Франко О. Маковой обратил внимание на то, что супруга И. Франко О. Хорунжинская практически всегда разговаривала в семье исключительно на русском языке [6], что отмечено в дневниковой записи от 18 июня 1887 г. Однако И. Франко это не тревожило, ибо он был, с одной стороны, настоящим патриотом Украины, а с другой, — европейцем-интернационалистом, что подтверждается многочисленными примерами, характеризующими его способность осуществлять все формы межкультурной коммуникации, прежде всего в процессе переводоведческой деятельности.

О важности перевода “Мёртвых душ” для повышения культуры галичан И. Франко пишет в своих статьях [8:322] и в письмах к единомышленникам.

Перевод И. Франко поэмы Н. Гоголя по формальным показателям можно назвать анонимным, ибо имя автора перевода нигде не указано, но о том, что он перевёл поэму “Мёртвые души”, сам И. Франко неоднократно писал М. Драгоманову. Кроме этого, данную проблему исследовал М. Возняк [2].

У И. Франко была своя манера перевода, свое отношение к этому труду; в частности В. Корнийчук отмечает, что И. Франко переводил довольно “смело”. Обработывая иноязычный сюжет, поэт пытался его “украинизировать”, перенести чужую почву на родную. Он лишал текст непонятных для “своего” читателя деталей, придавал своеобразный дух и колорит [4:134]. Опираясь на принципы межкультурной коммуникации, поэму Н. Гоголя “Мёртвые души” И. Франко хотел сделать близкой читателям Галиции. Это была нелегкая задача, ибо существовало много отличий между русскими, восточными украинцами и еще больше западными как в менталитете, культуре, так и в языке.

Как известно, И. Франко не только занимался практической работой переводчика, но и оставил теоретические труды, касающиеся переводоведческой деятельности. Этот аспект его деятельности также активно изучался, например такими учёными, как З. Березинская, О. Домбровский, Ю. Кобилецкий, В. Коптилов, Л. Осовецкая, Т. Пачовский, М. Соневицкий, О. Финкель, Р. Зоривчак, И. Вороновская, Л. Рудницкий и др.

И. Франко поднял высоко труд переводчика, прежде всего отмечая, что в великорусской письменности в начале новой эпохи ее национального развития рядом с именами А. Пушкина, Н. Гоголя и М. Лермонтова стоят имена М. Гнедича как переводчика “Илиады”, В. Жуковского как переводчика “Одиссеи”. Особенно ценил И. Франко таких известных украинских переводчиков, как С. Руданский (переводчик “Илиады”), П. Нищинский (переводчик “Одиссеи”), П. Кулиш (переводчик 13 драм Шекспира), В. Самийленко (переводчик “Тартюфа” Мольера), М. Старицкий (переводчик сербских дум и песен), П. Грабовский [8:8]. К этому списку можно добавить и самого И. Франко.

В “Слове от издательства”, которое приводится после текста “Мёртвых душ”, переведённого И. Франко, представлены некоторые положения переводоведческой концепции И. Франко. Здесь имеются и размышления относительно роли Н. Гоголя в жизни современного ему общества.

Автором названного “Слова...”, по мнению М. Возняка, является галицкий журналист, критик и переводчик М. Подолинский, авторство которого убедительно аргументируется в научном разыскании “Кто автор “Слова от издательства” к переводу Франко “Мёртвых душ” Гоголя?” [2], однако имеется рациональное зерно и в публикациях некоторых учёных, в частности О. Цивкач [8:141] относительно того, что отдельные фрагменты “Слова от издательства” по способу мышления и стилю не свойственны манере изложения М. Подолинского. Исследователи считают, и с ними можно согласиться, что в подготовке статьи принимал участие и И. Франко, давая советы М. Подолинскому, излагая, собственно, свою переводоведческую концепцию, что последовательно и отражено в “Слове...”.

Прежде всего в “Слове...” подчёркивается, что “переводы с чужих языков играли и играют в каждой, и даже в самой богатой литературе важную роль... Можно даже сказать, что чем более образован народ, чем многочисленней читающая публика и чем универсальнее литература, тем больше оказывается потребность в духовном материале из-за границы...” именно “домашней”, хотя бы и самой богатой литературной продукцией” [1:275]. Здесь приводятся мысли по поводу нелегкого и неблагодарного переводческого труда, который все же активно распространен в среде высококультурных народов, особенно в Германии. Цель переводоведческой деятельности — обогатить родной “зельник” новыми цветами, выросшими на чужом поле. Произведения, имеющие всемирную славу, переводятся даже на один и тот же язык несколько раз. Настоящие литературы, как считает автор “Слова...”, настолько заботятся о деле перевода, что у переводчиков возникают проблемы относительно того, “что бы им ещё перевести” [1:275]. Переводы имеют большое значение особенно для тех литератур, в которых только ещё создают “фундамент под новую литературу”, где лишь идёт речь о формировании читательской публики, о “пробуждении духа и вкуса” к литературе. Таким образом, как видим, И. Франко прежде всего заботился о воспитании, поднятии культурного уровня галичан.

М. Подолинский положительно оценивает то, что и галицкая “молоденькая письменность начинает-таки расправлять свои плечи и к своему горячему сердцу притягивать все то, что понра-

вилось другим народам как хорошее, красивое, великое, святое” [1:275]. Называя переводчиков образно пчелами, автор “Слова...” отмечает, что они разлетаются по миру и начинают “принести с чужого поля сладкий медок в родной улей” [1:275], подчёркивается, что в переводе произведения словно заново рождаются, “в нашей родной свитке”, как горячо ожидаемые гости.

Н. Гоголя называют “сыном и славой дорогой Украины”, звучит мотив удивления и неудовлетворённости тем, что галичане не имели возможности читать в переводе тексты Н. Гоголя раньше. Отмечается и то, что публика Галиции, к сожалению, знает Гоголя мало, прежде всего лишь такие его произведения, как “Тарас Бульба” и “Вечера на хуторе близ Диканьки...”.

Отметим попутно, что в 1850 г. П. Головацкий, брат украинского писателя и общественного деятеля Я. Головацкого, опубликовал во Львове свой перевод “Тараса Бульбы” на украинском языке, — точнее, на галицко-русском языке, как отмечено на титульной странице [см. 8]. О. Цивкач высказывает мысль, что этот перевод не был совершенным. Переводчик не сумел преодолеть трудности, возникшие в процессе перевода из родственных языков.

Автор “Слова...” постепенно переходит к характеристике значимости Н. Гоголя для литературного процесса того времени, сравнивает его с Сервантесом, Вольтером, Свифтом, Жан-Полем, Диккенсом и др., относя к “первостепенным юмористическим и сатирическим” писателям [1:276]. Высказывается неудовлетворенность по поводу того, что жителям Галиции Гоголь известен лишь благодаря польскому театру, ибо несколько раз шла здесь его комедия под названием “Ревизор из Петербурга”. Комедии “Ревизора” как печатного произведения в Галиции не знали совсем, так как отсутствовал перевод этого текста. К счастью, как отмечает автор указанной статьи, в 1882 г. была переведена повесть Н. Гоголя “Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”.

В то время, как отмечает критик, только каждый сотый имел возможность прочитать Гоголя, да и то только в польском переводе. Неизвестными для галичан оставались как юмористические повести Н. Гоголя, так и поэма “Мёртвые души”, которая, как с лёгкой грустью констатирует М. Подолинский, уже сорок лет, как вышла из печати, и в то время была уже переведена практически на “все европейские языки”, а вот земляки-галичане даже после смерти Н. Гоголя совсем не ведают о существовании указанного произведения “самого первого русского поэта”.

Делается осторожное предположение, что этот “удивительный и почти нереальный факт” является проявлением некоторой “исторической Немезиды”, расплаты за то, что не писал Н. Гоголь, “как его родной отец Василь, на родном языке” [1:276], но тут же М. Подолинский, как сделал бы это и И. Франко, корректно подчёркивает: “не хотим тут решать” этого.

После такого послесловия логичной является констатация актуальности сделанного перевода, т. к. оттягивать его “нельзя было и на один день” [1:277]. Высказывается надежда относительно большой моральной пользы этого перевода для общества. Ярko и выразительно подчеркнута значимость данного художественного произведения и литературы вообще, ср.: “Поездка Чичикова и его дивной братии по прикарпатской землице должна быть и для нас, чем была для всей России: тем благодатным весенним дождиком, который ополаскивает плесень моральной зимы, сею первую тучей, что громами — смехом прочищает воздух и порождает новое мировоззрение. Здоровый смех над собою самим, над слабостями человеческими и нашей немочью был и будет всегда одним из главных орудий доброго Гения человечества, а великие юмористы и сатирики суть его апостолами. Где власть законов и их строгих и более ласковых параграфов оканчивается, где против ошибок, дурноты и слабостей человеческих даже церковь оказывается бессильною, туда простирается могучая рука поэзии, воюющая против зла смехом” [1:277]. Внимание сосредоточено на констатации большой воспитательной роли художественной литературы, облагораживающей человека “без боли”. “Мёртвые души” являются “таким мягоньким бичом, такой благодатной моральной палочкой, не только для одного края и одного времени, но и для всех времен и народов...” [1:277]. Провозглашается постулат относительно значимости высокохудожественных произведений: подобные произведения не стареют никогда, а “если и стареют, то разве так, как то вино, что лучше изо дня в день” [1:277].

М. Подолинский несколько критически оценивает взгляды русских критиков на творчество Гоголя. Он отмечает, что предмет творчества писателя является совершенно национальным, даже более национальным, чем у А. Пушкина. Из “Мёртвых душ”, как и из других произведений Николая Гоголя, “веет духом России; начиная от природы, аж до людей, все тут чисто

русское. Сам автор также “невыродный” сын своей земли, как и своего времени; горячий патриот, желает он прежде всего блага своей отчизне” [1: 278].

Юмор Н. Гоголя автор “Слова...” называет юмором “родной Украины”, “украинского народа”, подчёркивает наличие у писателя украинского менталитета, однако справедливо отмечает, что у Гоголя преобладает ирония. По-современному звучат слова М. Подолинского о том, что Н. Гоголь “не ослеплённый национал; для него Россия и всё русское не есть ещё последним словом человечества, как это бывает у шовинистов. Он хотя и влюблён в свою отчизну, знает помимо того слишком уж хорошо её пороки, и старается это исправить, чтобы по возможности приближать Россию к своему идеалу, к чистой человечности” [1:278].

И. Франко, как и М. Подолинский, считает Н. Гоголя представителем реализма, подчёркивая, что Гоголь “свой предмет берёт из жизни и рисует его необыкновенно точно” [1:278], т. е. его реализм является особым; характеризует писателя как мастера детали, мастера описания природы, типичных образов. Отмечая значение Н. Гоголя как общественного деятеля, основателя школы писателей, обращаясь “к общественности, к современным политическим и социальным вопросам, одним словом, к Гоголю как утилитарному, или иначе политическому, тенденциозному, или там по-нашему, дидактическому писателю” [1:279], автор “Слова...” отмечает роль Гоголя прежде всего в том, что он имел “дар видеть в случайном вечное, в омуте жизни непреходящее и красивое; однако не только видеть, но и представлять его другим” [1:279]. М. Подолинский называет Н. Гоголя не только великим поэтом, но и философом, который хорошо знает “мизерию” жизни, отличается наличием милосердия к злу, преследующему его.

Заканчивается “Слова...” надеждой, что Чичиков и его курьёзное общество, объездив весь мир, погуляет “ещё и по Галицкой земле на радость и на науку нашим любимым землякам”, что “прочитав книжку под дивным названием “Мёртвые души”, задумаются они и повторят за нами слова английского поэта: “Не даром то пишут великие люди... рассказы о... длинных носах” [1:280].

Проанализированный текст не только содержит глубокие мысли относительно важности перевода и о некоторых его особенностях, своеобразии гоголевского таланта, значимости его произведений, в частности поэмы “Мёртвые души” для мировой культуры. Интересно, что эти мысли очень современны. Обратим внимание хотя бы на существующие споры относительно того, какую литературу, культуру — русскую или украинскую — представляет Н. Гоголь. По мнению М. Подолинского, как и по мнению И. Франко, более важной является проблема гениальности писателя, своеобразия его таланта, что и пытался уяснить переводчик, чтобы его перевод соотносился с оригиналом по стилю и целостной манере изложения.

И. Франко перевёл первый том “Мёртвых душ”, но в конце книги читателям представили краткую информацию о судьбе второго тома, дано резюме его содержания. При этом имеется ссылка на издание, подготовленное Н. Трушковским и позднее П. Кулишом (1857 г.).

Текст “Слова...” обладает чётко очерченными стилистическими чертами, прежде всего это наличие прецедентности (сравнение Гоголя с известными мировыми писателями, цитаты из мировой литературы, отсылки к типичным сюжетам, имеют место и прецедентные имена художественных персонажей), метафоры, базирующиеся на концептах, свойственных украинской культуре (*бджоли, вулик, квіти, зільник, різочка* и др.), яркие сравнения, приёмы символизации и типизации, встречающиеся в приведённых выше примерах.

Самое важное в переводе то, что И. Франко хотел наиболее точно передать содержание поэмы именно для читателя Галиции, о чём речь идёт и во вступительном слове, комментированном нами. Эту настроенность видим уже в названии “Мертві душі або вандрівки Чичикова”. Русское “похождения” передано очень точно галицким “вандрівки”, а автора поэмы названо Миколай Гоголь. Имя *Миколай* в то время было именно в таком варианте распространено в Галиции, хотя в соответствии с канонами современного переводоведения личные имена не подлежат переводу. При этом подана начальная буква инициала по отчеству Гоголя — “В” (ср.: Миколай В. Гоголь), как это было принято в Галиции.

Текст “Мёртвых душ” в переводе И. Франко требует детального анализа, спроектированного как на специфику перевода некоторых языковых единиц, как например дискурсивных слов, лексем с семантикой оценки, с выразительным коннотативным ореолом, так и на своеобразие передачи общей тональности, тонкостей стилистики, а также своеобразия репрезентации соответствующей ментальности, национального характера.

1. Гоголь В. Миколай. Мертви душѣ / Пер. І. Франка. — Львовъ, 1882.
2. Возняк М. Хто автор “Слова від видавництва” до Франкового перекладу “Мертвих душ” Гоголя? // Наукові записки інституту суспільних наук АН УРСР. — К., 1954. — Т. 3. — С. 21-27.
3. Дорошенко Д. Останній побут Івана Франка у Києві // Літературно-науковий вісник, 1926. — Т. 40. — Кн. 7–8. — С. 128-131.
4. Корнійчук В. “Мов орган у величному храмі...” (Російська поезія у збірці “Баляды и рассказы” І. Франка) // Російське слово в українському тексті. Українське слово в російському тексті: Збірн. наук. пр. / За ред. Т. А. Космеди. — Львів, 1998. — С. 132-138.
5. Космеда Т. А. Комунікативна компетенція Івана Франка: міжкультурні, інтерперсональні, риторичні виміри. — Львів, 2006.
6. *Semper magister et semper tiro*: Іван Франко та Осип Маковей / Упорядк., передмова, коментарі та пояснення слів Н. Тихолоз; Відп. та літ. редактор Є. Нахлік. — Львів, 2007.
7. Франко І. Нарис історії українсько-руської літератури: до 1890 р. — Львів, 1910.
8. Цивкач О. М. Из истории переводов повести Н. В. Гоголя “Тарас Бульба” // Научные чтения, посвященные 50-летию образования кафедры русского языка филологического факультета: Материалы: доклады, сообщения, тезисы / Ред. кол. Т. А. Космеда (отв. ред.) и др. — Львов: ЛГУ, 1995. — С. 140-144.

Т. А. Kosmeda

THE DIALOGUE OF CULTURES AND “DEAD SOULS” BY MYKOLA GOGOL — IN IVAN FRANKO’S TRANSLATION

The author of the article highlights Franko’s attitude towards Gogol. The emphasis is put on Franko’s ideas concerning theory and practice of translation viewed mainly as a factor of the dialogue of cultures, intercultural communication and enlightenment of the people.

Key words: dialogue of cultures, intercultural communication, translation conception of I. Franko.

Т. А. Космеда

ДІАЛОГ КУЛЬТУР: “МЕРТВІ ДУШІ” М. ГОГОЛЯ В ПЕРЕКЛАДІ І. ФРАНКА

У статті викладено думки І. Франка стосовно М. Гоголя. Йдеться про деякі погляди І. Франка на теорію і практику перекладу, передусім як чинника діалогу культур, міжкультурної комунікації, справи просвіти народу.

Ключові слова: діалог культур, міжкультурна комунікація, перекладознавча концепція І. Франка.

УДК 811.161.1’272’276.1/2-055’373.45(470+571+1-4)

К. П. Смолина

Русский язык в современной России и новых независимых государствах: состояние и перспективы

В статье рассматриваются вопросы современного состояния русского литературного языка XX — нач. XXI в., его положение в мире и в новых независимых государствах.

Ключевые слова: русский язык, функционирование языка, заимствования, англицизмы, высокая лексика, просторечная лексика.

Н. В. Гоголь — великий писатель, талант его многогранен. Его произведения переведены на 40 мировых языков, и не надо делить его: кто он — русский писатель или украинский? И русское, и украинское начало гениально слились в одно дарование, в замечательное явление в нашей культуре, литературе и языке. Имя этому дарованию — Н. В. Гоголь.

В своей блистательной статье “В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность”, написанной в 1846 году, Н. В. Гоголь прекрасно сказал о русском языке: “...сам нео-

быкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая с одной стороны высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны, выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность, таким образом, в одной и той же речи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты осязательной осязанию непонятливейшего человека” [1:184]. По сути дела, Н. В. Гоголь высветил все направления в развитии русского языка, показал его богатейшие стилистические возможности. Опираясь на эту цитату, оттолкнувшись от нее, скажем о том, что нас всех тревожит в современном состоянии русского литературного языка. Н. В. Гоголь пишет: “...Он [язык. — К. С.], беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно...”. Действительно, обогащение языка (или пополнение) — важнейший процесс в любой период развития языка.

Чем же обогащается наш русский язык в последние 15-20 лет? Прежде всего, это заимствования. Заимствования хлынули в лексическую систему русского языка бурным потоком, и этот лавинообразный поток заимствований — одна из важнейших примет состояния русского языка конца XX — начала XXI века. Но почему мы, лингвисты, так обеспокоены этим процессом?! Ведь процесс заимствования характерен для всех этапов развития русского языка. “Заимствование иноязычных слов было одним из характерных явлений уже второй половины XVII века. Заимствуемые слова пополняли состав наименований научной, административно-государственной, военной сфер и предметов быта. Некоторые слова, актуальные в научной, технической, военной речи или оказавшиеся популярными в бытовом обиходе, уже с этого времени укрепляются в русском литературном языке. Таковы, например: *вертикальный, циркуль, генерал, бант, сатин, чай* и др. [2:58, 59]. Заимствования иноязычных слов конца XVII в. активизировали процесс заимствований в Петровскую эпоху. В этот период интенсивно пополняются самые разнообразные тематические группы слов, что было вызвано глубокими переменами в общественно-политической и экономической жизни страны.

Аналогичные преобразования характерны и для современной России. Качественные перемены, глубокие преобразования в конце XX века, переход к рыночной экономике потребовали введения потока новых терминов (главным образом, английских и их американских вариантов). Стали появляться экономические словари для удовлетворения потребностей, запросов разнообразных пользователей: школьников, студентов, преподавателей экономики, предпринимателей, работников экономических служб, учёных-экономистов и т. д. В этих словарях появились такие слова, как, например, *лизинг* (от англ. *leasing* — аренда) и ряд терминологических сочетаний с этим словом: *лизинг банковский, лизинг возвратный, лизинг генеральный, лизинг импортный, лизинг классический, лизинг оперативный* и др. [3:173]. Ср. также *оффшор* (от англ. *off-shore* — вне берега) — финансовый центр, привлекающий иностранный капитал путем предоставления специальных налоговых и других льгот иностранным компаниям, зарегистрированным в стране расположения центра. Употребительны в деловом экономическом языке также *оффшорные компании, оффшорные центры* [3: 234]. Такие заимствования вполне понятны и объяснимы.

Заимствования появились не только в экономической сфере, но и в сфере российской “культурной” жизни, например, в сфере “массовой” культуры. Вошел в обиход термин *шоу-бизнес*. В словарях он определяется как “коммерческая деятельность исполнителей и организаторов шоу”. *Работать в шоу-бизнесе* [4: 679]. Само слово *шоу* (англ. *show*) обозначает телевизионное или концертное выступление, представление, насыщенное зрелищными эффектами и рассчитанное на массового зрителя, слушателя. Широко функционирует в языковой сфере массовой культуры и слово *шоу-мен (шоумен)* (от англ. *showman*) — “организатор, ведущий или активный участник шоу” [4: 679]. Англоязычной лексикой насыщены высказывания журналистов и политиков. Заимствованная лексика часто встречается в языке газет и журналов. Приведём лишь некоторые примеры: “Дипломатами принят *мессидж по Югославии*” (англ. *a massage* — “послание, письмо, сообщение”. Останкино. 4.11.94); “Волк со товарищи свой *месседж от главы России уже получил в Мюнхене. Опешил и не сразу пришел в себя*” (НГ. 2007, март, с. 13). В одной из статей журнала “Итоги” читаем: “Косвенно о цене вопроса можно судить хотя бы по числу рекламных *билбордов Виктора Януковича на центральных магистралях российской столицы. Удовольствие это не из дешёвых*” (ж. “Итоги” №44, 2004 г.). Зачем нужно употреблять мало кому известное английское слово?

Всё чаще употребляется на страницах печатных изданий существительное *амбудсмэн / омбудсмэн* — (швед., представитель интересов — специально избираемое (назначаемое) должностное лицо для контроля за соблюдением прав человека). Зачем его вводить в язык? Ведь у нас уже есть терминологическое сочетание “уполномоченный по правам человека”. В русском языке есть фразеологическое выражение “шаг за шагом”, однако часто слышим или видим в текстах *step by step*. Вот один из примеров: “*Давайте вернёмся назад, step by step, как говорят американцы*”. Да! Американцы действительно так говорят, но мы — русские, и выражение *шаг за шагом*, что обозначает “постепенно”, вполне подходит для многих ситуаций.

Американизмы проникают и в обиходно-разговорный язык. *Ок’эй* и *вау* стали уже “своими” разговорными словами. И мы сами, носители родного русского языка, способствуем пропаганде и усилению роли английского языка. Мы часто говорим своим детям и внукам: “Учи английский, без английского языка не будет продвижения по службе!” Таким образом, знание английского языка становится одним из элементов профессиональной компетенции и воспринимается как признак “лингвистической культуры”. Этот термин приводится в научно-практическом пособии Л. Т. Бородавки и Н. В. Быхтиной для курсантов юридических вузов МВД “Педагогическая технология формирования лингвистической культуры курсантов” (Белгород, 2009). По мнению авторов данного пособия, “лингвистическая культура” — это изучение иностранных языков (речь идёт об английском языке). Почему знание английского языка, а не русского — это “лингвистическая культура”?

Бесспорно, никто не говорит о том, что знание иностранных языков — это минус. Нет, это большой плюс! И надо учить иностранные языки. Но не в ущерб родному языку. Ведь количество часов русского языка в школах и вузах уменьшается, английского языка — возрастает. А грамотность и культура русской речи падает, и это уже общеизвестный факт. Стоит только прислушаться к тому, какие ошибки допускаются в речи по телевидению. Вот лишь несколько примеров: “*Шествие с факелами*” (НТВ, 5 мая 2009 г.) — надо с факелами. “*Мы не залазим наверх*” (НТВ, 2009 г.) — надо не залезаем наверх.

Но вернёмся к высказыванию Н. В. Гоголя: наш русский язык может “восходить до высоты недоступной никакому другому языку... и опускаться до простоты, осязательной осознанию непонятливейшего человека...”.

Так “восходит ли наш русский язык до высоты недоступной никакому другому языку...”? К сожалению, эта “высота” в последние 15–20 лет исчезла из языка. А ведь стилистически окрашенные слова — это важнейший компонент лексической системы русского литературного языка во все периоды его развития. Куда же делась высокая лексика? Почему она исчезла со страниц нашей прессы, из передач СМИ? Думается, потому, что исчезли из нашей жизни высокие нравственные идеалы, которые могли бы соотноситься с этой лексикой и с контекстами, в которых она могла бы употребляться. А из стилистически окрашенных слов широко употребляется лишь просторечная и жаргонная лексика. Вот несколько примеров из речи наших политиков: “*И как нам дальше быть? Или, я извиняюсь, голую задницу подставить, или всё-таки как-то обеспечить себе, понимаешь, на востоке хорошее прикрытие*” (Б. Ельцин. “Итоги” 1997. №20). “*Россия может подняться с колен и как следует огреть*” (В. Путин “Известия”, 17.09.1999).

27.09.2009 на канале НТВ часть программы “Чистосердечное признание” была посвящена русскому мату. Выяснялся вопрос: в чем секрет сквернословия? На передачу были приглашены учёные, священники, представители шоу-бизнеса. Высказывалось несколько точек зрения:

1. Учёные-медики исследовали людей, которые в своей речи употребляли мат. В результате опытов было обнаружено, что ДНК человека реагирует на мат (искажаются наследственные гены!). Мат — это взрывчатка замедленного действия.

2. Священники говорили о том, что мат — это грех.

3. Представители шоу-бизнеса отстаивали свою точку зрения: мат — это не ругательства, эта лексика употребляется для связи слов в предложениях.

На наш взгляд, ясно одно: сквернословие недопустимо в нашей речи, а его употребление свидетельствует о тенденции снижения уровня владения русским языком, которую отмечают не только учёные лингвисты, но и наше правительство. В Федеральной целевой программе “Русский язык” (2006–2010 годы) читаем: “В Российской Федерации... наблюдается сниже-

ние уровня владения русским языком как государственным, особенно среди представителей молодого поколения, сужение сферы его функционирования как средства межнационального общения, искажение литературных норм и культуры речи в среде политических деятелей, государственных служащих, работников культуры, радио, телевидения”.

Федеральная целевая программа “Русский язык (2006–2010 годы)” ... является организационной основой решения проблемы применения государственного языка и языков народов Российской Федерации. Президент и правительство России придают особое значение сохранению, укреплению, развитию и распространению русского языка как важнейшего средства консолидации российского общества, интеграции государств-участников СНГ, ведь Россия связана с бывшими республиками СССР, а ныне независимыми государствами, единством исторической судьбы, русским языком и великой культурой.

А что же происходит в последние годы в мире с русским языком? На этот вопрос дал исчерпывающий ответ в своём интервью в журнале “Русский мир. ru” ректор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина Ю. Прохоров. В заголовок статьи вынесена его фраза из интервью: “Русский язык вновь востребован в мире”. И это симптоматично. В своём интервью Ю. Прохоров отметил, что по всему миру активно поехали российские туристы. В гостиницах и турфирмах многих стран появились менеджеры, говорящие на русском. Наличие в некоторых странах мира больших русских диаспор приводит к тому, что русский является родным для целых групп госслужащих этих стран. Русский язык по числу его изучающих “сократился”, а по числу использующих его в коммуникации “вырос” и продолжает “расти”. В странах ЕС есть незначительный, но устойчивый рост интереса к его изучению. Причины: создание совместных компаний, развитие бизнеса, необходимость ехать на работу в Россию.

Реплику журналиста о всплеске в последние годы интереса к изучению русского языка в Восточной Европе и Германии, но закрытии русских школ в странах Балтии, в Грузии и Украине Ю. Прохоров прокомментировал так: “Это — новая реальность. В Восточной Европе — это учет растущей потребности. Например, в нашем институте самое большое число слушателей — поляки-экономисты и венгры-экономисты. И из этих стран ещё просятся слушатели. Им язык нужен по работе. За год к нам приезжают слушатели примерно из 75 стран. Едут юристы, представители туристического бизнеса, филологи, бизнесмены, то есть те, кто у себя в стране сможет найти работу с использованием русского языка. Чаше других — из Турции, Австрии, Болгарии, Словакии, Польши, Германии. Вообще, наличие экономической потребности в отношениях — лучший способ популяризации русского языка. Что касается стран СНГ, то здесь часто представляемая нам “реальность” связана не с русским языком, а с политическим отношением к русскому языку. Те же “гонения на русский язык”, имеющие место в СМИ ряда стран СНГ и Балтии, противоречат реальности: на деле люди в этих странах активно пользуются русским языком, изучают его в школе. А элиты, его отвергающие, — это некая форма самоутверждения молодых независимых государств...” [6: 11].

Это замечание Ю. Прохорова дополняет данные, приведённые в книге “Русский язык в новых независимых государствах” (2008), изданную Фондом “Наследие Евразии”. Приведём некоторые из них: “Новые государства, образовавшиеся на территории бывшего Советского Союза, спешно пытались узаконить свой статус — статус обособленных и независимых стран — и довольно быстро преуспели в этом... Элиты новых независимых государств осознавали, что покончить с призраком Союза без разрыва с его старым культурным наследием будет крайне сложно”. Именно по этой причине краеугольным камнем в основах государственной политики в области национальной культуры всех бывших союзных республик стала реализованная в законодательстве система мер изменения статуса русского языка и его роли в национальной культуре и межэтническом общении. При этом зачастую руководство новых независимых государств формировало эти процессы, опасаясь фактического значения русского языка и культуры и количественного присутствия русских и русскоязычных на их территории. “В то же время, практически в каждом новом независимом государстве активно принимались и внедрялись нормы законов о государственном языке, что вело к фактическому ограничению сферы применения русского языка и оттоку русскоязычного населения” [7: 17–18].

Такая ориентация языковой политики не уникальна и имеет название “мобилизованного лингвизма”, представляющего собой идеологию, практику и этнологическую деятельность,

направленные на создание национальной государственности с помощью предварительного утверждения статуса государственного языка как основы национального возрождения, а также проведения кадровой политики, ведущей к установлению этномонополии во власти” [8: 14].

Статус русского языка в Украине, согласно Конституции Украины 1996 г. и Закона “О языках в Украинской ССР” 1989 г., обладает сложносоставным или сразу несколькими статусами. По Конституции Украины, которая гарантирует “свободное развитие, использование и защиту русского, других языков национальных меньшинств Украины” (ст. 10), русский язык является языком “межнационального общения народов Союза ССР” [7: 24]. Однако “в декабре 1999 года Конституционный суд Украины дал официальное толкование статьи 10 Конституции Украины относительно применения государственного языка органами государственной власти, органами местного самоуправления и использования в учебных заведениях Украины. Согласно этому толкованию, украинский язык как государственный является обязательным средством общения на всей территории Украины при осуществлении полномочий органами государственной власти и органами местного самоуправления (язык актов, работы, делопроизводства, документации и т. д.), а также в других публичных сферах общественной жизни, которые определяются законом” [7: 90]. Таким образом, о русском языке как средстве межнационального общения речь уже не идёт.

В последние 10 лет в Украине вопрос о статусе русского языка поднимается каждый раз на парламентских или президентских выборах. В 1994 г. Л. Кучма выступал за предоставление русскому языку статуса официального. В 2005 г. А. Мороз, лидер Соцпартии, внёс в Верховную Раду проект закона о предоставлении русскому языку статуса второго официального в Украине. В 2006 г. Верховная Рада Автономной Республики Крым приняла постановление о проведении референдума по вопросу предоставления русскому языку статуса второго государственного. На досрочных парламентских выборах 2007 года Партия регионов инициировала сбор подписей в поддержку проведения Всеукраинского референдума, один из вопросов которого связан был с признанием русского языка вторым государственным языком. Однако “ни одна из законодательных инициатив украинских политиков и политических партий относительно изменения статуса русского языка в Украине не вышла за рамки инициатив и не была реализована” [7: 93].

Проблема функционирования русского языка на постсоветском пространстве — сложная проблема. В отношении к русскому языку во многих новых независимых государствах примешиваются социальные, идеологические и экономические процессы. Русский язык — один из важнейших информационных ресурсов, оставленных Российской империей и СССР в наследие новым независимым государствам. Ценность этого наследия как инструмента межнационального общения трудно переоценить.

1. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 6-ти т. — Т. 6: Избранные статьи и письма. — М., 1953.
2. История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века. — М., 1981.
3. Современный экономический словарь. — М., 1997.
4. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. — СПб., 1996.
5. Зернистые мысли наших политиков. — М., 2000.
6. Русский мир. ru. — Интернет-журнал, май. 2009.
7. Русский язык в новых независимых государствах. Фонд “Наследие Евразии”. — М., 2008.
8. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. — М., 1998.

K. P. Smolina

THE RUSSIAN LANGUAGE IN CONTEMPORARY RUSSIA AND IN NEW INDEPENDENT STATES TODAY AND IN FUTURE

In this article questions of condition of the modern Russian literary language from the end of the 20th c. to the beginning of the 21st c., its position in the world and in today's independent states are considered.

Key words: the Russian language, functioning of the language, borrowing, English-speaking lexicon, high lexicon, colloquial lexicon (jargon, slang).

К. П. Смоліна

РОСІЙСЬКА МОВА В СУЧАСНІЙ РОСІЇ Й НОВИХ НЕЗАЛЕЖНИХ ДЕРЖАВАХ: СТАН І ПЕРСПЕКТИВИ

У статті розглянуто питання сучасного стану російської літературної мови кінця XX — поч. XXI ст., його функціонування у світі та нових незалежних державах.

Ключові слова: російська мова, функціонування мови, запозичення, англіцизми, висока лексика, просторіччя.

УДК 81-139

М. А. Стернина

Параметрический метод сопоставительных исследований

Статья посвящена новому методу сопоставительных исследований, суть которого заключается в разработке формализованных параметров описания национальной специфики языков в разных аспектах. Каждый такой параметр выражается в виде соответствующего индекса (выраженного в абсолютных числах или процентах численного показателя), сопоставление одноименных индексов в разных языках свидетельствует о наличии или отсутствии национальной специфики по данному параметру, а также о степени её проявления. Приводятся конкретные примеры использования данного метода в лингвистических исследованиях, высказываются соображения о перспективах его развития.

Ключевые слова: сопоставительные исследования, параметрический метод, формализованный параметр, индекс.

В настоящее время сопоставительные и контрастивные исследования превратились в мощное лингвистическое направление, которое разрабатывает методы сопоставления языков и описывает языки в сопоставлении друг с другом.

Рост интереса к сопоставительным исследованиям в последнее время связан, как представляется, со следующими причинами:

- потребностью выявления универсальных черт языкового материала;
- стремлением описать национальную картину мира носителей разных языков;
- интересом к изучению национальной специфики семантики и изучением национальной специфики языкового мышления;
- расширением сферы преподавания иностранных языков;
- необходимостью совершенствования двуязычных словарей, где указываются национально-специфические черты семантики переводных соответствий.

Мы разграничиваем *контрастивные* и *сопоставительные* исследования: если контрастивные исследования предполагают сопоставление отдельных единиц одного языка со всеми возможными соответствиями этой единицы в другом языке, то при сопоставительном исследовании предметом сопоставления являются одноименные языковые подсистемы разных языков [2; 4]. При этом отметим, что термин “сопоставительные исследования” может употребляться (и употребляется в названии данной статьи) в качестве **интегрального**, объединяющего в себе и собственно сопоставительные, и контрастивные исследования.

Основной задачей как собственно сопоставительных, так и контрастивных исследований является выявление общих и национально-специфических черт языковых систем, подсистем и отдельных единиц. В связи с обширностью фиксируемых национально-специфических черт, выявляемых при контрастивных и сопоставительных исследованиях, возникает проблема единообразного описания национально-специфических различий разных языков, чтобы можно было сопоставлять результаты исследований на материале разных языков и делать выводы об уровне и степени проявления национальной специфики каждого отдельного языка на фоне остальных.

Это привело нас к формулированию **параметрического метода** описания национальной специфики языков, суть которого заключается в разработке и использовании формализованных параметров описания национальной специфики языков в разных аспектах. Каждый такой параметр выражается в виде соответствующего индекса (выраженного в абсолютных числах или процентах численного показателя), сопоставление одноименных индексов в разных языках свидетельствует о наличии или отсутствии национальной специфики по данному параметру, а также о степени её проявления.

На данный момент в лингвистический обиход введено 30 индексов для сопоставительных исследований и 18 — для контрастивных. Покажем “работу” некоторых из них на конкретных примерах лингвистических исследований, выполненных под нашим руководством.

Так, Н. М. Шишкиной в сопоставительном плане была изучена национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках [6]. В ходе исследования автором были выделены и посчитаны:

Индекс полисемантическойности — отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству лексем этой подгруппы/группы.

Индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ — отношение общего количества семем с семей данной лексической группировки, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству семем этой подгруппы/группы.

Как показало исследование, средний индекс полисемантическойности ЛСГ глаголов речевой деятельности в английском языке почти в полтора раза больше, чем в русском: 2,65 и 1,91 соответственно. А вот средний индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ в английском языке по сравнению с русским меньше: соответственно 49,8 % и 60,6 %.

В среднем значения индексов принадлежности к исследуемой группе выделенных подгрупп в ЛСГ глаголов речевой деятельности в русском языке достаточно высоки и варьируются от 56 % до 85 %. В английском же языке в основном отмечены невысокие индексы принадлежности подгрупп к исследуемой ЛСГ — от 40 % до 60 %.

Сравнение индексов полисемантическойности выделенных подгрупп исследуемых ЛСГ выявило, что в английском языке индексы полисемантическойности подгрупп существенно больше, чем в русском: если в русском языке самый большой индекс полисемантическойности равняется 2,81 (подгруппа глаголов имитационной речевой деятельности), то в английском языке самый высокий индекс полисемантическойности равен 3,82 (подгруппа глаголов, выражающих совет и пожелание). Таким образом, самый высокий показатель индекса полисемантическойности в английском языке оказывается на 1,01 больше, чем соответствующий показатель в русском языке.

Индексы полисемантическойности и принадлежности подгрупп к исследуемой тематической группе лексики были также использованы Н. И. Черновой при описании национальной специфики тематической группы лексики (на материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках) [5]. Проведённое исследование также показало, что в большинстве случаев индексы полисемантическойности мини-групп в английском языке выше индексов аналогичных мини-групп в русском языке. Было также установлено, что средний индекс принадлежности выделенных подгрупп к исследуемой группе лексики в английском языке (71,64 %) превышает средний индекс принадлежности в русском языке (63,74 %).

При описании национальной специфики наименований зданий и помещений в русском и английском языках Н. И. Черновой были дополнительно предложены следующие формализованные индексы:

Индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы — отношение количества лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, к общему количеству лексем данной группы.

Индекс семантической близости единиц группы — отношение количества лексических единиц, образующих синонимические пары и/или ряды, к общему количеству лексем данной группы.

Индекс яркости подгруппы внутри тематической группы — отношение количества единиц, входящих в структурную единицу группы, к общему количеству лексем данной группы.

Проведённое сравнение русской и английской тематической группы по этим параметрам показало, что уровень внутригрупповой структурно-семантической связности группы в русском языке (7,86 %) превышает аналогичный индекс в английском языке (5,43 %) более чем на 2 %.

Индекс семантической близости единиц группы в английском языке составляет 0,58, что существенно превышает аналогичный индекс (0,21) в русском языке. Весьма заметными оказались также и различия в индексах яркости подгрупп внутри тематической группы: так, для наиболее многочисленных подгрупп в русском языке этот показатель составил 74,03 % и 15,72 %, а в английском языке — 62,44 % и 25,12 %.

Отметим, что параметрический метод сопоставительного описания языков уже на данном этапе его применения позволяет сделать обоснованные выводы о степени выраженности национальной специфики отдельных лексических группировок в разных языках в соответствии с предложенными в рамках этого метода шкалами оценки степени проявления национальной специфики [1].

Национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления характеризуются как **существенные, заметные, видимые и несущественные**. При этом для параметров, чьи индексы представлены процентами, степень проявления национальной специфики равняется численной разнице между показателями индексов сопоставляемых групп в разных языках. Если расхождения между показателями индексов составляют более 10 %, то данные национально-специфические различия квалифицируются как **существенные**. Если расхождения варьируются от 5 % до 10 %, различия считаются **заметными**. Если разница между показателями индексов составляет от 1 % до 5 %, то национально-специфические различия рассматриваются как **видимые**, если разница менее 1 % — как **несущественные**.

Для параметров, представленных абсолютными цифрами, степень проявления национальной специфики вычисляется через отношение соответствующих абсолютных показателей сравниваемых групп. Если полученные цифры варьируются от 1,0 до 1,1, то данные различия квалифицируются как **несущественные**, если эти цифры попадают в промежуток от 1,1 до 1,2, то национально-специфические различия признаются **видимыми**. Если указанные показатели колеблются от 1,2 до 1,3, то различия характеризуются как **заметные**. Если указанная цифра оказывается больше 1,3, степень проявления национальной специфики считается **существенной**.

Сопоставление показателей степени проявления национальной специфики по комплексу параметров по предложенной шкале даёт возможность сделать общий вывод о выраженности национальной специфики той или иной лексической группировки. Так, если при сравнении двух лексических группировок преобладают **существенные и заметные** расхождения в показателях сопоставляемых индексов, то национальная специфика данных групп характеризуется как **ярко выраженная**. В то же время, если наблюдается преобладание **видимых и несущественных** расхождений, то национальная специфика квалифицируется как **неярко выраженная**.

В выполненном под нашим руководством диссертационном исследовании С. В. Колтакова [1] ввела отмеченные шкалы и применила их к сопоставительному исследованию тематических групп “Труд” и “Отдых” в русском и английском языках. На основании превалирования **существенных и заметных** национально-специфических расхождений был сделан вывод, что данные группы демонстрируют **ярко выраженную** национальную специфику.

С помощью параметрического метода Л. В. Лукиной в диссертационном исследовании, также выполненном под нашим руководством, удалось разработать основанную на объективных цифровых показателях методику определения ближайших, близких и дальних соответствий в языке сопоставления при контрастивном исследовании и создать типологию межъязыковых соответствий [3]. Автором были введены такие формализованные параметры, как *индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем*, под которыми понимается отношение совпадающих соответственно денотативных, коннотативных и функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем, а также *интегральный индекс идентичности лексем*, представляющий собой среднее арифметическое индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности. Полными (эквивалентными) соответствиями признаются контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет 100 %; ближайшими соответствиями — контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет 80 % и более; близкими соответствиями — контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет 60 % и более; дальними соответствиями — контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет менее

60 %; и, наконец, безэквивалентными признаются единицы, интегральный индекс идентичности которых равен 0.

Отметим, что выявление и использование формализованных параметров сопоставления позволяет по-новому подойти к проблеме семантической типологии языков, которая в период интенсивного развития типологических исследований в прошлом веке была признана малосодержательной и не получила развития. Осмелимся высказать предположение, что сопоставление языков с помощью параметрического метода позволит в будущем выделить определённые семантические типы языков и создать их семантическую типологию.

Таким образом, представляется, что мы вправе констатировать появление в сопоставительных исследованиях нового параметрического метода и прогнозировать ему достаточно широкое применение. При этом, разумеется, мы отдаём себе отчёт в том, что количество и перечень формализованных параметров в рамках данного метода будет постепенно уточняться и обновляться.

1. Колтакова С. В. Национальная специфика тематических групп “Труд” и “Отдых” в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2008.
2. *Контрастивная лексикология и лексикография* / под ред. И. А. Стернина и Т. А. Чубур. — Воронеж, 2006.
3. Лукина Л. В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2008.
4. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
5. Чернова Н. И. Национальная специфика Тематической группы лексики (на материале наименований *зданий и помещений* в русском и английском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2006.
6. Шишкина Н. М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2004.

M. A. Sternina

PARAMETRIC METHOD OF COMPARATIVE STUDIES

The paper deals with a new method of comparative studies — the parametric one, which presupposes elaboration of formalized parameters of language national peculiarity description. Each parameter is expressed by a corresponding index either in percent or absolute numbers, the comparison of which in different languages shows the degree of national specificity this parameter. The paper gives the examples of using the parametric method in linguistics studies and predicts the future of this method.

Key words: comparative studies, parametric method, formalized parameter, index.

М. А. Стерніна

ПАРАМЕТРИЧНИЙ МЕТОД ЗІСТАВНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

Статтю присвячено новому методу зіставних досліджень, суть якого полягає в розробці формалізованих параметрів опису національної специфіки мов у різних аспектах. Кожний такий параметр виражається у вигляді певного індексу (вираженого в абсолютних числах або процентах числового показника); зіставлення однойменних індексів у різних мовах свідчить про наявність або відсутність національної специфіки за даним параметром, а також про ступінь її виявлення. Наводяться конкретні приклади використання даного методу в лінгвістичних дослідженнях, йдеться також про перспективи його розвитку.

Ключові слова: зіставні дослідження, параметричний метод, формалізований параметр, індекс.

Н. В. Хруцкая

Лингвистическое прогнозирование литературной нормы современного русского языка на основе конкуренции вариантов языковых единиц

Исходя из результатов анализа представленных экзemplификаторов, в статье доказывается, что использование предложенных автором критериев дает возможность определить перспективы динамики каждого из членов вариантной пары (ряда) в эволюции языковой системы и с точки зрения его перспектив пролонгирования и функционирования в литературном языке.

Ключевые слова: лингвистическое прогнозирование, вариативность, потенциал, конкурентоспособность, коэкзистенциальный вариант слова.

В настоящее время существует актуальная необходимость синхронического исследования конкуренции формальных вариантов языковых единиц и определения основных тенденций динамики литературной нормы русского языка для высокодинамического типа эволюции языковой системы, который характеризует язык в период острых социальных катаклизмов, резких политических изменений, разрушения предшествующей идеологии, смены экономических и психологических установок, влияния экстралингвистических факторов на языковую суперсистему. Это позволит объективировать оценки нормативности языковых единиц и усовершенствовать лексикографическую параметризацию формальных вариантов слов, так как узальная, функционально-стилистическая, темпоральная, квантитативная и нормативная характеристики коэкзистенциальных вариантов слов (далее КВС) и указание на стадию их конкуренции могли бы в значительной степени повысить информативную ценность современных словарей и грамматических справочников. При этом следует отметить, что кодифицированная литературная норма никогда не бывает полностью адекватна языковой норме, что объясняется наличием значительного числа переходных случаев, находящихся в интермедиативной зоне между императивной нормой, диспозитивной нормой и ненормой. Прослеживая направления развития языковой системы во времени, можно с некоторой долей вероятности прогнозировать пролонгирование определенных тенденций в будущем. В связи с этим выдвигается постулат о возможной адвентной реконструкции, впервые выдвинутого в лингвистике в начале 90-х гг. XX века В. М. Мигачевым, считаем важным и актуальным для нового перспективного направления в языкознании — лингвистического прогнозирования. “Стартовав в начале века в виде отдельных предсказаний о будущем языка, набирая силу в 70–80-х годах XX века, лингвистическая прогностика полноценным разделом языкознания вошла в XXI век” [4:17]. В современном языкознании вопросы лингвистической прогностики активно разрабатываются в исследованиях Воронежской школы лингвопрогностики под руководством А. А. Кретьова. В общем виде прогностика определяется как раздел науки, занимающийся научным предсказанием поведения объекта. Прогнозирование динамики языковой системы возможно только при наличии объемной информации об изменениях на всех языковых уровнях. Выдвижение идей о предполагаемом пролонгируемом варианте языкового знака в процессе эволюции должно опираться на знание основных тенденций и закономерностей, зафиксированных в обобщенной форме. Прогностикой возникающего занимается футурпрогностика — экстраполяция выявленных тенденций на эволюцию языковой системы в будущем, формулировка и оценка прогнозов развития языковой системы и ее подсистем. Футурпрогнозирование сталкивается с рядом трудностей, так как оно лишено языковых данных, которые могли бы подтвердить или опровергнуть теоретические выводы исследователей. Поэтому основным признаком прогнозирования является априорность. В процессе работы над языковым материалом, в частности, при анализе конкуренции формальных вариантов языковых единиц и выявлении причин пролонгирования одного из них, возникают определенные гипотезы, основанные на результатах анализа тенденций в динамике вариантов, процессов их латентного прошлого и актуализированного настоящего с учётом интралингвистических зако-

нов эволюции языковой системы. “Время подтвердит или не подтвердит действие известных нам лингвистических законов и закономерностей, либо выявит наличие новых, ещё не известных нам, — в этом смысл лингвистической прогностики”, — указывал Ю. А. Рылов [15: 3]. Саморазвиваясь, языковая система оказывается перед выбором из нескольких структур-аттракторов. Прогнозируя будущее, не всегда можно с полной уверенностью определить, по какому пути пойдет развитие: какой из коэкзистенциальных вариантов окажется предпочтительней, какая тенденция или интралингвистический закон будет преобладать. Но языковая система не развивается произвольно: все внутренние процессы в системе подчинены определенным законам функционирования и эволюции всей системы как целостного образования, развивающегося по определенным типологическим законам. Количество структур-аттракторов в системе детерминировано, поэтому потенциальные тенденции развития языка в будущем гипотетически предзаданы, запрограммированы уже в прошлом и настоящем состоянии системы. Таким образом, тенденции динамики и интралингвистические законы развития детерминированы типологией системы языка и ее стремлением к восстановлению синергетического равновесия. Все системные явления в диахронии детерминированы порождающими их причинами. Существует два рода причин, управляющих поведением систем (и языковой системы в частности): а) естественные, внутренние, регулярные (в нашем случае это интралингвистические законы развития языка) и б) внешние, случайные (социальные, географические, этнические, культурные и т. п.). Их роль в осуществлении и направлении самого процесса эволюции различна. Может оказаться, что доминировать будут системные, внутренние законы эволюции языковой системы (что характерно для низкодинамического и релаксирующе-стабилизирующего периода эволюции языковой системы). Но возможна ситуация, когда воздействие социальных причин настолько велико, что его нельзя признать несущественным. Экстралингвистические факторы могут влиять на протекание процесса динамики системы языка (в нашем случае это высокодинамический период эволюции системы языка во время социальных катаклизмов) и затрагивать все ее уровни. Но в языке константно происходят процессы, которые не поддаются контролю со стороны носителей языка. Это системные глубинные явления, обусловленные законами развития внутренних, латентных тенденций саморазвития самой системы. Они актуализируются в результате многократно повторяющихся речевых актов в коллективе говорящих, так как “язык существует и развивается не в бумажных схемах, парадигмах, предписаниях литературных норм, но в речевой деятельности и в сознании членов общества” [5: 330].

Исходя из сказанного, можно предположить, что, располагая данными по диахроническому развитию системы языка и ее подсистем в прошлом и ее синхронному состоянию в настоящем, возможно предвидеть пути эволюции языковой системы и ее подсистем, наметить основные тенденции динамики литературной нормы языка, прогнозировать победу одного из КВС в вариантной паре (ряде), учитывая, что это будут лишь потенциальные тенденции.

Нами была поставлена задача на конкретном языковом материале рассмотреть методы и приёмы лингвистического прогнозирования эволюции современного русского литературного языка с учетом теории вариантности языковых единиц, а также прогнозировать динамику соотношения в вариантных парах (и рядах) языковых единиц, на основе чего определить победу одного из КВС в эволюции литературной нормы современного русского языка. Словарный материал нормативных словарей различных типов являлся источником прогностических исследований. Для определения потенциала конкурентоспособности каждого из коэкзистенциальных компонентов вариативной пары в определенной языковой подсистеме в процессе эволюции языковой системы предлагаем использовать следующие критерии.

1. Частотная зона использования КВС: широко употребительно — достаточно употребительно — редко в употреблении.
2. Отношение КВС к литературной норме (кодификация): императивный вариант — диспозитивный вариант — ненормативный вариант.
3. Территориальные ограничения в использовании КВС: общеупотребительное — диалектное.
4. Функционально-стилистическая характеристика вариантной языковой единицы: общеупотребительное — профессиональное — разговорное — просторечное — народно-поэтическое — высокое — книжное.
5. Темпоральная характеристика: общеупотребительно в настоящее время — новое — устаревающее — устаревшее — архаизм.
6. Силовая зона, в которой находится КВС: сильная — транслятивная — слабая.
7. Соответствие анализируемого варианта слова образцу (прототипу):

соответствует — не соответствует. 8. Стадия конкуренции вариантов: стартовая — аугментарная — комплетивная. 9. Продуктивность варианта: продуктивный — непродуктивный. 10. Узуализация вариантной лексемы (лексы) в социуме (естественная (стихийная) — искусственная (целенаправленная)) — отсутствие узуализации. 11. Соответствие тенденциям динамики языковой системы.

Использование данных критериев даёт возможность определить потенциал каждого из членов вариантной пары (ряда) с точки зрения его перспектив пролонгирования и функционирования в литературном языке. Рассмотрим это на конкретных примерах квалификации формальных вариантов различных типов.

Акцентная вариантная пара *диска'нт* — *ди'скант*

Слово *диска'нт* было заимствовано из латинского языка с сохранением ударения на последнем слоге. В нормативных словарях иностранных слов 80–90-х гг. лексическая единица фиксировалась только с этим ударением (второй вариант — акцент на первом слоге даже не был представлен в связи с ненормативностью), но в разговорной речи слово часто употреблялось с ударением на первом слоге под влиянием английских заимствований. Аналогичное явление наблюдается в настоящее время во французских заимствованиях *бути'к*, *жалюзи'*, *диску'рс*, где акцент на первом слоге является ненормативным и ещё не фиксируется в словарях (исключением является л. е. *ди'скурс*), но стихийно узуализирован в социуме. В словарях иноязычных слов начала XXI века лексема *ди'ска'нт* фиксируется уже с двумя равноправными ударениями [6:207, 8:236]. Если исходить из результатов предлагаемых в работе критериев, то становится ясно, что кодификация варианта *дискант* вполне закономерна, так как: а) вариант *дискант* достаточно употребителен; б) появившись в узусе как вариант ненормативный, достаточно быстро стал вариантом диспозитивным; в) функционировал в узкоспециальной сфере; г) не относится к диалектизмам, д) является новым, е) находится в транслятивной силовой зоне; ж) хотя акцентологически не соответствует французскому источнику заимствования, но соответствует английским заимствованиям, имеющим акцент на первом слоге; з) является продуктивным акцентным вариантом; и) находится в аугментарной стадии конкуренции с ранее нормативным вариантом, и, таким образом, к) естественная узуализация данного варианта привела к его искусственной узуализации (кодификации). Т. о. диспозитивный акцентный вариант *дискант* имеет все перспективы стать в будущем вариантом императивным, так как отвечает тенденции акцентуации на первом слоге в заимствованных словах, характерной для начала XXI века под влиянием многочисленных английских заимствований, имеющих акцент на первом слоге.

Орфоэпическая вариантная пара *скворе[ш]ник* — *скворе[ч]ник*

К “старшей” орфоэпической норме относится произносительный вариант *скворе[ш]ник*, зафиксированный как нормативный во всех орфоэпических словарях XX столетия. Вариант *скворе[ч]ник* относится к “младшей” произносительной норме и фиксируется как *равноправный* [14: 84], как *дополнительный* [ч'н] [13:46] и *допустимый* [7:86]. Каковы перспективы победы варианта *скворе[ч]ник*? Анализируемый произносительный вариант: а) достаточно употребителен в узусе, б) является диспозитивным, о чем свидетельствуют словарные пометы *дополнительно* и *допустимо*, в) относится к стилистически маркированным *разговорным* (*просторечным*), г) характерен для диалектов (чоканье), д) общеупотребителен в настоящее время, е) находится в транслятивной силовой зоне, ж) под влиянием тенденции к графическому произношению слов его орфоэпия соответствует графическому образцу, з) является продуктивным (кодифицированный вариант “старшей” нормы — исключение из правила наряду с такими словами, как *конечно*, *булочная* и т. п.), и) находится в аугментарной стадии конкуренции с кодифицированным вариантом, к) несмотря на то что естественная узуализация варианта *скворе[ч]ник* произошла, искусственная узуализация еще не закончена. В перспективе предполагается равноправное функционирование данных вариантов.

Фонемно-орфографическая пара вариантов *брэнд* — *брэнд*

В современной письменной речи количество заимствованных слов, в которых написание Э/Е после твердого согласного является вариантным, достаточно многочисленно. Написание Э соответствует укрепившемуся произношению (напр., *сл[э]нг*, *с[э]конд*, *х[э]ви* и подобных). И хо-

тя графема *Э* отражает произношение звука [э] после твердого согласного, это противоречит принципам русской системы письма и правилам русской орфографии. Тем не менее отдельные слова с написанием буквы *Э* после твердого согласного уже кодифицированы в орфографических словарях (*фэнтези* как единственно возможный вариант написания). Каковы перспективы победы одного из двух анализируемых коэкзистенциальных вариантов? Они практически непрогнозируемы, так как: а) оба КВС в письменной речи достаточно употребительны, б) оба пока диспозитивны, в) стилистически нейтральны, г) достаточно новы, д) находятся в транслятивной силовой зоне, е) вариант написания *брэнд* соответствует тенденции “графического произношения”, а вариант *бренд* коррелирует с системой русской орфографии, ж) стадия конкуренции — нарастающая, з) одновременно происходит стихийная узуализация варианта *брэнд* и целенаправленная узуализация варианта *бренд*. Однозначно решить вопрос превалирования одного из правописных вариантов может только корректировка правил русской орфографии.

Собственно орфографическая вариантная пара
горнорудный и горно-рудный

Рекомендации относительно правописания слова *горно(-)рудный* в орфографических словарях противоречивы. При сопоставлении данных авторитетных орфографических словарей [11; 12; 2], где представлен единственный кодифицированный вариант написания — *горнорудный*, и двух изданий Русского орфографического словаря РАН (М., 1999 и М., 2005) с вариантом *горно-рудный*, затрудняемся ответить на вопрос, какое же написание является единственно верным в настоящее время. Современные толковые словари [3; 10; 16] сохраняют традиционное, вслед за орфографическими словарями советского периода, слитное написание этого слова. Тем не менее предлагается и новый вариант дефисного правописания, исходя, очевидно, из трактовки “*горный и рудный*” в качестве компонентов образования анализируемого слова (вместо *горная руда*). Каковы перспективы победы в кодификации одного из правописных вариантов? 1. Более частотным в письменной речи является вариант *горнорудный* в силу своей традиционности и многолетней кодифицированности в орфографических словарях XX века. 2. Из материалов современных словарей остается неясным, какое написание является императивным в настоящее время. 3-4. Оба варианта общеупотребительны, стилистически нейтральны. 5-6. Вариант дефисного написания *горно-рудный* является новым в орфографии и находится в слабой силовой зоне. 7. Написание *горнорудный* соответствует русской орфографической традиции правописания сложных слов, образованных от словосочетаний, связанных подчинительной связью, дефисное написание этой единицы традиции не соответствует. 8. Данные варианты находятся в начальной стадии конкуренции в силу новизны дефисного написания слова. 9. Оба орфографических варианта продуктивны. 10. Несмотря на новую искусственную узуализацию написания *горно-рудный* через дефис, естественная узуализация такого написания не получила широкого распространения. Таким образом, пролонгирование в письменной речи нового правописного варианта вызывает большие сомнения в силу нецелесообразности, новизны, узости распространения, несоответствия орфографической традиции и отсутствию стихийной узуализации.

Собственно морфологическая вариантная пара
виски (м. р.) и виски (ср. р.)

Исходя из данных новейших толковых словарей [3; 10; 8], остается неясным, к какому же грамматическому роду относится данное несклоняемое существительное, так как в словарях указывается, что квалификация этого слова как существительного мужского и среднего рода одинаково правомочна и нормативна в современном языке. Аналогичная картина наблюдается и относительно родовариантной корреляции слова *мартини*. Словари более поздних лет издания [1, 6] дают только один вариант родовой отнесенности слова *виски* — средний род. Но можно ли с полной уверенностью утверждать, что за словом уже закрепились только одна родовая отнесенность? Если использовать предложенные параметры оценки потенциала вариантов, то прогноз не будет столь однозначным. Во-первых, оба варианта (*шотландское виски* и *крепкий виски*) широко употребительны в устной и письменной речи; во-вторых, оба варианта (м. р. и ср. р.) были кодифицированы как равноправные к концу XX века, а вариант среднего рода как единственно возможный кодифицирован только недавно; в-третьих, оба варианта являются стилистически нейтральны-

ми, в связи с чем находятся в транслятивной силовой зоне; в-четвёртых, хотя в настоящее время действие интралингвистического закона формальной аналогии (отнесение несклоняемых неодушевленных существительных к среднему роду (напр., давно освоенные *такси, фортепиано, кашне* и аналогичные) превалирует над законом семантической аналогии (*виски, мартини* — сущ. м. р.), так как это напиток, тем не менее насильственная кодификация неологизмов последних лет заимствования вряд ли осуществима и оправданна за такой короткий промежуток времени в связи с теоретической неопределенностью формы. Существующие параллельно в течение длительного периода времени конкретные родовариантные корреляции (*кофе* — м. р. и ср. р.) служат предостережением от преждевременного прогнозирования. В-пятых, оба родовых варианта лексем *виски* находятся в аугментарной стадии конкуренции, так как оба соответствуют прототипам существительных как мужского (семантическая аналогия), так и среднего рода (формальная аналогия); и, наконец, в-шестых, оба варианта стихийно и целенаправленно узуализированы. Поэтому, несмотря на последние данные толковых словарей и словарей иностранных слов, нельзя говорить об окончательной победе варианта *виски* как существительного среднего рода, хотя нельзя не признать, что его перспективный потенциал выше.

Морфолого-фонематические варианты *умнее — умней*

Два параллельно существующих варианта синтетического компаратива прилагательного *умный*: *умнее — умней*: а) широко употребительны, б) оба императивны, в) являются общеупотребительными, г) стилистически нейтральны, хотя форма на *-ей* больше характерна для разговорной речи, д) соответствуют прототипу образования формы синтетического компаратива в современном русском языке (равноправные формообразовательные морфы *-ее, -ей*), е) находятся в сильной зоне, ж) целенаправленно узуализированы, з) находятся в аугментарной стадии конкуренции. Если говорить о перспективе пролонгирования варианта, то, согласно активно действующему в настоящее время интралингвистическому закону экономии языковых средств и стремления морфологической подсистемы к унификации формообразования, можно прогнозировать в будущем нарастающую конкуренцию анализируемых вариантов с превалированием односложного редуцированного варианта формообразования с суффиксом *-ей*.

Исходя из результатов анализа представленных экземплификаторов, можно сделать вывод о том, что использование предложенных критериев потенциала каждого варианта даст возможность определить перспективы динамики каждого из КВС членов вариантной пары (ряда) в эволюции языковой системы. Как правило, вариантность, будучи, с одной стороны, следствием и, с другой стороны, стимулом и движущей силой эволюции языковой системы и ее подсистем, позволяет выбрать наиболее перспективную форму, которая должна соответствовать возможностям и закономерностям системы данного языка и тенденциям динамики ее подсистем.

1. *Большой* грамматический словарь: В 2-х т. / Под ред. А. Н. Тихонова. — М., 2006.
2. *Большой* орфографический словарь русского языка. — М: Оникс 21 век, 2003.
3. *Большой* толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 1998.
4. *Гамова О. Л.* О научном становлении лингвистической прогностики // Мат-лы Всероссийской конференции “Проблемы лингвистической прогностики / Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурные коммуникации. — 2002, №3. — С. 17.
5. *Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. — М., 2004.
6. *Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В.* Новый словарь иностранных слов. — М., 2006.
7. *Касаткина М. Л., Каленчук Р. Ф.* Словарь трудностей русского произношения. — М., 1997.
8. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М., 2002.
9. *Мельничук А. С.* Язык как развивающаяся реальная система // Диалектика развития языка: Тез. докл. — М., 1980. — С. 16-17.
10. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Словарь русского языка. — М., 1998.
11. *Орфографический* словарь русского языка АН СССР ИРЯ / Под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова, А. Б. Шапиро. — М., 1969.
12. *Орфографический* словарь русского языка РАН. — М., 1991.
13. *Орфоэпический* словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. / Под. ред. Р. И. Аванесова. — М., 1989.
14. *Резниченко И. Л.* Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. — М., 2004.
15. *Рылов Ю. А.* Из истории лингвистической прогностики // Материалы Всеросс. конф. “Проблемы лингвистической прогностики / Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурные коммуникации. — 2002, №3. — С. 3.
16. *Словарь* русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — 1980—1984.

N. V. Khrutska

LINGUISTIC PROGNOSIS OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE NORM BASED ON LANGUAGE UNITS VARIANTS' COMPETITION

The article states that usage of criteria proposed by the author based on represented exemplifiers' analysis of Results makes it possible to determine dynamic prospects for every variant pair member in the language system evolution as well as from the point of view of prolongation and functioning prospects in the literature language.

Keywords: linguistic prognosis, coexistential word variant, potential, competitiveness, variability.

Н. В. Хруцька

ЛІНГВІСТИЧНЕ ПРОГНОЗУВАННЯ ЛІТЕРАТУРНОЇ НОРМИ СУЧАСНОЇ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ НА ОСНОВІ КОНКУРЕНЦІЇ ВАРІАНТІВ МОВНИХ ОДИНИЦЬ

Виходячи з результатів аналізу репрезентованих екземплярів, у статті доводиться, що використання запропонованих автором критеріїв надасть можливість визначити перспективи динаміки кожного з членів варіантної пари (ряду) в еволюції мовної системи і з точки зору перспектив пролонгування та функціонування в літературній мові.

Ключові слова: лінгвістичне прогнозування, коекзистенційний варіант слова, потенціал, конкурентноздатність, варіативність.

УДК 81r1:81r246.2

З. И. Высоцкая, Г. Д. Джунусалиева

Интерференция как лингвистический феномен и её проявление в условиях билингвизма близкородственных языков

Исследуется лингвистическая природа интерференции в условиях русско-украинского билингвизма. Рассматриваются принципы изучения интерференции в психологии, психолингвистике, социолингвистике и др. науках. Анализируются основные положения теории контактной лингвистики. Дается определение межъязыковой интерференции на уровне взаимодействия близкородственных языков.

Ключевые слова: интерференция, межъязыковая интерференция, интерференционные процессы, интерферема, билингвизм, билингв, контактная лингвистика, язык-источник, язык-реципиент.

Объектом изучения данной статьи является лингвистическая природа интерференции, а именно: её фонетический, грамматический и лексический виды, складывающиеся на уровне взаимодействия близкородственных языков (в нашем случае русского и украинского) на территории такого специфического в языковом отношении региона, как Одесса и Одесская область.

Цель настоящего исследования — анализ взаимодействия языковых систем в лингвистическом аспекте в рамках вышеперечисленных направлений интерференции в условиях русско-украинского билингвизма (на первой позиции указан доминантный, родной, язык).

Актуальность работы обусловлена постоянно возрастающим в последнее время интересом ученых—лингвистов к вопросу изучения языковых контактов, бурное развитие которых объясняется объективными политическими, экономическими, социальными, культурными и т. д. причинами, связанными с интеграционными процессами, происходящими в современном мире. То есть *предметом* изучения является конкретная ситуация проявления интерференции в условиях двуязычия.

Так, М. Ф. Кондакова, рассматривающая языковые контакты как объект лингвистического исследования, считает, что сегодня изучение этой темы представляет собой самостоятельное направление, и, соглашаясь с теоретической точкой зрения ведущих зарубежных и отечественных языковедов (У. Вайнрайх, Э. Хауген, Ю. А. Жлуктенко, Т. П. Ильяшенко, В. В. Климов и др.), говорит о “лингвистике языковых контактов”, “контактной лингвистике” [7: 52].

Выдвигая на первый план вопросы изучения языковых контактов и непосредственно связанный с ними феномен интерференции, авторы статьи исходят из того, что именно интерференцией объясняются многие фонетические, грамматические и лексические особенности, проявляющиеся в речевой деятельности индивидуума как в процессе изучения иностранного языка, так и в ситуации двуязычия.

“*Интерференция*” — термин латинского происхождения, обозначающий в переводе: “*inter*” — *между собой, взаимно* и “*ferio*” — *касаюсь, ударяю*, впервые начали использовать физики для определения названия процесса наложения волн, ведущих к их взаимному усилению или ослаблению [8: 197]. Интерференция как явление изучается не только в лингвистике, но и в психологии, психолингвистике, социолингвистике, методике преподавания иностранных языков.

В психологии интерференция рассматривается как возникновение препятствий и помех вследствие переноса навыков и умений из одного вида деятельности в другой. Здесь учитывается психолингвистическая сторона интерференции, так как форма речевых произведений, вызванных данным явлением, обусловлена функционированием психофизиологических механизмов их порождения. В этом случае интерференция представляется как процесс, обусловленный объективными расхождениями конфликтного взаимодействия речевых механизмов. Это взаимодействие проявляется в речи билингва как отклонения от закономерностей одного языка под влиянием негативного взаимодействия другого [11: 141].

Психолингвистика трактует интерференцию как неотъемлемую составную часть процесса постепенного проникновения того или иного иноязычного элемента в систему воспринимающего языка во время овладения последним. Такие известные ученые, как У. Вайнрайх, А. С. Дьяков, Т. Р. Кияк, Н. Б. Мечковская, Р. К. Миньяр-Белоручев, Л. В. Щерба и другие, исследующие проблему интерференции в психолингвистическом плане, исходят из основных посылок теории усвоения языка, теории речевой коммуникации, в частности, порождения речевого высказывания. Они объясняют интерференцию как явление, сопутствующее взаимодействию двух языковых систем в сознании билингва, как “нарушение правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы” [1: 22].

В центре внимания социолингвистики как отрасли лингвистического знания находятся национальные особенности функционирования языков, а также описание взаимодействия языков и культур в их современном состоянии, в условиях расширяющихся и углубляющихся контактов между странами. Именно процессы интеграции, происходящие в современном мире, на первый план выдвигают вопросы успешности и эффективности межкультурной коммуникации, представляющей общение людей, относящихся к разным культурам. В монографии “Язык и культура” Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяют межкультурную коммуникацию как “адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам” [3: 26].

Методика преподавания иностранного языка характеризует интерференцию как отрицательный результат неосознанного переноса прежнего лингвистического опыта, как тормозящее влияние родного языка (языка-источника, или доминантного, доминирующего языка) на изучаемый язык (язык-реципиент). То есть с методической точки зрения в плане овладения вторым языком интерференция — явление негативное, но возникающее объективно и неизбежно.

Современная лингвистика рассматривает проблему интерференции в рамках языковых контактов, понимая под данным явлением “случаи отклонения от норм языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате знакомства с другими языками” [12: 62]. Уточняя приведенное определение Э. Хаугена в контексте принципов контактной лингвистики, можно сделать вывод, что при явлении интерференции происходит нарушение билингвом норм и правил соотношения двух контактирующих языков.

Прежде чем непосредственно приступить к анализу объекта нашего исследования, авторы считают необходимым и целесообразным более детально рассмотреть такое языковое явление,

как билингвизм, поскольку интерференция, безусловно, является порождением и спутником двуязычия.

“Билингвизм... представляет собой психический механизм (знания, умения, навыки), позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам” [2: 134].

По У. Вайнрау билингвизм — практика попеременного пользования двумя языками, а лиц, ее осуществляющих, он определяет как двуязычных [1: 22]. Н. Б. Мечковская также называет двуязычием использование нескольких языков одними и теми же лицами в зависимости от ситуации общения [10: 368].

Поскольку языки всегда отличаются объёмом выполняемых ими функций, социальному престижу и рядом других моментов, практика двуязычия никогда не бывает симметричной, сбалансированной не только в речевой деятельности каждого отдельного билингва, но и в обществе в целом, так как при постоянном контакте двух языков один из них стремится стать доминирующим. Так, ситуацию сосуществования двух языков в одной стране Л. Масенко определяет как “состояние неустойчивого равновесия”, основываясь на практике двуязычия современного украинского общества [9: 32].

Безусловно, что билингв как индивидуум, личность является посредником между своей и чужой культурами. В случае, когда билингвизм становится массовым, он может размыть фундамент национальной культуры, тормозить развитие родного языка, что может способствовать его исчезновению. Итак, массовый билингвизм — явление принципиально отличное от билингвизма индивидуального, так как тотальное двуязычие, которое наблюдается сегодня в некоторых городах и областях на территории Украины, способствуя процессам смешивания русской и украинской языковых норм, является, по нашему убеждению, одной из причин интерференции в речи билингвов.

Таким образом, в языковом сознании индивидуума—билингва, владеющего двумя или более языками, отдельные черты второго (неродного) языка могут встречаться в системе родного (доминантного) языка и наоборот. В таких случаях говорят об интерференции двух языковых систем. То есть межъязыковая интерференция, по мнению авторов, — результат неправильного программирования речевого высказывания, проявляющегося в речи билингва на неродном языке, вызванного влиянием родного языка.

Рассуждая о практике двуязычия в обществе, мы пришли к выводу, что при постоянном контакте один из языков стремится стать доминирующим. В этой связи мы ссылались на исследование Л. Масенко “Мова і політика” и говорили о том, что сосуществование двух языков в одной стране всегда представляет состояние некоего неустойчивого равновесия, при котором, в свою очередь, возможна в будущем реализация двух тенденций: первая — медленный постепенный переход к одноязычию, вторая — разделение государства по языковому признаку [9].

Явление интерференции, безусловно, вытекает из механизмов билингвизма. Так, по мнению Ю. Д. Дешериева, межъязыковая интерференция возникает в “процессе взаимодействия, взаимовлияния структур и структурных элементов двух основных компонентов билингвизма в процессе речевой деятельности билингвов” [4: 28].

Напомним, что проблема интерференции в лингвистике рассматривается как взаимодействие языковых систем в процессе непосредственного контакта двух или нескольких языков, то есть, говоря точнее, процесс непосредственных языковых контактов сопровождается интерференцией.

В сферу лингвистики термин “*интерференция*” был впервые введен учеными—языковедами Пражского лингвистического кружка. основополагающий термин (“*language(s) in contact*”, “*language contacts*”) был предложен французским лингвистом Андре Мартине в 1952 году. Широкое признание термин получил после выхода в свет фундаментальной монографии Уриэля Вайнрайха “*Languages in contact*” (“Языковые контакты”, 1953 год). Именно этого выдающегося ученого по праву считают основателем контактной лингвистики, заложившим базовые направления её изучения. У. Вайнрайх предлагает называть интерференцией случаи отклонения от норм любого из языков, происходящие в результате владения двумя и более языками, то есть вследствие языкового контакта [1: 22].

Ведущие современные российские и украинские лингвисты в своих научных трудах, например, Е. М. Верещагин (“Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма)”), А. С. Дьяков, Т. Р. Кияк (“До питання про класифікацію мовних інтерференцій”), В. В. Климов (“Языковые контакты. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка”), Н. Б. Мечковская (“Социальная лингвистика”), Р. К. Миньяр-Белоручев (“Толковый словарь терминов методики обучения языкам”), О. А. Шаблій (“Міжмовна інтерференція як психолінгвістична універсалія”), Л. В. Щерба (“Языковая система и речевая деятельность”) в основных чертах разделяют позиции своих зарубежных коллег по данному вопросу.

Так, В. В. Климов считает, что интерференция является результатом наложения двух языковых систем в процессе речевой деятельности [6: 287]. Н. Б. Мечковская полагает, что интерференция — ошибки в речи на иностранном языке, вызванные влиянием системы родного языка [10: 368]. На наш взгляд, наиболее полное современное определение интерференции предлагает В. А. Виноградов: “Интерференция ... взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении народного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного” [8: 197].

Авторы настоящей статьи разделяют теоретические взгляды вышеперечисленных учёных-языковедов, рассматривающих проблему интерференции в рамках языковых контактов, опираясь при этом на концептуальные положения контактной лингвистики. Суть данной концепции состоит в следующих принципах изучения интерференции. В условиях индивидуального билингвизма действует психологический фактор влияния языковых знаний и речевых навыков, которыми индивидуум (билингв) владеет в области одного языка, на его знания и умения при говорении на другом языке. При этом уровень интерференции зависит от уровня владения билингва этими языками. Психология индивидуального билингвизма так или иначе создает условия для психологии социального билингвизма, в результате которого интерферируемые элементы становятся фактом языковой системы и могут в большей или меньшей степени влиять на специфику развития языка в условиях языкового контакта. Именно такая точка зрения позволяет представлять соответствующие факты преобразования языка как материал для изучения интерференции среди индивидуумов и общественных групп, которые в своей коммуникативной практике пользуются одновременно несколькими языками.

Общепринято, что интерференция проявляется как иноязычный акцент в речи билингва; он может быть стабильным (как характеристика речи коллектива) и преходящим (как особенность чьего-либо идиолекта).

Интерференция способна охватывать многие уровни языка, но особенно заметна в фонетике. Главный источник интерференции — расхождения в системах взаимодействующих языков: различная интонация, различный фонемный состав, различные правила позиционной реализации фонем, их сочетаемости, различное соотношение дифференциальных и интегральных признаков, различный состав грамматических категорий, различные способы их выражения.

На страницах специальной литературы в последнее время появляются попытки дифференциации и классификации разных видов языковой интерференции. Так, например, интерференция дифференцируется в зависимости от:

- вида речевой деятельности на импрессивную (рецептивную) или экспрессивную (продуктивную);
- формы проявления на явную или скрытую; внутриязыковую (внутреннюю) или межъязыковую (внешнюю);
- результата на затрудняющую, нарушающую или разрушающую;
- действия на прямую, обратную или двустороннюю.

Кроме того, современные методисты говорят о следующих видах интерференции:

- явной и скрытой (по характеру проявления);
- внешней и внутренней (по происхождению);
- прямой и косвенной (по характеру переноса навыков родного языка на изучаемый иностранный язык);
- фонетической, грамматической, орфографической, лексической, лингвострановедческой, культурной (по лингвистической природе — уровневой).

Українські лінгвісти А. С. Дьяков і Т. Р. Кияк пропонували свою класифікацію, в якій виділяються свідомі і підсвідомі мовні інтерференції [5: 40]. Вчені систематизують інтерференції за лінгвістичними критеріями (в залежності від об'єкта їх впливу) і за екстралінгвальними (в залежності від соціолінгвістичних умов і факторів). Відповідно до лінгвістичного критерію мовознавці виділяють фонетичні, граматичні і лексичні підсвідомі інтерференції, які знаходяться в стані природного впливу однієї мови на іншу.

Вважається, що чим менше етнічна дистанція (наприклад, росіяни і українці), тим більш суттєвими є семантичні відмінності між порівнюваними лексемами. Тобто, інтерференція активніша і небезпечніша там, де комуніканти знаходяться в стані зовнішнього подібності форм і значень. Саме це обставина повністю стосується сфери функціонування російської і української мов.

Існування двох споріднених мов визначає взаємовідносини російської і української мов в деяких областях полікультурного простору України, зокрема, Одеси і Одеської області.

Ще нещодавно, в період існування Радянського Союзу, на території Одеси і Одеської області розмовляти по-українськи, читати українські видання, вивчати українські традиції, звичаї, пісні було абсолютно не прийнято. Звичайно, така ситуація привела до різкого зниження рівня володіння рідною мовою навіть в середовищі етнічних українців. Для російськомовного населення, оскільки сфера функціонування української мови всього лише, слід погодитися, в достатній мірі була штучно звужена, відсутня мотивація вивчати іншу, українську, мову.

Мовна ситуація в корені змінилася після 1991 року, коли українська мова отримала статус державної мови, що законодавчо було зафіксовано в Конституції України, і почала активно функціонувати в усіх сферах суспільного життя молодого держави. Природно, зросло і число людей, володіючих уже як російською, так і українською мовами. В цій частині наших роздумів ми вкотре підійшли до мети даної статті — дослідженню інтерференції як лінгвістичного феномена, що проявляється в ситуації мовного контакту в умовах двомовності. Так, в мові людей, домінуючою мовою яких є російська, зустрічаються помилки на фонетичному, граматичному, лексичному, а також синтаксичному рівнях, викликані впливом рідної мови.

В умовах міжмовного простору, що склався в Одесі і Одеській області, проблеми російсько-української і українсько-російської інтерференції пов'язані з розвиваючимся білінгвізмом населення.

Проілюструємо на фактичному матеріалі прояви інтерференції, що відбуваються на фонетичному, граматичному і лексичному рівнях внаслідок російсько-українського двомовності, тобто взаємодії двох споріднених мов.

Нагадаємо, що інтерференція більш помітна на фонетичному рівні і знаходить своє вираження передусім в акценті мовлячого. Системи російської і української мов характеризуються відмінностями в фонології, що пояснює наявність стійких порушень нормативного вимовлення, що виникають в мові однієї людини або цілої групи. Наприклад, під впливом фонетичної системи російської мови в українській мові можуть використовуватися комбінаторні або позиційні варіанти фонем, які не відповідають звукам в українській мові згідно літературних норм. Так, зустрічається оглушення голосних на кінці слова, слога або на стику фонем (як відомо, в українській мові нормою вважається відсутність такого оглушення): *наро[т]*, *вигля[т]*, *хлі[п]*, *любо[ф]*, *забе[с]печити*, *ві[т]повідати*, *ка[с]ка*, *моро[с]*. Виникає пом'якшення голосних *р*, *ч*, *ш* і *щ* в позиціях, де вони відповідно до орфоепічних норм української мови повинні вимовлятися як тверді: *Сибі[р']* (укр. *Сибі[р]*), *[ч'о]го* (укр. *[чо]го*), *[ш'ч'о]* (укр. *що [щчо]*). Проявляється «аканьє», характерне для російської мови і являючись ненормативним в українській: *наша мол[ат']* (*наша молодь*).

Слід пам'ятати, що фонетична якість звуків в значній мірі може варіюватися як через умови комунікації, так і через індивідуальні особливості мовлячого.

Грамматичний рівень інтерференції, по нашому мнению, обумовлений невольною інтерпретацією граматичних категорій другої мови крізь призму першої, пов'язаною пре-

жде всего с нарушением морфологических норм. Так, русские, изучающие украинский язык, относят украинские существительные мужского рода *біль, розпродаж, посуд, Сибір, ярмарок* (рус. *боль, распродажа, посуда, Сибирь, ярмарка*) к женскому роду в соответствии с нормой русского языка. Эта же закономерность прослеживается при образовании в украинском языке множественного числа некоторых существительных мужского рода в соответствии с нормой русского языка: *вчителя* (вместо *вчителі*), *друзя* (вместо *друзі*), *ректора* (вместо *ректори*).

Несмотря на то, что в условиях русско-украинского двуязычия ошибки, связанные с нарушением морфологических норм украинского языка, встречаются гораздо реже, чем на фонетическом уровне, они являются более стойкими и с трудом поддаются корректировке.

К распространённым интерференционным ошибкам на морфологическом уровне, на наш взгляд, можно отнести также интерферемы в украинской речи билингов, моделирующие части речи русского языка: образование действительных причастий (*запобігший, наступивший*); образование степеней сравнения прилагательных (*самий нижчий* вместо *найнижчий*); образование форм деепричастий (*малюя* вместо *малюючи*); склонение сложных числительных (*п'ятдесяти* вместо *п'ятдесяти*).

Известно, что уровень морфологии — один из самых стойких к влиянию других языков. Однако интерференционные процессы русского и украинского языков в этом направлении достаточно активны и последовательны. Главная причина интерференции на этом уровне — близость языковых систем (наличие общих грамматических категорий, а также способов выражения грамматического значения, несмотря на имеющиеся отличия их использования в определённых лексемах).

Интерференция на лексическом уровне проявляется в реализации лексических единиц одного языка в другом, то есть интерферемами становятся простые заимствования из русского языка. Подобный перенос может осуществляться в любом варианте: лексемы родного языка могут проникать во второй язык и наоборот. Такое “движение” лексем в каждом конкретном случае в значительной степени можно объяснить недостатком лексического запаса в украинской речи билинга. Обычно подобные переносы-заимствования встречаются тогда, когда соответствующее слово языка-реципиента не является однокоренным словом языка-источника: *доктор* (вместо *лікар*), *точка* (вместо *крапка*), *кип'яток* (вместо *окріп*), *конфети* (вместо *цукерки*) и т. д.

В рамках лексической интерференции рассматривается так называемая семантическая интерференция, представляющая собой расширенное значение слов (уже существующих в языке) за счёт значений тех же лексем в доминантном языке. Такой процесс является характерным при контакте близкородственных языков, поэтому особенно активно проявляется в ситуации русско-украинского билингвизма. Так, например, ненормативным является употребление сочетания *не дивлячись на* (калька русского предлога *несмотря на*) вместо имеющегося в украинском языке эквивалента *незважаючи на*. Широко распространённое неправильное употребление выражения *я рахую, що* объясняется тем, что говорящий конструирует синтагму (фразу, предложение, текст) сначала на русском языке (*я считаю, что*), а затем фрагментарно переводит каждое слово на украинский, автоматически вспоминая в момент речи наиболее часто встречающийся вариант перевода русского слова на украинский. То есть в данном случае выражение *я рахую, що* также является буквальным переводом двуязычным индивидуумом русского оборота *я считаю, что* (соответствие в украинском языке — *я вважаю, що*).

Примером лексической интерференции является так называемая межъязыковая омонимия, к которой относятся, к примеру, слова: русск. *гадать* — *сомневаться*, укр. *гадати* — *думать, мыслить*; русск. *неделя* — *семь дней*, укр. *неділя* — *воскресенье*; русск. *мешкать* — *медлить*, укр. *мешкати* — *проживать* и т. д.

К лексической интерференции следует отнести возникновение новообразований на уровне фразеологизмов и устойчивых выражений, которые являются либо кальками русского языка, либо комбинацией элементов устойчивых выражений русского и украинского языков. Например: *приймати заходи* (русск. *принимать меры*, укр. *вживати заходів*), *задати питання* (русск. *задать вопрос*, укр. *поставити питання*), *нікому і в голову не приходило* (русск. *и в голову не приходило*, укр. *і на думку не спадало*) и т. д.

Поскольку лексика — наиболее подвижный, постоянно развивающийся, открытый для проникновения новых единиц раздел языковой системы, естественно, что интерференционные

процеси здесь наиболее активны и трудно контролируемы. Кроме того, безусловным репрезентатором русско-украинской интерференции, выражающейся в отклонениях от норм украинского языка под влиянием русского и проявляющейся на всех уровнях языковой системы, является язык средств массовой информации, изучение которого может быть предметом отдельного научного исследования.

В заключение авторы считают важным прокомментировать следующий момент. Мы полагаем, что именно интерференционные процессы в условиях русско-украинского билингвизма способны объяснить природу такого специфического украинского языкового явления, как *суржик*. В русском языкознании данный языковой феномен практически не исследован, однако украинские лингвисты сущность этого явления обсуждают достаточно активно (М. Стриха, Л. Ставицкая, В. Труб, М. Флаер и др.).

Таким образом, обобщая многочисленные подходы к проблеме межъязыковой интерференции и проанализированный в данной статье фактический материал, авторы пришли к выводу, что интерференция как лингвистический феномен, безусловно, одно из интереснейших и нуждающихся в дальнейших специальных научных исследованиях явлений, происходящих в языках, непосредственно вступающих в контакт.

Сам термин, на наш взгляд, более точно трактуется теми учёными в области психологии, языковедения, лингводидактики, которые используют его для обозначения результатов взаимодействия языков.

Мы предприняли попытку рассмотреть явление интерференции в нескольких аспектах и убедились в том, что в центре внимания исследователей находится прежде всего языковой, “контактный”, материал, которым они оперируют, доказывая свои теоретические взгляды, и который даёт основания заниматься исследованием проблемы интерференции. В таком материале обнаруживаются факты нарушения языковых норм, правил, закономерностей одного из контактирующих языков под влиянием другого.

Анализ взаимодействия систем русского и украинского языков на всех уровнях в условиях билингвизма позволяет сделать вывод о том, что межъязыковая интерференция — результат неправильного программирования речевого высказывания, проявляющегося в речи билингва на неродном языке (языке-реципиенте), вызванного влиянием родного языка (языка-источника).

1. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. — К.: Вища школа, 1979.
2. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 1990.
3. *Дешериев Ю. Д.* Основные тенденции функционирования и развития национально-русского двуязычия // РЯвНШ. — 1978. — №2. — С. 26 — 32.
4. *Дьяков А. С., Кияк Т. Р.* До питання про класифікацію мовних інтерференцій // Мови європейського культурного ареалу: проблеми розвитку і взаємодії: Тези доповідей Першої міжнар. наук. конф. пам'яті проф. Ю. А. Жлуктенка (1915–1990). — Київ, 1995.
5. *Климов В. В.* Языковые контакты. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. — М.: Наука, 1970.
6. *Кондакова М. Ф.* Языковые контакты как объект лингвистического исследования // Уральские лингвистические чтения. — 2001. — №14. — Екатеринбург: УрГПУ. — С. 50 — 58.
7. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
8. *Масенко Л.* Мова і політика. — К.: Соняшник, 1999. — 101 с.
9. *Мечковская Н. Б.* Языковой контакт. Общее языкознание. — Минск, 1983. — 456 с.
10. *Психологической словарь* / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Педагогика — Пресс, 1996. — 440 с.
11. *Хауген Э.* Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. — М.: Прогресс, 1972. — С. 61–80.

Z. I. Vysotska, G. D. Dzhunusaliyeva

**INTERFERENCE AS LINGUISTIC PHENOMENON AND ITS DISPLAYING
IN THE CONDITIONS OF CLOSELY-RELATED LANGUAGES' BILINGVISM**

Linguistic nature of interference is investigated on phonetic, grammatic, lexical levels in conditions of russian-ukrainian bilingvism.

Key words: interference, interlingual interference, interference processes, interferems, bilingvism, bilingv, contact linguistics, language-source, language-recipient.

З. І. Висоцька, Г. Д. Джунусалієва

**ІНТЕРФЕРЕНЦІЯ ЯК ЛІНГВІСТИЧНИЙ ФЕНОМЕН ТА ЇЇ ВИЯВ В УМОВАХ
БІЛІНГВІЗМУ СПОРІДНЕНИХ МОВ**

Досліджується лінгвістична природа інтерференції на фонетичному, граматичному, лексичному рівнях в умовах російсько-українського білінгвізму.

Ключові слова: інтерференція, міжмовна інтерференція, інтерференційні процеси, інтерферени, білінгвізм, білінгв, контактна лінгвістика, мова-джерело, мова-реципієнт.

Отражение мирового финансового кризиса в СМИ Финляндии

В данном сообщении рассматривается, как финские СМИ репрезентируют общемировой экономический кризис на региональном уровне: какие дискурсы актуализируются и каким образом. Языковой материал для исследования собран из двух ежедневных газет за март 2009 года. Оказывается, что в СМИ говорится не только в драматичном, мрачном тоне о неприятных последствиях кризиса (сокращение численности работников путем их временного или полного увольнения, ликвидация предприятий), но и активно обсуждаются пути преодоления кризиса и фиксируются первые признаки оживления экономики.

Ключевые слова: экономический дискурс, глобальный кризис.

В мире царит глобальный экономический кризис. Ни одна страна не миновала его. Однако каждая страна переживает кризис по-своему. Поскольку Финляндия уже пережила период глубокого кризиса в начале 1990-х гг., можно предположить, что финская общественность, обладающая опытом, относится к настоящему экономическому кризису более рационально.

В этом сообщении мы рассмотрим, как финские СМИ репрезентируют общемировой экономический кризис на региональном уровне, какие события и явления выдвигаются на передний план, какие дискурсы актуализируются и каким образом. То есть, в нашем анализе мы обратим внимание на лингвистические явления, но, кроме того, попытаемся истолковать, учесть окружающий социально-культурный контекст, показать отражение финского общества и его истории в репрезентации кризиса.

Языковой материал для исследования (ок. 160 газетных сообщений) был собран из двух финских ежедневных газет — “*Karjalainen*” (далее КА, выходит в восточной Финляндии в г. Йюэнсуу тиражом 113 000 экз.), и “*Keskisuomalainen*” (далее КЕ, выходит в Средней Финляндии в г. Ювяскюля тиражом 171 000 экз.) — за март 2009 года. Данный период времени выбран, поскольку в прессе он определялся как начало кризиса. 28 февраля КЕ пишет, что “*Финляндия погрузилась в депрессию*”.

Собранные тексты представляют собой материалы разных жанров — заметок, информационных интервью, репортажей, содержащих наряду с изложением актуальных фактов также изложение мнений разных экспертов. Это объясняется характером описываемого явления: в центре внимания находится прогноз развития экономического кризиса. Тема экономического кризиса обсуждается в финских газетах на трех уровнях: на мировом, внутригосударственном и локальном. Две первые точки зрения создают фон для рассмотрения местных проявлений кризиса.

Кроме характеристики экономического кризиса как конкретного процесса, сама лексема “кризис” представляет интерес для лингвиста. В словарях она имеет следующие значения — “тяжелое, нестабильное состояние, положение чего-л., где-л. и острый недостаток, нехватка чего-л.” [1]; “такой момент, когда ситуация может внезапно стать хуже, острый дефицит, нехватка чего-либо” [2]. В настоящее время она ассоциируется носителями русского языка, в первую очередь, со сферами политики и экономики: *политический, экономический, банковский кризис, кризис власти* и т. д. Кризис считается стихийным и самостоятельным процессом, который действует сам по себе, обозначая чаще всего развитие или фазы кризиса-процесса: *кризис назрел, настал, продолжается, кончился*. Он характеризуется прилагательными, усиливающими его семантику до максимума (*величайший, острейший кризис*) или придающими отрицательную оценку (*жесточкий, страшный кризис*) [3:127–129].

По мнению Н. И. Клушиной [4:88], именно “оценочность — это универсальная черта публицистического стиля”. С ней тесно связана другая стратегия, т. е. стратегия номинации, являющаяся базовой стратегией данного стиля. Эта стратегия четко прослеживается в анализируемых финских газетных текстах. В них употребляется лексема “kriisi” (рус. “кризис”), обозначающая “обостренную ситуацию, которая стала хуже; перелом; ситуация, которая является опасной, тяжелой, исключительной” [5]. Согласно определению, существительное “kriisi” имеет явную отрицательную коннотацию. Оно чаще всего используется как часть сложного слова “talouskriisi” (“экономический кризис”; здесь и далее перевод на русский язык приводится в скобках после финского слова). Существительное “talouskriisi” встречается в контекстах финансового кризиса, который не коснулся финских банков конкретно, или при характеристике последствий экономического кризиса в разных странах мира. Таким образом, можно наблюдать тенденцию почти не использовать слово “кризис” по отношению к экономике Финляндии.

Выбор номинации не нейтрален по отношению к предмету речи [6:11]. В финских газетах вместо лексемы “kriisi” чаще всего предпочитают близкие ее синонимы, а именно лексемы “taantuma” (“рецессия, упадок, экономический спад”) и “lama” (“депрессия, застой”). С помощью подобного именованья в социуме формируется иная, в данном случае, более “мягкая” репрезентация рассматриваемого явления. Итак, здесь через анализ языкового выражения раскрывается оценка, даваемая отправителем сообщения. Однако следует заметить, что часто используемые в финских СМИ слова “рецессия” и “депрессия” являются также терминами экономики. Они более подробно характеризуют фазы экономического кризиса. На самом деле, из-за циклического характера кризиса для дискурса о нем характерно прослеживание изменений, темпов и актуальной фазы кризиса. Общеизвестно, что мировой финансовый кризис перешел в рецессию, т. е. в состояние экономического спада.

Рецессия официально наступила в Финляндии только в конце февраля 2009 года, так как валовой национальный продукт Финляндии сократился на протяжении 2-х кварталов подряд [КА 1. 3.]. Эта точная характеристика ситуации в стране явно играет большую роль в сообщениях о тяжелом экономическом положении, и состояние экономики Финляндии оценивается в середине марта с. г. уже как *глубокая рецессия, но пока не как депрессия* [КА 18. 3.]. После депрессии, как правило, начинается фаза оживления экономики.

В передаче возникновения, причин и последствий сегодняшнего экономического кризиса роль средств массовой информации огромна: формируя представления о кризисе, они тем самым воздействуют на широкую читательскую аудиторию. Как отмечает Н. И. Клушина [4:76–81], “Дискурс массовой коммуникации — это особый, воздействующий тип дискурса. И, следовательно, публицистический текст обладает мощной воздействующей силой”. Репрезентации, которые им создаются, например, в области политики и экономики, безусловно, влияют на сознание и даже поведение массового адресата СМИ. Согласно опросам, финны считают, что *СМИ являются сильным фактором, формирующим общественное мнение* [КА 18. 3.]. Об этом свидетельствуют также высказанные читателями мнения о том, что СМИ усиливают кризисную атмосферу, *разжигая настроение обстановки депрессии* [КА 10. 3.].

Анализ текстов показывает, что в данных газетах об экономическом кризисе говорится не только в драматичных мрачных тонах, но и активно обсуждаются пути преодоления кризиса и фиксируются первые признаки оживления экономики. Эти два основных дискурса — отрицательные последствия кризиса и первые шаги в сторону выхода из кризиса — включают, в свою очередь, несколько поддискурсов, которые более подробно сообщают, какие именно факты, мнения и т. п. выдвигаются в текстах.

Как можно было ожидать, дискурс отрицательных сторон, последствий кризиса преобладает. В большинстве текстов сообщается о том, как целые фирмы и предприятия реорганизуются, закрываются, многие работники переходят работать в режиме неполной рабочей недели или лишаются работы на определенное время: *“Nokia” закрывает свой филиал в г. Ювяскюле* [КЕ 28. 3.]. *Целлюлозная фабрика “Eposcell” будет закрыта до конца текущего года (160 работников из 188 будут отправлены в принудительный отпуск до конца года)* [КА 12. 3.].

Как следствие этого, ситуация на рынке труда обостряется, сокращаются рабочие места из-за массовых увольнений и растет число безработных: *Шведская автомобильная компания SAAB увольняет 750 человек* [КЕ 14. 3.]. *Безработица ударит по крупным городам южной Финляндии* [КА

11. 3.]. По финскому законодательству процесс увольнения начинается с переговоров с персоналом и сокращения должны быть мотивированы экономическими трудностями на предприятиях: *Предприятие Кесла* [производитель лесозаготовительного оборудования и техники] **вынуждено** было повторно начать переговоры с персоналом [КА 11. 3.]. Финансовый концерн Nordea проявляет известную осторожность и рассудительность на рынке балтийских стран, о чём говорит заголовок КЕ [28. 3.]: *Nordea тормозит* [развитие банковского сектора] в Балтии.

Отрицательные последствия сказываются на локальном уровне не только в сокращении рабочих мест, но и в составлении различных планов по сокращению государственных и коммунальных расходов: в связи с этим закрывают школы, растёт число учащихся в учебных классах и т. п.: *Регрессия грозит коммунальщикам больше, чем государству* [КЕ 20. 3.]. На первый взгляд, несмотря на трудности и безвыходность ситуации, деятели как на государственном уровне, так и в частном бизнесе постоянно пытаются найти новые средства выхода из кризиса. В частности, *реорганизация предприятий* расценивается как *позитивное средство выхода из депрессии* [КА 31. 3.].

На картину текущего экономического положения влияет и выбор слов при характеристике этого явления. Кроме названных уже выше существительных, в газетах встречаются также другие субъективно-оценочные номинации, такие, как существительные “romahdus” (“распад, развал, обвал, крах”), “notkahdus” (“понижение, крушение, колебание”), “syöksy” (“погружение, стремительное падение”), а также соответствующие глаголы. Экономический кризис характеризуется, в частности, как *быстрое погружение, резкое крушение*. Далее: *продажа автомобилей и строительных материалов резко упала в начале года в Китае* [КА 14. 3.], *промышленное производство радикально сократилось* [КЕ 11. 3.].

Естественно, в экономическом дискурсе подчеркивается циклический характер кризиса. Согласно общим представлениям, *депрессия угнетает* и экономика *падает* [КА 5. 3.] до того, пока не достигает дна, своего пика, т. е. поворотного пункта. Например, в первых числах марта *дно депрессии еще не было достигнуто* [КА 4. 3.], а в конце месяца *в кризисе отмечалась пока самая нижняя точка спада в нынешнем скоростном спуске* [КА 28. 3.]. При падении как рецессия, так и депрессия *ударяет, кусает, бьёт*.

Помимо отрицательных новостей и сообщений, в финских газетах явно прослеживается тенденция привлечь внимание адресатов и к положительным сторонам депрессии. Во-первых, обсуждаются позитивные последствия кризиса, и, во-вторых, приводятся примеры таких положительных признаков, как открытие новых фирм, создание рабочих мест и вложение новых инвестиций в промышленность и т. п. Целью этих сообщений является создание оптимистического настроения у населения. С одной стороны, *в период экономического кризиса отмечается снижение процентных ставок на ссуды, что выгодно для рядовых кредитополучателей* [КА 7. 3.]; *Предприятие Visconsys из Ювяскюля идет против течения и увеличивает персонал* [КЕ 6. 3.]. Как подтверждение этому, публикуются мнения тех, кто видит в кризисе новые возможности в будущем: *Кати Колахмайнен* [представитель бетонного завода] *считает, что кризис даёт время на составление долгосрочных инвестиционных планов* [КА 19. 3.]. С другой стороны, вместо материальных ценностей, преобладавших в последние 10–15 лет экономического подъема, кризисное время может выдвигать на первый план другие, в частности морально-этические, ценности: *финны не экономят на расходах на досуг на даче* [КЕ 24. 3.]. В свете этого, экономический кризис приносит не только убытки, но и прибыль бизнесу. Например, 29 марта в КЕ пишут, что *с начала 2009 года продажа одежды превысила все ожидания*. Подчеркнем, что в мировоззрении финнов наемный труд рассматривается как важная ценность. Поэтому естественно, что в ситуации массовой безработицы финны стараются компенсировать наемный труд добровольным, гуманитарным трудом: безработные трудятся в различных гражданских организациях, в обществах безработных, занимаются сэкондхэндским бизнесом на блошиных рынках. Итак, экономический кризис, в лучшем случае, реорганизует и шкалу ценностей.

Спецификой нынешнего финского экономического дискурса можно считать сравнительно частое сравнение происходящего с прошлым, т. е. с событиями 1990-х гг. В целом, многие эксперты считают, что финская экономика не страдает от этого кризиса настолько, насколько она пострадала почти 20 лет назад. Поэтому, чтобы пережить депрессию, *государство может спокойно без опасения увеличить государственный долг, не расшатав основ будущей экономики* [КА 17.

3.]. Соответственно, *не ожидается резкого падения внутреннего спроса, аналогичного с депрессией 1990-х гг.* [КА 25. 3.].

Дискурс об экономике изобилует качественными прилагательными, передающими, в основном, серьезность ситуации. Как отмечает В. А. Лукин [3:129], в данных случаях прилагательное усиливает семантику существительного “кризис”. Самыми частотными прилагательными в финских газетах являются “*syvä*” (*глубокая депрессия*), “*jyrkkä*” (*резкое торможение экономики*), “*synkkä*” (*мрачные прогнозы*) и “*raju*” (*крутое падение процентных ставок*). К тому же, нередко в медиатекстах используются усилительные наречия, например: *резко, сильно, быстро, заметно* и т. п. (*безработица резко увеличивается; положение рынка труда молодежи сильно ухудшилось*), имеющие в данных контекстах отрицательные коннотации или указывающие на бесспорность отмеченных тенденций в развитии кризиса (*быстро ухудшившееся общее экономическое положение; спрос заметно сократился*). Особо подчеркивается драматичность и исключительность событий, связанных с кризисом: *экономическое положение драматично изменилось; в кризисе исключительно велика неуверенность; глобальная экономическая ситуация успела радикально измениться*. Анализируя экономический дискурс последних лет, исследователи финского языка обратили внимание не только на его выше отмеченный драматичный и преувеличенный тон, но и на особую выразительность, например, аллитерацию “*raju romahdus*” (“резкий спад”) [7].

Экономический кризис, несомненно, представляет собой угрозу и вызывает опасность, боязнь перед неизвестным будущим. В описаниях боязни и опасности используются также метафоры и сравнения. Приведем некоторые примеры: депрессия описывается как *растущая или большая угроза* [КА 10. 3.], так как она *размахивает над головами* [людей] *мечом* [КА 10. 3.]. *Спад экономики* [КЕ 24. 3.] можно остановить лишь *сопротивлением* экономическому кризису [КЕ 20. 3.]. Далее, *фирма Sony-Ericsson вылила ушат холодной воды на своих работников* [КЕ 21. 3.], т. е. фирма собирается сильно сократить свою деятельность и работников как в Финляндии, так и в Швеции. Сам кризис, как и его последствия, сравниваются даже с бомбой: *предварительные сообщения* [о кризисе] *упали “как небольшая бомба”* [КА 10. 3.]; *безработица может взорваться в руках* [как бомба] [КА 10. 3.].

Поскольку семантика лексемы “кризис” включает в себе значения разрыва, утраты целостности и связности, естественно, что образные выражения, метафоры, связаны с хаосом, болезнью и смертью как точкой прекращения всего действия [3:131]. Эта особенность отражается в следующем примере: начало переговоров с персоналом о кадровых сокращениях сравнивается с *заразной болезнью, которая никому не нужна* [КА 28. 3.]. Экономический кризис приводит экономикку к нездоровому состоянию, из которого она должна выйти, оживиться, как показывают следующие отрывки текстов: *Предполагается, что рост экономики России будет оживляться постепенно в 2010–2011 гг. вместе с другими странами.* [КЕ 26. 3.]; *жилищный рынок начинает активизироваться* [КА 18. 3.]; *нужны инъекции бодрости* [КА 11. 3.]. Эти примеры свидетельствуют о т. н. “медиализации” экономического дискурса. Речь идёт об известной тенденции описывать различные сферы общественной жизни, используя научную медицинскую терминологию. По этой причине новости об экономике иногда напоминают историю болезни пациента [8].

Итак, наш анализ дискурсов, репрезентирующих мировой экономический кризис в финских СМИ, показывает, что кризис глубоко коснулся всех стран, в том числе и Финляндии. Газетные сообщения, естественно, делают большой упор на отрицательные последствия кризиса. Интересно при этом, что именно последствия кризиса, причины кризиса в данных текстах почти не обсуждаются. Это типичная черта экономического дискурса в целом. Экономика представляется как самодействующий организм, поэтому в текстах редко выражен субъект действия [9:136–141]. Отсюда вытекает, что, независимо от языка, экономический кризис представлен в медиатекстах как стихийное бедствие, лавина. Следовательно, снимается всякая ответственность за происходящее [8], и нет необходимости обсуждать причины явления.

Негативные последствия, само собой разумеется, вызывают тревогу как журналистов, так и читателей, поскольку они связаны с закрытием заводов и фабрик, увольнениями рабочих или отправлением их в принудительный отпуск. Подобные сокращения и изменения касаются каждого гражданина, так как не только государство, но и коммуны, потеряв часть налогоплательщиков, вынуждены экономить на своих социальных и образовательных расходах. Когда речь идет о негативных последствиях экономического кризиса именно Финляндии, в финском

языке предпочитают некоторые более “мягкие” синонимы этого слова, а сама лексема “кризис” менее частотна в этих контекстах. Тем не менее, все существительные, использованные в значении “кризис”, сочетаются с глаголами, выражающими либо развитие или фазис кризиса, либо цикличность процесса. Прилагательные, сопутствующие лексеме “кризис” и ее синонимам, тоже имеют эмоциональные и экспрессивные коннотации, усиливающие отрицательную семантику самого существительного.

Ожидалось, что в анализированных газетных сообщениях будут подчеркнуты лишь отрицательные стороны экономического кризиса. Однако, хотя тексты собраны только в начальный период кризиса, и они связаны, в первую очередь, с падением в него, в некоторых текстах наблюдаются также оптимистические оттенки и указываются первые конкретные мероприятия по выходу из кризиса. Кроме того, указывается на то, что этот очередной кризис может иметь и свои положительные последствия, заключающиеся в том, что вносятся коррективы в идеологию непрерывного роста прибылей. Многие стали снова заботиться не только о постоянном увеличении своего материального благополучия, но и о своем духовном состоянии. Соответственно, финны стали больше отдавать предпочтение жизни в сельской местности, отечественным туристическим объектам, ценить отдых на даче и обращать внимание на вторичное использование потребительских товаров. Подобное развитие можно считать положительным последствием кризиса с точки зрения устойчивого развития.

1. *Толковый словарь* русского языка начала XXI века / Под ред. Г. Н. Складневской. — М., 2006.
2. *Толковый словарь* русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. Словари Академии Российской. — М., 2003.
3. *Лукин В. А.* Кризис и текст // Русское слово в русском мире — 2005. Государство и государственность в языковом сознании россиян / Под ред. Ю. Н. Караулова и др. — М., 2006. — С. 127–167.
4. *Клушина Н. И.* Публицистический текст в прагматическом аспекте // Язык массовой и межличностной коммуникации. — М., 2007. — С. 75–106.
5. *Kielitoimiston sanakirja.* Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 140. — Helsinki, 2006.
6. *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. — М., 2006.
7. *Kolehmainen T.* Rajuulun aika // Kieli-ikkuna 12. 3. 2007. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kotus.fi/index.phtml?s=2217>.
8. *Miettinen, T.* Talouden retoriikka häivyttää inhimillisen vastuun politiikasta // Helsingin Sanomat, Vieraskynä 16. 8. 2009.
9. *Heikkinen, V.* Ideologinen merkitys kriittisen tekstintutkimuksen teoriassa ja käytännössä. — Helsinki, 1999.

L. Siilin, M. Vanhala-Aniszewski

THE REFLECTION OF GLOBAL CRISIS BY FINNISH MEDIA

The aim of this paper is to discuss how Finnish newspapers present the global economic crisis on the regional level. The discourses and linguistic means used will be examined. The data were collected from two Finnish daily newspapers in March 2009. According to the results, the texts analyzed not only focus on negative consequences of the crisis, but also actively discuss ways of overcoming the difficulties.

Key words: economic discourse, global crisis.

Л. Сілін, М. Ванхала-Анішевські

ВІДОБРАЖЕННЯ СВІТОВОЇ ФІНАНСОВОЇ КРИЗИ У ЗМІ ФІНЛЯНДІЇ

У статті розглянуто, як фінські ЗМІ репрезентують всесвітню економічну кризу на регіональному рівні, які дискурси реалізуються і яким чином. Мовний матеріал зібрано з двох щоденних газет за березень 2009 р. Дослідження показує, що у ЗМІ обговорюються не тільки негативні наслідки кризи, але й шляхи подолання труднощів і фіксуються перші ознаки поживлення економіки.

Ключові слова: економічний дискурс, глобальна криза.

Н. Г. Иванова

Локальные указатели в рекламном тексте

Статья посвящена семантике локальных указателей, обусловленной вербальной и визуальной составляющими рекламного текста.

Ключевые слова: русский язык, вербальная и визуальная составляющие рекламного текста, локальные указатели, имплицитность.

Локальные указатели входят в универсальный смысл “пространство”, который наряду с универсальными смыслами “время”, “человек”, “событие” соотносится с содержанием разных типов конкретных текстов. И. Я. Чернухина, описывая художественное пространство, предлагает для конкретизированного изображения определённой среды классификацию слов-ориентиров со значением “пространство” [7: 8].

Проблема пространства в рекламном тексте до сих пор не нашла своего автора для фундаментального описания, хотя вызывает интерес у лингвистов [1; 4; 9; 2].

Известно, что в тексте для обозначения пространства служат особого рода номинации: географические наименования, антропонимы, этнонимы, слова, называющие городские реалии, предметы интерьера, наречия с локальным значением, варваризмы, экзотизмы. В конкретном тексте число локальных указателей увеличивается в связи с реализацией замысла автора — другие пласты лексики выполняют функцию локального указания [6: 42]. Предложно-падежные словоформы (существительные, местоимения) используются для обозначения пространственных отношений, то есть служат указанием на воспроизводимое пространство.

Коммерческий печатный рекламный текст относится к особому типу текстов ввиду взаимодействия основных структурных компонентов — вербального текста и визуальной части. Рекламный текст, “выросший” на основе разных типов текстов, вбирает в себя их структурные, семантические, функциональные особенности и, используя диффузные отношения между вербальными и визуальными частями, обогащается своими собственными семиотическими элементами, подчинёнными архитектуре рекламного сообщения.

Оперируя локальными указателями, выраженными предложно-падежной словоформой, рекламный текст регламентирует семантику локативов. Например, для обозначения пространства как места осуществления действия используется самая продуктивная модель “предлог в + субстантив в пр. п.”. Чаще всего в этой модели локатив выражается:

1) именем собственным — наименованием страны-производителя рекламируемого продукта (далее — РП — сокращ. Н. И.): **Сделано в США — *Parl'ament*;**

— местом, где положено начало производству РП: **в Альпах;**

— наименование РП / торговой марки / места продажи:

в “Доме на Мосфильмовской”, в “Антошке”, в “Таврии”, в Москве;

2) апеллятивом — родовым наименованием РП: **в кристально чистой воде (*Bonaqua*);**

— партитивом РП: **в многоуровневом *стилобате*;**

— особенностями приготовления РП: **растворяется в горячем и холодном *молоке (Nesquik)*;**

— местом продажи РП: **в магазинах, в ресторане, в любом отделении Приватбанка, в 14 самых прекрасных *точках планеты*;**

— местом, где можно использовать РП: **в офисах, в ночных клубах, в ванной, в комнате, в любой обстановке, в саду, в роше;**

— совмещением локального значения со значением коллектива, совокупности лиц: **признание во всём мире (*Braun*), защита от кариеса № 1 в мире (*Colgate*).**

Анализ лишь одной модели показывает, что функции коммерческого рекламного текста детерминируют выбор онимов и апеллятивов, обслуживающих локативную вербальную составляющую, связанную с информацией о товаре, его качествах, месте продажи с целью привлечь внимание и вызвать интерес у потенциального потребителя.

На периферії просторових відносин в рекламному тексті знаходяться моделі: “предлог у/вокруг/між/около/без + субстантив в род. п.”; “предлог в + субстантив в вин. п.”, “предлог на + субстантив в пр. п.”.

Локальне значення може виступати як додаткове при вираженні визначальних відносин. Для вираження відносини до місця, території найбільш часто використовуються:

- ономастическіе: **Швейцарське** виробництво з 1848 року;
- атрибутивні: (**Omega**); Мебель **німецької** фабрики **Dedon**;
- пропозиційно-падєжніє сполучення:

А) субстантив + онім в род. п.: **Лікшеє віно Крима (Oreanda)**;

Б) без пропозиції: **модельєри Англії, Ірландії, Франції і Німеччини**;

В) субстантив + онім в род. п. з пропозицією **із**: **дитячий магазин із Франції**.

Як бачимо, способи вираження локативних значень входять в наведений вище репертуар вираження локативів.

В зв'язі з тим, що функції рекламного повідомлення поділили між собою вербальна і візуальна частини, локальна семантика експліцирується завдяки опозиційним відносинам, де членами опозицій є різні структурно-семантичні компоненти вербального тексту або їх частини, а також візуальний ряд.

Локативний вказувач може міститися в називанні РП і бути представленим: однословним топонімом (**Venezia — Layra Biagiotti**), називанніем глобального бренду, зв'язаного з імпліцитним локативом імплікативними відносинами (**Marlboro, Coca-Cola — США**). Як правило, рекламні тексти з подібними локативами мають зв'єртнуту композицію: із вербальної складової присутствує тільки логотип, відповідний торговій марці або бренду. Ця реклама представляє або новий РП від відомого бренду, або виконує нагадувальну функцію.

Між візуальною частиною і називанніем РП може спостерігатися семантичне узгодження на локальному рівні. Новий аромат для чоловіків **Havana (Aramis)** рекламується на фоні чорно-білого зображення з одним контрастним плямом синього кольору — зображенням РП. Монохромне зображення старинного дому в стилі кубинського бароко, сидячого на балконі чоловіка відсилає реципієнта в минуле, до традицій, “до використання психологічного сприйняття минулого сучасним чоловіком” [3: 61], в оригінальний текст в тексті.

Локативний вказувач у вигляді продрікуючого компонента в моделі, повідомляючої про місце події, вводиться в називанні РП: **Love in Paris (Nina Ricci)**. Як новий аромат від відомого бренду тільки вводиться на ринок збуту, то він представлений двоїчастною композицією, розміщеною на двох наступних одна за другою сторінках журналу, розташованих на розвороті справа.

Називанні РП з локальним вказувачем (повторяється в тексті 8 разів) одночасно являється заголовком для основної частини тексту, сполучаючої оповіщення і описання. Локальний вказувач має потужну підтримку у вигляді візуальної частини з зображенням Ейфелевої вежі — символом Парижа, набережної Сени. Картинка, розміщена в початку і кінці рекламного тексту, виконує функцію рамки і узгоджується з вербальними локальними вказувачами основного тексту: **Париж** (2 словоупотреблення), **на місто, в цьому місті, Ейфелева вежа, міст Олександр III, сад Тюльєри, набережна, Сена**. Локальні вказувачі не тільки підкріплюють місце виготовлення РП, але і змушують згадати потенційного споживача (відомий стереотип “Париж — законодавець моди”), виконуючи функцію залучення.

Локальні вказувачі рекламного тексту, існуючи у вербальному і відкритому вигляді, можуть сформувати оригінальну мережу, пастку для реципієнта. Наприклад, в рекламі годин **Omega** містяться імена власні відомих осіб: в підзаголовку “Вибір Джеймса Бонда”, у візуальній частині зображення гонимця М. Шумахера. Імідж відомого героя-агента 007 Джеймса Бонда і гонимця-переможця “Формули-1” передається РП. Антропоніми імплікують топоніми **Англія, США, Німеччина**, а ехо-фраза вказує на країну-виробника — **Швейцарське** виробництво з 1848 року → **Швейцарія**. Антропоніми виконують функцію масок, накриваних на рекламуємі предмети. Маски вказують образці для імітації, підтримуючи потенційного споживача до прийняття рішення на користь РП.

Итеративность локальной семы в свёрнутой композиции может быть обусловлена наличием локального компонента в вербальном логотипе, топонима, помещённого под ним, — наименования города/страны — изготовителя РП. При соответствующей поддержке визуальной частью текст приобретает экспрессивность. Например, реклама верхней одежды из Финляндии имеет заголовок *Finn-Flare Finland* и визуальную часть — девушки в добротных пальто, куртке на фоне сурового морского пейзажа. Локальная сема влияет на актуализацию сем переносного значения сложного наименования “*Finn-Flare*” → *Блеск но-фински* → “добротность”, “качественность”, “практичность”.

Функцию локальных указателей могут выполнять субстантивы с локальной семой в структуре значения. Эти субстантивы, часто помещаясь в заголовке, актуализируют уникальное торговое предложение (УТП) — такую характеристику РП, которая отличала бы данный товар от ему подобных. УТП, фокусирующееся в локальных указателях, сообщает о результате применения РП — об ощущениях, состоянии потребителя. Например, в рекламе духов для женщин заголовок **Wings** приобретает двойную функциональность, так как его предваряет графический и вербальный логотип торговой марки *Giorgio Beverly Hills*. В этом наименовании уже содержится имплицитная экстралингвистическая информация о стране-производителе **Beverly Hills** → США. Кроме того актуализируются фоновые семы известного топонима **Beverly Hills** → “элитарность”, “дороговизна”, которые подготавливают потребителя к восприятию свойств РП. Заголовок **Wings (Крылья)** связан множественностью оппозиций с вербальной и визуальной составляющими. Основной текст — **Полёт души** — лаконичен и входит в семантическое согласование с производной пространственной семой заголовка **Крылья** и ядерными семой I и II ЛСВ отглагольного субстантива **полёт** “движение, перемещение кого-, чего-л. летящего”, “на большое расстояние”, “перен. Устремление, порыв” [5, 3: 257]. Визуальная часть — изображение парящей в небе с поднятыми руками женщины — подтверждает амбивалентность прямого и переносного значений. Ступенчатая идентификация помогает экспликации сем, которые описывают состояние потребителя после применения РП: **порыв** “2. Внезапное и резкое проявление какого-л. чувства”, а также оттенок значения “Воодушевление, подъём, горячее стремление осуществить, сделать что-л.” [5, 3: 309]. Локальные указатели заголовка, основного текста, визуальной части направляют декодирование УТП в нужное русло.

В рекламном тексте часто происходит конкретизация вербального локального указателя при помощи визуальной части. Например, свёрнутая вербальная часть — **Чай Липтон. Везде первый** — известного бренда *Lipton* содержит локатив **везде** с довольно обобщённым значением: “Во всех местах и во всех сферах, областях; всюду, повсюду” [5, 1: 145]. Сема “во всех местах” выступает как родовая, вступая в семантическое согласование с видовыми локализаторами — топонимами, которые актуализируются при помощи импликации. Визуальная часть — это полки, заставленные разными чашками с пакетиками чая *Lipton*, которые в силу стереотипного мышления и экстралингвистики связываются с определёнными странами и временем; представлены Турция, Россия, Англия, Япония, Китай и т. д.; чашки, относящиеся к XIX, XX вв., к классическому стилю, к стилю модерн, советской эпохе.

Слоган **Везде первый** конкретизируется в другом рекламном тексте бренда *Lipton* при помощи написания в правой части текста родового слова **чай** на разных языках: русском, английском, немецком, французском, арабском, греческом, китайском и т. д., на которых общаются в странах, где знаком данный бренд. Слоган подчёркивает приоритетность данного бренда и его широкое распространение за счёт имплицитно представленных локальных указателей.

Во многих текстах локальным указателем выступает сама визуальная часть — реальное пространство. Чаще всего это замечательные уголки природы, воспроизведение комфортных мест пребывания человека (удобное современное жилище, гостиница, кафе, спа-салон, яхта и т. д.). Пространство всегда обладает позитивной коннотацией и является одним из рычагов воздействия на потребителя (*Marlboro; Bond; Winston*).

Современный рекламный текст оперирует виртуальным пространством, когда привычные непрерывность, необратимость реального континуума уступают место квазиреальности. В такой рекламе центральной является визуальная часть — трансформированное пространство. Позиционированный потребитель, подобно персонажу рекламы, переходит в новое пространство, пространство-продукт, пространство-грёзу (**Chance** от *Chanel*) либо полностью погружается в

это пространство, так что его невозможно отделить от этой виртуальной реальности. Например, персонаж рекламы (бренд *Hugo Boss*) заключён во флакон, и текст гласит: “Стиль Boss... во флаконе. Аромат для мужчин”. Аналогичным является решение визуальной части для торговой марки *Bonaqua*.

Успешно действует в рекламе трансформированное виртуальное пространство как отражение персонажа/РП в зеркале, в стекле, на водной глади. Мотив двойничества, восприятие себя как идеального существа, дверь в другие миры — всё это возможно благодаря миру зазеркалья. Зеркальность как локальный указатель используют известные бренды парфюмерии, ювелирных украшений. А например, торговая марка *Оболонь* использует эффект кривого зеркала: искажённое, “поплывшее” изображение персонажа с бокалом “Пшеничного” — молодой человек в деловом костюме, — поддерживаясь текстом “Вкус выходного дня”, обещает удовольствие, отдых благодаря РП.

Рекламируемый продукт, вещь может осмысляться как символ места. По мнению М. Хайдеггера, именно вещь создаёт представление о пространстве, как мост объединяет два берега реки, при этом пространство приобретает свойство бытия именно благодаря наличию места [10: 154]. Например, реклама нового холодильника *Samsung* сопровождается заголовком **Этому холодильнику суждено быть в центре внимания** и заключением в основном тексте: *Внимание — проводить время на кухне теперь будет намного приятнее*. Локатив-клише *в центре внимания*, локальный указатель *на кухне* реализуют приоритетность РП.

Символическое значение локального указателя может быть в основе всего рекламного текста, влиять на отвлечение определённого ЛСВ в лексеме заголовка. В рекламе кухонь “Шик” (Италия):

— происходит актуализация II ЛСВ субстантива **остров**: “*перен*. Участок, выделяющийся чем-л. среди окружающей его местности” и оттенка значения I ЛСВ: “*перен*. То, что стоит особняком, отлично от окружающих” [5,2: 657]. Локальная сема, сема “выделенность” актуализируют в локальном указателе **на кухне**;

— в заголовке “Обитаемый остров”. Скорее, не значение “пространство как место осуществления действия (в разг. речи)”, а “пространство-идентификация символического РП”.

В отличие от традиционных представлений в текстах русской культуры о вакууме, пустоте, которые ассоциируются с темнотой, молчанием, со смертью [8: 167], висящие в пустоте рекламируемые предметы связываются с актом выделения. Лучше запоминаются лаконичные визуальные части, где гиперболизированный РП помещён в пустоту. Он занимает всё пространство рекламного текста, его изображение превалирует на нейтральном фоне. РП надвигается на потребителя, навязывается ему — таково постмодернистское видение вещи. Подобный РП лучше запоминается — обычно так рекламируются часы, драгоценности, духи, перьевые ручки.

Висящий в пустоте РП может быть представлен на каком-либо фоне, и тогда неизбежно взаимодействие с вербальной частью. Например, в рекламном тексте со свёрнутой композицией — присутствует логотип *Pasquale Bruni* и слоган *Body and Soul* (Тело и Душа) — представлена драгоценность (белый цвет) на фоне обнажённой модели-негритянки. Данный текст позволяет при помощи импликации выстроить ассоциативную цепочку: украшение → стилизованное изображение креста → душа → духовное. Происходит расширение влияния слогана, который берёт на себя функции всей вербальной части, отражая не только философию торговой марки, но и философское осмысление бытия человека. Таким образом, вещь апеллирует к душе потребителя, связывается с его духовными ценностями.

Рекламный текст детерминирует семантику локативов, обладающих как традиционной формой и содержанием, порождением новых смыслов при взаимодействии вербальной и визуальной частей текста, так и постмодернистской природой — трансформированным виртуальным пространством, пространством со свойствами бытия, пространством-пустотой. Локальные указатели обеспечивают взаимодействие семиотических языков в рекламном тексте — вербального и визуального.

1. Барт Р. Риторика образа / Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1989.

2. Иванова Н. Г. Семиотика рекламного текста: социолингвистический аспект // Мова: Наук.-теор. часопис з мовознавства. — 2005. — № 10. — С. 10-13.

3. Ковриженко М. Креатив в рекламе: постмодернистский облик моды. — СПб., 2004.

4. Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. — М., 2000.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1981-1984.
6. Чернухина И. Я. Элементы организации прозаического текста. — Воронеж, 1984.
7. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста (лирика). — Воронеж, 1987.
8. Чижова Л. А. Онтологические свойства локативных отношений и их проявление в русском языке и в русской культуре // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. С. — Петербург, 30 июня-5 июля 2003 г.: Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. — СПб., 2003. — С. 161-170.
9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб., 1998.
10. Heidegger M. Being and Time. — San Francisco, 1962.

N. G. Ivanova

LOCAL CONCRETIZERS IN ADVERTISING TEXT

This article is dedicated to the semantics of local concretizers given in verbal and visual components of advertising text.

Key words: the Russian language, verbal and visual components of advertising text, implicity.

Н. Г. Иванова

ЛОКАЛЬНІ ВКАЗІВКИ У РЕКЛАМНОМУ ТЕКСТІ

Стаття присвячена дослідженню семантики локальних вказівок, які обумовлені вербальними та візуальними складниками рекламного тексту.

Ключові слова: російська мова, локальні вказівки, вербальні та візуальні складники рекламного тексту, імпліцитність.

УДК 811.161.1'23:33:159.922.2:168.522

Г. С. Яроцкая

Языковая репрезентация экономического сознания: принципы лингвокультурологического исследования

В статье приводится анализ концептуальной системы экономического сознания как ценностно- и культурнообусловленного неотъемлемого элемента сознания человека. Описывается общая структура и механизм функционирования экономического сознания.

Ключевые слова: экономическое сознание, система ценностей, концептуальная система, лингвокультурология.

Современная научная мысль характеризуется многоаспектностью в изучении объекта и, соответственно, междисциплинарностью. Все больший объем знаний из разных сфер необходим для получения полной и ясной картины изучаемого явления. В лингвистике практически каждое исследование затрагивает такие области знаний, как психология, социология, этика, культурология. Эти научные направления характеризуются когнитивным и методологическим взаимопроникновением со сферой языкознания: лингвистические методы используются для изучения культурной, психологической, этической специфики человека, тогда как изучение этой специфики способствует выявлению особенностей структуры и функционирования языка и речи.

Перечисленные взаимосвязи лингвистической науки не ограничиваются сугубо гуманитарными областями знания. В XX веке лингвистическая "экспансия" затронула такие сферы научной мысли, как биология, математика, кибернетика, что было связано с возросшим значением этих наук в общественном сознании. Сегодня в связи с современным состоянием мировой

економіки особу актуальність приобрели економічні та міждисциплінарні дослідження, направлені на осмислення причин і обставин, передшлющих і супутюючих світовому фінансовому кризису, спроби проаналізувати стан економічної думки засобами інших наук. Перелічені завдання входять в сферу інтересів лінгвістики, в частині, психолінгвістики, когнітивної лінгвістики, дискурсології.

Взаємозв'яз економіки та лінгвістики прослідковується в змінах в мовній картині світу людини, обумовлених економічними процесами. В зв'язі з появою фінансової системи в лексикон кожної нації, в побутову мову її представителів прочно вошли лексеми *банк, процент, кредит* та др. Зміни в економічній думці призводять до актуалізації певних понять в мовній картині світу — за даними соціології, найбільш частотними словами, використовуваними різними соціальними шарами суспільства в країнах Америки та Європи в 2008 році (час розриву світового фінансового кризису), стали лексеми *криза, банк та економіка* [5].

Лінгвістичні процеси також обумовлюють зміни в економічній думці, в способі представлення економічних знань. Вплив мови на формування економічного свідомості прослідковується в появі таких мовних по суті явищ, як економічна сатира та економічні анекдоти, ставши особливо популярними в період згаданого кризису. На визначальну роль мови в системі економічного знання вказує американський економіст Р. Хайлбронер: “Щоб розібратися в характері змін глобальних економічних систем... необхідно звернути увагу на найважливішу зміну в манері економістів висловлювати власні думки: від абстрактних термінів купівлі-продажу... до висновків... про задоволення, біль та Арифметику Щасття...” [11:403]. Таким чином, економічна формація визначається характерним для певного періоду та певної культури ментальним конструктом, маючим мовне вираження, — економічним свідомістю.

Дослідження ментальних конструкцій через їх мовне втілення займається когнітивна лінгвістика — наука про набуття, збереження, обробку та вироблення знань людиною. Методологічний інструментарій когнітивної лінгвістики дає можливість вивчити мовні (речемислительні) механізми, супутюючі формуванню та функціонуванню концептуальної системи людського свідомості, в частині, такої її форми, як економічне свідомістю, через дослідження оперативних одиниць свідомості — концептів.

Метою даної статті є вивчення та виявлення структури та способу функціонування економічного свідомості з використанням інструментарію когнітивної лінгвістики — дослідження мовної картини світу, в частині, концептуальної системи, обумовлюючої та відображаючої економічну думку певного періоду. Завданням дослідження є побудова моделі, що відображає згадану структуру, на матеріалі лінгвістичних даних — лексем-імен концептів, що формують концептосферу економічного свідомості.

Висшеперелічені взаємозв'язи економіки та лінгвістики стали актуальними лише в останньому нещодавньому періоді. Взаємодія лінгвістики та економіки довгий час залишалась односторонньою та базувалась на вивченні спеціальних економічних термінів з метою створення “мови економіки”. Таке становище справ, очевидно, було обумовлено розширеною думкою на економіку як на точну науку, маючу власний методологічний апарат та характеризуючоюся високою ступенем формалізації. Однак в працях сучасних дослідників, так і учених-економістів більш ранніх періодів чітко прослідковується образ економіки як раніше всього гуманітарної, соціальної науки. Видатний економіст XIX століття А. Маршалл в трактаті “Принципи економічної науки” зазначає, що економіку не можна порівнювати з точними науками, так як вона має справу з тонким та постійно змінюваним предметом — людською природою [11:407]. К. Маркс в статті “The Eighteenth Brumaire of Louis Napoleon” зазначає, що неекономічна налаштування суспільства, в яку входять релігія та філософія, дуже точно відповідає способу господарювання цього суспільства — його економіці [3:113]. А. Сміт звертав увагу на обумовленість способу виробництва та розподілу багатства від психологічної специфіки поведінки людини, які, за думкою вченого, виражаються в двох глобальних законах: законі накоплення та законі народонаселення [9]. Дж. С. Мільє говорив про фундаментальний вплив системи моральних цінностей на спосіб господарювання [11:159].

Сегодня все чаще экономические по своей сути системы капитализма и социализма называют “социальной философией”, “философией от мира сего”. Современный американский экономист Р. Хайлбронер описывает экономику как “систему взглядов на мир”, “картину мира” [11]. Ведущий российский эксперт по вопросам менеджмента и маркетинговой политики А. И. Пригожин в трактате “Дезорганизация” говорит о прямой связи этоса народа (ценностей, убеждений и норм определенной культуры) и типа и состояния экономики страны, которую этот народ населяет. Ученый отмечает, что именно социально-культурная бедность, отсутствие определенных ценностей (“ценностное голодание”) в этическом сознании вызывает материальную бедность и упадок экономики [8:158].

Таким образом, ценностный срез сознания, взаимообусловленный культурой определенной нации, предопределяет социальный уклад общества и индивидуальные предпочтения его членов, поведение отдельных индивидов, что, в свою очередь, определяет выбор того или иного способа ведения хозяйствования, являющегося индивидуальным для каждого государства в соответствии с его системой ценностей. Культура и этос определяют экономическое сознание нации и отдельного индивида. “Экономический анализ не рождается из головы экономиста на пустом месте, существует до-аналитический процесс, несущий отпечаток ценностей” [11:397].

Будучи ценностно- и культурнообусловленным, экономическое сознание является неотъемлемым элементом сознания и “участвует” в создании целостной картины мира индивида и нации. По мысли Ж. Жореса, “В человеке есть такое слияние самого человека и экономической среды, что невозможно отделить экономическую жизнь от жизни моральной; нельзя разрубить историческое человечество на две части, отделить в нем идеальную жизнь от жизни экономической” [3:9].

Как элемент сознания, экономическое сознание является ценностно- и культурнообусловленным и образует концептуальную систему. Такое понимание прослеживается и в текстах исследователей-экономистов — экономисты Б. Монтеро и М. Уайт в труде “Economics and the Mind” определяют экономику как науку о выборе и действии, которые, по мнению ученых, являются по сути ментальными феноменами и определяются такими факторами, как убеждения, желания, намерения [13:22]. Российский исследователь В. В. Воронов отмечает, что экономическое сознание является совокупностью знаний, идей, чувств, настроений, других компонентов, которые отражают экономические процессы и явления и формируют отношение к ним [2:39]. Перечисленные составные элементы экономического сознания корреспондируют с содержательным наполнением концепта как единицы сознания (по определению Ю. С. Степанова, концепт является пучком понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают лексическую единицу и объединены ею, в сознании человека [10:25]).

Непосредственное отражение экономическое сознание находит в экономической практике как целеполагающей общественно-материальной преобразующей деятельности [2:39]. Как целеполагающий общественный процесс, экономическая практика зависит от культурного и ценностного среза нации и обусловлена ими. По мысли А. Пригожина, “цели любого уровня привязаны к ценностям, зависят от них и эволюционируют вместе с ними” [8:37]. Таким образом, экономическое сознание образует концептуальную систему в сознании человека, в основе которой находятся ценностно-маркированные концепты, значимые для данной культуры в определенный период ее существования.

Системообразующими элементами экономического сознания являются экономические концепты. Их специфика состоит в способности отражать и описывать экономическую реальность определенного периода в мировой истории наравне с формирующими эту реальность ценностными и когнитивными установками. Таким образом, экономическими концептами являются как “чисто” экономические понятия, такие, как *товар, собственность, цена*, так и лексемы, относящиеся к сфере культурологии и этики: *справедливость, успех, бережливость*.

Концепт как определяющий элемент концептуальной системы и ментальная репрезентация смысла необходимо имеет языковое выражение и является системообразующим элементом языковой картины мира. Исследование концептуальных систем осуществляется с помощью анализа лингвистических данных разного рода (данные словарей, в т. ч. культурологических, произведения художественной литературы, экспериментальные данные). “Слово — это “ключ”, который “открывает” для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и дает возможность

его использования” [6:43]. Н. Д. Арутюнова в научном труде “Язык и мир человека” определяет концепт “ценности” — концепт, определяющий базовые элементы экономического сознания, — как один из первичных концептов, принадлежащих внутреннему миру (сознанию) человека, не проистекающих из внешнего мира и, таким образом, исследуемых исключительно через их реализацию в языке — вербализацию концепта [1:131]. Таким образом, как культурно- и этически обусловленная концептуальная система, экономическое сознание тесно взаимосвязано с системой языка, имеет лингвокультурную специфику и отображается в языковой картине мира.

Система экономического знания, как и любая концептосфера, характеризуется уровневым размещением элементов. Мы предлагаем рассматривать экономическое сознание как трехуровневую структуру, воплощающую человеческую природу и отображающую специфику человеческой мысли.

В современных междисциплинарных исследованиях сложилось устойчивое представление о человеке как *биосоциокогнитивной системе*. Данный подход подразумевает трехаспектное рассмотрение проявлений человеческой жизнедеятельности, в частности, мышления и речи, на биологическом, когнитивном (понятийном) и социальном уровне. Применительно к операциональным единицам мышления — концептам — эта классификация разделяет концепт на образно-перцептивный, понятийный и ценностный, или культурологический, компоненты [4:183]. Следует отметить, что, по мнению большинства исследователей (Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, В. И. Болотова, И. А. Стернина и др.), именно ценностный компонент определяет специфику концепта, его “привязку” к реальности [7:48].

В экономических исследованиях принято выделять трехкомпонентную структуру экономического поведения, обусловленную спецификой экономической мысли. Экономическое знание представляется состоящим из потребностей, возможностей и идеологической надстройки с превалированием последней. В данной структуризации также прослеживается взгляд на человека как биосоциокогнитивную систему, что дает возможность объединить обе классификации в трехчленную структуру концептуальной системы экономического сознания. Ценностный уровень определяет два низших уровня — психологический и когнитивно-экономический, которые находятся в отношениях взаимодополнения друг с другом и способны влиять на высший уровень. Таким образом, приведенная трехчленная классификация опирается на универсальные мыслительные структуры и одновременно отображает специфику экономического знания.

На психологическом уровне выделяются концепты, соответствующие устойчивым особенностям и мотивации человеческого поведения, такие, как *борьба за выживание (потребности в пище, крове и т. д.)*, *эгоизм*, *алчность*, *стремление к накоплению (росту)*, *любопытство*. Этот уровень предопределяет выделение концептов экономического уровня, которые описывают способы воплощения потребностей психологического уровня и понятия, им соответствующие, — операциональные понятия экономики, существующую экономическую реальность. Это *товар*, *цена*, *конкуренция*, *собственность*, *труд*, *земля*, *капитал*, *деньги*, *технологии*. Эти концепты характеризуются отсутствием коннотаций и представляют в большинстве своем абстрактные понятия, составляющие операциональный аппарат экономической системы.

Ценностный уровень представлен концептами, имеющими ярко выраженную аксиологическую составляющую. Это концепты, определяющие основную цель общества в определенный период времени, они составляют фундамент экономической формации. На ценностном уровне находятся такие концепты, как *справедливость (равенство)*, *успех*, *бережливость / расточительность*, *богатство*, *роскошь*, *удовольствие*. Концепт *выгода*, определяющий, по мнению большинства экономистов (М. Вебера, Р. Хайлбронера, Д. Редман), философов (Дж. Дьюи, И. Бентама, Дж. Милля), лингвистов (Н. Хомского, Е. Ярковой) ценностное основание капитализма, не включен нами в список концептов ценностного уровня, так как он более или менее эксплицитно представлен во всех перечисленных концептах, кроме *справедливости*, обозначающей цель и ценностный фундамент социализма. Действительно, *богатство* может быть представлено как *материальная выгода*; *успех*, *удовольствие* — как *моральная выгода*, такие концепты как *бережливость* и *расточительность* определяются по отношению к *выгоде*.

Как концептуальная система, экономическое сознание имеет весьма подвижную структуру — изменения, происходящие в массовом сознании, затрагивают не только содержательную сторону экономических концептов, но и смену концептов на иерархических уровнях системы.

С ростом потребностей человека изменяется структура этих потребностей, что приводит к качественным изменениям, затрагивающим ценностный уровень. Со сменой ценностных установок общества изменяется поведение индивидов, что приводит к формированию нового экономического порядка. Согласно пирамиде Маслоу, с удовлетворением существующих потребностей у людей возникают новые, качественно другие потребности [12:236], что приводит к формированию или актуализации других концептов ценностного уровня и, соответственно, экономического уровня. Таким образом, функционирование экономического сознания можно представить в виде спиралевидного “восхождения” по обозначенным уровням, при каждом новом “витке” которого акцентируются новые концепты. Эти изменения обусловлены “пересмотром” статуса того или иного концепта в системе экономического знания, актуализации или деактуализации его ценностного слоя, определённых коннотаций, составляющих содержание концепта.

Особенность представленной структуры экономического сознания состоит в том, что при относительной неизменности двух низших уровней — психологического и экономического — возможна актуализация того или иного концепта этих уровней в зависимости от определяющего концепта ценностного уровня (актуализированный концепт отмечен *). Схема представляет собой не статический конструкт экономического сознания в определённую эпоху, но также содержит указание на смену основного концепта на каждом из уровней по сравнению с предыдущей парадигмой. Кроме того, модель показывает как межуровневое взаимодействие концептов, так и актуализацию концептов внутри одного уровня. Таким образом, данная классификация позволяет рассмотреть особенности изменения экономического сознания на трех глубинных уровнях, соответствующих структуре человеческого мышления и отображающих как биологически-психологические, так и ценностно-культурные основания появления той или иной социально-философской, или экономической, системы, проследить специфику её развития и функционирования.

Необходимо отметить, что приведенная модель даёт возможность рассмотреть экономическое сознание отдельной нации с учётом её культурной специфики. Учет культурного фактора предопределяет как содержательное наполнение уровней, так и характер взаимосвязей между ними. Таким образом, рассмотренная структура является открытой системой с возможностью изменения входных данных (культурологической и ценностной специфики) и может быть использована для анализа экономического сознания нации в определённую эпоху. Затрагивая глубинные культурологические слои сознания, в частности, ценностный уровень, эта система даёт возможность проанализировать ценности, нормы, взгляды, убеждения, эмоции, а также воплощение их в человеческом поведении, таким образом воссоздавая картину мировоззрения нации в определённую эпоху.

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. — I-XV, 896 с. — (Язык. Семиотика. Культура).
2. Воронов В. В. Особенности преобразования экономической практики и экономического сознания в России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — Ростов, 2008. — №4. — С. 39-54.
3. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. — М.: Прогресс, 1981. — 680 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. — 390 с.
5. Мировой экономический кризис в социально-политическом разрезе. Материалы круглого стола // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. — 2009. — №1. — Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1392>.
6. Молчанова Г. Г., Тарбеева О. Лингвокультурные концепты и паремическое моделирование // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. трудов / РАН. Ин-т языкознания; ТГУ им. Г. Р. Державина; Отв. ред. Кубрякова Е. С. — М. — Калуга, 2007. — С. 42-59.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивное направление в российской лингвистике // *Respectus Philologicus*. — 2006. — № 10 (15). — С.: 43-51.
8. Пригожин А. И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — 402 с. — (Серия “Синергичная организация”).
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с. (Серия: Антология экономической мысли).
10. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2001. — 614с.
11. Хайлбронер Р. Л. Философы от мира сего / Пер. с англ. — М.: КоЛибри, 2008. — 432 с.
12. Maslow A. Motivation and personality. — N.-Y.: Harper, 1999. — 589 p.
13. Montero B., White M. Economics and the Mind. — N.-Y.: Routledge, 2006. — 240 p. — (Series: Routledge INEM Advances in Economic Methodology).

G. S. Yarotskaya

LANGUAGE REPRESENTATION OF ECONOMIC CONSCIOUSNESS: THE PRINCIPLES LINGUISTIC AND CULTURAL STUDY

The article gives the analysis of the conceptual system of the economic consciousness as a value- and culture-conditioned immanent part of the human's consciousness. The general economic consciousness structure and the mechanism of its functioning are described.

Keywords: the economic mind, the system of values, the conceptual system.

Г. С. Яроцька

МОВНА РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ ЕКОНОМІЧНОЇ СВІДОМОСТІ: ПРИНЦИПИ ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ

У статті наводиться аналіз концептуальної системи економічної свідомості як ціннісно- та культурно-обумовленого невід'ємного елемента свідомості людини. Описується загальна структура та механізм функціонування економічної свідомості.

Ключові слова: економічна свідомість, система цінностей, концептуальна система.

УДК 811.161.1'22'282.4:82-1(477.74-25) И. Гордон

Л. А. Романец

**Прецедентные феномены в стихотворениях
Измаила Гордона об Одессе**

Статья посвящена изучению городских прецедентных феноменов в поэтических текстах Измаила Гордона. Анализ языкового материала дает возможность выделить группы самых частотных городских прецедентных феноменов, определить их место и значение в социально-лингво-культурном пространстве города Одессы.

Ключевые слова: городской прецедентный феномен, социально-лингво-культурное пространство, лингвокультурология.

Поэзия находится в сфере внимания лингвистов, изучающих вопрос о способах передачи языком эстетической и культурной информации. Поэтический язык — это сложнейшая структура, с помощью которой передаётся “такой объём информации, который абсолютно недоступен для передачи способами элементарной, собственно языковой структуры” [7: 17]. Максимальная концентрация смысловой и эмоциональной нагрузки разных языковых уровней — выразительная черта поэтического текста.

Стихотворение является художественным произведением малой формы. При относительно небольшом количестве используемых словесных единиц автор художественным усилием стремится в предельной конкретности открыть состояние своего мира, сосредоточить жизнь в лирическом миге. Достижение желаемого эффекта в распознавании смысла текста зависит от выбора языковой формы. В этом автору могут помочь включённые в текст прецедентные феномены (ПФ).

Прецедентные феномены могут создавать дополнительные смыслы и увеличивать эмоциональную экспрессивность текста. Их использование обусловлено также способностью ПФ передавать максимальный объём смысла в лаконичной форме. Обращение к культурным фоновым знаниям может быть осуществлено в разных объёмах и формах. Культурная информация, которая хранится в ПФ, актуализируется в сознании читателя “посредством вербальных средств через активизацию самого инварианта восприятия или через какую-то деталь, атрибут или символ самого прецедентного феномена” [6: 173].

Изучение прецедентности в лингвистике связано с именами современных лингвистов Ю. Н. Караулова [5], А. Е. Супруна [12], Е. А. Земской [4], Д. Б. Гудкова [3], В. В. Красных [6], Г. Г. Слышкина [8] и др.

Первоначально прецедентные феномены рассматривались как тексты, имена, ситуации, высказывания, “хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; актуальные в когнитивном плане; обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества” [6: 170]. Разработка проблематики прецедентности в языке привела учёных к рассмотрению ПФ по широте охвата: от конкретного социума, даже индивидуума, до общечеловеческого масштаба. По степени прецедентности различают индивидуально-прецедентные, социумно-прецедентные, национально-прецедентные, универсально-прецедентные феномены.

Вопрос о городских прецедентных феноменах впервые был рассмотрен Е. Н. Степановым, который пришёл к выводу о том, что ряд социолингвистических факторов, формирующих лингвокультурное пространство города, прямо либо опосредованно влияет на формирование городских прецедентных феноменов — “одну из обязательных черт самобытного городского койне” [11: 7]. Лингвокультурное пространство Одессы на всём протяжении её существования формируется разными социальными и этническими группами. Формирование системы одесских городских прецедентных феноменов происходит при активном участии этих групп населения. Кроме того, важную роль в формировании городских ПФ играют факты политической, экономической, культурной, научной, конфессиональной истории города, его географические и климатические особенности [11: 7].

В данной статье мы ставим задачу выделить в поэтических текстах Измаила Гордона одесские городские и региональные феномены, распределить их по семантическому основанию и способам представления. Кроме того, в статье определяется место и роль используемых автором ПФ в социально-лингво-культурном пространстве Одессы.

Материалом исследования послужили более 30 стихотворений И. Гордона об Одессе из сборников “Берег Отрады” и “Ближние Мельницы”. Измаил Борисович Гордон (1923 — 2008) — заслуженный писатель Одесщины, с 1974 года член Национального Союза писателей Украины, лауреат многочисленных литературных муниципальных, областных и всеукраинских премий. С 1961 по 2007 гг. поэт издал 13 сборников.

Изучение творчества поэта показывает, что в его произведениях основными сферами-источниками прецедентности являются имена, реже — выражения и ситуации, связанные с историей, культурой города, традиционным бытом одесситов, жизнью ярких личностей, оставивших свой след в социально-лингво-культурном пространстве Одессы.

Среди прецедентных явлений, встречающихся в стихотворениях И. Гордона об Одессе, наиболее многочисленную группу представляют урбанотопонимы. Это наименования районов города (Пересыпь, Фонтан, Ближние Мельницы), наименования улиц, площадей, то есть годонимы (Дерибасовская, Греческая, Приморская, Ярмарочная площадь), названия составных частей городского рельефа: гор (оронимы), пляжей, парков (Отрада, Ланжерон, Лузановка, Австрийский пляж, Жевахова гора, Херсонский спуск/сквер), названия инженерных объектов (Пересыпский мост, Потёмкинская лестница, Воронцовский маяк), названия пригородных сельских поселений, то есть комонимы (Санжейка, Дальник), названия предприятий, то есть эргонимы (Привоз, баня Исаковича, Регистр [Управление государственного регистра], “Красный профинтерн”, Гужтранзит), названия водных объектов, гидронимы (Хлебная гавань, Арбузная гавань, Днестр, море, “Горячка”, лиман), названия людей по месту жительства (одессит, пересыпский), яркие личности жителей города (Уточкин, Котовский). Рассмотрим примеры функционирования ПФ в стихотворениях Измаила Гордона.

1) *По Старопортофранковской/ В двухтысячном году,/ Постукивая тросточкой,/ Беспощинно пройду/ К Пересыпи...*[2: 3]. Семантическим центром этого высказывания является понятие “беспощинная торговля”. Улица *Старопортофранковская* символизирует в Одессе границу между зонами свободной и пошлинной торговли: в 1823–26 гг. граница зоны порто-франко проходила по этой улице. *Пересыпь* — рабочая и деловая окраина. В XIX — нач. XX в. здесь строились многие крупные заводы. Здесь же, на Ярмарочной площади, находилась основная оптовая (Крестовоздвиженская) ярмарка по торговле зерном, фуражом. Сюда свозили товар из

основных зернопроизводящих районов юга Украины для отправки через *Хлебную гавань* за рубеж. Благодаря расположению вдоль Одесского залива *Пересыпь* входила в зону порто-франко вплоть до отмены этого режима в 1865 г.

2) *Да будет мост Пересыпский — / Под ним ходил пешком / Я, как под стол родительский... По спуску, по Херсонскому, / В двухтысячном году, / Сойдя к мосту родимому, / Щекою припаду...* [2: 4]. Пересыпский мост для одессита — это граница между двумя мирами: верхним и нижним городом, о чём писал одессит К. И. Чуковский, вспоминая события начала XX в. [13: 679]. Для современного одессита *Пересыпский мост* — граница между центром города и его окраинами, между экологически благополучным и неблагополучным районами. К *Пересыпскому мосту* можно спуститься и по улице *Софиевской*, которая более удобна. *Херсонский спуск* крутой, но имеет историко-культурную ценность для Одессы. Именно здесь в начале XIX в. находилась *Херсонская застава*, через которую в верхний город проходили люди всех сословий, проезжали всевозможные грузы. *Пересыпский мост* и *Херсонский сквер* в сознании автора и является рубежом между уважаемым верхним городом, центром Одессы, и рабочей *Пересыпью*, находящейся у подножия города. Сквозь *Пересыпский мост* одессит попадает в нижнюю рабочую окраину, а по *Херсонскому спуску* “карабкается” вверх в мир уважения, богатства, успеха.

3) *Дышу взахлёб, / Блажу с тоской — / Табак сырой, как силос, / Фартовым с Дерibasовской / Братве казаться силюсь...* [1: 82]. И. Гордон представляет здесь именно *Дерibasовскую* как визитную карточку, атрибут благополучия города Одессы и престижа внутри города, апеллируя к широкой известности и популярности этой улицы как ПФ, вышедшего далеко за пределы города и ставшего универсальным ПФ. Посещение дорогих ресторанов и совершение покупок в наиболее дорогих магазинах вызывали уважение у друзей и даже у одесского криминалитета.

4) *Мне бокал воды налей, / Пресным пахнувшей Днестром...* [2: 86]. Из бокала принято пить изысканные напитки, но не обычную речную воду. Здесь выражается ценность пресной днестровской воды для одессита, особое отношение лирического героя к гидрониму *Днестр*. Это не просто ближайшая к городу большая река. До постройки водопровода, давшего городу днестровскую воду (1873), пресную воду привозили из немногочисленных источников на *Фонтане* и в *Водяной балке*; горожане также собирали дождевую воду, устраивая во дворах подземные оштукатуренные ёмкости (часто в сёлах Одесщины такую ёмкость сегодня называют *басиной* [от *бассейн*]), куда вода по трубам стекала с крыш. В середине XIX в. бессарабское вино стоило дешевле воды.

5) *Вы помните “Горячку”, одесситы?* [2: 26]. Наряду с естественными водными объектами для одесситов в 1950-е годы прецедентным гидронимом стало слово “*Горячка*” — искусственный источник морской горячей воды, использовавшейся для охлаждения турбин Одесской электростанции и сливавшейся обратно в море рядом с электростанцией. В этом недлинном канале и на его берегах одесситы принимали морские и грязевые ванны. “*Горячка*” пользовалась у горожан большой популярностью, так как до 1970-х годов в большинстве квартир не было ванных комнат и горячей воды. В 1970-х годах морскую воду заменили пресной, пустив её из электростанции по трубам горячей воды в квартиры центра города. В связи с этим прецедентное имя *Горячка* перестаёт активно функционировать в речи одесситов и как городской ПФ устаревает.

6) *В их головах истории имелись / ... О гонке автомобиля Уточкина первой...* [2: 26]. Имя *Сергея Уточкина* является прецедентным не только для одесситов. И. Гордон апеллирует к истории о том, как на одной из первых автомобильных гонок в России, которые были организованы именно в Одессе, легендарный спортсмен в гонке “Одесса — Овидиополь — Одесса” достиг фантастической для того времени (1907) скорости — 61 версты в час.

7) *Между Отрадой и Средним Фонтаном...* [2: 30]. 8) *Трамвай летел в депо / Сквозь майское тепло / Большефонтанских станций...* [2: 33]. Прецедентный в Одессе топоним *Фонтан* происходит от апеллятива, восходит к молдавскому *фонтана* — “колодец, источник”, — использовалось для названия местности, в которой были источники питьевой воды [9: 44]. В Одессе всегда была проблема с пресной водой. Для обеспечения горожан в городе было оборудовано несколько общественных источников (фонтанов) с пресной водой. От этих источников названы были районы города: *Большой Фонтан*, *Малый Фонтан*, *Средний Фонтан*. Раньше на конечных трамвайных остановках были небольшие одноэтажные домики — трамвайные станции, в которых находился диспетчер, слесарь-электрик, были там и скамьи для ожидающих пассажиров. Сейчас таких до-

миков практически не осталось, но зачастую любую трамвайную остановку в Одессе называют станцией [10: 57].

9) *Здесь на четвёртой станции Фонтана, / Училища кирпичного казармы...*[2: 8]. На 4-й станции *Большого Фонтана* в 1899 году по приказу императора Николая II был основан *Одесский Кадетский корпус*. Его здания уникальны для Одессы с точки зрения не только истории, но и архитектуры: практически все постройки в городе до эпохи железобетона создавали из камня-ракушечника, а комплекс зданий *Кадетского корпуса* (позже *Артиллерийского училища*, затем *Института сухопутных войск*) выстроен из красного кирпича.

Среди онимов, встречающихся в двух проанализированных сборниках стихов об Одессе И. Гордона, самыми частотными являются названия пляжей. Хотя восточная береговая линия Одессы представляет собой, по сути, один сплошной пляж, жители города разделяют его на несколько пляжей со своими собственными именами. Это свидетельствует об их самостоятельной историко-культурной и социальной значимости для горожан. Современные городские пляжи Одессы следует рассматривать не как объекты только природного рельефа, а как природно-инженерные объекты, то есть как природные объекты, в существование и обустройство которых активно вмешивается человек.

10) *Загорай и радуйся в Ланжероне...*[2: 46]. Ближайший к центру города пляж носит имя генерал-губернатора Андро Ланжерона, поскольку здесь находилась его дача. Яркими семима ПФ *Ланжерон* являются семы 'изысканность', 'престижность'.

11) *Хоть плыви в Лузановку — / Красота! / Нас не схватит за ногу / Судорога та...*[2: 46]. В этих строках акцентируется одна из главных сем онима *Лузановка* — 'отдалённость'. Пляж находится на северном побережье Одесского залива. В современной Одессе этот пляж является наиболее удобным для жителей жилмассива Котовского.

12) *Из Отрады уйду в Ланжерон...* [2: 15]. Название пляжа *Отрада* является для И. Гордона, как и для большинства коренных одесситов, символом детства, беззаботности, демократизма. Пляжи соседствуют. В советское время *Ланжерон* назывался *Комсомольским* пляжем. Выход из детства в молодость Гордон символизирует с переходом из Отрады в Ланжерон. Пространство и время воспринимаются поэтом недифференцированно: для создания темпоральной метафоры использован донорский домен локуса.

13) *О, Ближних Мельниц белые строенья!...* [2: 9]. Урбанотопоним *Ближние Мельницы* выступает символом бедной, но честной трудовой жизни. Это небогатый, малопrestiжный район Одессы, расположенный по соседству с кладбищем, железной дорогой и рядом промышленных предприятий, в котором мешане строили небольшие домики без лишних украшений.

14) *Товарищи мои. И сорок первый. / Дальник и росы на солдатских касках...*[2: 11]. В этих строках автор апеллирует к трагедии 1941 года. *Сорок первый* — национально-прецедентный феномен. *Дальник* — одесский региональный феномен. Прецедентность этого феномена для одесситов связана с рядом исторических событий. *Дальник* — название пригородного села, основанного казаками ещё в XVII веке, задолго до основания Одессы. В период героической обороны города в 1941 г. здесь проходила линия обороны, а сейчас — Пояс Славы. В период фашистской оккупации в *Дальнике* действовал один из партизанских отрядов. В *Дальницкой балке* в первые дни оккупации были расстреляны около пяти тысяч одесситов в качестве ответной меры на подрыв партизанами фашистской комендатуры в октябре 1941 г. (в результате взрыва погибло около 60 румын и немцев).

15) *Позвольте — обрисую одессита, / Биндюжника из треста Гужтранзита...*[1: 85]. Типичным одесситом в этом стихотворении для И. Гордона является не моряк, не рыбак, не торговец или маклер, а *биндюжник*, то есть ломовой извозчик. Для коренного жителя Одессы 1930-х годов (периода ярких детских впечатлений Гордона) семантическое поле лексемы *биндюжник* включает в себя не только семы 'мужчина', 'груз', 'повозка/биндюг', 'извоз', 'лошадь', 'малограмотный', 'сильный', но и семы 'еврей' (поскольку около 90% одесских биндюжников были евреями), 'грубый' (стереотип поведения большинства биндюжников), 'корпоративность' (особая степень профессиональной сплочённости).

Со временем в результате естественного развития истории, социальных отношений, культуры изменяется состав прецедентных явлений. В ряде случаев ПФ остаётся, однако степень его прецедентности может снижаться. По мнению Д. Б. Гудкова, "при попытке трансформировать

культурну парадигму ведётся “атака” на прецедентные феномены, одни из которых выпадают из когнитивной базы, а другие входят в неё” [3: 106]. Реминисценции, апеллирующие к таким ПФ, через время становятся менее значимыми, хотя остаются в пассивном фонде исторической памяти социума. Так, *Гужтранзит* — недолговечный прецедентный феномен, поскольку это монопольное государственное предприятие просуществовало недолго в связи с быстрой заменой гужевого транспорта автомобилями уже накануне Великой Отечественной войны.

Таким образом, исследовав стихотворения двух сборников одесского поэта Измаила Гордона, мы обнаружили, что наиболее многочисленную группу прецедентных феноменов в его стихотворениях об Одессе представляют урбанотопонимы. Все городские ПФ обусловлены факторами формирования лингво-социально-культурного пространства города и являются элементами когнитивной базы социума данного города. Многие одесские реалии являются для поэта И. Гордона, как и для всего одесского социума, обязательными когнитивными компонентами культуры. Определённые нами как прецедентные феномены слова или сочетания слов имеют для большого количества представителей одесского лингво-культурного сообщества конкретное (вещественное, предметное, топонимическое) значение, выступают хранителями памяти, вмещающими в себя закодированный смысл, культурное значение. Их использование является своеобразным приёмом художественного воздействия. Большинство прецедентных феноменов, заявленных в стихах И. Гордона, относятся к периферии русского когнитивного пространства. Употребление их в тексте является сигналом принадлежности к одесскому городскому социуму, указывает на связь поэта с его культурой и традициями, служит для идентификации “своих”. Одесские ПФ маркируют стихотворения Измаила Гордона как поэзию конкретного города, предназначенную для ограниченного пределами этого города социума. Это, с одной стороны, подчёркивает самобытность поэта, с другой — ограничивает круг его читателей.

1. *Гордон И. Б.* Берег Отрады: Стихи. — Одесса: Маяк, 1982. — 94 с.
2. *Гордон И. Б.* Ближние Мельницы: Стихи. — Одесса: Маяк, 1988. — 104 с.
3. *Гудков Д. Б.* Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. Лекционный курс для студентов РКИ. — М.: Изд-во МГУ, 1999. — 120 с.
4. *Земская Е. А.* Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет // *Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур.* — М.: Наука, 1996. — С. 157 — 168.
5. *Караулов Ю. Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / *Русский язык и языковая личность.* — М.: Наука, 1987. — С. 216-237.
6. *Красных В. В.* “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003. — 369 с.
7. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. — М., 1970. — 384 с.
8. *Сльшшин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Akademia, 2000. — 128 с.
9. *Степанов Е. Н.* Восточнороманская составляющая в становлении и функционировании одесского городского койне // *Славянские чтения: материалы научно-теор. конф.* — Кишинёв, 2009. — Вып. 5. — С. 37-45.
10. *Степанов Е. Н.* Особенности концептуальной и языковой картины мира горожанина: факторы порождения и зоны проявления (на материале русской речи одесситов) // *Русистика.* — Киев: ВПЦ Київський університет, 2006. — Вип. 5-6. — С. 49-58.
11. *Степанов Е. Н.* Социальные аспекты городского прецедентного феномена и его статус в системе феноменов // *Мова: Наук. — теор. часопис.* — Одеса: Астропринт, 2008. — №13. — С. 5-10.
12. *Супрун А. Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // *Вестник языка.* — 1995. — №6. — С. 17-29.
13. *Чуковский К. И.* 1905, июнь / *Собр. соч.: В 6-ти т.* — М.: Худож. лит., 1969. — Т. 2.

L. A. Romanets

PRECEDENT PHENOMENA IN POETRY OF I. GORDON ABOUT ODESSA CITY

This article is about the research of urban precedent phenomena in I. Gordon poetry. The evaluation of lingual material allows to single out the groups of the most frequent author’s interpretations as well as the impact of each group on socio-lingual and cultural life of Odessa city.

Key words: urban precedent phenomenon, social-lingual-cultural areas, lingual culturology.

Л. О. Романець

ПРЕЦЕДЕНТНІ ФЕНОМЕНИ У ВІРШАХ І. ГОРДОНА ПРО ОДЕСУ

Статтю присвячено вивченню міських прецедентних феноменів у поетичних текстах Ізмаїла Гордона. Аналіз мовного матеріалу дає можливість виокремлення груп найчастіших прецедентних феноменів, визначення їх місця та значення у соціально-лінгво-культурному просторі міста Одеси.

Ключові слова: міські прецедентні феномени, соціально-лінгво-культурний простір, лінгвокультурологія.

УДК 811. 161. 1'367. 635:165. 74

М. Ю. Григоренко

Языковой, коммуникативный и прагматический статус эвиденциально-предположительных частиц *МОЛ, ДЕСКАТЬ, ЯКОБЫ, ДЕ*

В статье обосновывается место эвиденциально-предположительных частиц *мол, дескать, якобы, де* в системе средств выражения категории эвиденциальности. С позиций коммуникативного подхода определяются особенности актуального членения и специфика порядка слов в предложениях с исследуемыми частицами, устанавливается место данных предложений в коммуникативном регистре. В связи с определением прагматического статуса указанных частиц выявляется взаимосвязь субъекта, являющегося производителем действия, и субъекта, выражающего точку зрения автора высказывания; исследуется степень воздействия на адресата.

Ключевые слова: эвиденциальность, коммуникация, прагматика, субъект, морфология русского языка, частица.

Одной из важнейших языковых функций является обмен информацией в обществе. Любой язык располагает определенным набором средств, служащих этой цели. Передавая ту или иную информацию, говорящий может указать на источник получения этой информации.

Если говорящий сообщает о ситуации, которую он лично наблюдал, его знание квалифицируется как полное. В этом случае имеет место прямая эвиденциальность. Источником информации могут быть данные других органов чувств: слух, обоняние, общие ощущения (перцептивность), сообщение другого лица (пересказывательность), логическое заключение говорящего (инференциальность) [2: 226]. Это значения косвенной эвиденциальности.

Совокупность выражающих эти значения языковых средств, в число которых включаются и эвиденциально-предположительные частицы, объединяется в функционально-семантическое поле эвиденциальности.

Цель статьи — обосновать место эвиденциально-предположительных частиц *мол, дескать, якобы, де* в системе средств выражения категории эвиденциальности. В связи с этим сформулируем задачи исследования: 1) в прагматическом аспекте выявить взаимосвязь субъекта объективного компонента смысла предложения, являющегося производителем действия, и субъекта, выражающего точку зрения автора высказывания; 2) исследовать степень воздействия на адресата; 3) с позиций коммуникативного подхода определить особенности актуального членения и специфику порядка слов в предложениях с исследуемыми частицами; 4) установить место данных предложений в коммуникативном регистре.

Категория эвиденциальности имеет коммуникативно-прагматическую направленность, так как любое высказывание, в котором могут быть обнаружены эвиденциальные маркеры, не может ограничиться только передачей информации и указанием на ее источник, оставив без внимания признаки, свойственные говорящему субъекту в конкретной речевой ситуации, а также определённые модели отражения действительности (коммуникативные регистры), обусловленные коммуникативными интенциями говорящего.

Частицы *мол, дескать, якобы, де*, являясь периферийными элементами в системе языка, включаются в микрополе косвенной эвиденциальности.

Они формируют ядро микрополя пересказывательности, так как с прагматической точки зрения становятся обязательными семантическими элементами в высказываниях, в которых говорящий сообщает о событии, основываясь на вербальном сообщении внешнего источника (другого лица, группы лиц). Их основное назначение — репрезентация “чужой речи” в высказывании. Указанные частицы являются маркерами “рефлексии своего и чужого”, разделяя субъективную сферу говорящего и сферу “другого”, выступающего в рассматриваемых высказываниях в качестве источника информации. Например: *После схода в селе сидит он с мужиками на улице и рассказывает им, что, дескать, люди — стадо, для них всегда пастуха надо, — так! А я пошутил: “Как назначат в лесу воеводой лису, пера будет много, а птицы — нет!”* (А. М. Горький. Дело Артамоновых). Автор высказывания включает в созданный им самим текст так называемую “чужую речь”, которая маркируется с помощью формального элемента — эвиденциально-предположительной частицы *дескать*. Источником информации является другое лицо.

Являясь показателями авторизации в высказываниях, частицы *мол, дескать, якобы, де* сигнализируют об отношении субъекта речи к “чужому” тексту, оценивают его. Они выполняют следующие прагматические функции:

1) указание на несогласие говорящего с чужим мнением: *Так секрет, говорит, секрет? У меня дескать втроем против нее заговор, и “Катька” дескать замешана? Нет, брат, Грушенька, это не то. Ты тут маху дала, своего глупенького женского маху! Алеша, голубчик, эх куда ни шло! Открою я тебе наш секрет!* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы); 2) указание на недостоверность сообщаемого: *Жили мы — не бедно, а в обрез. Был у моего отца еще брат, Егор по имени; да того за какие-то якобы “возмутительные поступки и якобинский образ мыслей” (так именно стояло в указе) сослали в Сибирь еще в 1797 году* (И. С. Тургенев. Часы).

Частицы могут употребляться также с целью соблюдения правил речевого поведения в интересах говорящего и адресата, добиться адекватного восприятия сообщения адресатом [5: 91]. В таких высказываниях субъект речи обращает внимание адресата на то, что переданная информация может быть недостоверна.

Употребление частиц в данных случаях служит следующим целям:

1) произвести благоприятное впечатление на адресата, 2) подчеркнуть точность передачи чужого мнения.

Рассмотрим это на примерах: *А еще люди богатые не любят, чтобы бедняки на худой жребий вслух жаловались, дескать, они беспокоят, они-де назойливы! Да и всегда бедность назойлива, — спать, что ли, мешают их стоны голодные!* (Ф. М. Достоевский. Бедные люди). Субъекта речи не устраивает содержание высказывания, так как, с его точки зрения, противоречит понятиям морали и нравственности. Возможны случаи, когда субъекта речи не устраивает не только содержание высказывания, но и форма его выражения: *Я раз было вздумал заступиться за невесток, попытался возбудить сострадание Хоря; но он спокойно возразил мне, что “охота-де вам такими... пустяками заниматься, — пускай бабы ссорятся... Их что разнимать — то хуже, да и рук марать не стоит”* (И. С. Тургенев. Хорь и Калиныч). С одной стороны, автор фразы стремится соблюсти объективность в изложении информации, но с помощью введения частицы *он*, во-первых, акцентирует внимание адресата на то, что это чужая речь и он не согласен с этой точкой зрения, а во-вторых, предотвращает возникновение неблагоприятного воздействия на адресата, которое бы могло возникнуть в случае согласия говорящего с содержанием высказывания.

Известно, что высказывание — реализация предложения в речи как элемента коммуникативного акта.

Коммуникативная организация определяется условиями функционирования предложения, его актуального членения, в качестве компонентов которого выступают тема (исходная часть высказывания, предмет сообщения) и рема (коммуникативный центр высказывания, то, что сообщается о теме). Основными средствами выражения актуального членения являются порядок слов и интонация (а именно: место фразового ударения, или интонационного центра). А в качестве вспомогательных элементов, актуализирующих “данное” или “новое”, выступают частицы.

Как правило, эвиденциально-предположительные частицы, являясь средствами актуального членения предложения, ориентированы на трансформацию семантического поля предиката

как компонента ремы. В результате воздействия частицы происходит дополнительная актуализация предиката и частичное уточнение его семантического поля [3: 103]: *Собакевич отвечал, что Чичиков, по его мнению, человек хороший, а что крестьян он ему продал на выбор и народ во всех отношениях живой; но что он не ручается за то, что случится вперёд, что если они попримрут во время трудностей переселения в дороге, то не его вина, а в том властен Бог, а горячек и разных смертоносных болезней есть на свете немало, и бывают примеры, что вымирают-де целые деревни* (Н. В. Гоголь. Мёртвые души). В подобных примерах предикат уже не осмысливается в качестве единственного ядерного компонента ремы, а частица, выполняя функцию рематизатора, занимает центральное место в коммуникативной структуре высказывания.

Эвиденциально-предположительные частицы могут также актуализировать логический субъект высказывания: *Покойник давно слыл колдуном, и никто не хотел, чтобы черти свернули голову на затылок, свои следы считать. Ты, дескать, брал на прокат саван, ты и отдавай его; нам что за стать в чужом пиру похмелье нести* (А. А. Бестужев-Марлинский. Страшное гаданье). Частица *дескать*, находясь в контактной позиции с субъектом *ты*, служит для его перевода в состав ремы.

Кроме того, исследуемые частицы могут актуализировать периферийный компонент высказывания: *Скажи — молодец она! Сейчас, мол, подарок на зубок достанет и придет! Стой! Закуску попу приготовьте, за кумом Маякиным пошлите!* (А. М. Горький. Дело Артамоновых). В данном типе высказываний, помимо предикативной основы, можно выделить дополнительное предикативное ядро, в центре которого находится частица и актуализированный ей второстепенный член (обстоятельство). Наблюдается несовпадение грамматического и актуального членения, так как грамматический и коммуникативный центр высказывания образованы разными формальными элементами.

Аналогичную функцию частицы выполняют, попадая в постпозицию по отношению к некоторым служебным частям речи. Они открывают рематическую часть высказывания: *Не беспокойтесь! Всё будет в порядке, мамаша! Чемоданчик ваш у меня. Давеча, как он сказал мне про вас, что, дескать, вы тоже с участием в этом и человека того знаете, — я ему говорю — гляди, Степан! Нельзя рот разевать в таком строгом случае!* (А. М. Горький. Дело Артамоновых).

Особенностью месторасположения и функционирования частицы *де* является ее способность становиться энклитикой, находиться в постпозитивной позиции относительно актуализированного компонента высказывания, в качестве которого могут выступать самостоятельные и служебные части речи: *Из Вены пишет: цесарь — де // готовит Подарок мне — шесть обезьян мне шлет. Аринушка, я их отправлю к Мите!* (А. К. Толстой. Царь Фёдор Иоаннович) (существительное); *Земля, говорят, божья, а мы-де // той земли прямые хозяева, потому кто на ней не работает, тому и владеть ей закону нет...* (А. С. Грин. Слоны и Моська) (местоимение); *Сделав несколько шагов, чувствую вдруг, что меня останавливают — оглядываюсь, гвардейский офицер заметил мне, что — де // мне следовало б не толкнуть его с тротуара, но скорее остановиться и вытянуться* (А. С. Пушкин. Повести Белкина) (союз). Частица *де*, увеличивая значимость акцентуемого слова, выполняет рематическую функцию.

Частицы *мол* и *дескать* позиционно очень подвижны. Они могут 1) предшествовать чужой речи: *Обнаружили решение ваше. // Дескать, ты, ваше благородие, делай свое дело, а мы будем делать — свое* (А. М. Горький. Дело Артамоновых); 2) следовать за союзом или замещать его: *Он покосился на меня, заговорил насчет того, что, // мол, терпеть надо народу и богу молиться, чтобы он силу дал для терпенья* (А. М. Горький. Дело Артамоновых); 3) находиться внутри чужой речи: *А Дунькин отец подзуживает... такие слова стали говорить!.. Что ж вы, // мол, озорничаете в чужом дому?* (А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги); 4) завершать чужую речь: *Давно ли был им хуже горькой редьки Посадник Глеб? Боярам не давал Созванивать народ, помимо веча; А безземельных с площади гонял: // “Не вечники вы, дескать!”* (А. К. Толстой. Посадник). В позиции начала и конца предложения частицы воздействуют на все предложение в целом. В остальных позициях они располагаются на границе актуального членения.

Положение частицы *якобы* в предложении также не является фиксированным. Она может следовать за союзом или союзным словом, занимать позицию середины и конца предложения: *В то же время, как дьячок дописывал свою отповедь, один сосед-помещик во весь дух мчался на сво-*

их лошадях в уездный город с жалобой к благочинному на дьячка Вифаидского в тех смыслах, что // *якобы* Вифаидский хотя за болезнью своего священника и состоит исправляющим должность сельского разгоняевского наставника, но в газете ничего не смылит... (А. И. Левитов. Газета в селе); Почва была в собственной личности его, мягкой и кроткой, верно дала жизнь путем бесчисленных и // *якобы* убедительных примеров, из которых следовало, что необходимо одно — терпеть, ибо ничего не поделаешь... (А. И. Эртель. Записки степняка); Кончив курс, он страстно полюбил теперешнюю свою... как ее?.. замужнюю, и должен был бежать с нею сюда на Кавказ, за идеалами *якобы*... (А. П. Чехов. Дуэль). Как и в случаях с частицами *де*, *дескать*, *мол*, частица *якобы* выполняет аналогичную функцию рематизации актуализированного компонента высказывания.

Таким образом, занимаемая позиция эвиденциально-предположительных частиц *мол*, *дескать*, *якобы*, *де* в высказывании не влияет на их отнесение к тематическим или рематическим элементам, так как во всех позициях они служат для выделения коммуникативного центра высказывания и являются компонентами ремы.

Каждое высказывание включается в определенный коммуникативный регистр речи, под которым мы, вслед за авторами “Коммуникативной грамматики” понимаем модель речевой деятельности, обусловленную точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями, располагающую определенным репертуаром языковых средств и реализованную в конкретном фрагменте текста. Коммуникативный регистр в условиях текста является средством обнаружения синтаксической композиции, в рамках же языковой системы образует область функциональных возможностей языковой единицы [4: 107].

В связи с этим считаем необходимым установить, в каких коммуникативных регистрах могут функционировать высказывания с анализируемыми нами частицами.

Как правило, в таких высказываниях временной план “чужой речи”, фиксируемый эвиденциальными частицами, не совпадает с временным планом высказывания. Это является одним из признаков информативного речевого регистра, который предполагает сообщение о фактах, событиях, свойствах, отвлеченных от конкретной длительности единичного процесса, не прикрепленных к единому с говорящим хронотопу [1: 29]. Событийное время и время говорящего дистанцированы друг от друга. Высказывания информативного регистра могли бы быть заключены в модусную рамку “Я знаю, что...”, “Известно, что...”. “Чужие слова” отнесены либо в план относительно прошедшего, либо в план будущего времени: *Затем было сообщено, что другой губернатор, Ричард Альбертович, говорил вчера выезжному Михайле, что нашёл себе место — у князя Мостовского и что очень-де счастлив уйти отсюда, потому что ему-де от Юрия Константиныча житья нет* (А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги) (отнесенность к прошедшему времени); *Я ей скажу, что вот, мол, как, вот какое дело; что ж теперь нам делать, душа ты моя?.. Подготовлю её как следует, а потом... ну, потом представлю письмо. А впрочем, тут же присовокуплю, что, дескать, это всё ещё можно как-нибудь устроить, надежду терять ещё не нужно...* (И. С. Тургенев. Холостяк) (отнесённость к будущему времени).

В высказываниях с эвиденциальной семантикой чужой текст может принадлежать не только реальному лицу, но и обобщённому. В таких случаях речь идет о генеритивном регистре речи: *Да, впоследствии я узнал, что далеко не один Ростовцев говорит в таком роде, то и дело слышал эти мнимо смиренные речи, — мы, мол, люди серые, у нас сам государь Александр Александрович в смазных сапогах ходит, — а теперь не сомневаюсь, что они были весьма характерны не только для нашего города, но и вообще для тогдашних русских чувств...* (И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева). Цель говорящего — сообщить обобщенную информацию, принадлежащую некоторой группе лиц.

В некоторых случаях частицы *мол*, *дескать*, *якобы*, *де* могут включаться в состав высказываний волюнтивного речевого регистра, основным признаком которого является коммуникативная интенция говорящего побудить адресата к действию, внести изменение во фрагмент действительности: *Говорит им князь тогда: “Добрый путь вам, господа, По морю по Окияну К славному царю Салтану; Да скажите: князь Гвидон Шлет царю-де свой поклон”* (А. С. Пушкин. Сказка о царе Салтане). Как и в информативном регистре, событийное время и время говорящего, который, следуя вдоль событийной линии, воспроизводит “видимое” и “слышимое”, дистанцированы друг от друга. В центре внимания автора высказывания становится не сообщение, а побуждение адресата к действию.

Таким образом, семантика эвиденциальности может включаться в высказывания, которые принадлежат трём коммуникативным речевым регистрам: информативному, генеритивному и волюнтивному.

Выводы:

- 1) в прагматическом аспекте частицы *мол, дескать, якобы, де* являются маркерами точки зрения автора, инструментами ввода и оценки чужой речи;
- 2) выполняют прагматические функции указания на несогласие говорящего с чужим мнением и на недостоверность сообщаемого; способны служить цели произвести благоприятное впечатление на адресата, подчеркнуть точность передачи чужого мнения;
- 3) с точки зрения актуального членения частицы *мол, дескать, якобы, де* являются рематическими элементами, актуализирующими коммуникативный центр высказывания;
- 4) порядок слов в предложениях с частицами *мол, дескать, якобы* не является закрепленным, так они способны менять местоположение без семантического ущерба для высказывания; позиция частицы *де* является фиксированной — она, являясь энклитикой, следует за акцентуемым словом;
- 5) высказывания с исследуемыми частицами могут принадлежать информативному, генеритивному и волюнтивному регистрам речи.

1. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 2004.
2. Козинцева Н. А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. — С. Пб., 2000. — С. 226-240.
3. Нагорный И. А. Функциональная перспектива предложений с модально-персуазивными частицами. — Барнаул, 2001.
4. Онипенко Н. К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. — №2. — М., 2001. — С. 107-121.
5. Перфильева Н. П., Хальзова Ю. Б. Семантика высказываний с частицами *мол, де, дескать* // Семантические и прагматические аспекты высказываний. — Новосибирск, 1991. — С. 86-95.

M. Yu. Grigorenko

THE LANGUAGE, COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC STATUS OF EVIDENTIAL-HYPOTHETICAL PARTICLES

The article deals with the justification of a place of evidential-hypothetical particles in the system of expressing the category of evidentiality. From the standpoint of the communicative approach author determines a peculiarity of the actual division and specificity of the word order in sentences with the studied particles, determines the place of these sentences in the communicative register. In connection with the definition of the pragmatic status of these particles the author reveals the relationship of the subject, which is the producer of action, and the subject, which expresses the views of the utterance's of author, the impact on the recipient is investigated.

Key words: evidentiality, communication, pragmatics, subject, morphology of Russian, particle.

М. Ю. Григоренко

МОВНИЙ, КОМУНІКАТИВНИЙ І ПРАГМАТИЧНИЙ СТАТУС ЕВІДЕНЦІАЛЬНО-МОЖЛИВІСНИХ ЧАСТОК

У статті обґрунтовується місце евіденціально-можливісних часток у системі засобів вираження категорії евіденціальності. З позицій комунікативного підходу визначаються особливості актуального членування і специфіка порядку слів у реченнях з досліджуваними частками, встановлюється місце даних пропозицій у комунікативному регістрі. У зв'язку з визначенням прагматичного статусу зазначених часток виявляється взаємозв'язок суб'єкта, який є виробником дії, і суб'єкта, який висловлює точку зору автора; досліджується ступінь впливу на адресата.

Ключові слова: евіденціальність, комунікація, прагматика, суб'єкт, морфологія російської мови, частка.

ПИТАННЯ КОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

УДК 811.161.1/2:111.852:159.922.4=1.477 Гоголь

И. А. Ионова

Концепт “галушки” в картине мира украинцев и его эстетическая актуализация в поэтике Н. В. Гоголя

В статье утверждается, что упоминание *галушек* в произведениях Н. В. Гоголя следует рассматривать не только как бытописательную колористическую деталь, но и как факт эстетической актуализации писателем одного из концептуально значимых элементов национальной картины мира. Утверждение идиолектного статуса слова “галушки” в лексиконе писателя базируется на лингво-эстетическом анализе его “малороссийских” рассказов и повестей. Статья содержит рассуждения о судьбе слова “галушки” в русском языке.

Ключевые слова: Гоголь, национальная картина мира, галушка, Украина, русский язык.

Можно утверждать, что понятие “галушки” включается в языковую картину мира украинцев как концептуально значимое.

В фольклоре образы, связанные с этим понятием, служат для метафорического обобщения жизненного опыта. Например, в пословице: “*З попелу галушки не вдаються до юшки*”. Загадка о граде: “*Сидить дід за подушками та стріляє галушками*”.

Традиционное блюдо утвердилось даже в сфере подсознательного. Из украинского сонника: делать во сне галушки, чтобы угостить кого-то, — к празднику; подавать галушки на стол, есть их — к приобретению полезного и приятного знакомства [10].

Галушки могут иметь ритуальное значение. На одном из Интернет-сайтов предлагается рецепт — “Приворотные галушки из картофеля от бабки Горпины”. Собственно, сама рецептура ничем не примечательна. Но *тот*, утверждает виртуальная бабка, *кого угощает этим блюдом молодая вдова, считается ее избранником. Кроме того, с помощью галушек можно приворожить мужчину. В этом случае готовить их следует босиком, а перед приготовлением сказать: “Я до... (имя возлюбленного) хочу в хату, буду жінкою багатой”. Опуская тесто в подсоленную воду чайной ложкой, нужно попеременно называть то его, то свое имя. Подавать галушки горячими со сметаной (если ваш избранник — блондин) или сливочным маслом (если избранник брюнет). Галушками нельзя приворотить рыжего.* (Может быть, именно поэтому Хавронья Никифоровна в “Сорочинской ярмарке” приготовила для Афанасия Ивановича не только *варенички, пампушечки и товченички, но и галушечки пшеничные?* [3:53]).

Приверженность этому блюду связывается обычно не со всей Украиной, а с некоторыми её областями. В. И. Даль, например, записал пословицу “*Полтавець галушкою подавився*” [4:343]. У полтавчанина Н. В. Гоголя именно галушки оказываются сквозной колористической деталью почти **во всех** рассказах и повестях с “малороссийской” тематикой. Для сравнения: у М. М. Коцюбинского мы нашли всего один эпизод, в котором упоминается это блюдо. В повести “На віру” галушки готовят к ужину, на котором должна была решиться судьба героини: идти ли ей жить невенчанной к вдовому односельчанину: “*Вечеря поспіла. Мотря насипала галушок у миску і поставила на стіл коло тарілочок з покладами та кришеним салом. Гаряча пара від галушок знялась над мискою, стіл неначе повеселішав*” [6:61]. Следует отметить, что в приведённом реалистическом описании галушки оказываются основным угощением на скудном бедняцком столе и воспринимаются гостями как праздничное блюдо.

Произведения Н. В. Гоголя, в которых синтезировались лирическое и эпическое, фантазия и реальность, легендарное и романтическое, стали для российского читателя богатым источником страноведческой информации.

В рассказах и повестях знаменитого полтавчанина его родина предстаёт богатым краем, где живут добрые и гостеприимные люди. В повести “Вий”: “*Бурсаков почти никого не было в городе:*

все разбрелись по хуторам, <...> потому что по хуторам малороссийским можно есть галушки, сыр, сметану и вареники величиною в шляпу, не заплатив гроша денег” [3:338].

Пожалуй, главное, что узнает внимательный читатель о галушках: они являются повседневной, едва ли не основной, пищей крестьян. Иногда это фоновая деталь описания, обретающая эстетическую значимость лишь в контексте всего творчества Н. В. Гоголя. В “Заколдованном месте” о деде-кладоискателе: *“Поздненько, однако ж, пришел он домой и галушек не захотел есть” [3:209].* На следующий день, когда дед предпринял новую попытку добыть клад, он снова опоздал к вечерней трапезе на бахче. *“Куда это зашел дед?” — думали мы, дожидаясь часа три. Уже с хутора давно пришла мать и принесла горшок горячих галушек. Нет да и нет деда! Стали опять вечерять сами” [3:211].*

Явно фольклорная “страшилка”, которую приезжий винокур рассказывает за ужином (“Майская ночь, или утопленница”), интересна не только мистическим сюжетом но и подробностями, связанными с употреблением галушек. *“Вечером, немного, может, раньше теперешнего, уселись вечерять: покойная теща, покойный тесть, да наймыт, да наймычка, да детей штук с пятеро, теща отсыпала немного галушек из большого казана в миску, чтобы не так были горячи. После работ все проголодались и не хотели ждать, пока простынут. Вздевши на длинные деревянные спички галушки, начали есть. Вдруг откуда ни возьмись человек, — какого он роду, бог его знает, — просит и его допустить к трапезе. Как не накормить голодного человека! Дали и ему спичку. Только гость упрятывает галушки, как корова сено. Покамест те съели по одной и опустили спички за другими, дно было гладко, как панский помост. Теща насыпала еще; думает, гость наелся и будет убирать меньше. Ничего не бывало. Ещё лучше стал уплетать! И другую выпорожил! “А чтоб ты подавился этими галушками!” — подумала голодная теща; как вдруг тот поперхнулся и упал. Кинулись к нему — и дух вон. Удавился”. Мертвец, как известно, стал вечерами появляться на трубе хаты, держа галушку в зубах.*

Это обычная пища крестьян во время полевых работ. В повести “Иван Федорович Шпонька и его тетушка” есть лирическая пейзажная зарисовка, в которой галушки оказываются очень органичной художественной деталью. Иван Федорович *“неотлучно бывал в поле при жнецах и косарях, и это доставляло наслаждение неизъяснимое его кроткой душе. <...> У! как свежо и хорошо! По полю, то там, то там, раскладываются огни и ставят котлы, и вокруг котлов садятся усатые косари; пар от галушек несется. Сумерки сереют... Трудно рассказать, что делалось тогда с Иваном Федоровичем. Он забывал, присоединяясь к косарям, отведать их галушек, которые очень любил, и стоял недвижимо на одном месте, следя глазами пропадавшую в небе чайку или считая копы нажатого хлеба, унизывающие поле” [3:194].* Здесь любопытно последнее выделенное замечание. Вообще украинские помещики у Гоголя галушек не едят: ни в повествовании о старосветских старичках, ни в рассказе о поссорившихся миргородских обывателях это блюдо не упоминается. Иван Федорович любил галушки и за ужином с косарями мог “отведать” их.

Сытное и лёгкое в приготовлении блюдо готовят запорожцы в походе. В повести “Тарас Бульба”: *“Костры, у которых сидели сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, перекусивши саламаты и галушек во весь козацкий аппетит” [3:268].*

Герои “Страшной мести” едят почти по-походному: ведь трапеза происходит в доме козацкого есаула.

“— А что ж это, моя дочь! — сказал отец <...>, — солнце уже высоко, а у тебя обед не готов.

— Готов обед, пан отец, сейчас поставим! Вынимай горшок с галушками! — сказала пани Катерина старой прислужнице <...>.

Все сели на полу в кружок: против покута пан отец, по левую руку пани Катерина и десять наивернейших молодцов в синих и желтых жупанах”.

В цитируемом эпизоде интересен не только национальный (или запорожский) колорит. В отказе тестя есть галушки Бурульбаш усматривает доказательство его религиозного предательства.

“— Не люблю я этих галушек! — сказал пан отец, немного поевши и положивши ложку, — никого вкуса нет!

“Знаю, что тебе лучше жидовская лапша”, — подумал про себя Данило.

— Отчего же, тесть, — продолжал он вслух, — ты говоришь, что вкуса нет в галушках? Худо сделаны, что ли? Моя Катерина так делает галушки, что и гетьману редко достается есть та-

кие. *А брезгать ими нечего. Это христианское кушанье! Все святые люди и угодники божии едали галушки*”.

Подозрения Бурульбаша усиливаются, когда гость отказывается от жареного кабана: *“Одни турки и жиды не едят свинины”* [3:161]. Но если религиозные мотивы превращения сала в национальную еду культурологи и кулинары прослеживают (запорожцы якобы специально ели сало, чтобы досадить туркам, которым Коран запрещает употреблять в пищу мясо этого животного), то относительно православных коннотаций у галушек информация отсутствует.

Забавная деталь, которую, впрочем, можно интерпретировать как выражение трогательной уверенности персонажей Гоголя в целостности и универсальности мира, есть в *“Пропавшей грамоте”*. По словам внука, рассказывающего, как его дед-запорожец доставил гетьманскую грамоту царице, гонца *“повели... в палаты, такие высокие, что если бы хат десять поставить одну на другую, и тогда, может быть, не достало бы. Как заглянул он в одну комнату — нет; в другую — нет; в третью — ещё нет; в четвёртой даже нет; да в пятой уже, глядь — сидит сама, — и далее представлена императрица — воплощение власти, великолепия и богатства, какими они видятся украинскому крестьянину, — в золотой короне, в серой новехонькой свитке, в красных сапогах, и золотые галушки ест”* [3: 111].

Таким образом, эстетическая установка упоминания галушек у Н. В. Гоголя очевидна, и это понятие можно со всем основанием отнести к индивидуальным художественным концептам писателя. Свое видение важнейших критериев поэтики повседневного он сформулировал в статье *“Несколько слов о Пушкине”*: *“... Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина”* [8:413]. Это положение как нельзя лучше иллюстрируется рассмотренным материалом.

Блюдо, столь любимое и почитаемое предками, сохраняется в картине мира украинцев и сегодня. Пристрастие к галушкам становится деталью украинского менталитета в современном фольклорном жанре — анекдотах. Например, в таком. *“Трое русских поймали хохла и решили над ним поиздеваться — напихать его рот галушками, чтобы тот подавился. Двое русских держат хохла за руки, а третий сует ему галушки в рот. Хохол: “Изверги, що ви робите!? Один держить, двое запихують!”*

Казалось бы, в условиях активной глобализации, которая нивелирует национальные различия в духовной и бытовой сферах, следовало ожидать затухания данного концепта. Однако происходит противоположное, и, надо сказать, не без влияния творчества Н. В. Гоголя.

В Полтаве ежегодно проводится праздник — День галушки. Это масштабное этнокультурное по форме мероприятие, Приёмы, с помощью которых осуществляется коммерческое раскручивание *“образа галушки”*, свидетельствуют о предприимчивости организаторов. Во время праздника организуются выставки, рассказывающие об истории этого национального блюда, соревнования поваров. Например, в июне 2009 года ресторан *“Иванова гора”* приготовил галушку весом 10 кг. Галушки стали символом Полтавы, а соответствующий памятный знак официально внесен в символику города. Мэр города предложил зарегистрировать галушку как товарную марку. Предприниматели, использующие её, должны платить налог в городскую казну. В 2006 году открыли памятник в виде глубокой каменной тарелки с двенадцатью галушками и ложкой. Авторами монумента являются народный художник Украины Анатолий Чернощёков и скульптор Николай Цысь. Имя студента, победившего в конкурсе на скорость поедания галушек, внесено в книгу рекордов Гиннеса (полтавчанин съел традиционную порцию из 12 галушек за 52,3 секунды). Во время праздника проводится акция: *“Любой украинец по фамилии Галушко сможет поесть бесплатно в ресторанах Полтавы”*. Кстати, акция рестораторов стимулировала антропонимическое исследование. Оказывается, в Полтаве живёт 542 человека, чья фамилия связана с кулинарным символом города (Галушка, Галушко, Галушечник, Галушенко, Галушевский и др.), а в области с такой фамилией — 1 100 человек.

Производители зарабатывают на изготовлении *“машинок для приготовления галушек”*, *“оборудования для производства маленьких галушек”* (из рекламных объявлений), разнообразных сувениров.

Специально к празднику Анатолий Лихошвай написал этнокулинарную песню *“Полтавські галушки”*: *“Був я, друзі, у Тюмені — Добрі ліплять там пельмені, Та немає краще страви, Як галуш-*

ки у Полтаві. **Приспів:** *Ой, галушечки-галушки, — Нема в світі краще юшки: І на салі, і в сметані, І пшеничні, і гречані, — Ось які!.. Полтавські галушки*".

Очевидно, что проведение колоритного праздника лишь отчасти является выражением национальной самобытности. Устроители явно стараются создать для народного гулянья историко-литературный контекст, в который не всегда вписываются проводимые мероприятия. Поэтому День галушки в 2009 году сочетается с празднованием 300-летия Полтавской битвы, в ознаменование чего состоялась "Полтавская битва кухарей" — конкурс поваров. Здесь можно было полакомиться блюдами с соответствующими названиями: "Вечеря з Мазепою", "Мрія гетьмана", "Гетьманська булава".

Ясно, что одним из мотивов при выборе символа для нового праздника на Полтавщине стало творчество Н. В. Гоголя. Неслучайно торжественное открытие памятника галушке в 2006 году было приурочено ко дню рождения писателя — 1 апреля. Хотя у организаторов был ещё один весомый, на их взгляд, литературный аргумент. Изначально памятник галушке расположили на Соборной площади у музея Ивана Котляревского, ведь похожие на запорожских казаков герои "Энеиды" наряду с другими украинскими блюдами ели и это: *"Пять казанів стояло юшки, А в чотирьох були галушки, Борщу трохи було не з шість; Баранів тьма була варених, Курей, гусей, качок печених, Досита щоб..."* [5]. Поскольку ватага Энея в гостях у Юноны не отказывала себе в чревоугодии, эпизодов с галушками в поэме несколько.

Когда памятник ещё только планировался, общественность через средства массовой информации выражала возмущение коммерциализацией духовных и культурных ценностей украинского народа. *"Кажуть, пам'яник галушці намагаються "прив'язати" до Котляревського, його "Енеїди". У ній справді для відтворення національного колориту згадується ця страва, як і десятки інших, ну то й що? Хіба ж ті "харчові" епізоди несуть основне смислове навантаження цього геніального твору? А якщо вже комусь дуже хочеться увічнити літературних героїв Котляревського, то чому й досі немає у Полтаві пам'ятника, скажімо, Наталіці й Петру? Захарашувати ж національну святиню, якою, без сумніву, є Іванова гора з Соборною площею, подібною гідотою — просто ганебно й обурливо"* [11].

Власть отреагировала на требования общественности: памятник Полтавской галушке перенесли от Свято-успенского кафедрального собора на двести метров — к ресторану "Иванова гора".

Действительно, Котляревскому и Гоголю негде находится в тени блюда из вареных кусочков теста, пусть даже и любимого народом. Однако, как бы то ни было, праздник и всё, что с ним связано, включая полемику в СМИ, послужили мощным стимулом актуализации концепта "галушки" в национальной картине мира, правда, этот элемент картины мира отныне приобрел новые, не такие, как у Котляревского и Гоголя, краски. Изначально галушки (назовем их "настоящими") — это сытное блюдо, технологическая незамысловатость которого позволяла приготовить его быстро и в неприспособленных для кулинарии условиях (в поле на костре). Простота рецептуры отмечена у В. И. Даля: *"На юге галуха и галушник — охотник до галушек, а галушка — род клецки, большей частью пшеничной, тесто, сваренное комками в воде, в борщу: иногда галушки замешиваются на молоке или затираются на свином сале"* [4:343]. Обратим внимание на то, что и "кулинарной доминантой" для персонажей Н. В. Гоголя, и символом праздника в Полтаве стали именно галушки, а не вареники, о предпочтительности которых говорят даже украинские пословицы: *"Абы какие вареники все же галушек лучше", "Что-нибудь, лишь бы вареники"*. Последние, хотя и очень любимы, но достаточно сложны и трудоемки в приготовлении.

Для сегодняшних горожан галушки не являются повседневным, обусловленным условиями жизни, блюдом, а нацеленность на праздник, на соревнование стимулирует поваров к поиску неповторимых вариантов. В предисловии к одному из сотен тематических рецептурных сборников отмечается, что *"полтавчанам известно около пятидесяти рецептов галушек, как классических (отваренных в курином бульоне), так и с разнообразной начинкой (печёнка, шкварки, сало, капуста, творог, лук, картофель, мясо...) в масле, сметане, бульоне и т. д."*. *"Только мы знаем, каким разнообразным может быть это нехитрое кушанье, — пишет другой автор. — Например, галушки пшеничные и гречаные, картофельные и творожные (как синоним употребляется словосочетание "вареники ленивые". — И. И.), из заварного теста и из хлебных сухарей; галушки с са-*

лом, шинкой, яблоками и так далее. В каждой украинской деревне, в каждом городке готовят свои, неповторимые, аппетитные и ароматные, галушки — предмет национальной гордости украинцев не в меньшей степени, чем вареники”.

Комментуруя подобиные висказывания, один из участников “галушечного” Интернет-форума скептически заметил: “Н. В. Гоголь сказав бы, что это вовсе не **галушки**, раз они не сварены в супе или молоке, но, конечно, и наши ему бы понравились: жизнь не больно баловала его, хотя в молодости он был большим знатоком и русской, и малороссийской кухни...” [2].

Хотя, как свидетельствует В. И. Даль, слово “галушки” в XIX веке было известно пограничным с Украиной южнорусским говорам, считается, что в русский литературный язык оно попало благодаря Н. В. Гоголю, который в словарице к “Вечерам на хуторе близ Диканьки” объяснил его просто: “галушки — клецки”.

В словарях современного русского языка слово даётся без стилистических помет, но с инокультурной привязкой в толковании: “**ГАЛУШКИ**, -шек, -шкам, *мн.* (*ед.* галушка, -и, *ж.*). Украинское кушанье в виде кусочков теста, сваренных в супе или молоке” [9:299]. Признание “галушек” русским языком зафиксировано и в ориентированном на самый широкий круг пользователей словаре С. И. Ожегова (мы ссылаемся на издание с ещё не расширенным Н. Ю. Шведовой словником). Здесь характер блюда представлен еще более лаконично: “Украинское кушанье — кусочки сваренного теста” [7].

Об освоенности слова русским языком свидетельствует перевод в “Украинско-русском словаре”: “**галушка** *кулинарное* — галушка; клецка” [12]. Аналогичным образом можно объяснять, что “вареники — это вареники”, а “шашлык — это шашлык”.

Прочность позиций, занимаемых словом “галушки” в современном, точнее, сегодняшнем, русском языке, подтверждается его употребительностью в сферах, связанных с кулинарией: ресторанной рекламе, рецептурных сборниках и т. п., причём отнюдь не в связи с украинской национальной кухней. Галушки — блюдо, чрезвычайно легкое в приготовлении, поэтому аналоги есть в кухне многих народов. “**Клѣцки, вареники и прочие галушки в национальных кухнях**”, — так называется один из рецептурных сборников, размещённых в Интернете. Итальянское блюдо здесь представлено следующим образом: “**Ньокки — итальянские собраты наших клѣцек. Они легки в приготовлении, не лежат камнем в желудке, и экспериментировать с ними можно до бесконечности. Откуда взялись ньокки? Изобрели это блюдо итальянские крестьяне, что, кстати сказать, не редкость, если говорить о шедеврах итальянской кухни. Ньокки — один из классических примеров того, как можно накормить большую семью при минимальных затратах**”. Очевидно, что сказанное — слово в слово — можно отнести к украинским галушкам. В цитируемом источнике отмечается, что галушки становятся модным в России блюдом: “**Ещё десять лет назад в Москве вряд ли отыскался бы модный ресторан, в котором знаменитый шеф-повар предлагал своим гостям в качестве основного блюда клецки или галушки. А сегодня — пожалуйста. Ведь новое — это хорошо забытое старое**” [14].

Показательно, что в литературе по кулинарии на русском языке похожесть блюд объясняется именно с помощью слова “галушки”. Нам удалось найти (в основном в Интернет-источниках) множество примеров: “**мампар** — мелкие узбекские **галушки** из теста”; “**страпачки** — словацкие **галушки** с квашеной капустой”; “**шкорцы** — словацкие **галушки** с салом”; “**қурдук** — **галушки** по-хорезмски”; “**нудли** — штирийские **галушки** из творога”. В “разряд” галушек попадают чешские **кнели**, **кнедлики**. Существует еврейское блюдо: “суп молочный с **климпы (галушками)**”. Кулинарные источники предлагают галушки эстонские — из ячменной муки, чеченские — из кукурузной муки, ингушские, осетинские, немецкие галушки. галушками названы даже “традиционные китайские **галушки юаньсяо**, изготовляемые в преддверии Праздника фонарей на глазах покупателя”.

Наконец, парадоксальное, “перевернутое” гоголевское толкование: **клѣцки** — это польские галушки.

Ясно, однако, что слово “галушки” остаётся для русского языка украинским экзотизмом. Это блюдо — наряду с варениками и салом — стало одним из гастрономических символов страны, подобно тому, как своего рода кулинарными визитными карточками для русских являются “щи да каша” и пироги, для среднеазиатских народов — плов, шашлык — для грузин, спагетти и пицца — для итальянцев, мамалыга — для румын и молдаван и т. д.

В этом смысле весьма показательным отраженное в СМИ символическое употребление слова “галушки” в ситуациях, каким-либо образом связанных с Украиной. Речь может идти о любой жизненной сфере — об экономике, политике, культуре, — упоминание кулинарного символа делает узнаваемой страну, даже если она не называется. Например, реплика на Интернет-форуме (лингвистические особенности источника):

“Грузинский флот взорван / Военный портал А дальше Вы думаете что придёт добрый дядя и даст галушек или шашлыка на халяву. Да придёт, да даст, но не всем, а верхушке и тем, кто её охраняет, а остальные 95% будут облизывать тарелки и шампуры” [16].

Телеведущий И. Ургант в преддверии 2008 года, когда в очередной раз обострился “газовый конфликт”, в интервью газете “Аргументы и факты” рассуждал на эту тему, оперируя именно кулинарными символами: *“Обострение наших отношений с Грузией и Украиной я считаю главным антисобытием года. Это что, мне теперь не есть галушки и хинкали? И всю жизнь питаться пельменями? Я очень люблю хинкали и галушки. Обожаю жителей солнечной Украины и не менее солнечной Грузии. Это прекрасные, светлые люди. За редким исключением” [13].*

Есть основания предполагать, что ассоциативная связь “галушки — Украина” в сознании людей, находящихся в радиусе действия русской литературы, поддерживается не вообще творчеством Н. В. Гоголя, а одним конкретным эпизодом — описанием того, как *Пузатый Пацюк (колдун и бывший запорожец) за ужином поглощает галушки, а вареники сами прыгают ему в рот [3:134].* Этот образ однажды использовал В. В. Путин, анализируя деятельность частных газонд нефтдобывающих компаний на Крайнем Севере, имеющих допуск к управлению государственному трубопроводному транспорту [15]. Опубликованный материал называется *“Галушки сами в рот не прыгнут”*.

Сказанное выше позволяет сделать вывод об уникальности судьбы слова “галушки”. Его концептуальная значимость в украинском языке была актуализирована и открыта русскому читателю творчеством Н. В. Гоголя. Факт лексической освоенности слова русским языком особенно убедительно проявляется сегодня в профессиональной (кулинарной) сфере, однако “гоголевский контекст” до сих пор определяет коннотации при упоминании галушек с экспрессивной установкой.

1. *Восемьсот рецептов блинов и оладий* //www.webkniga.ru/books/7438_6_2.html
2. *Галушки из творага. Суп, русская еда* //www.kushaem.ru/resepts3/522.htm
3. *Гоголь Н. В. Избранные сочинения: В 2-х т. — Т. 1. — М., 1971.*
4. *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. — М., 1978.*
5. *Котляревский И. Енеїда. — К., 1975.*
6. *Коцюбинський М. Твори в двох томах. Т. 1. — К., 1988.*
7. *Ожегов С. И. Словарь русского языка. 14-е изд. — М., 1983.*
8. *Пушкин А. С. Школьный энциклопедический словарь / Под ред. В. И. Коровина. — М., 1999.*
9. *Словарь русского языка. В 4-х т. — Т. I / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1981.*
10. *Толкование слов. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: //www.salons.su/msk/articles/magazine/son/g/galushki*
11. *“Україна молода”*: Ежедневная информационно-политическая газета. — №222, 29 декабря 2005 г.
12. *Украинско-русский словарь. Под ред. В. С. Ильина. — Киев, 1965.*
13. *Ургант И. “Аргументы и факты”. — № 52 (1469), 24 — 30 декабря 2008 г.*
14. *Гастроном. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.gastronom.ru/article.aspx?id=1000053*
15. *www.legitsoft.ru/2004april29/23941.html*
16. *www.snariad.ru/media-archive/georgia-navy/*

I. A. Ionova

CONCEPT “HALUSHKI” IN THE WORLDVIEW OF UKRAINIANS AND ITS AESTHETIC ACTUALIZATION IN GOGOL’S POETICS

This article states that the mention of *dumplings* in the works of Nikolai Gogol should be viewed not only as a special descriptive feature of the Ukrainian way of life. The writer uses the concept to actualize one of the elements aesthetically important in the national worldview. The author’s affirmation of the idiolekt status of the word “dumplings” in the lexicon of the writer is based on the linguistic and aesthetic analysis of his short stories and novels. The paper contains a discussion of the fate of the word “dumpling” in Russian.

Key words: Gogol, national worldview, halushka (dumpling), Ukraine, the Russian language.

І. О. Іонова

КОНЦЕПТ “ГАЛУШКИ” У КАРТИНІ СВІТУ УКРАЇНЦІВ І ЙОГО ЕСТЕТИЧНА АКТУАЛІЗАЦІЯ В ПОЕТИЦІ М. В. ГОГОЛЯ

У статті стверджується, що згадку про галушки у творах М. В. Гоголя слід розглядати не тільки як побутописову колористичну деталь, але й як факт естетичної актуалізації письменником одного з концептуально значущих елементів національної картини світу. Закріплення ідіолектного статусу слова “галушки” в лексиконі письменника базується на лінгвоестетичному аналізі його оповідань і повістей про Україну. Стаття містить міркування про долю слова “галушки” в російській мові.

Ключові слова: Гоголь, національна картина світу, галушка, Україна, російська мова.

УДК 808.2

С. А. Кошарная

**Народно-мифологическая традиция в творчестве Н. В. Гоголя
(на материале повести “Ночь перед Рождеством”)**

Статья посвящена творчеству Н. В. Гоголя, которое являет собою уникальный синтез, вобравший в себя не только различные аспекты современной писателю действительности, но и народную традицию, пронизывающую многие произведения автора, в частности, описание украинского быта. Уже на уровне используемых автором мифонимов и мифологических символов просматривается глубинное проникновение автора в мифологическую картину мира народа.

Ключевые слова: мифоним, картина мира, народная традиция, лингвокультурологический аспект.

Творчество Н. В. Гоголя являет собою уникальный синтез, вобравший в себя не только различные аспекты современной писателю действительности, но и народную традицию, которая пронизывает многие произведения автора, хранившего на протяжении всей жизни верность своей Украине. Описание украинского быта, местный колорит обусловили своеобразие так называемых “малороссийских повестей” писателя, в них проявился подлинный этнографический и исторический интерес автора к его родине. Отсюда и мифологическая насыщенность повестей, входящих в цикл “Вечера на хуторе близ Диканьки”. И здесь перед исследователями открываются самые широкие перспективы. Так, уже на уровне используемых автором мифонимов и мифологических символов просматривается глубинное проникновение писателя в мифологическую картину мира народа, о чём свидетельствуют, в частности, наш пока ещё первичный анализ одного из самых ярких произведений цикла — повести “Ночь перед Рождеством”.

Здесь действуют не просто волшебные персонажи, но персонажи народных быличек — устных мифологических рассказов, и эти персонажи до сих пор воспринимаются в народной среде как вполне реальные (неслучайно Н. В. Гоголь в предисловии к циклу указывает, что все эти рассказы записаны со слов некоего пасечника Рудого Панька (по сути — народного сказителя). Всё это нацелено на то, чтобы погрузить читателя в особую, мифологизированную реальность, что обуславливает и выбор лексических средств для её описания.

Так, Н. В. Гоголь использует мифонимы *ведьма* и *знахарь*. При этом оба персонажа “Ночи перед Рождеством” различаются, на первый взгляд, только по полу: это Солоха и Пацюк. В то же время оба они знаются с нечистой силой, от которой и получают свои сверхъестественные способности. Сравним их описания в тексте.

Солоха. *Может быть, эти самые хитрости и сметливость её были виною, что кое-где начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали где-нибудь на весёлой сходке лишнее, что Солоха точно ведьма; что парубок Кизяколупенко видел у неё сзади хвост величиною не более бабьего веретена; что она ещё в позапрошлый четверг чёрною кошкою перебежала дорогу; что к попадье раз прибежала свишня, закричала петухом, надела на голову шапку отца Кондрата и убежала назад* [3, I: 164].

Пацюк. “<...>пойду к запорожцу Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей и всё делает, что захочет. Пойду, ведь душе всё же придётся пропадать!” [3, I: 174]; “Ты, говорят <...> приходишься немного сродни чёрту” [3, I: 175-176]; <...> кузнец начал размышлять о том, какие чудеса бывают на свете и до каких мудростей доводит человека нечистая сила, заметя притом, что один только Пацюк может помочь ему. <...> “Поклонюсь ему ещё, пусть растолкует хорошенько... Однако что за чёрт! ведь сегодня голодная кутья, а он ест вареники, вареники скоромные! Что я, в самом деле, за дурак, стою тут и греха набираюсь!” [3, I: 177].

Тем не менее, писатель предпочёл использовать мифолексему *знахарь*, а не *ведьмак*. По-видимому это объясняется тем, что Пацюк умеет лечить, врачевать, что характерно именно *знахарям*: Не прошло нескольких дней после прибытия его в село, как все уже узнали, что он *знахарь*. Бывал ли кто болен чем, тотчас призывал Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать несколько слов, и недуг как будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшийся дворянин подавился рыбьей костью, Пацюк умел так искусно ударить кулаком в спину, что кость отправлялась куда ей следует, не причинив никакого вреда дворянскому горлу [3, I: 175].

Таким образом, по своей сути Пацюк и ведьмак, и знахарь. В то же время особого противоречия здесь нет. Например, согласно полесским поверьям, “*знахоры занималиса з нечыстою силою*” [2: 21].

Между тем, выбор мифонимов писателем не случаен и вполне обоснован с точки зрения народной мифологии. Остановимся подробнее на самих мифолексемах и на особенностях их культурной коннотации.

Известно, что *ведовство* — это не просто знание, но сверхъестественное знание, которое может быть получено только посредством контактов с “иным миром”, откуда *ведьма*, *ведьмак* — тот, кто приобрел это знание в результате магических действий, в силу чего он одновременно связан с двумя мирами — миром живых и миром мёртвых, соотносившимся с представлениями о нечистой силе. При этом обращает на себя внимание факт абсолютного преобладания термина *ведьма* по сравнению с синонимами *знахарка*, *колдунья*, *чародейка* и т. п. в народных мифологических рассказах — быличках (например, в Полесье) [1: 232], что свидетельствует об особом значении *ведовства* в культуре восточных славян.

При этом *знание* мыслилось как вещь: согласно мифологическим воззрениям, его можно было получить в *дар* (ср. *божий дар* — “талант”); отсюда *знахари*, *ведьмы*, которым *знание дано, передано* сверхъестественными силами. Так, глагол *знать* имеет в Полесье диалектное значение “обладать магическим знанием, необходимым для колдовства, знахарства”; соответственно полесск. *знаюшча* — женщина, обладающая магическими знаниями и способностями [6: 400].

Заметим для сравнения, что английскому *witch* в русском языке соответствуют два словопонятия — *ведьма* и *колдунья*. Русское слово *ведьма* этимологически соотносится с лексемой *ведать*, следовательно, *ведьма* в представлении русских — “знающая” (ср.: *знахарь*, *знахарка*). В то же время английское *witch* генетически связано с *watch* — “смотреть”, то есть *witch* значит ‘обладающая особым зрением, видением’.

В то же время *znaten в исходных славянских значениях “знак”, “печать” — это не просто знание, но знание, отмеченное, установленное, воспринятое человеком, на что указывает семантика детерминатива. Отсюда утилитарное значение слова — “отметина, характерный признак”. Так, например, летописцем отмечено (1044 г.), что у князя Всеслава, когда тот был ребёнком, на голове было “*знамя язвено — яма*” [5: 246]. Равным образом, и производное *знаменье* (ц.-сл. *знамение*) — это знак, воспринятый человеком.

Следовательно, *знание* мыслилось как приходящее человеку извне. И разница лишь в том, откуда оно приходит: даруется светлыми силами или тёмными (нечистой силой). Данный факт обусловил культурную дифференциацию мифонимов *ведьма* (*ведьмак*) — *знахарь* (*знахарка*).

При этом обращают на себя внимание грамматические особенности слов и их производных. Мужское наименование *знахарь* является производящим для существительного женского рода *знахарка*, то есть оно здесь первично. Напротив, отрицательное *ведьма* является первичным для слова мужского рода *ведьмак*. Это обусловлено тем, что мужчина последовательно предстаёт в народном сознании как положительное начало, а женщина — как отрицательное, а потому и коннотация мифонимов противоположна.

Сравним, например, номинации *ведьма* — *колдунья* — *знахарка*, которые, будучи близки по значению, различаются по характеру эмоциональной окрашенности: *ведьма* в русском языковом сознании характеризуется большей выраженностью негативной окраски по сравнению со словами *колдунья* (ср.: *добрая/злая колдунья* при оксюморонности сочетания *добрая ведьма*) и *знахарка*. Эмоциональное восприятие предполагает оценку образа по шкале “плюс — минус”, что детерминирует употребление данных мифолексем в речи как экспрессивов (например, слово *ведьма* может выступать в качестве пейоратива как оценочное и как экспрессивное именование). Ср. у Н. В. Гоголя:

— <...> так это ты, *ведьма*, напускаешь ему туман и поишь нечистым зельем, чтобы ходил к тебе?

— *Отвяжись от меня, сатана!* — говорила, пятась, ткачиха.

— Вишь, **проклятая ведьма**, чтоб ты не дождала детей своих видеть, негодная! Тьфу!.. — Тут дьячиха плюнула прямо в глаза ткачихе [3, I: 193].

При этом в мифониме, функционирующем в быличках, в его архетипическом значении “ведьма” закрепляются традиционные представления о женщине, которая слывёт ведьмой. Зачастую она “летает” на метле (признак, свойственный и западноевропейским ведьмам), часто “ухаживает за животными”, “имеет чёрного кота” (в этом образе узнаётся нечистый дух), может сама обернуться чёрной кошкой, как это описано в повести Н. В. Гоголя, “осуществляет связь между “этим” и “тем” светом”.

Самой яркой особенностью здесь является, пожалуй, её умение летать на метле по небу, что отличает нечистую силу вообще. “*Вези меня сей же час на себе, слышишь, неси, как птица!*” — приказывает Вакула чёрту [3, I: 178]. Ср. также: *Всё было видно, и даже можно было заметить, как вихрем пронёсся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звёзды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце чёрт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила куда нужно ведьма... много ещё дряни встречали они* [3, I: 185].

В быличках с участием ведьм также возможны подобные сцены: “летает во время грозы на помеле”, “грозится погубить человека или плоды его труда”. Что касается символического значения лексем *метла*, *помело*, то у русских известны поверья, которые связывают эти атрибуты с грозой: “*Во время града выкинь в окно помело — пройдет*”. Этимология данных слов прозрачна: они родственны глаголу праславянского происхождения *мести*, архетипическое значение которого — “вращать, метать”, ср.: лит. *meti, mesti* — “бросать” [7, II: 611]. Здесь возможна ассоциативная, апперцептивная связь с молнией, следы которой исчезают мгновенно, как бы замечаются метлой, помелом.

Заметим, что представления о способности передвижения ведьм по небу находят отражение в диалектных названиях летающих насекомых: *ведьма*, укр. *відьма* — “ночная мохнатая бабочка”, то же обнаружено нами на Русском Севере. По мнению М. М. Маковского [4: 145], представление о душе как крылатом, то есть летающем (Н. М. Шанский возводит слово *крыло* к о.-слав. *kridlo — “лететь, летать” [8: 223]), насекомом непосредственно вырастает из древнего мифа.

Таким образом, в тексте писателя находят отражение народные мифологические представления. При этом автор реставрирует здесь исходную семантику известного выражения “*вылететь в трубу*”. Современное толкование фразеологизма — “разориться, остаться без денег”. Однако можно полагать, что первичное значение ФЕ основано на ассоциации с дымом, теплом, выходящим в трубу, то есть исчезающем. Примечательно, что в поверьях о трубочистах также фиксируются представления об их связи с нечистой силой. Гоголевские персонажи, таким образом, неслучайно пользуются именно этим путём: *Ведьма* <...>, *поднявши руки кверху, отставила ногу и <...> спустилась по воздуху, будто по ледяной покато́й горе, и прямо в трубу. Чёрт таким же порядком отправился вслед за нею* [3, I: 162]; *Чёрт между тем, когда ещё влетал в трубу, как-то нечаянно оборотившись, увидел Чуба об руку с кумом, уже далеко от избы. Вмиг вылетел он из печки, перебежал им дорогу и начал разрывать со всех сторон кучи замёрзшего снега. Поднялась метель. <...> А чёрт улетел снова в трубу <...> В то время, когда проворный фронт с хвостом и козлиною бороною летал из трубы и потом снова в трубу, висевшая у него на перевязи при боку ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел через трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу* [3, I: 167].

Таким образом, небо предстаёт в повести Н. В. Гоголя как область обитания потусторонних сил. И это неслучайно. В народной мифологии в качестве “инога мира” выступают нежилые пространства: лес, вода, поле, дорога, граница, небо, горы, воздух, тучи и т. п. И именно посредством практически сказочного перелёта Вакула попадает в Петербург. Примечательно, что во время этого сказочного странствия для героя перестаёт существовать время, отсюда употребление писателем наречий *вдруг* (*очутился*), *мигом*: “*мигом очутился Вакула около своей хаты*”. Действительно, время существует только в реальном мире — для человека и с точки зрения человека (отсюда его антропоморфизация: *время идёт, время уходит* и т. п., о чём не раз писали исследователи), за границами его бытия времени нет (отсюда *умереть* — то же, что *уйти в безвременье*). Примечательно, что в момент возвращения кузнеца домой (в реальный мир) пропел петух, в чем также находит отражение мифологическая традиция (Н. В. Гоголь неоднократно обыгрывает её в своих фантастических произведениях). Именно с крика петуха начинается вновь реальная жизнь и отсчёт реального времени.

При этом всякий раз он переходит некую границу между реальным и сказочным миром:

<...> и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. <...> Чёрт, перелетев через шлагбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы [3, I: 185].

<...> он, отошедши назад, нагнулся к карману, сказал тихо: “Выноси меня отсюда скорее!” — и вдруг очутился за шлагбаумом [3, I: 192].

Представления о границе между двумя мирами также традиционны, хотя здесь возможна вариативность реалий, выступающих в символическом значении: *избушка бабы яги* (в русских народных сказках), *калинов мост* (в былинах), *мост вообще* (в целом ряде быличек). Но граница обязательно должна существовать. Н. В. Гоголь в качестве такой границы использует шлагбаум. Можно полагать, что это не случайно. Немецкое слово *шлагбаум*, а, м. [нем. *Schlagbaum*] — ‘поднимающаяся и опускающаяся перекладка для открытия и закрытия пути’ — ассоциативно связывается здесь, на наш взгляд, с представлениями о европеизированном Петербурге — чужом для украинца мире. Заметим, что это немецкое слово оказывается в семантической и культурной связи с лексемой *немец* в том значении, в котором она употребляется в повести Н. В. Гоголя: *Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — всё немец* [3, I: 154]; “*А, вот каким голосом запел, немец проклятый!*” [3, I: 178].

И это негативное отношение простого человека к иностранцам (чужим) и к губернской (петербургской) знати, которая перенимает иноземные манеры и моду, комически обыгрывается в описании беса: *Спереди совершенно немец: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто чёрт* [3, I: 154].

Таким образом, именно шлагбаум в качестве границы здесь не случаен: писатель мог здесь не только отразить мифологизированную картину мира, в центре которой — мир живых, а за его границами — неведомая область сверхъестественного, но и обозначить границу чужой для него земли.

Возвращаясь к мифологическим атрибутам, следует заметить, что пересечение человеком границ “не своего” локуса является опасным. Ему, как правило, предшествует обряд инициации (либо он происходит на этой границе). В повести Н. В. Гоголя данный обряд комически обыгрывается и разворачивается в “обратном направлении”:

— Ну, Вакула! — пропищал чёрт, всё так же не слезая с шеи, как бы опасаясь, чтобы он не убежал, — ты знаешь, что без контракта ничего не делают.

— Я готов! — сказал кузнец. — У вас, я слышал, расписываются кровью; постой же, я достану в кармане гвоздь! — Тут он заложил назад руку — и хватить чёрта за хвост.

— Постой, голубчик! — закричал кузнец, — а вот это как тебе покажется? — При сем слове он сотворил крест, и чёрт сделался так тих, как ягнёнок...

— Помилуй, Вакула! — жалобно простонал чёрт, — всё что для тебя нужно, всё сделаю, отпусти только душу на покаяние: не клади на меня страшного креста! [3, I: 178].

Однако здесь переход для героя еще не завершён. Следующим этапом оказывается его сон — герой засыпает: *После сего Вакула вошёл в сени, зарылся в сено и проспал до обеда. Проснувшись, он испугался, когда увидел, что солнце уже высоко: “Я проспал заутреню и обедню!”* [3, I: 195].

В этой связи следует отметить, что мотив сна и борьбы со сном зачастую присутствует в быличках. С одной стороны, слово *сон* еще в праязыке проявляло синкретизм, известный современному русскому языку: “состояние, противоположное бодрствованию” и “сновидение” (аналогии имеются в др.-инд., лит., лтш., авест., арм.) [7, III: 717], где последнее сознанием мифотворца воспринималось как провидение, предзнаменование, весть. В то же время, согласно мифологическим воззрениям, сон устойчиво ассоциируется со смертью. Неслучайно время действия враждебных человеку мифоперсонажей — ночь, то есть период, когда живые спят (= находятся вне бытия). В то же время день — время живых — считается безопасным, так как в это время “спят” мертвые. Таким образом, сон героя в повести Н. В. Гоголя имеет принципиально важное значение: он возвращается через сон в реальность, “умирая” для мира сверхъестественного.

Как видим, фантастические повести Н. В. Гоголя даже в первом приближении репрезентируют народно-мифологическую традицию, с которой писатель, безусловно, был хорошо знаком. И в этом ключе произведения автора могут служить одним из источников для реконструкции целостной мифологической картины восточных славян.

1. *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. — М., 2000.
2. *Виноградова Л. Н.* Полесская народная демонология на фоне восточнославянских данных // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. — М., 2001. — С. 10-49.
3. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: В 8-ми т. — Т. I. — М., 1984. — С. 153-197.
4. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. — М., 1996.
5. *РДС* — Русский демонологический словарь / Автор-составитель А. Н. Новичкова. — С. Пб, 1995.
6. *СПЭЛ* — Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. — М., 2001. — С. 300-431.
7. *Фасмер* — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. — М., 1986-1987.
8. *Шанский 1971* — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. — М., 1971.

S. A. Kosharnaya

FOLK-FABLE TRADITION IN N. V. GOGOL'S WORKS (ON MATERIAL OF THE NOVEL 'NOCH PERED ROZHDESTVOM' / 'THE NIGHT BEFORE CHRISTMAS')

The article is devoted to N. V. Gogol's creative activity which represents the unique synthesis of different aspects of reality and folk traditions. Such things as local coloration and description of Ukrainian life provided the originality of so called 'malorossiyski' (Ukrainian) novels of the writer. With the help of myth symbols and myth features the author penetrated deeply into the myth world picture. We came to this conclusion while analyzing one of his brilliant works — 'The Night before Christmas'.

Key words: world picture, folk tradition, myth symbol.

С. О. Кошарна

НАРОДНО-МІФОЛОГІЧНА ТРАДИЦІЯ У ТВОРЧОСТІ М. В. ГОГОЛЯ (НА МАТЕРІАЛІ ПОВІСТІ “НІЧ ПЕРЕД РІЗДВОМ”)

Статтю присвячено творчості М. В. Гоголя, яка являє собою унікальний синтез, що увібрав у себе не лише різні аспекти сучасної письменникові дійсності, а й народної традиції, яка пронизує багато творів автора, зокрема опис українського побуту. Вже на рівні використовуваних автором міфонімів і міфологічних символів проглядається глибинне проникнення автора у міфологічну картину світу народу.

Ключові слова: міфонім, картина світу, народна традиція, лінгвокультурологічний аспект.

Концептуальна теорія символу: проблеми та перспективи дослідження національної символіки

У статті розглянуто гіпотези творення символічних слів; порівняно поняття “значення”, “концепт”, “семантичний аналіз” символів і “концептуальний аналіз”. Останній лежить в основі концептуальної теорії символу.

Ключові слова: символ, концепт, семантичний аналіз, концептуальний аналіз.

Теорія символу, як зазначає О. О. Селіванова, залишається однією з головних теоретичних проблем семасіології, сучасний етап розвитку якої характеризується дифузністю інтерпретації її об'єкта — значення, смислу; загостренням уваги до зв'язку мовного змісту з ментальним лексиконом людини, дослідженням конкретної мовної особистості, залученням до інтерпретації значень методик інших наук, зокрема, логіки, семіотики, теорії комунікацій, когнітології, філології та соціології [11: 8-9].

У зв'язку з тим, що сучасні мовознавчі студії потребують міждисциплінарного рівня дослідження й часто залучають терміни з інших галузей знань (зокрема, при вивченні національної символіки), варто нагадати слова С. С. Єрмоленко, яка звернула увагу на те, що “у нинішній ситуації лінгвістика потребує введення нових внутрішніх обмежень, в ідеалі не менш жорстких, ніж ті, що були введені свого часу структуралістами, але вже сформульованих на нових засадах” [3: 8-9].

Природно, що діяльнісно-антропоцентричний підхід до значення взагалі та значення символу зокрема спрямував сучасні дослідження на встановлення зв'язку його глибин з культурно-історичним буттям народу, його енергетично-психологічним та соціальним існуванням [11: 9].

Підхід, при якому значення символу розглядається як певний концепт для нації в конкретний історичний період, на відміну від онтологічного, в цілому є гносеологічним, когнітивним, він постулює обмеженість сфери значення ментальним лексиконом людини [11: 10].

Авторитетна дослідниця символу Н. В. Слухай переконана, що він є виключно складним феноменом. Науковець зауважує, що пізнання природи символу, феномена, резонансного в багатьох сферах людських знань, особливо гуманітарного профілю, є важливим завданням для лінгвістичних досліджень перш за все тому, що символ є ключем від таємничого Всесвіту, який локалізується в нескінченних лабіринтах підсвідомості людини. З одного боку, пише Н. В. Слухай, символ користується репертуаром відомих форм, з іншого — він наповнює ці форми таким глибинним змістом, “який відкривається лише тому, хто володіє мовою символічного Всесвіту”, хто може зазирнути в “задзеркалля профанної системи” [13: 172].

Відомо, що одним із експлікаторів мислення, свідомості, — як індивідуального, так і колективного підсвідомого, — у цілому є мова й мовленнєва діяльність [10: 41]. Зараз науковці впевнено констатують активне вторгнення психології в лінгвістику. О. О. Селіванова звернула увагу на те, що саме К. Юнг вважав мислення однією з психічних функцій, яке разом з почуттями, відчуттями та інтуїцією утворюють концептуальний комплекс [там само]. Не раз К. Юнг писав і про те, що у свідомості кожної людини приховані численні міфи у вигляді психофункціонального континууму, куди включалися інтуїція та трансценденція і які довго вважалися недоступними для пізнання (тут мається на увазі поняття духу, або псевдодуху, душі, ідея існування Бога, безсмертя тощо).

Як зазначає О. О. Селіванова, у лінгвістиці відсутні фундаментальні розробки мовної репрезентації таких психічних функцій, як інтуїція та трансценденція. Однак, безперечно, вони представлені в мові як системі, а також у її мовленнєвих проявах, і в першу чергу, у словах-символах. Саме слова, як і інші мовні одиниці, збуджують у мозку людини певні концепти. Зараз вже ніким не заперечується один з основних дослідницьких принципів у лінгвістиці, а саме — принцип антропоцентризму, який представляє загальну тенденцію сучасного лінгвістичного

пізнання, тобто руху від сфери систем до центру цих систем — людини [10: 35]. Антропоцентрична орієнтація стає наріжним каменем когнітивістської парадигми, що формується з 2-ої пол. XX ст., точніше — в останні десятиліття [4: 46].

Ідея антропоцентричної орієнтації лінгвістики, як відомо, не є новою [4: 45], а ідею узагальненого антропоцентризму в лінгвістичних дослідженнях бажано розглядати в проекції на етноцентризм, який протистоїть відомому універсалізму. Тріада “етнос — мова — культура” повинна обов’язково братися до уваги при когнітивному аналізі номінативних підсистем (до яких ми відносимо й систему національних символів — О. Я.), що функціонують у різних мовах [10: 39].

Дійсно, “символи мають національний характер: вони творять мову смислів, незрозумілу для представників інших культур, передають особливості національного характеру, своєрідність світосприйняття, логіку національної естетики” [16: 351, 407].

Антропо- та етноцентризм у сучасних дослідженнях напряму пов’язані з поняттям ментальності (пор. з принципом менталізму та необхідністю введення цього принципу в лінгвістичні дослідження) [10: 39].

На сьогодні, як зазначає М. І. Зубов, через слабе розроблення проблеми ментальність розуміють по-різному. Услід за В. В. Колесовим, дослідником історичних текстів, М. І. Зубов вважає, що концепт є основною одиницею ментальності, таким явищем у межах словесного знаку й мови в цілому, яке постає у своїх змістовних формах як образ, як поняття і як символ [4: 48].

Символ лежить в основі людського розуму, пише Н. В. Слухай, і в такому ракурсі символ — це адаптаційний інструмент, посередник між людиною й світом мінливої дійсності, цеглина в “домі буття духу” людини (якщо користуватися уточненою на сьогодні метафорою М. Хайдеггера) [13: 174]. Іншими словами, у системі вербальних національних символів так само, як і в мові в цілому, матеріалізувалось і духовне багатство попередніх поколінь, і етапи осмислення дійсності нашими предками.

Символ як феномен — це продукт первісного, або міфологічного, мислення, яке породжувало тотожність різнорідних предметів, а в мові далеких предків різнорідні предмети називалися одним і тим же словом. Нагадаємо, що слово “символ” походить від грецького “συμβάλλειν” — “зв’язати щось разом”; спочатку воно означало знак упізнання, тому що називало предмет, розділений на дві половинки, об’єднання яких разом дозволяло власникам кожної частини предмета впізнавати один в одному брата, і при цьому люди намагалися скористатися новими обставинами [1: 3].

Але повернемося до первісного, міфологічного, мислення, яке й породило феномен символу. Воно має три особливості: це мислення конкретне, нероздільне (неподільне) й образне, кожна річ нашими далекими предками сприймалася на рівні почуттів, а не усвідомлено [19: 19-20].

У свій час ще Лейбніц помітив, що в інтелекті немає нічого такого, що раніше не знаходилося у почуттях. Як зазначає Л. Бенуас, усяке відчуття викликає на поверхні свідомості появу забутої мисленнєвої схеми, знаку, аналогічного тому, який співпадає з уже колись пережитим враженням. Це дозволило мисленню людини класифікувати такі знаки, тобто заносити їх до певних “тематичних” груп пам’яті, щоб потім впізнавати [1: 11].

Реакція первісної людини частіше за все мала форму рефлекторного руху, наприклад, жесту або крику, що виражав якусь емоцію. Якщо крик, який виникає під тиском потужного почуття, що виражає бажання, означав наказ, то демонстрація жесту, що підлягає виконанню або вимагає допомоги, інтерпретувалася слухачами як повідомлення, достатньо зрозуміле, щоб скоритися, — так одним махом народилася мова й разом з нею символ за допомогою емоційної асоціації з музикою голосу [1: 22].

Розвиток третинних полів кори головного мозку в наших далеких предків дозволив утримувати в пам’яті враження від навколишнього світу та проектувати їх у майбутнє. У такий спосіб первісна людина стала жити начебто у двох реальностях: зовнішній (“реальній”) і внутрішньо-психічній (“уявній”). Психологи вважають, що саме через це людина надовго впала у важкий невротичний стан. Упоратися з ним було дуже важко, тому що уявлювана реальність була, ймовірно, навіть яскравіше зовнішньої й дуже рухливою, викликала сильний емоційний стрес (“парадокс нейропсихічної еволюції”).

Цей стрес ускладнював адаптацію людей до навколишнього середовища. Краще пристосовувалися й виживали ті колективи первісних людей, у яких ватажки й інші авторитетні члени

співтовариства навчилися видавати особливі звуки-символи. Їхня особливість полягала в тому, що вони впливали на психічний стан родичів стимулюючим і організуючим чином і, відповідно до здогадів психологів, знімали в них тяжкий невротичний стан. Так виникло слово, сила якого полягала не в інформаційному змісті, а в сугестивному впливі. Люди відчували потребу в такому слові й підкорялися йому беззаперечно. Таким чином виник особливий клас слів-символів — заклинання. У багатьох колективах вони зберегли свою силу до наших днів [5: 49].

Отже, слова-символи мали багатозначний, множинний зміст. Вони діяли багато в чому через конотацію — породження словом образів і почуттів через асоціації.

У зв'язку із цим заслуговує на увагу культурологічна теорія, у якій мова розглядається як зусилля людського роду, що забезпечує захист проти хаосу, ентропійної (внутрішньопсихічної) неухважності. Людина починає говорити, щоб “подолати” смерть. Викрикуючи під час ритуальних свят, обрядів магічне “ім'я” померлого предка, рід встановлював трансцендентальний зв'язок між чуттєвим і надчуттєвим. “Мова, — уважає О. І. Пигалев, — не може народитися у сфері повсякденності. Для її народження необхідні особливе середовище, ситуації винятково сильної психологічної напруги, які викликані особливими ритуалами... Мова народжується як клятва й обітниця, молитва й замовляння, а не як повсякденна, ні до чого не зобов'язуюча балаканина. Мова, “долаючи” смерть, перетворюється на джерело життя” [8: 46]. Перші імена, за даною теорією, були метафоричними й символічними [там само: 52].

Тепер слова стали раціональними, вони були очищені від безлічі змістів, що сягають сивої давнини. Вони втратили святість і цінність [5: 49].

О. О. Потебня відзначає, що забуте наочне значення слова. Розвиток поняття з чуттєвого образу і втрата поетичності слова — явища взаємозумовлені одне одним; єдиною причиною спільного всім мовам прагнення слова стати тільки знаком думки є психологічна. Кожний звук у слові проникнутий думкою, і всі звукові зміни, що затемнюють для нас значення слова, впливають із думки. Народна поезія при меншій мірі цього забуття відновлює чуттєву, збуджуючу сторону слів, діяльність фантазії [9: 198].

Про те, що “слово, будучи неодмінною умовою соціалізації особистості, втрачає свої позиції, пишуть А. П. Клименко й І. А. Бубнова. Тривожним симптомом на сучасному етапі розвитку суспільства автори вважають появу значної кількості понять, культурний зміст яких стає все більш розмитим. “Феномен семантичної спустошеності — це не просто явище, що являє інтерес для лінгвістів. Втрата змісту екзистенціальних феноменів свідчить про руйнування самосвідомості нації, втрату національної самоідентичності, що найбільш яскраво проявляється в інтерпретації особистістю абстрактних імен, які відбивають базові людські цінності” [6: 191].

Напевно, тому важливими і своєчасними можна вважати слова З. Г Коцюби про те, що сучасна лінгвістика переживає “фольклорний бум”. Матеріали різних фольклорних жанрів широко використовуються в лінгвокультурологічних, етнолінгвістичних, когнітивних, лінгво-семіотичних, нейропсихолінгвістичних дослідженнях з огляду на те, що саме фольклор є тим незамуленим джерелом, яке дає змогу осягнути живу сутність національних традицій, збагнути предковічні духовні й моральні цінності народу, зрозуміти етнічні особливості сприйняття, мислення, спілкування [7: 34].

Таким чином, “вона (мова) веде нижче й вище — до матеріально-речового й до ідеально-духовного — і тим самим з'єднує низ і верх... “Підмовна” матеріальна книга є духовною, а “надмовна” ідея, *втілена в матеріальному символі* (тобто у звуці; курсив наш. — О. Я.), є речовинною. Низьке “підмовне” і високе “надмовне”, пов'язуючись через мову, підтримують одне одного й зберігають ціле...” [15: 7].

Нагадаємо зауваження О. О. Селіванової про те, що в лінгвістиці відсутні фундаментальні розробки мовної репрезентації таких психічних функцій, як інтуїція, трансценденція, і це іноді призводить до їхнього абсолютного ігнорування. Однак дані інших галузей знання показують, що й вони представлені в мові як системі та її мовленнєвих результатах, тому що відривати їх від мислення, почуттів, відчуттів означало б заперечувати цілісність людської свідомості й її діяльності [10: 42].

Тепер перейдемо безпосередньо до особливостей концептуального й семантичного аналізу національної символіки. Для цього звернемося до понять ‘значення’ і ‘концепт’. Відомі різні

підходи й оцінки щодо першого поняття. Е. Бенвеніст порівняв значення з головою медузи, тому що воно завжди в центрі й завжди зачаровує тих, хто його досліджує [цит. за 10: 122].

Теоретичний розгляд співвідношення понять ‘концепт’ і ‘значення’ подано в роботах І. А. Стерніна. “Як значення, так і концепт однаковою мірою являють собою результат відображення дійсності свідомістю”, — зауважує лінгвіст [14: 135]. Далі на підставі виділення когнітивної та мовної свідомості учений розмежовує концепти і значення як ментальні одиниці, які вичленовуються відповідно в когнітивній і мовній свідомості й утворюють сам зміст цих видів свідомості: вони є відображенням дійсності (об’єктивної й суб’єктивної) [там само]. Значення, вважає вчений, — це тільки частина концепту. Він уводить поняття ‘лексикографічне значення’ і ‘психологічно реальне значення’. Останнє може бути виявлене й описане в результаті вичерпного аналізу всіх зафіксованих контекстів уживання слова (що, зрозуміло, мало ймовірно технічно).

Зміст концепту ширший і від лексикографічного, і від психологічно реального значення. У зміст концепту входять не тільки (і не стільки!) актуально усвідомлювані й використовувані у спілкуванні значеннєві компоненти, пов’язані зі словом, але й інформація, що відбиває загальну інформаційну базу людини, її енциклопедичні знання про предмет або явище, які можуть і не виявлятися в її мовленні. Ці знання представлені й упорядковані в концепті у вигляді компонентів — когнітивних ознак і когнітивних класифікаторів. Окремі компоненти концепту порізно представлені в мові: це може бути сукупність слів, що утворюють лексичне поле, ФО, паремії, тексти [14: 138]. У нашому випадку — це система українських символів у циклі сімейних обрядів; при цьому враховуються вербальні символи в текстах обрядових пісень, символічні предмети й символічні дії із цими предметами, які мають місце в етнографічному тексті.

Концепт, на нашу думку, — це складова концептосфери й складова колективного несвідомого, тобто архетипів. Архетипи, як відомо, матеріалізуються у феноменах культури, міфах, літературі й продуктах мовної номінації, тобто в словах-символах. Реконструюванню архетипів несвідомого на основі мови присвячені роботи багатьох учених. Виявлення архетипів дозволило зрозуміти величезну кількість образів міфологічного мислення, які зовсім недавно відкидалися як абсурдні й беззмістовні.

Якщо ХІХ ст. було століттям природознавства, ХХ — століттям психології, то ХХІ стане століттям не стільки пізнання, скільки розуміння, духовного проникнення, тому що розуміння дозволяє проникнути в приховане, пророкувати майбутнє, попереджати небезпеку [10: 44].

О. О. Селіванова пише, що концептуальний аналіз — це продовження семантичного аналізу, результат поширення, експансії семантичних досліджень у к. ХХ ст. на сфери інших наук: логіки, психології, етнології, філософії та ін. Автор наводить розпізнавальні особливості семантичного й концептуального аналізу, посилаючись на роботи сучасних учених, однак вважає, що ці особливості не тільки не пояснюють суті протиставлення семантичного й концептуального аналізу, але навіть суперечать один одному [10: 120-121].

Ми повністю підтримуємо думку вченого про те, що головну відмінність семантичного й концептуального аналізу потрібно шукати в самому підході до матеріалу, а саме, який шлях у дослідженні ми вибираємо: від слова до думки (для першого) й від думки до слова (для другого). Об’єктом концептуального аналізу є не значення, а *знання* (виділено нами. — О. Я.), інформація про об’єкт, представлена в будь-якому вигляді: наївна, наукова, дослідна, помилкова [10: 122].

Таким чином, концептуальний аналіз (або створення концептуальної теорії) символу в контексті сімейних обрядів передбачає збирання знань про найважливіші події в житті людини суспільної, а такою вона була завжди в рамках родини, роду, племені...

Будь-який вербалізований символ є мовною одиницею. Це означає, що саме в ньому матеріалізувалися архетипи, які, у свою чергу, вибудовують архетипові структури. Пам’ятаючи, що архетипи мають внутрішню логіку свого розвитку, а символи ми розглядаємо як етапи цього розвитку, розглянемо на конкретному прикладі трансформацію архетипу *калини*, яка тісно пов’язана з розгалуженою символікою цієї популярної в Україні рослини [20].

Образ калини у фольклорі, художній літературі, мистецтві представлений десятками символів. Щоб уявити цю багатющу символіку у вигляді ієрархічної системи не тільки в межах сімейних обрядів, до аналізу треба залучити знання національної міфології, етнографічні дані про обрядовість, вірування праукраїнців, а також дані гідро-, топо-, антропоніміки, лінгвістичні

дані про мовну картину світу слов'ян, фольклорні тексти тощо. Не випадково в сучасній літературі з'явився символ "мова-калина". Така символічно-метафорична паралель надихала багатьох майстрів слова на створення високохудожніх творів. Так, наприклад, Дмитро Білоус мову визначає як "диво калинове":

Ти постаєш у ясній обнові,
Як пісня линеш, рідне слово.
Ти наше диво калинове —
Кохана материнська мово! [цит. за 2: 43].

У Павла Усенка читаємо:

Барвистість одвічна народної мови —
Це щось невимовне, прекрасне, казкове:
І ласка любові, зелена калина,
І пісня досвітня в галях — солов'їна.

Образ-символ калини використовував у своїй творчості й Великий Кобзар. Але це був символ жіночого смутку й журби. Так, у поемі "Катерина" читаємо:

... Катерина — слізюньки втирає,...
... Візьме відра, опівночі піде за водою,
... Прийде до криниці, стане собі під калину,
Заспіває Гриця...

Схилена над водою або зламана калина символізує сердечний біль, шлюб з нелюбом: Червоная калинонька на яр-воду схилилася...

Там дівчина журилася.
Гнися, калино, гнися; Ти, Мариньку, не журися, —
... Зсічена калина, зсічена, А вже наша Оксена звінчана [17: 281].

Сумну символіку мала калина у хвилини вічної розлуки людей у поховальних обрядах. Цвітом або кетягами калини обвивали домовину. І все-таки куш калини не був символом смерті, — запевняють нас автори "Словника символів культури України". Навпаки, посаджена в головах калина символізувала продовження життя в рідні, народі, світлу пам'ять, неперервність життя [12: 10].

Отже, у результаті дослідження ми дійшли висновку, що трансформації архетипу калини мають ієрархічну систему в національній символіці, яку схематично ми представили так:

Калина — це символ:

6. співуча українська мова
5. символ України
4. символ здоров'я, дівочої вроди
3. вічність життя, плодючість, жіноче начало
2. символ світового дерева
1. символ сонця, вогню (пор: рос. окалина, раскаленный)

1. Бенуас Л. Знаки, символы и мифы / пер. с фр. А. Калантарова. — М., 2004.
2. Гаранін В. М. Ну що б, здавалося, слова...: Язичницькі та мовно-звичаєві роздуми. — Одеса, 2001.
3. Єрмоленко С. С. Мовне моделювання дійсності і знакова структура мовних одиниць: Монографія. — К., 2006.
4. Зубов М. І. Лінгвотекстологія середньовічних слов'янських повчань проти язичництва: Монографія. — Одеса, 2004.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — К., 2000.
6. Клименко А. П., Бубнова И. А. Структура когнитивной модели индивидуального значения слова в психолінгвістической парадигме // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: Сб. статей. — Калуга, 2005. — С. 190-199.
7. Коцюба З. Г. Паремії як об'єкт етнолінгвопсихологічного дослідження // Мовознавство. — 2009. — № 2. — С. 34-47.
8. Пигалев А. И. Культурология. — Волгоград, 1999.
9. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М., 1976.
10. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология (монографія). — К., 2000.
11. Селиванова О. О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики (аналітичний огляд). — К., 1999.

12. *Словник символів* культури України / За заг. ред. В. П. Коцура, О. І. Потапенка, М. К. Дмитренко. — К., 2002.
13. *Слухай Н. В.* Слово. Символ. Текст: Сб. науч. тр., посв. 80-л. проф. М. А. Карпенко. — К., 2006. — С. 172-183.
14. *Стернин И. А.* Значение и концепт: сходства и различия // *Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация*. Сб. статей. — Калуга, 2005. — С. 135-143.
15. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. — М., 1995.
16. *Українська фольклористика*. Словник-довідник / Укл. і ред. М. Чернопиский. — Тернопіль, 2008.
17. *Українські народні пісні* в записах Зоріана Доленго-Ходаковського. — К., 1974.
18. *Уфимцева Н. В.* Методологические проблемы онтогенеза языкового сознания // *Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация*: Сб. статей. — Калуга, 2005. — С. 217-226.
19. *Фрейдберг О.* Поэтика сюжета и жанра. — Л., 1936.
20. *Яковлева О. В.* Символика слова “калина” в мовній картині світу українців // *Мова. Науково-теоретичний часопис*. — Одеса, 2004. — № 9. — С. 215-220.

O. V. Yakovleva

THE CONCEPTUAL THEORY OF SYMBOL: PROBLEMS AND PROSPECTS OF NATIONAL SYMBOLS' RESEARCH

Hypothesis of deriving of the symbolic words is viewed in this article; such conceptions as ‘meaning’, ‘concept’, ‘semantic analysis’ of symbols and ‘conception analysis’ are compared. The last one in this row acts as a background of the theory of a symbol. As an example, the conception analysis of the symbol of ‘guelder-rose’ is given.

Key words: symbol, concept, semantic analysis, conception analyses.

О. В. Яковлева

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ СИМВОЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ

В статье рассматриваются гипотезы зарождения символических слов; сравниваются понятия “значение”, “концепт”, “семантический анализ” символов и “концептуальный анализ”. Последний лежит в основе концептуальной теории символа.

Ключевые слова: символ, концепт, семантический анализ, концептуальный анализ.

УДК [811.161.1+811.111]’44’38

А. Э. Левицкий

Особенности вербализации концептов сон и мечта средствами русского и английского языков

В статье рассматривается номинация концептов СОН и МЕЧТА средствами русского и английского языков. Определены лексические средства вербализации данных концептов в соответствующих языках. Выделены изоморфные и алломорфные особенности номинации концептов СОН и МЕЧТА средствами русского и английского языков в аспекте их семантики. Выявлена роль данных концептов в репрезентации русского и английского лингвокультурных пространств.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуальная картина мира, лингвокультурное пространство, концепт, номинация.

Вопросы соотношения языка и мышления, языка и культуры относятся к одним из приоритетных в современной когнитивно-дискурсивной парадигме. Их решение позволит приблизиться к выявлению особенностей механизма номинации человеком окружающего мира у представителей разных этнокультурных групп. Именно поэтому актуальным является выявление изоморфного и алломорфного в обозначении определенных составляющих сегментов вы-

мышленного мира как такого, что существует лишь в сознании человека. Анализу подлежит вербализация концептов СОН и МЕЧТА средствами русского и английского языков.

Подход к исследованию номинативных ресурсов языка в сопоставительном аспекте получил широкое развитие в лингвистике конца XX — начала XXI в. (см., напр., [1; 2; 3; 4; 6; 7; 8; 9]). Его применение позволяет получить новые данные об особенностях номинации определенных элементов внутреннего мира русских и англичан, что дает возможность раскрыть некоторые характерные черты соответствующих лингвокультур.

Концепт СОН занимает одно из главных мест в русской картине мира. Он определяется как: 1) физиологичное состояние покоя организма человека и животного, которое наступает периодически и сопровождается полной, или частичной потерей сознания и ослаблением ряда физиологических процессов; 2) то, что снится, сновидение; о чем мечтает человек; что воспринимается как нереальное, обманчивое. Вполне очевидно, если в первом случае содержится определение данного физиологического процесса, то во втором — лишь описывается то, что происходит с человеком в это время.

Неоднозначность и многовекторность концепта СОН проявляется и в наличии широкого синонимического ряда существительных-номинативов, которые используются для его обозначения в современном русском языке: *сон, сновидение, видение, грезы, бред, привидение, дрема, забытье, полудрема, полубытье, сон-дрема*.

В современном русском языке вербализация концепта СОН активно происходит также с помощью фразеологических средств: *сон в голову не идет; ни сном, ни духом; сном праведника; сон в руку; как во сне*. В приведенных фразеологических единицах *сон* максимально сохраняет свою семантику, что свидетельствует о доминировании одного базового значения над другими.

Ядерную зону соответствующего концепта занимают слоты ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ, СНОВИДЕНИЕ и ЗАБЫТЬЕ. Периферию же — слоты ПРИЗРАК, БРЕД, которые обозначают особый вид сна, когда активизируется индивидуально-психологическая плоскость подсознательного. Сон превращается в своеобразный параллельный мир, который воспроизводит сферу подсознательных чувств и инстинктов индивида. Этот параллельный мир отмечается размытыми и нечеткими границами, в нем накапливаются определенные воспоминания. Сон превращается в определенный призрак прошлого или будущего, когда индивид окунается в забытье. События во сне разворачиваются не в физической, а в психологической, эмоциональной и духовной плоскостях. Индивид руководствуется не здравым смыслом, а подсознательными чувствами и инстинктами.

Концепт МЕЧТА в русской языковой картине мира вербализуется с помощью широкого синонимического ряда: *мечта, желание, сон, мысль, грёзы, мечтание, надежда, стремление, привидение, призрак, представление, утопия, фантазия, иллюзия, видение*.

В русской языковой картине мира в семантической структуре многозначной лексемы *мечта* находится смысловой компонент “желаемое, приятное”. Когда говорят, что человек мечтает о чем-либо, видит что-то в мечтах, это значит, что он, по крайней мере, ничего не имеет против того, чтобы мечты осуществились, а возможно, предпринимает определенные шаги для их реализации. Мечтать можно о чем-то приятном, а также стремиться, чтобы мечты осуществились. В современном русском языке *мечта* может использоваться для обозначения желания, которое человек не всегда может четко сформулировать. Последнее утверждение особенно касается употребления лексем *мечта* в множественном числе (*мечты*), что свидетельствует о размытости представления индивида о желаемом объекте или явлении.

Анализ лексической валентности единиц, вербализующих концепт МЕЧТА, свидетельствует о том, что его ядерные элементы сочетаются преимущественно с лексемами, которые отличаются положительными коннотациями. Это является свидетельством того, что в русской языковой картине мира дифференциальный семантический признак “положительное” является ядерным элементом смысловой структуры данного концепта.

Мечта, мечтание, результат воображения являются ключевыми для понимания концепта МЕЧТА, поскольку они раскрывают его главный смысл. Периферию же образуют слоты СТРЕМЛЕНИЕ, НАДЕЖДА, ОБЪЕКТ ЖЕЛАНИЯ, ВООБРАЖЕНИЕ, ОБОЛЬЩЕНИЕ, ПРИВИДЕНИЕ и ФАНТАЗИЯ. Во многих случаях они сопровождаются характерными номинативными единицами (*надежда на лучшее будущее, старинное привидение, богатое воображение,*

неумная фантазия), превращаясь в полноценные концепты, которые не зависят от концепта МЕЧТА.

Английская лексема *dream* обозначает чувства, образы или фантазии, которые приходят к нам во сне; сам процесс, когда это происходит; виденье, мечта, образ, который мы видим или чувствуем сознательно или подсознательно, когда не спим; очень красивая, удивительная или приятная вещь или личность; что-то, чего мы очень хотим и к чему стремимся; объект, который мы видим в видении. Итак, *dream* имеет два значения: 1) мысли и чувства, которые присущи человеку во время сна; 2) большое желание.

Очевидно, что лексема *dream* используется для обозначения как конкретных объектов, так и абстрактных явлений и ощущений. Лексикографические источники доказывают, что концепт DREAM в современном английском языке вербализуется синонимическим рядом: *dream, fantasy, illusion, imagination, vision, conceit, hallucination, romance, trance, reverie, chimera, delusion, fallacy*.

Ядро вербально выраженного концепта содержит такие лексемы-доминанты: *dream, illusion, fantasy*. Они передают ключевую информацию, раскрывая суть концепта. Семантическое поле, составляющими которого являются эти элементы, охватывает преимущественно абстрактные понятия и ощущения. Следовательно, концепт DREAM сконцентрирован именно вокруг абстрактного, где сознательное переплетается с подсознательным.

Периферия же концепта DREAM представлена слотами IMAGINATION, HALLUCINATION, CHIMERA, DELUSION, TRANCE, которые охватывают определенный вектор его семантики. Они преимущественно относятся к абстрактным понятиям, которые доминируют на периферии.

Вербализация концепта DREAM в современном английском языке происходит и с использованием идиоматических выражений. В частности, англоязычные лексикографические источники приводят такие примеры: *a pipe dream* — пустые мечты; *love's young dream* — юношеская влюбленность; *in your dreams* — не стоит мечтать о чем-то; *like a dream* — как будто во сне, как будто в сказке; *a dream come true* — желаемое становится реальностью, осуществление мечты или стремления.

В целом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что рассматриваемые концепты можно охарактеризовать как общечеловеческие, присущие как сообществу людей в целом, так и каждому индивиду, в частности. Этнокультурная специфика концептов СОН и МЕЧТА проявляется в особенностях их смыслового содержания; наличии определенных аксиологических лакун и различиях места номинаций квазиреальности в картинах мира, т. е. отражении мировосприятия.

Слоты МЕЧТА, СОН, ОБЪЕКТ ЖЕЛАНИЯ, ОБОЛЬЩЕНИЕ и СНОВИДЕНИЕ представляют разные имплементации лексемы *dream*.

Семантический объем концепта DREAM является широким и в русской картине мира соответствует концептам СОН и МЕЧТА. DREAM используется для обозначения как физиологического процесса, так и отображает желание и стремление человека. Именно поэтому его нельзя передать исключительно концептом СОН, семантическая структура которого является более простой.

Однако, если DREAM имеет преимущественно позитивное наполнение, то в русской лингвокультуре такая однозначность отсутствует. Оппозиция “хороший:: плохой сон” тяготеет к последнему, подчеркивая негативные (болезненные) качества явлений, которые индивид переживает во сне, что пересекается с ощущением угрозы. Добавляются также оттенки печали и неопишуемой тоски, которые отражаются лексемами *тревожный, плохой, напряженный*. Лексические единицы *страшный* и *крепкий* модифицируют концепт СОН, добавляя ему отрицательный оттенок. Плохой сон может также обозначаться словосочетанием *ночной кошмар*.

Для российского этноса естественной является ассоциация сна со смертью и потусторонним миром. Такие коннотации проявляются при модификации соответствующих лексем единицами *мертвый* и *черный*. В русском языке распространено устойчивое словосочетание — эвфемизм *заснуть вечным сном*, что означает умереть. Если для западных германцев сон — это преимущественно условное состояние, переход из одного мира в другой, из одной реальности в другую, то для русского народа *сон* и *вечный сон* являются атрибутами потустороннего мира и символизируют смерть. Все это приводит к тому, что концепт СМЕРТЬ частично пересекается с концептом

СОН. Происходит отождествление его концептуальных составляющих с концептуальными составляющими концепта СМЕРТЬ.

Наиболее же значимые образные ассоциации сна в русской картине мира связаны с 1) жидкостью (*сон тает; сон течёт; погрузиться в сон*); 2) вещью (*видеть сон*); 3) живым существом (*сон пришел; сон не шел*); 4) феноменом, находящимся вне понимания человеком (*сон нагрел; сон спустился*). В английском миропонимании сон воспринимается либо 1) как вещь (*to dream a dream*); 2) феномен, находящийся вне понимания человеком (*to fall asleep; a dream or sleep dawns upon somebody*). Таким образом, разнообразный ассоциативный ряд для русских и широкая аксиологически маркированная структура (от позитивного до негативного) показывает большую важность концепта СОН в русской картине мира в сравнении с английской. Вместе с тем отметим, что отсутствие сна никак не является позитивным для рассматриваемых этносов (ср.: *бессонная ночь, a sleepless night*).

Существует общее в принципе образование абстрактных существительных *сон* и *dream* от мотивационных глаголов в языках разных групп (славянской и германской) одной языковой семьи (индоевропейской).

Имена, которые обозначают концепты СОН и DREAM, являются производными от глаголов и становятся доминирующими среди языковых единиц, вербализующих данный концепт, что и позволяет номинировать его прежде всего субстантивами. Упомянутые абстрактные существительные принимали прототипическую семантику мотивирующего глагола и изначально совпадали с ним по своему лексическому составу. Затем происходит развитие значения имени, которое имеет разное направление действия метонимии в соответствующих лингвокультурах: в русской — от состояния к кванту этого состояния (*сон: состояние > виденье во время этого состояния*); в английской — от кванта состояния к состоянию (*dream: образ, виденье в определенном состоянии > наименование этого состояния*).

В семантической структуре имени концепта СОН приоритетной является сема “состояние”, в английской лексеме *dream* — сема “образ, виденье”, что позволяет говорить о приоритетности разных базовых концептуальных признаков концептов СОН и DREAM в сознании носителей соответствующих лингвокультур.

Прототипическая прослойка концепта СОН (“определённое состояние”) в сознании носителей русской лингвокультуры на протяжении веков остаётся неизменной, в то время как прототипическая прослойка концепта DREAM (“образ, виденье в определённом состоянии”) в сознании носителей английской лингвокультуры с течением времени изменилась достаточно сильно, сохранив лишь общий коннотативный признак “немного странно” [11:12-13].

В то же время МЕЧТА, с точки зрения рассматриваемых этносов, не является жизненно важным явлением — ее отсутствие не воспринимается однозначно негативно.

Лексема *мечта* сочетается с единицами, которые не имеют четко выраженного отрицательного колорита. Они подчеркивают недостижимость и неосуществимость желаемого или желанного: *нереальная, далекая, недостижимая, безнадежная, недоступная, утраченная, невозможная, нереальная, фантастическая, неразделенная*.

В русской картине мира концепт МЕЧТА содержит периферийный слот НАДЕЖДА. Это подчёркивает стремление народа осуществить что-то или добиться чего-то. Наличие слота НАДЕЖДА является свидетельством того, что желание индивида поддерживается верой в его осуществление.

Особого внимания заслуживает слот TRANCE, который отмечается максимальным эмоционально-психологическим колоритом. Он по-новому высвечивает концепт DREAM и отображает подсознательное стремление индивида, а именно такое состояние, когда человек попадает в другое измерение, будто в параллельный мир, границы которого переплетаются с реальностью. Такие коннотации частично присущи слоту ЗАБЫТЬЕ.

В результате сопоставления ключевых признаков и дефиниций, которые составляют семантическую основу концептов DREAM, СОН, МЕЧТА, были обнаружены как изоморфные, так и алломорфные черты. Лексемы, которые их вербализуют, обозначают как физиологический процесс сна, так и эмоционально-психологические события, которые происходят в сознании человека во время этого процесса. Они имплицитно выражают мнение человека о чем-то желаемом, приятном и ожидаемом.

К изоморфным слотам концепта СОН на материале сопоставляемых языков принадлежат ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ, СНОВИДЕНИЕ, МЕЧТА и ОБЪЕКТ ЖЕЛАНИЯ. Алломорфные элементы содержатся в слотах ОБОЛЬЩЕНИЕ концепта DREAM и слотах ЗАБЫТЬЕ и СТРЕМЛЕНИЕ концептов СОН и МЕЧТА.

Кроме того, в одном из региональных вариантов современного английского языка, а именно американского DREAM получает новое значение. Оно стало решающим для определения современного концепта AMERICANISM, который рассматривается иммигрантами как очевидный контраст между характерным для людей образом жизни на прежней родине и тем, что, по их мнению, можно было достичь в Америке. Таким образом, концептуализуется и вербализуется мысль о том, что Америка построена на мечте, на мечте о свободе. Авторы “Американцы” считают, что это — идеалы свободы и открытых возможностей для всех. Они основываются на вере в неограниченные возможности США и их особое место в мире (см. подр. [12]). В широком понимании американские ценности занимают огромный спектр мечтаний, которые передаются лексемами, вербализующими абстрактные понятия (*freedom, liberation, survival, patriotism, optimism, mobility, desire, hope, belief*), и теми, которые обозначают материальные потребности (*home, job, work, money, family, children, car, dog, garden*), т. е. всё, обладание которым расценивается как успех [5:7-8; 10:100-101].

Следовательно, вербализации рассмотренных концептов в русской и английской картинах мира позволяют обнаружить изоморфные и алломорфные черты их восприятия носителями соответствующих языков. Перспективным считаем проведение опроса информантов, который позволит подтвердить результаты, основанные на использовании лексикографических материалов.

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М., 1998.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996.
3. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М., 2001.
4. Карасик В. И. Этноспецифические концепты // Иная ментальность. — М., 2005. — С. 8 — 101.
5. Карпова К. С. Вербалізація національно-специфічних концептів американського суспільства XX — початку XXI століття: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. — К., 2008.
6. Логический анализ языка: Культурные концепты. — М., 1991.
7. Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. — М., 1999.
8. Серова И. Г. Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — №1. — С. 15 — 22.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. — М., 1997.
10. Томенчук М. В. Варіантно зумовлена концептуалізація дійсності у сучасній англійській мові: Дис. ... канд. філол. наук. — Ужгород, 2008.
11. Черкашина Э. А. Вербализация концепта СОН / DREAM в русской и английской культуре: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2007.
12. *The Encyclopedia Americana*. Internet edition. — 1997. — Vol. 8.

A. E. Levitsky

DREAM AS A STATE AND A VISION VERBALISED IN RUSSIAN AND ENGLISH

The article deals with the comparative analysis of the verbalization of *DREAM* viewed as a process and a vision by means of Russian and English. The author singles out lexical means of its verbalization in the languages under study. Isomorphic and allomorphic specificity of its semantic representation by means of Russian and English have been pointed out. The parts DREAM as a state and as a vision perform in the formation of Russian and English linguacultural spaces are also highlighted.

Key words: language worldview, conceptual worldview, linguacultural space, concept, designation.

А. Е. Левицький

ОСОБЛИВОСТІ ВЕРБАЛІЗАЦІЇ КОНЦЕПТІВ *СОН* ТА *МРІЯ* ЗАСОБАМИ РОСІЙСЬКОЇ ТА АНГЛІЙСЬКОЇ МОВ

У статті розглядається номінація концептів *СОН* та *МРІЯ* засобами російської та англійської мов. Визначено лексичні засоби вербалізації цих концептів у розглянутих мовах. Окреслено ізоморфні та аломорфні особливості номінації концептів *СОН* та *МРІЯ* засобами відповідних мов в аспекті їх семантики. Виявлено роль даних концептів як репрезентантів російської та англійської лінгвокультурних просторів.

Ключові слова: мовна картина світу, концептуальна картина світу, лінгвокультурний простір, концепт, номінація.

УДК 811.111:378.026/'134

С. В. Плотницкая, Л. Н. Голубенко, Н. П. Вит, О. И. Еременок

Концепт “закон” в зеркале английской лингвокультуры

Статья посвящена проблеме концепта “закон” в правовой картине мира Великобритании с точки зрения межкультурной коммуникации; даётся анализ формирования языковой личности студента при работе со специальными юридическими текстами.

Ключевые слова: концептуальная картина мира, концепт, закон.

Язык — уникальная знаковая система. Язык — это не только способ коммуникации и сохранения знаний, но и базовый код, основа семиотической системы всякой культуры. Язык сохраняет единство народа в исторической смене поколений и общественных формаций, объединяя людей во времени, географическом и социальном пространстве. Две национальные культуры никогда не совпадают полностью, каждая культура владеет национальными и интернациональными лексическими единицами. Изучение иностранного языка предполагает не только освоение нового кода и нового способа выражения мыслей, но и знакомство с национальной культурой народа — носителя изучаемого языка. Язык рассматривается в тесной связи с фактами общественной жизни, историей, географией, бытом, культурой, литературой и правовой системой носителей языка. Признавая существование связи языка и культуры, многие учёные-исследователи обращаются к лексико-семантическому уровню языка, единицы которого непосредственно реагируют на изменения во всех сферах человеческой деятельности. Слова с особыми культурно-специфическими значениями (концепты) отражают не только образ жизни языкового коллектива, но и образ его мышления, включающего понятийные системы, исторически сформированные в сознании представителей данной лингвокультурной общности.

Владение культурным кодом — ключ к адекватной интерпретации культурно-значимой информации, заключённой в концепте. Совокупность концептов культуры реализует концептуальную картину мира, которая представляет собой инвариантный образ мира, лежащий в основе мироощущения носителей разных культур. Концептуальная система общества, т. е. информация, которой располагают члены языкового коллектива о положении вещей в мире, ориентирована на принятие специфических и значимых в данном обществе социокультурных ценностей.

Словообразовательно маркированная лексика позволяет выявить культурно-историческую специфику языка с учётом системных связей между единицам языка и культурно значимыми концептами. По словам М. Бахтина, принадлежность к единому смысловому пространству объединяет повседневную жизнь отдельного человека и историческую практику, интеллектуальную рефлексию и бессознательную память социального коллектива в сплошной континуум культуры.

Правовая картина мира является одним из профессиональных образов мира. Формирование правовой картины мира, социально и когнитивно адекватной его реальностям, способно служить основой для эффективной деятельности человека в этом мире. Важнейшая функция

права — регулювання взаимоотношень і поведіння людей в обществі, но юридическіе норми не можуть існувати інакше, як в определённых языковых формах, поэтому язык и право находятся в тесном взаимодействии. Характерной чертой правовой картины мира является её многоуровневая структура, элементарной составляющей которой является единичное нормативное положение, т. е. правовой акт. Совокупность нормативных актов в их системе образует право того или иного государства.

Особенностью правовой системы Англии является открытость методов решения юридически значимых проблем, т. е. правовая система этой страны является нормативно-судебной, где на первом месте стоит субъективное право, защищаемое судом. Наиболее существенные отличия правового представления концепта “закон” в английской, с одной стороны, и русской и украинской лингвокультурах, с другой, состоят в характере аргументации: в английском юридическом дискурсе ведутся ссылки на конкретные судебные прецеденты (прецедентное право), в русском и украинском дискурсе — на кодифицированные нормы (нормативное право).

Концепт “закон” является ключевым концептом правовой картины мира. Особенности смыслового содержания этого концепта в английской, русской и украинской культурах отражают специфику действующих в них правовых систем. Лингвистически это выражается в смысловых различиях слов, лакунах, национально-культурных особенностях внутренней формы слов и т. д. Примером лакун может служить тот факт, что в английском языке, например, кроме слова **lawyer** (юрист, адвокат, защитник, правове́д), есть ещё несколько обозначений разновидностей адвокатской профессии: *attorney* (поверенный, прокурор), *barrister* (барристер, адвокат, имеющий право выступать в судах высшей инстанции), *solicitor* (солиситор, юрисконсульт, адвокат, выступающий в судах низшей инстанции), *counselor* (консультант, советник), *advocate* (адвокат, защитник), *legal advisor* (юрисконсульт).

Концепт “закон” является культурной константой, относительно устойчивым ментальным образованием. Идеальный смысл концепта “закон” опредмечивается словом “law”, декодируется в определениях и дефинициях. Так, в “Англо-русском словаре” В. К. Мюллера (1990) **law** переводится как: 1) закон; 2) право, юриспруденция; 3) профессия юриста; 4) суд, судебный процесс; 5) судейское сословие; 6) полиция, полицейский; 7) правило; 8) преимущество, предоставляемое противнику; 9) законный, юридический, правовой. Оксфордский словарь (1992), посвящённый праву, даёт следующую дефиницию закону: **Law** 1. The enforceable body of rules that govern any society. 2. One of the rules making up the body of law, such as an Act of Parliament.

Таким образом, релевантным признаком концепта “закон” в русской, украинской и английской лингвокультурах выступают: 1) согласие с обязательным для всех правилом поведения в обществе; 2) писаная норма поведения, санкционированная государственной властью; 3) неписаная, но строго соблюдаемая норма поведения, продолжающая вековые традиции; 4) запрет; 5) вменение в обязанность; 6) дозволение; 7) источник права. Отличие наивно-языкового представления концепта “закон” в английском языковом сознании заключается в понимании закона как гаранта свободы, а в русском и украинском языковом сознании — как предела, ограничителя свободы.

Наличие в смысловом потенциале концепта “закон” таких признаков, как *запрет*, *право*, *обязательство* позволяет говорить о понимании закона как руководящего начала, нормы поведения и принадлежности данного концепта как к правовому, так и к наивно-языковому сознанию. В *праве* данные признаки конкретизируются в правовых документах, в наивно-языковом сознании они выражаются в морально-утилитарных формах, отражённых в значениях слов, текстах, выражающих социально-типичные позиции и оценки, свойственные рассматриваемой культуре. Наиболее распространённым значением рассматриваемого концепта в современном английском языке является представление о законе как *обязательном для всех правиле*, поддерживаемом авторитетом государства либо обычаями и традициями. В языке связь закона с различными формами социокультурного регулирования поведения доказывается на основе анализа лексем, в своих значениях сохранивших компоненты, отсылающие к кодифицированным обычаям, обрядово-ритуальным формам культуры.

Представление о законе как норме поведения позволяет провести параллель с такими формами социокультурного регулирования поведения, как табу, ритуал, обычай, религиозные традиции и праздники, вековые традиции народа.

Римское право оказало влияние на английский закон, ибо со времён Юлия Цезаря римляне считали гармонизирующим элементом мирового и общественного порядка право, регулирующая сила которого обеспечивалась не моральными основами, а принудительными способами влияния. С развитием римской науки, права, культуры постепенно развивался категориальный аппарат, и с течением времени латинская терминология завоевала мир. (Ex.: *Corpus delicti, corpus juris, constituo, alibi, de jure, debitor, felonia, honor, in delicto, in jure, jurisdictio, jus privatum, justitia, lex, magistratus, poena, praesumptio, privilegia, sententia, status quo, traditio, testis, veto, veritas*).

Концепты Римского права перешли из латыни в английский язык в эпоху заимствования системы права, причём концепты сохранили как внутреннее ядро, так и внешнюю форму:

Ex.: *Modus operandi* — почерк преступника;

лат.: *Accūso* — обвинять;

англ.: *to accuse* — обвинять;

Ad — voco — призывать;

to advocate — защищать, поддерживать;

Argumentum — доказательство;

argument — довод, аргумент, доказательство;

Condemno — осуждать, обвинять;

to condemn — осуждать, приговаривать;

Defendo — защищать, охранять;

to defend — защищать обвиняемого в суде, etc.

Исторически английское право выступало в форме писаного (статуты, т. е. Акты Парламента) и неписаного (прецедентное право, основанное на решениях судебной практики). Серьёзное нарушение закона всегда влекло ограничение во времени и пространстве, т. е. лишение свободы.

Актуальные для английской культуры ценности (невмешательство в чужую жизнь, толерантность) получили широкое выражение в языке и конкретизировались правом, попадая в зону интенсивного правового регулирования, где существует детальное правовое опосредование поведения всех участников общественных отношений. Закон предоставляет гарантии соблюдения данной нормы, тем самым сохраняя права на частное пространство, свободу действий в рамках закона. Само понимание закона как гаранта свободы в английской культуре несёт положительную коннотацию во фразеологических единицах. Так, в англо-русском фразеологическом словаре А. В. Кунина (1984) *law* входит в состав следующих фразеологизмов: 1) *be a law into oneself* — ни с чем не считаться, кроме собственного мнения, идти наперекор традициям; 2) *blue law* — пуританский закон о недопустимости платной работы по воскресеньям; 3) *judge-made law* — прецедентное право, созданное на основе судебной практики; 4) *the law of the Medes and Persians* — “закон мидян и персов”, т. е. вечный, незыблемый закон; 5) *laws catch flies but let hornets go free* — “закон что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет”; 6) *lay down the law* — командовать, не допускать возражений; 7) *necessity has no law* — для нужды нет закона (*cp.* нужда крепче закона) [*lam. Necessitas non habet legem*]; *an unwritten law* — неписанный закон; 8) *take the law into one's own hands* — самочинно вершить суд и т. д.

В Оксфордском словаре (1992) указаны время возникновения, источник, староанглийская версия и толкование пословиц и поговорок о законе.

LAW

1. *Every land has its own law* (У каждой страны свои законы). — 1628; the old Scottish proverb says “Every Land has its ain launch. And every class has its own mode of thought and expression.

2. *One law for rich and another for the poor* (Для бедных один закон, а для богатых другой). — 1830. — There cannot be one law for the rich and another for the poor.

3. *Ignorance of the law is no excuse for breaking it* (Незнание закона не может служить оправданием). — Legal maxim (Lat.): *ignorantia iuris neminem excusat*, ignorance of the law excuses nobody. — 1412- *De Regimine Principum*: Excuse schal hym naght his ignorance. 1530-ST. GERMAN Dialogues in English: Ignorance of the law though it be inuincible doth not excuse.

4. *Necessity knows no law* (Для нужды нет закона; нужда свой закон пишет). — 1530 — W. Tyndale *Answer to More*: Two things are without law, God and necessity.

5. *New lords, new laws* (Новые хозяева — новые законы; новая метла по-новому метёт). — 1450 — *St. Editha* Willyham Conquerour was made here kyng, And made newe lordus and eke newe lawe.

6. *Possession is nine points of the law* (Собственность диктует законы; владелец на девять десятых прав). — There is no specific legal ruling which supports this proverb — though the concept is widely acknowledged — but in early use the satisfaction of ten points was commonly asserted to attest full entitlement or ownership. Possession, represented by nine or eleven points, is therefore the closest

substitute for this. 1595. — *Edward III*. — Tis you are in possession of the Crowne, And that's the surest point of the Law.

Для юриста важен состав преступления и обстоятельства, в которых оно совершено, в то время как для неспециалиста, носителя обыденного или наивного языкового сознания, важно оценить преступление с эмоциональных позиций (жестокое, коварное и т. д.). Юридические термины, относящиеся к видам преступлений, являются своего рода застывшими формулами ценностно-значимой информации, лишёнными образности. Право опирается на ценностную картину мира, присущую данной культуре, вбирая в себя раз и навсегда определённый, установленный смысл того или иного явления, заключая его в конкретные формулировки, которые становятся знаками, отсылающими нас к уже накопленному, т. е. прошлому опыту. Концепт “закон” включает многочисленные оценки, составляющие моральные и утилитарные нормы. Морально-этический и правовой кодексы ориентируются на ценностно-консолидирующее пространство культуры, в котором выделяются две части: общечеловеческая и национально-специфическая, — причём последняя реализует социально-типичные позиции и оценки, свойственные данной культуре.

Концепт “закон” предполагает определённые аксиомы поведения в обществе, выраженные в пословицах и поговорках, а именно:

1) аксиомы взаимодействия: нельзя причинять зла, следует творить добро, быть смелым и помогать друг другу (англ.: *When you drink from the steam, remember the spring. Two heads are better than one. A bold heart is half the battle.* — Русск.: *Злой с лукавым водились, и оба в яму провалились. Дареному коню в зубы не смотрят. Одна голова хорошо, а две -лучше. Отвага мёд пьёт и кандалы трёт*);

2) аксиомы жизнеобеспечения: следует трудиться, надеяться на лучшее, быть терпеливым (англ.: *No song, no supper. Patient men win the day. Every cloud has a silver lining.* — Русск.: *Терпение и труд всё перетрут. Без труда не выловишь и рыбку из пруда. Не всё ненастье — будет и ясно солнышко*);

3) аксиомы ответственности, реализма, безопасности и благоразумия: следует отвечать за свои поступки, соблюдать закон, надеяться на свои силы, быть предусмотрительным, довольствоваться тем, что имеешь (англ.: *We live by laws, not by examples. Custom rules the law. Too many cooks spoiled the broth. The wolf may loose his teeth, but never nature. Small fish are sweet. Don't put all eggs in one basket. A bird in the hand is worth two in the bush.* — Русск.: *Не всякая вина виновата. Мал золотник, да дорог. Цыплят по осени считают. Лучше синица в руках, чем журавль в небе*).

Специфика юридической терминологии ставит перед студентом-юристом как языковой личностью ряд практических задач, от успешного решения которых зависит качество перевода специальных юридических текстов. Работа со всеми видами юридических текстов, как при устном, так и при письменном переводе, требует от студента определённого уровня правосознания и правовой культуры. Учёт национально-культурного компонента выражается в необходимости изучения правовых реалий Великобритании для успешного подбора эквивалентов в языке перевода. Специфической чертой юридических текстов является их кажущаяся перенасыщенность юридическими терминами, связанными с законом. Однако каждый термин несёт конкретную смысловую и правовую нагрузку (особенно в текстах уголовно-правового характера), и опущение любого из терминов при переводе неизбежно ведёт к значительным смысловым потерям и качественному ухудшению текста перевода. Неточность перевода терминов может привести к подмене понятий, искажению смысла и вылиться в конкретные правовые последствия.

1. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Собр. соч.: В 8 т. — М., 1982. — Т. 2.
2. *Кубрякова Е. С.* и др. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.
3. *Ощепкова В. В.* Язык и культура. — СПб., 2006.
4. *Підпригора О. А., Харитонов Є. О.* Римське право. — К., 2009.
5. *Ярхо В. Н.* Латинский язык. — М., 2000.
6. *Oxford concise dictionary of proverbs*, 1992.

S. V. Plotnitskaya, L. N. Golubenko, N. P. Vit, O. I. Yermenok

CONCEPT 'LAW' IN THE MIRROR OF ENGLISH LINGUISTIC CULTURE

The article deals with the problem of the concept "law" in the legal worldview from the point of view of intercultural communication. The analysis of the student's language personality is given while working with special juridical texts.

Key words: concept, law, legal worldview.

С. В. Плотницька, Л. М. Голубенко, Н. П. Віт, О. І. Єременок

КОНЦЕПТ "ЗАКОН" У ДЗЕРКАЛІ АНГЛІЙСЬКОЇ ЛІНГВОКУЛЬТУРИ

Статтю присвячено проблемі концепту "закон" у правовій картині світу з точки зору міжкультурної комунікації; подано аналіз формування мовної особистості студента при роботі зі спеціальними юридичними текстами.

Ключові слова: концептуальна картина світу, концепт, закон.

УДК 811.161.1'373.612.2 Инбер

Ю. В. Кравцова

Моделирование метафорической картины мира в поэзии В. Инбер

В статье рассматриваются проблемы метафорического моделирования мира в художественном тексте. Метафорическое моделирование понимается как способ создания и реконструкции национальной или индивидуальной метафорической картины мира. Описаны результаты семантико-когнитивного моделирования метафоризации в поэзии В. Инбер, вследствие которого были выявлены продуктивные метафорические модели и базовые метафорические концепты, составляющие основу ее авторской метафорической картины мира. Разработанная методика может быть использована как в корпусном исследовании метафорики, так и при анализе отдельных фактов метафоризации.

Ключевые слова: метафорическая картина мира, семантико-когнитивное моделирование метафоризации, метафорическая модель, метафорический концепт.

Метафорика языка образует метафорическую картину мира, которая по своей лингвистической природе является производной от языковой картины мира и её составляющей, а по когнитивным свойствам — совокупностью сложившихся в той или иной национальной культуре образных представлений об окружающей действительности. Она формируется и периодически модифицируется носителями языка, в котором фиксируются и суммируются метафорические номинации, постепенно накапливаемые этносом в ходе его исторического развития, обнаруживая некоторую стереотипность национального мышления. Метафорическая картина мира в сознании отдельного представителя той или иной лингвокультурной общности вариативна и обусловлена его личностными особенностями.

Метафорическая картина мира писателя представляет собой результат его креативной образно-мыслительной деятельности, метафорического моделирования объективной действительности на основе субъективной ее интерпретации. В ней находят отражение личные представления автора о реальности, зафиксированные в метафорике его произведений. Метафорическая картина мира писателя является составляющей его художественной картины мира как специфической формы отображения индивидуального восприятия действительности. Метафоры, ориентированные на поиск образа, проникновение в сущность обозначаемого объекта, употребляются автором обдуманно и осознанно. Мастер слова в силу естественного стремления к

самовираженню і нестандартного мировосприяття намеренно вводить в художественне пространство тексту метафори, котрі одночасно формують і моделюють його. Метафорика письменника, з однієї сторони, репрезентує реальність і об'єктивне знання про неї, закріплене в мові, через призму авторського творчого мислення, а з іншої — створює неповторимий образ світу.

Авторська метафорическа картина світу виробляє не тільки індивідуальні представлення письменника як мовної особистості з неординарним креативним мисленням, але й общенациональні образні представлення про світ, так як він виступає носієм визначених етнокультурних стереотипів, тому в його творах існують індивідуально-авторські метафори, безпосередньо відображають своєобразие ментальної діяльності їх створителя, і мовні метафори, наявність яких можливо в творах інших авторів, однак їх вибір є суворо індивідуальним і варіативним. Отже, метафорическа картина світу письменника, опосередкована мовною і художественною картинами світу, поступово складається в результаті послідовного її моделювання автором і утворює унікальну модель світу з розгалуженою структурою вихідних і нових сфер метафоризації.

В даній роботі описуються продуктивні метафорическі моделі і базові метафорическі концепти поезії В. Інбер, виявлені в результаті семантико-когнітивного аналізу її метафорики. До теперішнього часу поетическе творчество В. Інбер розглядалось переважно в літературознавчому аспекті (І. Грінберг, А. Тарасенков і др.), а метафорика її творчень не була об'єктом спеціального дослідження. Описання метафорических моделей в художественних текстах / дискурсах почалося тільки недавно (Н. В. Головенкіна, А. С. Назін, В. П. Новикова, Е. Н. Осатюк, Е. Б. Рябих, М. Б. Шинкаренкова), тому принципи метафорического моделювання ще тільки формуються, що пояснюється складністю самого об'єкта вивчення.

Реконструкція картини світу автора на основі створених ним текстів означає встановлення цінностей даної мовної особистості і ієрархії значень в її тезаурусі [3:36]. Текст відображає рух людської думки, будує можливі світи, запечатлює в собі динаміку думки і способи її представлення з допомогою засобів мови [4:11]. На основі мовних репрезентацій в творах будь-якого поета і/або прозаїка можливо відновлення його індивідуальної метафорическої моделі світу і її концептуально-метафорическої бази. Реконструкцію авторської метафорическої картини світу цілеспрямовано проводити з допомогою методу моделювання. З цією метою здійснюється виявлення продуктивних в текстах того або іншого автора метафорических моделей, що дозволяють відтворити стійкі в його свідомості образно-асоціативні зв'язки реалій, а також встановлення метафорических концептів, що складають основу його світобачення. Щоб отримати повне представлення про специфіку метафорического відображення дійсності в творчестві письменника, необхідно провести корпусне дослідження його метафорики.

Поняття метафорического моделювання в лінгвістиці є неоднозначним. В лінгвокогнітивних метафорологічних дослідженнях воно розуміється як спосіб пізнання, концептуалізації, категоризації і репрезентації світу, що відображає національне і особисте самосвідомість на визначеному етапі історического розвитку даного соціуму (А. П. Чудинов, Э. В. Будаєв, Т. С. Вершиніна і др.). В роботах про вивчення семантическої деривації метафорического моделювання представляє собою побудову моделей метафоризації, що відображають закономірності вторичної номінації на якій-небудь стадії еволюції мови (Л. А. Кудрявцева, Т. А. Кукса, Н. П. Тропіна і др.). Метафорическе моделювання в нашому розумінні є засобом створення і реконструкції колективної або індивідуальної метафорическої картини світу, що відображає регулярність і продуктивність тих або інших метафорических моделей в конкретний історический період. Отже відтворення метафорическої картини світу, смодельованої письменником, на практиці здійснюється шляхом встановлення і побудови типових для його творчества метафорических моделей.

Метафорическа модель в даній роботі розглядається як існуюча в свідомості носіїв мови схема вербалізації корелятивних в асоціативному плані понять, включаюча вихідну і нову ідеографіческі сфери і семантико-когнітивний формант. Під семантико-когнітивним формантом розуміється ментально-значимий елемент, котрий ін-

тегрирует разные сущности, сходные в каком-либо отношении, и выступает мотивирующим признаком метафорической проекции из исходной понятийной сферы в новую (например, метафорическая модель “физические свойства человека → природные явления > цвет”). Метафорические модели могут иметь разновидности, характеризующиеся вариативностью новой понятийной сферы или семантико-когнитивного форманта при устойчивой исходной понятийной сфере, называемые нами субмоделями (к примеру, метафорическая модель “физические свойства человека → природные явления и стихии > звук” может выступать в субмоделях “речь → атмосферное явление > сила звучания” (*шепот ветра*), “речь → атмосферное явление > степень различения звука” (*бормотание вьюги*), “речь → природные стихии > сила звучания” (*вопли бури*) и др.). Совокупность метафорических моделей со сходными понятийными сферами образуют мегамодель — направление переноса из одной идеографической области в другую, сформулированное в наиболее общем виде (“Человек → Неорганический мир”, “Животный мир → Человек” и т. п.).

Основу метафорической картины мира в поэзии В. Инбер составляют мегамодели “Человек → Неорганический мир”, “Человек → Животный мир”, “Человек → Растительный мир”, “Человек → Артефакт”, “Неорганический мир → Человек”, “Неорганический мир → Социум”, “Неорганический мир → Неорганический мир”, “Неорганический мир → Растительный мир”, “Неорганический мир → Время”, “Животный мир → Человек”, “Животный мир → Социум”, “Животный мир → Неорганический мир”, “Артефакт → Неорганический мир”. Данные идеографические сферы включают следующие понятия: “Человек” — его физические, физиологические, психические и душевные свойства; “Социум” — социальные явления, сферы деятельности человека и т. п.; “Неорганический мир” — мир неживой природы; “Животный мир” — представители фауны, особенности их существования; “Растительный мир” — представители флоры, особенности их существования; “Артефакт” — продукты человеческой деятельности; “Время” — различные временные отрезки, темпоральные характеристики объектов и т. п. Метафорические мегамодели реализуются в разных моделях и субмоделях.

Метафорическая мегамодель “Человек → Неорганический мир” представлена в поэзии В. Инбер разными моделями, которые выступают в виде соответствующих субмоделей: 1) “физические свойства человека → природные явления > звук”: “речь → атмосферные явления > сила звука + качество звучания” (громкий / тихий, отчетливый / неясный): *нежный лепет ветерка* [2:314]; *под пенье вьюги* [2:408]; “речь → атмосферные осадки > сила звука + качество звучания”: *Дождь пролепетал над садом* [2:235]; *поют дожди* [2:73]; 2) “физические свойства человека → природные явления > цвет”: “внешность человека → атмосферные явления > оттенок цвета”: *седой ветерок подул* [2:196]; *В мороз седой* [2:493]; “внешность человека → осадки > оттенок цвета”: *В мохнатом инее седом Столетняя сосна* [2:307]; 3) “физические свойства человека → водные объекты > звук”: “речь → водоемы > сила звука + качество звучания” (громкий / тихий, отчетливый / неясный): *В саду вода лепечет монотонно* [2:52]; *Без лепета, без плеска и журчанья... Глухонемая черная вода* [2:441]; “речь → водный поток > сила звука + качество звучания”: *Ручей свое лепечет* [2:328]; *То она (авт. — река) журчит скороговоркой, То едва лепечет* [2:503]; *Поют водопады* [2:503]; 4) “физиологические свойства человека → водные объекты > динамика”: “процессы жизнедеятельности человека → водный поток > неподвижность (отсутствие движения)”: *Уснула Волга. Спят ее притоки* [2:453].

Мегамодель “Человек → Животный мир” реализуется в метафорической модели “физические свойства человека → физические свойства птиц > звук” и ее субмодели “речь → пение > сила звука” (громкость): *говорят скворцы* [2:307]; *лепет птичьих голосов* [2:472]; *И разлетелся птичий хор* [2:307].

Метафорическая мегамодель “Человек → Растительный мир” проявляется в модели “физические свойства человека → строение растений > форма” и соответственно ее субмодели “части тела человека → части деревьев > очертания”: *Цветущие руки твоих ветвей* [2:225]; *Склонялись головы берез* [2:302]; *Тянут пальцы пальмовой руки* [2:153].

Мегамодель “Человек → Артефакт” представлена метафорической моделью “физические свойства человека → механизмы > звук”, которая проявляется в виде субмоделей: “речь → орудия для стрельбы > сила звука” (громкий / тихий): *Не умолкают пушек голоса* [2:500]; *зенитки говорят* [2:278]; *Зениток отчетливый хор* [2:266]; “речь → машины для обработки материалов >

сила звука + качество звучания”: *запели Не прялки — ткацкие станки* [2:116]; “речь → инструменты > сила звука + качество звучания”: *На бревнах — голосистая пила Опять свои частушки завела* [2:498].

Метафорическая мегамодель “**Неорганический мир → Человек**” реализуется в метафорических моделях и их субмоделях: 1) “водные объекты → физические свойства человека > звук”: “водный поток → речь > темп звучания” (плавность, размеренность): *Льётся разговор* [2:356]; *Слова текут, как из художего крана* [2:379]; 2) “водные объекты → физиологические свойства человека > динамика”: “водный поток → проявления жизнедеятельности организма > движение”: *жизнь текла* [2:473]; *Сны текут* [2:57]; 3) “полезные ископаемые → физические свойства человека > цвет”: “металлы → внешность человека > оттенок цвета”: *золото кос* [2:144]; *слиток золотых волос* [2:249]; *медь сияет в бронзе детских рук* [2:245]; 4) “физические явления → душевные свойства человека > проявление объекта”: “горение → черты характера > активность”: *Он встречен был огнем, пожаром гнева* [2:272]; *Горение страстной души* [2:471].

Мегамодель “**Неорганический мир → Социум**” проявляется в виде метафорических моделей и их субмоделей: 1) “водные объекты → объединения людей > динамика”: “водный поток → совокупность людей > движение” (непрерывность): *И потекли людские толпы* [2:120]; *потекли из кино Подмосковные пары* [2:171]; *потекут Друзья* [2:199]; *граждане потоком Вливаются в него* [2:274]; 2) “природные явления → социальные отношения > проявление объекта”: “атмосферные явления → общественная оценка > интенсивность”: *Была в тот час такая буря прений* [2:118]; *Тут оваций такие грома* [2:352]; 3) “физические явления → социальные отношения > проявление объекта”: “горение → общественная оценка > интенсивность”: *В его присутствии не возникали Дым почестей и славословий дым* [2:382].

Метафорическая мегамодель “**Неорганический мир → Неорганический мир**” представлена в виде моделей и их субмоделей: 1) “водные объекты → природные объекты > динамика”: “водный поток → небесные тела > движение” (непрерывность, размеренность): *Текут седые солнца и планеты* [2:449]; *Плывут над нами млечные буруны* [2:453]; 2) “водные объекты → физические явления > динамика”: “водный поток → световые явления > движение” (непрерывность, размеренность): *Золотые огни растекаются* [2:48]; *Свет фонаря, словно масло, течёт* [2:141]; *Над листвою поникшей Струится звёздный ток* [2:55]; 3) “природные объекты → природные явления > форма”: “небесные тела → осадки > очертания”: *снежных звездочек Он увидел полет* [2:261]; *Снежные звёздочки наперечет* [2:311]; 4) “природные явления → вещества > форма”: “атмосферные явления → порошкообразные вещества > очертания”: *Где знают одно только облако — пыли, Одну только тучу — песка* [2:339]; 5) “полезные ископаемые → природные объекты > цвет”: “металлы → участки земли > оттенок цвета”: *на табачном золоте долины* [2:423]; *Страшно после мирного золота пашен Землю увидеть* [2:460].

Метафорическая мегамодель “**Неорганический мир → Растительный мир**” реализуется в моделях и соответствующих субмоделях: 1) “полезные ископаемые → виды растений > цвет”: “металлы → деревья > оттенок цвета”: *черное золото сосен* [2:171]; “металлы → травы > оттенок цвета”: *То пушистое золото — хлопок везут* [2:226]; 2) “полезные ископаемые → строение растений > цвет”: “металлы → части деревьев > оттенок цвета”: *По золоту листвы осенней* [2:248]; *медь листвы* [2:324]; 3) “природные явления → виды растений > цвет”: “осадки → деревья > оттенок цвета”: *Среди яблочных бело-лебяжьих снегов* [2:242]; “осадки → травы > оттенок цвета”: *Над жарким снегом хлопковой гряды* [2:245].

Мегамодель “**Неорганический мир → Время**” представлена в поэзии В. Инбер метафорическими моделями и их субмоделями: 1) “водные объекты → продолжительность чего-л. > динамика”: “водный поток → последовательность смены состояний > движение” (быстро / медленно): *Быстробегущий времени поток* [2:432]; *Утром время медленно течет* [2:404]; 2) “водные объекты → временные отрезки > динамика”: “водный поток → единицы измерения времени > движение”: *Часы текут пленительно и длинно* [2:53]; “водный поток → исторические периоды > движение”: *Столетия, как волны, Над ними протекли* [2:322]; *Текли геологические эры* [2:53].

Метафорическая мегамодель “**Животный мир → Человек**” выступает в виде метафорической модели “физические свойства животных → физические свойства человека > проявление объекта” и ее субмодели “части тела птиц → речь > активность”: *Слова мои сегодня не крылаты* [2:79]; *бескрылым словом Его ужалю сладко* [2:144].

Мегамодель “Животный мир → Социум” проявляется в модели “виды животных → общественные отношения > оценочность” и соответствующей субмодели “поведение пресмыкающихся → прекращение отношений > негатив”: *легла между нами разлука-змея* [2:226]; *Что разлука-змея* [2:228].

Метафорическая мегамодель “Животный мир → Неорганический мир” представлена моделью “физические свойства животных → водные объекты > форма” и ее субмоделью “части тела животных → водный поток > очертания”: *Осенний ветер веет на горб волны* [2:64]; *По гривам от века не чесанных волн* [2:141]; *грива Зеленых или синих волн залива* [2:144].

Мегамодель “Артефакт → Неорганический мир” реализуется в следующих метафорических моделях и их субмоделях: 1) “столовая утварь → водные объекты > форма”: “сосуды для питья → водоемы > очертания”: *Женевское озеро-чаша лазури* [2:503]; *чаша лазурного озера* [2:505]; 2) “произведения искусства → природные объекты > форма”: “рисунки → небесные тела > очертания”: *влекут к далекой параллели Узоры звезд* [2:62]; *поют дожди под звёздной сеткой* [2:73]; 3) “предметы обихода → водные объекты > форма”: “предметы повседневной необходимости → водоемы > очертания”: *Над зеркалом пруда* [2:302], [2:307]; *над водою зеркальной* [2:339]; *В горной впадине зеркало вод Заблестело* [2:350]; *Лебедь будоражит Зеркало пруда* [2:354]; 4) “вместилища → природные явления > мера”: “емкости → атмосферные явления > размер”: *Небо — бездонный чан!* [4, с. 105].

Все остальные метафоры в произведениях поэтессы единичны по способу образования и соответственно непродуктивны.

Базовыми метафорическими концептами поэзии В. Инбер являются понятия “Голос” и “Вода”. Под метафорическим концептом понимается образно-ментальное образование, отражающее устойчивые в индивидуальном сознании писателя ассоциативные связи реалий и проявляющееся в процессе его креативной вербальной деятельности.

Концепт “Голос” реализуется в метафорах *голос, говорить, вопль, крик, лепет, хор, шепот* и др.: *Спасской башни голос важный* [2:247]; *Седые камни с нами говорят* [2:322]; *вода лепечет монотонно* [2:52]; *Дождь пролепетал над садом* [2:235]; *И рельсы, под речитатив колёс, Запели* [2:141]; *поют дожди* [2:73]; *На бревнах — голосистая пила Опять свои частушки завела* [2:498]; *Зениток отчетливый хор* [2:266] и мн. др. Для поэтессы, вероятно, достаточно важным представлялось умение слушать других людей, воспринимать звуки окружающего мира и в то же время желание быть услышанной и понятой.

Метафорический концепт “Вода” проявляется в метафорах *море, прибой, водопад, течь, литься, струиться, плыть, тонуть* и т. п.: *Прошла волна овации по залу* [2:436]; *Под гул артиллерийского прибоя* [2:264]; *Быстробегущий времени поток* [2:432]; *И потекли людские толпы* [2:120]; *Слова текут, как из художего крана* [2:379]; *в текучей памяти людской* [2:481]; *В небе разливается закат* [2:404]; *Струится звёздный ток* [2:55]; [2:417]; *Плывут над нами млечные буруны* [2:453] и мн. др. Вода является символом рождения, чистоты, свежести и обновления, — так и творчество В. Инбер “рвущееся”, бьющее энергией, стремительное, как бурный поток. Оно наполнено внутренней свободой, лирической силой и неподдельной искренностью.

В произведениях поэтессы есть метафоры, представляющие собой известные метафорические формулы, отражающие стереотипы национального мышления: *зеркало пруда (воды), змея-разлука, золото волос, чаша озера*.

В поэзии В. Инбер выявлено тринадцать метафорических мегамоделей, которые актуализируют идеографические сферы “Человек” и “Неорганический мир”. Данный факт подтверждает, что метафорическая картина мира поэтессы является антропоцентричной и абиотической по своей сути. Созданная метафорическая модель мира демонстрирует её жизненные и художественно-эстетические приоритеты — человек в физическом и личностном аспектах и окружающий его неорганический мир природы.

Предлагаемая методика описания метафорических моделей может быть использована как при исследовании значительных корпусов метафор в различных текстах, дискурсах, словарях, так и при изучении отдельных фактов метафоризации. Работа в этом направлении позволит инвентаризировать и классифицировать метафорические модели, выявить все продуктивные модели на разных этапах развития языка, отражающие общие закономерности метафорического моделирования мира.

1. Гринберг И. Вера Инбер. — М., 1961.
2. Инбер В. Собрание сочинений: В 4-х т. — Т. 1. Стихотворения и поэмы. — М., 1965.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М., 2001.
5. Тарасенков А. Вера Инбер / Поэты. — М., 1956.

Yu. V. Kravtsova

MODELLING OF METAPHORICAL PICTURE OF THE WORLD IN V. INBER'S POETRY

In the article the problems of metaphorical modelling of the world in an artistic text are examined. A metaphorical modelling is understood as the method of creation and reconstruction of national or individual metaphorical picture of the world. The results of semantic and cognitive modelling of metaphORIZATION in the V. Inber's poetry are described, productive metaphorical models and basic metaphorical concepts being the basis of its author's metaphorical picture of the world are revealed. Developed technique can be used both in a corpus' research of metaphors and in the analysis of individual facts of metaphORIZATION.

Key words: metaphorical picture of the world, semantic and cognitive modelling of metaphORIZATION, metaphorical model, metaphorical concept.

Ю. В. Кравцова

МОДЕЛЮВАННЯ МЕТАФОРИЧНОЇ КАРТИНИ СВІТУ В ПОЕЗІЇ В. ІНБЕР

У статті розглядаються проблеми метафоричного моделювання світу в художньому тексті. Метафоричне моделювання розуміється як спосіб створення та реконструкції національної або індивідуальної метафоричної картини світу. Описано результати семантико-когнітивного моделювання метафоризації в поезії В. Інбер, внаслідок чого були виявлені продуктивні метафоричні моделі і базові метафоричні концепти, які складають основу авторської метафоричної картини світу. Розроблена методика може бути використана як у корпусному дослідженні метафорики, так і при аналізі окремих фактів метафоризації.

Ключові слова: метафорична картина світу, семантико-когнітивне моделювання метафоризації, метафорична модель, метафоричний концепт.

УДК [811.161.1+811.581]`373/ 22:177.1:159.922.4

Т. Ф. Шумарина, Пен Бинь

Эмотивно-оценочная интерпретация свойств человека в русской и китайской языковых картинах мира

В статье представлен лингвокультурологический анализ единиц лексико-тематической группы внешности человека в современном русском языке на фоне китайского языка. Исследованы национально-культурные особенности семантики, прагматического компонента значения сопоставляемых лексических единиц.

Ключевые слова: русский и китайский языки, языковая картина мира, национально-культурные особенности, метафора.

В учебниках РКИ для начального этапа обучения тексты для чтения и упражнения к ним включают различные описания, в том числе внешности и характера человека, однако преимущественно на основе слов с прямым значением. В методических указаниях к изучению курса русского языка иностранцами темы "Внешность человека" и "Характер человека" также содержат в основном стилистически нейтральную лексику, а именно: фигура — *стройная, худощавая*; лицо — *круглое, миловидное*; нос — *длинный, прямой* и т. д. Образные описания единичны: нос

— *орлиный, картошкой, уточкой*; губы — *сердечком, бантиком*. А между тем нельзя забывать, что речь человека, хорошо знающего русский язык, должна быть богатой, эмоциональной, выразительной, что и обуславливает необходимость уделять особое внимание формированию навыков образной речи, в том числе и при описании человека. Важное место в учебном процессе должны занять упражнения, специально предназначенные для интенсификации процесса овладения русскими эмоционально-выразительными средствами, для сопоставительного анализа с целью выявления универсалий и расхождений.

Результаты теоретических исследований по билингвальному сопоставлению эмоционально-образных средств могут найти практическое применение в переводческой, а также в лексикографической деятельности, например, при создании словаря ложных друзей переводчика. Данные, полученные в ходе сопоставительного анализа метафорического словесного портрета, выполненного носителями русского и китайского языков, могут быть использованы в габитоскопии для идентификации личности по двум (данным русским и китайцем) описаниям внешнего облика без вести пропавшего лица европеоидного или монголоидного антропологического типа.

В силу того, что значение этноцентрично, для этих описаний неизбежны значительные расхождения и противоречия. В этой связи представляется целесообразным изучение типичных моделей, с помощью которых характеризуется внешность европеоидного и монголоидного антропологического типа.

Для реализации целей сопоставительного анализа был проведён эксперимент. Задание состояло в следующем: информантам надлежало описать черты лица человека, изображенного на картине. В виде наглядного материала предлагались портрет И. И. Левитана, выполненный В. А. Серовым, и портрет Ф. М. Достоевского кисти В. Г. Перова. Монголоидная раса описывалась по фотографии южного китайца из Гуанси.

После выборки метафорических номинаций и их систематизации были получены следующие национальные характеристики. При описании европеоидной внешности, данным русским и китайцем, совпадения отмечены в обозначении носа: *орлиный*; монголоидной — глаз: *рыбы*; совпало также представление об образном обозначении кожи: *мраморная*. На первый взгляд, идентичной представилась и номинация губ: *вишня*. Однако последующая семантизация проявила национальную специфику русского и китайского ЛСВ, вследствие чего они получили квалификацию семем — полных дивергентов, так как русская лексема характеризует цвет, а китайская — размер (маленькие). Национально-специфические китайские метафоры отмечены в обозначении бровей: у европейцев брови характеризуются по форме: *горизонтально расположенная цифра 8*, а у китайцев — по степени толщины: *листья* ('тонкие') (в русском словоупотреблении обычно используется иной образ: *ниточкой*). Эти образные номинации хотя и не входят в систему русского языка, но достаточно информативны для составления портрета разыскиваемого лица. Примечательным является тот факт, что китайцы, говоря по-русски, для характеристики носа одинаковой формы у представителей разных рас использовали разные метафоры: для европейца это *картошка*, для азиата — *чеснок*.

По-разному восприняли представители разных рас одну и ту же форму лица: китайцы — как *квадрат*, русские — как *овал*. Хотя причина подобного различия могла заключаться в том, что китайские информанты затруднялись подобрать адекватное русское слово для обозначения данной формы лица, а может быть, на выбор номинации повлиял тот факт, что "квадратным" в китайском языке называется красивое мужское лицо и именно так оценили информанты внешность изображенного на портрете И. И. Левитана. В целом же метафорическое описание внешности, а логично предположить, что и характера человека, оказалось подверженным сильному влиянию семантической системы родного языка. Причём у китайской стороны интерференция отмечалась как в описаниях соплеменников, так и представителей европеоидного типа. У русских, естественно, продуцировались метафоры, функционирующие в границах языковых норм родного языка: глаза — *миндалевидные*, волосы — *волнистые*, губы — *бантиком*.

В результате наблюдений было также выяснено, что в русско-китайских параллелях существует три типа отношений между семемами, а именно: семемы-корреляты, семемы-дивергенты (частичные и полные) и безэквивалентные семемы.

В русском и китайском языках совпадает семантика целого ряда номинаций, связанных с животным миром, напр.: *медведь, лиса, попугай, осёл, орёл, обезьяна, пчела, ворона, павлин, петух*;

аналогичное русским метафорам значение имеют в китайском языке и выражения *бульдожье лицо*, *пороссячи глазки*, *орлиный взор*. Совпадают в обоих языках при описании внешности и другие прилагательные: *восковая* (кожа), *ангельский*, *железный*, *каменный*, *свинцовый* и др.

Некоторая часть метафорических описаний человека идентична не по всем составляющим её ЛСВ. В ряде случаев структура одной из национальных лексем шире, а другой уже. Так, например, ЛСВ *заяц* — `трусливый человек` тождественен в русском и китайском языках. Но в китайском слове присутствует ещё одна семема, тоже характеризующая человека: `симпатичный`. Лексема *сальный* (волосы), помимо общего с русским языком значения, имеет в китайском дополнительный ЛСВ, указывающий на человеческую слабость: `ленивый`, а *мраморный*, кроме кожи, в китайском языке может охарактеризовать ещё и характер: `дипломатичный`.

Национально-культурные различия в восприятии окружающей действительности нашли своё отражение в лексической системе двух языков в виде несовпадений, положенных в основу образов и их оценок.

Весьма показательными в этом смысле являются описания людей, характеризующихся как *иезуит* и *инквизитор*. Если это описание будет производиться в русском языке, то *иезуит* окажется коварным, лицемерным, вероломным, а *инквизитор* — подозрительно-испытывающим, беспощадно-жестоким. В китайском же языке *иезуит* — `добродушный человек, всегда готовый прийти на помощь людям`; лексема *инквизитор* имеет не менее позитивную оценочность — `справедливый`, `благородный`, `праведный`, `честный`, `порядочный`.

Определённого внимания заслуживает метафорическое обозначение *глаз*. При их описании и в русском, и в китайском языках может использоваться цветовая лексика, но даже один и тот же цвет порождает у двух народов разные представления. Так, в русском языке выражение *красные глаза* используется для описания уставшего человека, в китайском так называют завистника. *Чёрные глаза* — выражение, которое в китайском часто употребляется для описания красивого человека, в русском это характеристика людей, обладающих колдовскими чарами, а также символ несчастной любви. Зооморфизмы, используемые для описания глаз, также обладают национально-культурной спецификой. *Кроличьи глаза* — в китайском это глаза больного человека, в русском же — глаза альбиноса, что совершенно не свидетельствует о нездоровье. *Рачьи* — в русском — выпученные, в китайском — маленькие; *кошачьи глаза* — в русском языке выражение имеет скорее негативную оценочность, хотя есть и позитивная (способность видеть ночью), в китайском эта метафора ассоциируется с обладателем пронизательного взгляда. *Рысьи глаза* — в представлении русских — `хищные`, `холодные`, `раскосые`, в китайском языке сема `хищный` отсутствует, это просто способ описания хитрого взгляда. Кроме того, в китайском языке на основе сходства формы, цвета, общего впечатления при описании глаз функционируют также следующие метафоры: *глаза льва* — жестокое выражение, которое глазам придают складки на веках, *глаза волка* — жестокие глаза неблагодарного человека, *глаза тигра* — используется для описания жестокости во взгляде, несмотря на то, что в целом зооним *тигр* метафоризируется в китайском языке с позитивной оценочностью — `о смелом, храбром человеке`. *Глаза дракона*. Дракон — это символ власти, счастья, расцвета. В древнем Китае дракон — это символ императора. Император — сын дракона. А в современном Китае дракон символизирует китайский народ, жителей Китая как потомков дракона. И потому если о ком-то говорят, что у него *глаза дракона*, то это значит, что у него большие властные глаза, источающие могущество.

Если сопоставить описание *лица* в русском и китайском языках, можно заметить, что и здесь в основу характеристик кладутся разные представления. Так, выражение *лошадиное лицо* в русском языке характеризует форму, а в китайском — эмоциональное состояние (`сердитый`); *обезьянье лицо* в русском отражает эстетическое впечатление, а в китайском — характер (`хитрый`, `коварный`, `умный`). Есть в каждом из языков для передачи эстетической характеристики лица и специфические номинации, отражающие эталонные представления нации. Так, в китайском языке позитивно-оценочной оказывается характеристика *квадратное лицо*, что противоречит эталонным представлениям русских; *полное лицо* — так говорят китайцы о злом человеке, в отличие от русской символической системы, где со злостью ассоциируется худоба, а с полнотой — доброта. Внешняя привлекательность в китайском языке передаётся весьма самобытно и почти не повторяет русские образы, разве только сравнение с ангелом или цветком. Китайские позитивно-оценочные наименования — это лицо “в форме утиного яйца” или “семени арбуза”.

По-восточному эмоциональны и выразительны фразеологизмы, воспевающие красоту лица молодой девушки, — её лицо своей красотой способно “затмить луну и посрамить цветы”; она так хороша, что “даже рыбу заставит погрузиться вглубь, а (летащего) гуся опуститься на землю”.

Национально-специфической особенностью китайских эмоционально-образных характеристик является наличие в метафорических номинациях сочетания образов, например: орлиный профиль — изображается как нос орла и крюк; признак ‘коварство’ при описании коварной красавицы создаётся путём сочетания образа змеи и скорпиона, ‘трусость’ передаётся образами мыши и зайца, ‘красота’ — цветка и яшмы (‘минерала, характеризующегося разнообразием красок’), а ‘стойкость’ — сосны и кипариса. Наличие двух признаков, выполняющих функцию уточнения по типу синонимии, отмечается в китайском языке не только в метафорах-лексемах со значением лица, но и во фразеологизмах, построенных на основе метафоры. И такие случаи в китайском языке достаточно частотны: *спина тигра и поясница медведя* — ‘о богатырском телосложении’, *живой дракон и живой тигр* — ‘об энергичном человеке’, *палка и кости* — ‘о крайней худобе’. Сопоставление с русской фразеологией позволяет констатировать определённые расхождения в национальных образованиях: если китайские фразеологизмы построены на основе расчлennнных понятий, то русские лексемы, составляющие фразеологизм, — синкретичны (*кровь с молоком, мешок с костями*) и объединяются в целое на основе принципа эмерджентности.

Структура китайских образных обозначений внешности и характера может быть не только двух-, но и трёхкомпонентной. Так, для определения социальных параметров богатого уважаемого человека в китайской языковой картине мира используется комплекс образов, связанных с символическим значением *магнолии, жасмина и пиона* (древовидного), а обладатель “горячей крови” может быть охарактеризован фразеологизмом, включающим лексемы *сосна, бамбук, слива*.

Число фразеологизмов-характеристик, построенных на синонимической основе и характерных для китайской фразеологической системы, в русском языке крайне ограничено. В отличие от китайского языка, в русской фразеологии данного типа предпочитается противопоставление: *ни рыба ни мясо, ни в городе кафтан ни в селе Селифан, правой рукой строит, а левой разрушает*. Образования подобного типа встречаются и в китайской фразеологии: *белые волосы и детское лицо* (о бодром старике).

Специфически китайским представлением о мире (при сопоставлении с русским) можно считать наличие множества образных характеристик физических и психических свойств человека, созданных на основе флористической лексики. В русском языке подобные метафоры немногочисленны и характеризуют в основном внешние признаки объекта (*березка, дуб, персик* (о цвете лица), *картошка* (нос), *нарцисс*) и лишь в единичных случаях — моральные качества (*лопух*). Хотя в сфере имён прилагательных подобных образований насчитывается достаточно большое количество, но это число в основном составляют метафорические обозначения цвета (*соломенные, пшеничные, каштановые* (волосы), *оливковая* (кожа), *свекольный* (румянец) и сложные образования с радикалидом: *грушевидное лицо, миндалевидные глаза*.

Китайская же образная характеристика, созданная на основе флористической терминологии, направлена скорее на внутреннюю, психическую организацию человека и охватывает практически всё царство растений — деревья, кустарники, цветы и даже овощи (например, ‘постоянство в характере’ ассоциируется у китайцев с образом спаржи). Метафорически охарактеризовать личность способны даже отдельные части растений, например *цветы персика, цветы сливы* (‘о крепком, сильном, но изящном человеке’).

При сопоставлении с китайским языком оказывается, что к числу немотивированных лакун русского языка относится обширный массив общеупотребительной флористической лексики, которая по степени активности употребления в русской речи потенциально вполне приспособлена для образования метафорических ЛСВ со значением лица. Однако реализация этой возможности осуществилась лишь на материале китайского языка. Межъязыковые расхождения по наличию метафорических ЛСВ отмечаются прежде всего в группе ‘наименование цветов’: *сирень* — ‘застенчивость, стыдливость’, *китайская гвоздика* — ‘скромность, сентиментальность’, *сосна и бамбук* — ‘непоколебимость’, *маргаритка и зелёный бамбук* — ‘душевная чистота’, *лилия* — ‘чистоплотность’. ‘Сила в характере’ определяется посредством уподобления *гладиолусу*,

а 'терпение и выносливость' — *тростнику*. Многие китайские названия растений, аналогично русским зооморфизмам, обладают не одним характерным признаком, а несколькими, и их конкретный состав делает номинацию индивидуально-неповторимой, даже при наличии синонимов: 'изящество и изысканность' олицетворяют в китайской картине мира *василёк* и *колокольчик*, но каждый из них имеет специфические признаки: *колокольчик* — 'вспыльчивость', а *василёк* — 'красоту, тонкость'; 'физическую силу, мощь, крепость' китайцы соотносят с образами *бамбука*, *одуванчика* и *верблюжьей колючки*, но при этом *бамбук* ассоциируется также с 'непоколебимостью', а *одуванчик* — 'со способностью к адаптации', *зелёный бамбук* и *лотос* связываются с чувством 'благородства', но *бамбук* — это ещё 'душевная чистота', а *лотос*, который, кстати, в Китае считается священным растением, символизирует такие позитивные качества человека, как 'искренность, свежесть и красота' (ср. в русском языке семантические варианты метафорических ЛСВ *аспид*, *ехидна* и *змея*; *корова*, *слон* и *тюлень*; *ишак*, *осел* и *корова*).

Для русской языковой личности далеко не все китайские метафоры прозрачны в семантическом отношении. Так, не ясно, какой доминантный признак *колокольчика* породил ассоциацию с человеком, обладающим вспыльчивым и дурным нравом, и почему меланхолики и сентиментальные личности уподобляются *китайской гвоздике*. Подобное затруднение испытывают и китайские переводчики, сталкиваясь в своей профессиональной деятельности с русскими национально-специфическими лексемами-зооморфизмами *акула*, *зубр*, *гусь* и под.

Некоторые китайские образные характеристики основаны на названиях растений, не вошедших в состав русской лексики даже на правах экзотизмов, как это произошло с лексемами *бамбук*, *тростник*, *восточная вишня*, *лотос*. В русском языке подобная флористическая лексика позиционируется как узкоспециальная ботаническая терминология и относится к сфере ограниченного употребления. В китайской же речевой коммуникации номинации типа *ликорис лучистый* или *китайская коробка* столь популярны, что даже развили переносное значение: *ликорис* — 'прекрасный, но и одновременно нелюдимый', *китайская коробка* — 'крепкий и стойкий человек'. Особого внимания в силу своей культурно-языковой специфичности заслуживает образное значение, которое несет номенклатура *алый гаолян*. Это растение семейства злаковых, вид сорго, возделываемый в Китае и русскому среднестатистическому носителю языка практически не известный; в русской лексической системе слово функционирует на правах экзотизма. Среди эмоционально-образных средств китайского языка данное метафоризированное сочетание занимает видное место и символизирует образ жителей северной части Китая, которые, в отличие от южан, характеризуются как прямодушный, прямолинейный народ.

Итак, лексика, используемая при описании человека, составляет важный фрагмент языковой картины мира в разных языках, в том числе в русском и китайском. Национально-культурная специфика метафорического обозначения физических и психических свойств личности основывается на национальном своеобразии видения мира народами разных национальностей.

Системное изучение подобных единиц расширяет наше представление о лексической системе каждого языка и позволяет сделать выводы относительно сходств и различий в русской и китайской языковых картинах мира, что, в свою очередь, способствует интенсификации процесса преподавания РКИ, достижению адекватности русско-китайского перевода и оптимизации габитоскопической деятельности.

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. — 1995. — №1. — С. 5 — 21.
2. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М., 1986.

T. F. Shumarina, Pen Bing

EMOTIVE AND EVALUATIVE VERSION OF A MAN'S CHARACTERISTICS IN RUSSIAN AND CHINESE WORLD LANGUAGE PICTURE

The article represents the linguistic and cultural analysis of the man's appearance lexical units in modern Russian and Chinese. The authors analyzed nationally cultural components of semantics and pragmatic meaning's component of the compared lexical units.

Key words: Russian and Chinese, world language picture, nationally cultural peculiarities, metaphor.

Т. Ф. Шумаріна, Пен Бін

ЕМОТИВНО-ОЦІННА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ВЛАСТИВОСТЕЙ ЛЮДИНИ В РОСІЙСЬКІЙ ТА КИТАЙСЬКІЙ МОВНИХ КАРТИНАХ СВІТУ

У статті подано лінгвокультурологічний аналіз одиниць лексико-тематичної групи зовнішності людини в сучасній російській мові на фоні китайської мови. Досліджено національно-культурні особливості семантики, прагматичного компонента значення порівнюваних лексичних одиниць.

Ключові слова: російська і китайська мови, мовна картина світу, національно-культурні особливості, метафора.

УДК 811.161.1“0:34+808.2-02“14”

Л. В. Ненашева

“Житие Николая Мирликийского” второй половины XV века (наблюдения над текстом и языком списка)

Статья посвящена исследованию структуры рукописи, орфографии, графики и фонетики Жития, написанного в последней трети XV века. В рукопись включены житие святого Николая, рассказ о перенесении мощей в город Бари, чудеса святого Николая при жизни и по преставлении. Графические и орфографические особенности говорят о том, что рукопись русского извода и написана в сложный период для русского письма.

Ключевые слова: житие; графические, орфографические, фонетические особенности; пятнадцатый век.

Николай Мирликийский, или Чудотворец, — великий святой. Его почитают православные, католики и даже мусульмане. После принятия христианства на Руси культ Николая Мирликийского получил широкое распространение. В основном он был известен на севере восточнославянской территории. И сейчас на севере России это один из самых почитаемых святых, особенно в тех местах, где жизнь людей связана с морем.

Одна редакция “Жития Николая Мирликийского” была написана византийским автором Симеоном Метафрастом в X в. На Руси перевод этой редакции был сделан в XV в. Вторая редакция является переводом Жития Николая Пинарского, выполненным в XI в., его называли “иным житием”. Третья редакция — это свод сведений, в число которых входят и чудеса святого [3:171–172].

Ярким примером может служить рукописный памятник письменности, находящийся в Отделе рукописей РГБ, собрание В. М. Ундольского (ф. 310, № 258). В описи рукопись значится под названием “Житие Николая Мирликийского”, написана на 126 листах в 4° на бумаге. Список не датирован, по водяным знакам его можно отнести к последней трети XV века (знаки типа Briquet 12482–1474 г.). В список входит житие и чудеса святого Николая.

Рукопись начинается с сообщения о том, как в Ликийской пустыне лежали мощи святого Николая, как святой явился пресвитеру и просил его перенести мощи из Мир в город Бари. И как только мощи были перенесены, святой стал творить чудеса, и жители этого города создали красивую церковь во имя святого и преподобного отца Николая, сделали ему раку и положили туда мощи (лл. 1–6 об). Затем следует молитва святому Николаю. Далее включено чудо о трёх иконах. С 15 листа вставлено житие Николая Мирликийского без начала. До 50-го листа представлено 23 чуда, которые совершал святой Николай, исцеляя больных. В 24-м чуде говорится, что Николай был уже болен и не вставал с постели, в это время к нему пришла одна больная женщина, именем Евгения, и святой исцелил её. С листа 53 об в список включены чудеса Николая Мирликийского после его преставления: чудо о Дмитрии, об Агрипе, или Агрике, и его сыне Василии, о некоем юноше, о Петре и др. С 112-го листа дано “Похвальное слово святому Николе”.

Этот список интересен ещё и тем, что написан в период, когда происходило объединение русских княжеств во главе с Московским княжеством после монголо-татарского ига. В это время возрастает авторитет княжеской власти, которая находит поддержку в среде высшего духовенства, поэтому широкое развитие получает церковно-панегирическая литература, в которой прославляется героическое прошлое и настоящее Руси, возвеличиваются образы князей, святых, священнослужителей. Создаются жития русских святых.

В этот период в русской письменности складываются новые графико-орфографические черты, которые будут встречаться и в рукописях XVI века. Например, после букв гласных в корнях

слов можно встретить и написание буквы **па**, как в рукописях XIV в., и новое написание — букву **а**, а также **л**, как и в рукописях XI в.: **даганія** (5об), **даганія** (29об), **избавла** (1об), **морьская вода** (55об) и **морьская** (12об).

Написание диграфа **оу** и в начале слова, и после буквы согласного уже прочно входит в употребление в середине XV в., к концу XV в. стала часто писаться буква “ук” **Ѹ**. В нашем списке написания с буквами **оу** — **Ѹ** варьируются. Обе буквы пишутся после согласных, буква **Ѹ** часто встречается в конце строки: **мѸжа хоѸда** (10), **по соѸхѸ** (12об), **за роѸкѸ** (13). В начале слова употребляется буква **оу**: **оугодная** (1), **оутроу** (3об), **оужас’шеся** (21), за исключением одного примера после приставки: **без Ѹма** (102).

Буквы **ѡ** и **ѣ** взаимозаменяемы в начале слова и в предлоге, как это было принято в древнерусской орфографии, буква **ѡ** употреблялась в предлоге **ѡ** и **ѡ**. После буквы согласного **ѡ** начинает писаться во второй половине XV в., хотя авторы “Древнерусской грамматики XII–XIII вв.” в смоленской грамоте 1229г. отмечают слова, где **ѡ** пишется после букв согласных [1:58-59.]. В исследуемом списке в начале слова и в предлоге пишется буква **ѡ**, реже **ѣ**-широкое; после согласных в конце строки и под выносной буквой **м** часто употребляется **ѡ**: **ѣ доу/бѣ** (23) и **ѡ немь** (47), **никѡ/ла** (20), **ведѡ/ша** (68об), **ѣбразъ** (10) и **ѡбразѡ** (10).

Из греческих особенностей в данной рукописи можно отметить написание в заимствованных словах букв **ψ**, **ξ**, **ν**, практически забытых и не используемых к XV в., хотя наряду с заимствованными греческими буквами писцы употребляют и русские эквиваленты: книжник не использует “кси”, заменяя букву на русское сочетание **КѢ**: **алексѣи** (2); буква **ψ** “пси” заменяется на русское сочетание **ПѢ**: **пѣлмы** (39), **пѣси** (62об) и **пси** (63). Буква **ν** “ижица” также встречается только в словах, заимствованных из греческого языка, иногда на её месте пишутся русские буквы **оу**, **Ѹ**: **ѣ мурьска града** (3об), **лоѸкы евалнста** (12), **егѸп’тянинъ** (28), **кѸпариса** (48об), **литѸргію** (58), но **литѸргіи** (58,4), **литѸгр’гію** (58об), **града вѸзан’тійскаго** (111) и **кня/зь оузан’тійскыи** (111об). Буква “зело” **ѕ** пишется редко: **ѕѣло** (11об), **на носѣ** (26).

Из графико-орфографических особенностей можно выделить 2 яркие черты, по которым определяется извод памятника: написание букв согласных на месте праславянского сочетания *dj и рефлекс *tʲrt, *tʲlt. В нашем списке часто пишется **ж**, написание **жд** встречается очень редко: **прихожа’ахоу** (14об) и **прихожахоу** (14об), **внжу** (102), **межу** (104об), **ѡсѸженія** (108об).

В сочетаниях редуцированных с плавными типа *tʲrt, *tʲrt, *tʲlt отмечены написания, характерные для периода, когда редуцированные звуки в сильном положении совпали со звуками полного образования [o] и [e]. После буквы плавного переписчик ставит всегда паерок, который, скорее всего, не обозначает мягкость плавного, а выделяет на письме букву плавного. Употребление **Ѣ** после буквы плавного редкость, всего 7 примеров, из них в 4-х словах написание **Ѣ** приходится на конец строки: **дер’жимѢ** (24об), **скор’ви** (26об), **вол’ны** (27), **долѢжни** (94об), **поверѢ/гѢ** (94об), но **дрѢзнѢти** (20).

В корнях слов с неполногласием типа *tert, *telt пишется только **Ѣ**, хотя в данном списке книжник употребляет и русские полногласные формы: **млека въ средоу** (15), **брегѢ** (111), **дѢшу влека** (94) и **волочитти** (22), **пленено** (68об) и **полониша** (64об), **выв’шемоу полону** (60), а также русские имена: **всеволода** (2), **воло/димира** (2-2об). В предлогах-приставках **прѣ-/прѣд-** отмечена только буква **ѣ**, за исключением одного примера: **прѣ нимѢ** (1), **прѣ’ставитти** (1), **прѣслав’но** (2), но **прѣ’идоша** (57об).

В рассматриваемой рукописи отмечены написания с буквой **Ѧ** в начале слова в соответствии со старославянским **Ѧ**: **Ѧдиною** (15) и **Ѧдинъ** (27об). Написания же с начальным **оу** в соответствии с **ю** в южнославянских рукописях представлены часто: **оутроу** (3об), **заоутра** (5), **въоутрѣи** (14), **наоутренїи** (39), **оуноша** (27об), **оуношу** (27об).

В “Житии Николая Мирликийского” встречаются фонетические особенности, характерные для псковского говора: **нарицаемѸю** (28об) и **нари/цаемоу** (28об), **тол’читѢ** (72) — мена **ц / ч**; **чер’норис’ца** (22) — мена свистящих; **без’дож’гѢ** (118) — сочетание **жг** на месте **жд**. Такие фонетические особенности в данной рукописи единичны, они свидетельствуют, скорее всего, не о принадлежности этого списка к псковской школе письма, а о том, что это следы протографа.

Графические и орфографические особенности исследуемого списка не отличаются от норм письма XIV — начала XV века, однако в данном списке появляются новые написания, характерные для письма раннего периода, что говорит о новой редакции русского письма или, как на-

зывает этот процесс Б. А. Ларин, о реставрации “старославянского языка, но в известной мере и древнейшего русского литературного языка домонгольской поры” [2:241–242].

1. *Древнерусская* грамматика XII–XIII вв. — М., 1995.
2. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). — М., 1975.
3. *Словарь* книжников и книжности Древней Руси. XI — первая пол. XIV в. — Л., 1987. — С. 171–172.

L. V. Nenasheva

THE FIFTEENTH CENTURY “LIFE OF ST. NICHOLAS, THE ARCHBISHOP OF MYRA IN LYCIA” (A STUDY OF THE TEXT AND LANGUAGE)

The article examines in detail the structure, spelling, script and vocabulary of the saint’s life written in the last third of the fifteenth century. The manuscript contains the life of St. Nicholas, the story about the transporting of his relics from Myra to Bari, the miracles he worked in his lifetime and after his passing away. The graphic and spelling peculiarities signify the Russian origin of the manuscript written in the difficult period about the Russian writing history.

Key words: saint’s life; graphic, spelling, phonetic peculiarities; fifteenth century.

Л. В. Ненашева

“ЖИТІЄ МИКОЛАЯ МИРЛІКІЙСЬКОГО” ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ XV СТ. (СПОСТЕРЕЖЕННЯ НАД ТЕКСТОМ ТА МОВОЮ СПИСКУ)

Статтю присвячено дослідженню структури рукопису, орфографії, графіки та фонетики Житія, написаного в останній третині XV ст. До рукопису включено житіє святого Миколая, розповідь про перенесення мощей у місто Барі, чудеса святого Миколая за життя і після кончини. Графічні й орфографічні особливості показують, що рукопис відноситься до староруського ізводу і написаний у складний період для руської писемності.

Ключові слова: житіє; графічні, орфографічні, фонетичні особливості; п’ятнадцяте століття.

УДК 811.161.2:81’282.36

М. С. Делюсто

Граматична інтерференція у говірках межиріччя Дністра і Дунаю

Територія межиріччя Дністра і Дунаю є зоною тісної взаємодії українських, російських, румунських, болгарських, гагаузьких говірок, результатом якої стала інтерференція. Авторка винятково на підставі свідчень діалектних текстів описує граматичний аспект цього процесу на прикладі російської говірки с. Введенка Саратовського р-ну та української говірки с. Шевченкове Кілійського р-ну Одеської обл.

Ключові слова: говірка, діалектний текст, граматична форма, граматична категорія, інтерференція.

Ареал межиріччя Дністра і Дунаю (МДД) — південна частина Одеської області України — становить значний інтерес для лінгвістики як в діахронному, так і в синхронному планах. Історія заселення краю, що пов’язана з кількома хвилями міграції українців, росіян, болгар, гагаузів, молдаван, переселенням і подальшим виселенням німців, швейцарців, албанців, “сформувала у регіоні специфічний мовний ландшафт із локальними інтермовними особливостями го-

ворів мов, що функціонують тут з фактами міжмовної інтерференції” [9:275]. Інтерференція виявляється як у взаємовпливах говірок у межах однієї діалектної мови, так і у взаємовпливах говірок різних діалектних мов; власне діалектна взаємодія у різний час ускладнювалася впливом літературних мов (російської, української, болгарської, румунської), що функціонували / функціонують у цьому ареалі у різних комунікативних сферах упродовж неоднакових проміжків часу [3:3]. Сила впливу літературних мов залежала від статусу мови як державної, від жорсткості мовної політики держав, у складі яких перебувала ця територія, від тривалості такого перебування.

Цей специфічний мовний ландшафт хоч і зазнав у залежності від історико-політичних умов деяких змін, все ж зберіг протягом останнього століття окремі загальні риси, зумовлені взаємною інтеграцією культур сусідніх у цьому регіоні етносів. Крім того, як слушно відзначав О. А. Колесников, “особливою рисою мовної ситуації, що склалася в регіоні, можна визнати високу терпимість поліетнічного населення як до самих мов, які функціонують тут, так і до фактів інтерференції в контактуючих мовах” [9:275].

Полімовна ситуація даного регіону неодноразово привертала увагу мовознавців, свідченням чого є дослідження, присвячені сучасному стану й історії українських [6; 10], російських [1; 5; 7], болгарських [8; 12], румунських [13; 14] та інших говірок цього ареалу. Однак більшість таких праць “зорієнтовано на вивчення окремих мов чи діалектів окремих мов, належать до різних наукових шкіл, не координовані між собою щодо завдань, проблематики та прийомів вивчення. Досі результати таких розрізнених досліджень не стали предметом систематизації, взаємопрочитання. Тому на підставі наявної чималої кількості студій пізнати реальну мовну ситуацію в регіоні, як і змоделювати етапи її становлення й трансформацій, напрями і вектори залежностей змін у структурах ідіомів на різних часових зрізах, не видається можливим” [3:3].

Таким чином, перед лінгвістикою постало завдання дослідити не лише говори мов поліетнічного регіону межиріччя Дністра і Дунаю, а й комплексно описати результати мовних контактів, а саме — специфічного інтермовного шару, що склався тут внаслідок міжмовної інтерференції. Окреслена проблема розв’язується в межах спільного наукового проекту Ізмаїльського державного гуманітарного університету та Інституту української мови НАН України “Літературні мови та діалекти українського Подунав’я. Мультилінгвальний атлас межиріччя Дністра і Дунаю” (номер державної реєстрації 0108U003100).

Зазначимо, що у вивченні міжмовних / міждіалектних контактів у регіоні, на думку П. Ю. Гриценка, склалися два основні підходи: у межах першого дослідники, вивчаючи говірки чи окремі мови, аналізували насамперед наслідки іншодіалектних впливів; у другому — взаємодію говірок / мов, структурну близькість цих систем, напрями, умови та інтенсивність взаємовпливів [3:3]. Метою даної статті є не тільки описати, а й послідовно зіставити явища граматичної інтерференції у взаємодіючих російській та українській діалектних системах межиріччя Дністра і Дунаю, оскільки на сьогодні “територіально суміжні говірки, які належать до різних діалектних мов, описані по-різному і щодо виділених для аналізу явищ, і щодо способів їх осмислення й представлення; тому ступінь інформаційної зіставності описових праць про говірки різних діалектних мов МДД залишається невисоким” [3:4].

Зауважимо: інтерференційні явища у галузі граматики контактуючих мов цієї території застосовують на особливу увагу, оскільки у попередніх дослідженнях основний акцент робився на описі лексичного аспекту результатів міжмовної взаємодії [5; 8; 10; 12], що певною мірою пов’язано з тим, що питання про причини й механізм граматичної інтерференції в умовах мовних контактів донині не має однозначного вирішення. Дискусійність з цієї проблеми полягає і в тому, що дослідники по-різному підходять до самої можливості міжмовної інтерференції на граматичному рівні. Так, існує точка зору, згідно з якою інтерференційні явища на морфологічні системи не поширюються. Зокрема, цієї думки дотримувалися А. Мейє та Е. Селір. Перший відзначав, що граматичні системи двох мов непроникні одна для одної, а другий наголошував, що немає морфологічного взаємовпливу, окрім чисто поверхового [2:60]. Натомість Г. Шухардт писав, що навіть такі зв’язані морфеми як флексії, не застраховані від вторгнення іншомовного матеріалу [2:60], а В. Ю. Розенцвейг та Л. М. Уман зауважували, що граматичні впливи розповсюджені та обов’язкові в умовах мовних контактів [11:60]. Останні думки про закономірний взаємовплив та взаємопроникнення форм контактуючих мов на морфологічному рівні підтверджуються і в

наших спостереженнях над російською говіркою с. Введенка Саратовського р-ну Одеської обл. та українською говіркою с. Шевченкове Кілійського р-ну Одеської обл.

Для аналізу були використані записи діалектного мовлення 5 мешканців (1921-1950 р. н.) с. Введенка та 30 мешканців (1918-1944 р. н.) с. Шевченкове, представлені у вигляді транскрибованих діалектних текстів, загальним обсягом 87 564 словоформ. Поділяючи думки П. Ю. Гриценка [4], вважаємо, що дослідження усіх рівнів діалектної мови, а особливо — граматичного, доцільно проводити саме на підставі свідчень діалектних текстів.

Загальновідомо, що однією з передумов граматичної інтерференції у споріднених мовах є відносна близькість систем, наявність спільних граматичних категорій за деякої різниці у вияві цих категорій у певних лексичних одиницях. Вищезазначене стосується й аналізованих діалектних систем.

Вплив української літературної мови та українських говірок, на нашу думку, стимулює наявність у російському діалектному мовленні с. Введенка в іменниковій морфології — форм О. в. I відміни з флексіями - ойу, - ейу (у^бу^лс^ь с^ь м^лш^ин^нй^ю; н^ер^ед^ь с^ь в^ад^ь б^лй^ю; мы з В^лод^ь эй^ю; л^дной ф^лтой^ю; му^жык с^ь ж^ынк^лй^ю) та М. в. з флексією - и (так у В^ьэд^ьэ^нк^ьи б^ыл^л р^ан^ьш^э); форм М. в. II відміни з флексіями - и, - у (мы бу^лы у Б^ьэгл^рэд^ьи у м^лй^эй п^лд^руг^ьи; в^ь г^ор^лд^ьи не д^ывл^ьл^ьц^ь; в^ьэн^ьч^ьат^ь / н^ьв^ьэсту в ф^лт^ьэ / в^ьв^ьи^нк^ьу).

У функціонуванні прикметників помічено властиві українській мові стягнені форми (у нас во^инс^ьк^ь част^ь ст^лй^ал^л в с^лф^хоз^ьэ; а с^тарш^ьи д^ьв^ьчат^лт^ь г^лдал^ьи), а у числівників — форму *тры* (тры д^на).

Інтерференційний вплив позначився і на займенниках, про що свідчить фіксація форм: особових займенників Н. в. однини — в^ьин (п^лтом в^ьин / М^лрус^ь / ты знай^эш^и д^э с^лпог^ь; п^лтом в^ьин нач^лл); Р. в. — м^эн^э (а в м^эн^э бу^ло д^лэ^тл^вэ); Д. в. — м^эн^ьи (а р^ан^ьш^э м^эн^ьи т^лр^ьэ^лк^ь п^нэд^лр^ьили); т^об^ьи (ну йа ж т^об^ьи ка^жу не д^лй б^ог там / к^эр^лвай ч^ьут^ь не^ь п^ьлу^чил^ьс^ь); присвійних займенників Р. в. множини *ихн^ьих* (берут^ь *ихн^ьих* д^ьи^тэй); вказівних займенників Н. в. / Зн. в. однини той / отой (к^лн^ьэйк^ьи к^ьинут^ь у той ст^лкан; друшк^л был / отой што с^ьват^лс^ь); ота (ота к^лр^эз^ьин^л с^ь шыш^кам^ьи); цэ (цэ м^эл^лд^ьож^ь); неозначених займенників з постфіксом - с^ь (*хтос^ь* клк у с^ьи^тл^ьэ; д^руг^ьу клк^ьус^ь; л^тцу клк^ьойс^ь б^ьк^ьэ^т п^рь^ьцон^ьит); відносних займенників (в^ьэм д^лйут^ь *хто* д^ьэл^лл). Наслідком виключно міжговіркової взаємодії вважаємо відсутність протетичного *н* в формах непрямих відмінків особових займенників з прийменниками (йа с^лд^ьлас^нь и^т-и за и^{во}), оскільки подібне властиво багатьом степовим українським говіркам, зокрема і говірці с. Шевченкове (у його с^ьім^на; в його ба^гато бу^ло хр^ьи^ть:еник^ьі; с^ьв^ад^ьба в й^их бу^ла).

У морфології дієслова інтерференційний вплив також відзначено. Так, зафіксовано форми 1-ої особи множини теперішнього часу з флексією - эмо (шта к^лр^эз^ьин^ь с^ь шыш^кам^ьи и й^дэм^л); форми 3-ої особи однини теперішнього часу I дієвідміни з флексією - э (а п^лтом н^ьи^вэст^л ид^э с^ьб^ьу^рай^э п^лд^руг^ь; ж^эн^ьих гу^ла^э до^{во}го; с^тар^лст^ь з^лход^э и с^праш^ьив^э); аналітичні форми майбутнього часу 3-ої особи однини, утворені поєднанням слова *будэ* та інфінітива (л^ьхто ж *будэ* п^ьм^лгат^ь); пом'якшені форми 3-ої особи однини теперішнього часу II дієвідміни (ст^ллут^ь ж^эн^ьих) та 3-ої особи множини теперішнього часу (а п^лд^руг^ьи ишо т^лн^ьц^ьу^йут^ь; з^лб^ьу^рай^{ут} н^ьи^вэсту; и^дут^ь т^ьуд^л л^нат^ь; н^ьь д^лд^{ут} и^эму^ь вы^куп^ь); форми 3-ої особи множини теперішнього часу з чергуванням к//ч (ну п^эч^{ут} у^сэ и в^ь ж^ьн^ьиха п^эч^{ут} и в^ь н^ьи^вэсты п^эч^{ут}; у ч^ьт^ьв^ьэрг п^эч^{ут} шыш^кы); форми 3-ої особи чоловічого роду минулого часу з суфіксом - ь (ишо^у ж^эн^ьих д^ь н^ьи^вэсты; п^ап^л у^тр^лм у^ста^у; бат^ьк^ь у^тр^лм п^рл^сн^ьу^сь; В^лод^ьл^ь вы^куп^ла^у; бу^у в^ьи^нок и ф^лта). Крім того, як і в українській говірці с. Шевченкове, відбувається змішування дієслівних форм 3-ої особи множини I та II дієвідміни (п^рыход^ьут^ь п^лд^руг^ьи; л^ни д^раз^ьн^ьут^ь; д^эр^жут^ь л^ни в^ьэн^ьцы).

У досліджуваних текстах спостережено українські прислівники, похідні від займенників — отут (п^эд^ьд^ьв^ьэр^ьми / отут о), н^ьид^э (в^ьин н^э д^ол^жьн^ь н^ьид^э н^э в^лл^ьа^ць; н^ьид^э н^ьи^чо), а також від інших частин мови — до^{во}го, и^вид^ько.

Результатом мовного контактування серед службових частин мови є прийменники — *коло* (в^ьн^ьэру^йу о^чэ^рь^ьд^ь *коло* н^ьи^вэсты / *коло* ж^ьн^ьиха зн^лч^ьит^ь с^лж^ай^{ут}), до (а п^лтом п^рь^ьход^ьл^т до ж^ьн^ьиха); сполучники — д^э (и^дут^ь д^э з^гл^рило), ч^ьи (ч^ьи п^лд^руг^ьи на с^ьй^эд^ьэ на д^эв^ьиш^ьн^ььк^ь ч^ьи как т^лм), бо (бо мы ж т^ьуда п^рь^ьл^зал^ьи); частки — в^жэ (иш^ли в^жэ с^нл^чал^л), от (там бол^ьш^э укр^линск^ьий^э от); нач^ьэ^то (г^дэ л^ьэс^ьи^ць нач^ьэ^ть), г^айда (г^айд^л з^лстол / ч^ьи т^лм как кл^ьи^чут^ь у нас).

Інтерференційний вплив носіїв російських говірок, ймовірно, стимулює функціонування в українському діалектному мовленні мешканців с. Шевченкове таких граматичних явищ як іменникові форми Д. в. та М. в. однини І відміни, в яких відсутні чергування $z - z$, $k - c$ (*спитай ха'з'айк'і*; у книзі записано; побув м'іс'ац' там на стажир'оук'і; сид'у на скамейки) та форми М. в. II відміни, в яких відсутнє чергування $x - c$ (*прийшли і не в_дох'і*); форми О. в. однини субстантивів І відміни з флексією - ой (*буде возит' машиной, насипали із горкой*), форми Н. в. множини II відміни з флексією - а (*трактора новийе, здороукайуц' а шофер'а, приходили вчител'а*); іменникові форми Р. в. множини II відміни з флексією - оу (*їа багато так'іх д'ілоу прим'ічала; за ст'іки к'ілометр'у пішки ходили*).

Міжмовна взаємодія спричиняє наявність у граматиці досліджуваної говірки нестягнених прикметникових та діеприкметникових форм Н. в. жіночого роду з флексією - айа (*їака ти тонкайа; їа вопи'е ц'ого се'ла / тут рожд'он-айа*) та множини з флексією - ие (*новийе, молодийе*); прикметникових та займенникових форм з флексією - его (*последн'его сина, Ол'а гет' інач'его сорту була*).

У текстах говірки с. Шевченкове поширена числівникова форма ч'е'тир'і (*уличес' до ч'е'тир'і класа*); спостережено поєднання числівників *два, три, чотири* у Н. в. з іменниковими формами Р. в. однини (*три часа, два брата, чотири года*), що властиво російській мові.

Як наслідок інтерференції можна інтерпретувати займенникові форми 1-ої особи однини Р. в. (*така жизн' була в м'єн'а*), Д. в. (*ото мн'є давали не знайу шо за табл'етки*), О. в. (*була со_мной одна д'євочка*); форми 3-ої особи Н. в. однини та множини *он, она, оно, они* (*она бол'на жєншич'іна; он / хлопец' / ми одногодки; і они оце постойат' побалакайут'*) й Д. в. однини чоловічого роду *їєму* (*скучно їєму са_мому*); форми неозначених займенників з постфіксом - то (*Дубовий їакой_то бєрец':а; на_таке_то в'ремїа заказуєм; і_хто_то доказау_їо_му*) та префіксом кой - (*тут молод'і кой_хто_їєст';_нада кой_чо_открит'*); форми вказівних займенників *єтот, єто* (*н'їхто на_єто не_обраш'а_вн'їман'їє; на_чау_строїц':а_в_єтот_год*).

Грамматична інтерференція у морфології дієслова, ймовірно, стимулює функціонування інфінітивних форм з флексією - т' (*работат', гул'ат'*); форм 1-ої особи множини теперішнього часу I та II дієвідміни з флексіями - ем, - ім (*їдемо до клуба / а там води купл'айе_м_солод'кої; вибе_рем_бур'аки на_город'і; л'агаїм_спати*); форм 3-ої особи однини теперішнього часу I дієвідміни з флексією - ит' (*а_мама_ка_жит' а_Бог_на_св'їт'ї_їє; в'їн_можит'*); форм минулого часу чоловічого роду з суфіксом - л - (*бил_гард'їрон_і_скрин'а*). З впливом російських говірок можна пов'язати й вживання флексії - ут' у дієслівних формах 3-ої особи множини II дієвідміни (*ме_не_їак_і_не_бачут';_во_ни_ж_бачут'_шо_їа_балакайу*) та флексії - ат' у дієслівних формах 3-ої особи множини I дієвідміни (*а_д'їучата_не_хот'ат'_брат';_оце_ж_те_пер_кличут'_в_армію_і_то_не_хот'ат'_їти*).

Контактуванням з носіями російських говірок можна пояснити наявність у морфологічній системі української говірки прийменників — к (*доступ_к_грошам; їа_к_ним_записана*) та со (*була_со_мной*); сполучників сурядності — іл'і (*їду_на_роботу_/_їл'ї_од_їхну_л'ажу*), но (*їєс'_дочки_/_но'_т'їко_не_живут'_коло_мене*), підрядності — їєсл'ї...то (*їєсл'ї_но_л'їз_у_разв'єд'ку_/_то_їо_му_біл'ше_да_їут'_кушат'*), *потому_шо* (*н'їхто_не_міг_слова_сказат'_/_потому_шо_т'їки_хто_слова_скаже_/_зразу_роз_тр'їл'айут'*); часток — ану_ка, ану (*ану_ше_шо_ска_жи;_ану_ка_давай_с'уда*), *даже* (*даже_було_в'ремїа_/_шо_не_було_конеї*), *хот'а_би* (*та_ї_хот'а_би_ми_вз'али_ц'ї_грош'ї_/_та_ї_пропили_їїх*).

Зауважимо, що не всі вищепераховані риси граматики досліджуваних діалектних систем пояснюються винятково інтерференційним впливом. Усвідомлюємо, що багато з них властиві й іншим українським і російським говіркам, мають архаїчний характер, зумовлені фонетичними змінами й лексичними запозиченнями. Однак вважаємо інтерференцію одним з важливих чинників впливу на морфологію говірок МДД.

Аналіз граматичних систем говірок сіл Введенка та Шевченкове свідчить, що найширше інтерференція позначилася на іменникових, займенникових та дієслівних формах, найменше — на числівникових та прикметникових. Обидві досліджувані діалектні системи характеризує інтерференційний вплив у формах О. в. та М. в. однини І відміни, у формах Н. в., Р. в., Д. в. особових займенників, у контамінованих формах неозначених займенників, у формах 1-ї особи множини теперішнього часу I дієвідміни, у формах 3-ї особи множини теперішнього часу I та II дієвідмін, у формах минулого часу чоловічого роду.

Подальший зіставний аналіз споріднених українських та російських діалектних систем цих та інших говірок межиріччя Дністра і Дунаю дозволить не тільки розширити коло інтерференційних граматичних явищ, а й виявити інші спільні тенденції у розвитку їх граматики.

1. Баранник Л. Ф. Изучение русских переселенческих говоров Украины // Мова. — Одеса, 2006. — №11. — С. 193–199.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. — Киев, 1979.
3. Гриценко П. Ю. Межиріччя Дністра і Дунаю у світлі лінгвістичної географії (стан і пріоритети) // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. — Ізмаїл, 2006. — Вип. 21. — С. 3–16.
4. Гриценко П. Ю. Тексти як джерело дослідження українських говірок Румунії // Українські говори Румунії. — Едмонтон — Львів — Нью-Йорк — Торонто, 2003. — С. I–XVI.
5. Дем'янова Л. І., Потеряйко Н. В., Титикало В. М. Український вплив на експресивну лексику російських говірок півдня України // Мовознавство. — 1989. — № 2. — С. 46–49.
6. Дроздовський В. П. Південнобессарабські українські говірки // Праці X республіканської діалектологічної наради. — К., 1961. — С. 132–155.
7. Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф., Юмсунова Т. Б. Диалект липован — русских старообрядцев Нижнего Подунавья // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. — Ізмаїл, 2004. — Вип. 17. — С. 77–84.
8. Колесник В. Українізми в болгарських говірках півдня України // Південь України. Одеса. Четвертий міжнародний конгрес українців (Одеса, 26–29 серпня 1999 р.): доповіді та повідомлення. — Одеса, 1999. — С. 298–305.
9. Колесников О. Етномовна ситуація і питання мовної політики в українському Придунав'ї // Південь України. Одеса. Четвертий міжнародний конгрес українців (Одеса, 26–29 серпня 1999 р.): доповіді та повідомлення. — Одеса, 1999. — С. 275–283.
10. Мірошніченко О. О. Лексична інтерференція у південнобессарабській говірці с. Першотравневе // Волинь-Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. — Житомир, 2005. — Вип. 14. — С. 144–150.
11. Розенцвейг В. Ю., Уман Л. М. К проблеме грамматической интерференции // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1962. — С. 60.
12. Стоянов І. А. Українсько-болгарські мовні контакти (На матеріалі болгарських говірок на Україні) // Українсько-болгарські культурні взаємини ХХ ст. — К., 1988. — С. 72–84.
13. Kiseolar P. Caracteriaza lingvistică a graiurilor românești din regiunea Odesa. Profil general // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. — Ізмаїл, 2006. — Вип. 21. — С. 46–49.
14. Pavel V. Varietatea diatorică în sud-vestul Basarabiei // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. — Ізмаїл, 2006. — Вип. 21. — С. 17–20.

M. S. Delyusto

GRAMMATICAL INTERFERENCE IN THE AREA BETWEEN THE DANUBE AND THE DNIESTER RIVERS

The article considers the area between the Danube and the Dniester rivers as a territory of interference of the Russian, Ukrainian, Romanian, Bulgarian and Gagauz dialects. The author describes grammatical interference in the Russian dialect spoken in village Vvedenka, Sarata district, Odessa region and in the Ukrainian dialect spoken in village Shevchenkovo, Kiliya district, Odessa region on the basis of dialectal texts.

Key words: dialect, dialectal text, grammatical form, grammatical category, interference.

М. С. Делюсто

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ГОВОРАХ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕСТРА И ДУНАЯ

Территория междуречья Днестра и Дуная является зоной тесного взаимодействия русских, украинских, румынских, болгарских, гагаузских говоров, результатом которого стала интерференция. Автор исключительно на основе данных диалектных текстов описывает грамматический аспект этого процесса на примере русской частной диалектной системы с. Введенка Саратовского р-на и украинской частной диалектной системы с. Шевченково Килийского р-на Одесской обл.

Ключевые слова: частная диалектная система, диалектный текст, грамматическая форма, грамматическая категория, интерференция.

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЕМАНТИКИ І ПРАГМАТИКИ

УДК 811/821.161.1+82-313.1+82-7+81-26+801.61

Ю. Іноуэ

Ритмико-звуковой и стилистический анализ повести Н. В. Гоголя “Нос”: к разгадке вариативности дат и имён

Статья посвящена анализу ритмико-звуковой и стилистической структуры повести Н. В. Гоголя “Нос”. Повесть начинается с происшествия, случившегося 25 марта. Это число ассоциируется либо с праздником Благовещения, либо с апокалиптическим событием 25 марта 1492 года, когда в соответствии с древними пасхалиями, должен был наступить Страшный Суд. Но эта дата появилась только в первом собрании сочинений 1842 года. В настоящей статье проблема дат рассматривается с точки зрения ритмики и стилистики, что позволяет также разрешить загадку необычного порядка слов во многих предложениях повести.

Ключевые слова: Гоголь, повесть “Нос”, ритмика, порядок слов, ассонанс, стилистика.

Повесть Н. В. Гоголя “Нос” начинается с даты 25 марта без указания года. “Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие”. Эта дата ассоциируется с несколькими явлениями:

(1) С Благовещением и Божественной литургией.

М. Вайскопф связывает число происшествия по старому стилю с Благовещением, праздником, во время которого совершается Божественная Литургия [3:323-329]. Он показывает, что стол цирюльника Ивана Яковлевича превращается в жертвенник в алтаре, на котором совершается первая часть Божественной Литургии — проскомидия, сопоставляя действия цирюльника Ивана Яковлевича с порядком, описанным самим Гоголем в своих “Размышлениях о Божественной Литургии”. Например, в “Носе” — “Иван Яковлевич для приличия надел сверх рубашки фрак”, а в “Размышлениях” — “Священник и диакон приступают к облачению себя в священные одежды”, еще в “Носе” — “Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и <... > вытащил — нос!”, а в “Размышлениях” — “Священник крестовидно надрезает хлеб и приподъемлет потом <... > вырезанную середину” и т. д. Вайскопф утверждает: “во всей семиотической полноте Рождество, а равно распятие и воскресение Спасителя воспроизводятся в церковном обряде рассечения хлеба” [3:328].

(2) С апокалиптическим событием 25 марта 1492 года.

В. Глянц не исключает возможности того, что Гоголь, помимо ассоциации с Благовещением, придавал дате происшествия еще и апокалиптическое значение [6:24]. В соответствии с древними пасхалиями в ночь на 25 марта 1492 года истекало 7 тысяч лет от сотворения мира, и должен был наступить Страшный Суд. И люди в эту ночь с трепетом ужаса ожидали Второго пришествия.

(3) С Казанским собором.

В День Благовещения российский чиновник Петербурга государственным указом обязывался быть на богослужении в Казанском соборе. О. Дилакторская отмечает: “Вот почему 25 марта свой нос герой должен был встретить в *Казанском соборе*” [13:155].

Сложно определить достоверность этих гипотез. Но сопоставление действий цирюльника с порядком Литургии показывает, что в повесть действительно введена аллюзия на проскомидию. Однако предложения, приведённые Вайскопфом для обоснования аллюзии, написаны Гоголем уже в первой полной рукописной редакции, начинающейся с даты “*Сего февраля 23 числа*”, которая абсолютно не связана с Благовещением. В то же время число 25 марта появилось только в первом собрании сочинений 1842 года. Все вышеизложенные гипотезы основаны лишь на тексте издания 1842 года. До этого в других редакциях Гоголь использовал иные числа, которые,

естественно, не связаны не только ни с Благовещением, ни с апокалиптическим событием, ни с Казанским собором, но и ни с какими другими христианскими праздниками и событиями.

Иначе говоря, такими факторами невозможно объяснить причины изменения дат в редакциях. По Б. Успенскому, после определения Гоголем композиции повести “вся последующая — десятилетняя — работа над текстом свелась к поискам мотивировки, которая определила бы отношение автора к описываемым событиям. Эта мотивировка оказывается связанной в конце концов со временем, в которое они — эти события — происходят” [17:60]. Но вопрос, каким образом мотивировка связана с числами в редакциях, остался нерешенным. И не дан ответ относительно причин выбора чисел. Ниже мы рассмотрим одну из возможных причин изменения дат в разных редакциях.

І. Даты происшествия в разных редакциях “Носа”.

Повесть “Нос” впервые напечатана в журнале “Современник” в 1836 г. в томе 3 и потом помещена в “Сочинениях” 1842 г. с переработанным финалом. Кроме этих текстов, до нашего времени дошли следующие рукописные редакции: (1) Черновой набросок начала повести из “записной тетради”, который может быть отнесен к концу 1832 г. или к началу 1833 г.; (2) Автограф на семи страницах листового формата 1833-1834 гг. (первая полная редакция повести); (3) Первый лист белой рукописи, относящийся к марту 1835 г.

Отметим, что почти во всех этих вариантах даты происшествия в первом предложении повести разные.

Сопоставим начальные предложения этих вариантов.

(1) В черновом наброске начала повести

“23 числа 1832-го года случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие”.

(2) В первой полной редакции

“Сего февраля 23 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие”.

(3) В первом листе белой рукописи

“Сего февраля 23 числа случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие”. Предложение почти совпадает с первой полной редакцией. Единственное отличие в том, что в этом тексте слово “необыкновенно” и “странное” написаны раздельно, без дефиса [9:1].

(4) В напечатанном тексте “Современника” 1836 г. [10:54]

“Сего Апреля 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие”.

(5) В напечатанном тексте “Сочинений” 1842 г. [11:83]

“Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие”.

Все эти начальные предложения повести с точки зрения структуры являются контекстуально независимыми и коммуникативно нерасчленёнными предложениями. Во всех одинаковый порядок слов: “какого-то числа” “случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие”, т. е., сначала детерминант времени (“какого-то числа”), затем сказуемое (“случилось”), затем опять детерминант, но уже места (“в Петербурге”), и в конце — подлежащее (“необыкновенно странное происшествие”). Но, как определяет “Русская грамматика” АН СССР, контекстуально независимые коммуникативно нерасчленённые предложения с группой детерминанта характеризуются таким нейтральным словорасположением: “группа детерминанта — группа сказуемого — группа подлежащего” [16:197-198]. По правилу, нейтральный порядок слов должен быть таким: “какого-то числа в Петербурге случилось необыкновенно странное происшествие”. Почему во всех вариантах Гоголь поставил сказуемое “случилось” перед детерминантом “в Петербурге”, меняя лишь датировку? В предложениях с частичной инверсией, являющихся экспрессивными вариантами, “обязательно происходит членение на две синтагмы”, т. е. на два интонационно-смысловых единства, “в которых интонационные центры приходятся на первый и последний ударный слог предложения в целом” [16:203]. По норме, в начальном предложении “Носа” синтагмы членятся между детерминантом времени (“какого-то числа”) и переставленным сказуемым (“случилось”) с интонационными центрами на “какого-то числа” и “происшествие”. Эти экспрессивные варианты первого предложения “Носа” подчеркивают слово “случилось” и возбуждают у читателей-слушателей внимание к тому, что именно случилось.

В связи с тем, что, как определяет “Энциклопедия. Русский язык”, “Синтагма структурно членится на ритмические группы, объединенные словесным ударением” [19:469], целесообразно анализировать варианты предложения с точки зрения ритмико-звукового аспекта.

А. Белый пишет: “Весь размах лирики, данный ритмами, от которых себя отвлекает в прозе Пушкин, вложил Гоголь в прозу, заставляя вздрагивать, как струны, вытянутые свои строки, дающие звук ассонансов и аллитераций” [1:5]. Анализируя лирический речитатив из “Майской ночи” как пример сочетания ритмов с повторами Гоголя, он замечает: “напеву подчинены — образы, краски, синтаксис, даже... сюжет; тенденция первой фазы — ритм” [1:226]. По Белому, “размером не определима проза; но каждый, порознь взятый, проходит в ней. Читая Гоголя, говоришь себе: ямб, амфибрахий; размер — элемент напева” [1:220]. Б. Эйхенбаум отметил, что у Гоголя “слова и предложения выбираются и сцепляются не по принципу только логической речи, а больше по принципу речи выразительной, в которой особенная роль принадлежит артикуляции, мимике, звуковым жестам и т. д.” [18:309]. М. Гиршман упоминает: “в ритме произведений Н. В. Гоголя создаётся внутренне противоречивое единство прозаической разноликости и разноречивости, и, с другой стороны, выделенности и единства поэтически субъективного “личного тона”” [5:291]. Ниже мы рассмотрим ритмико-звуковой аспект вариантов предложения.

(1) В черновом наброске начала повести

23 числа 1832-го года

(Двадцать третьего числа ты́сяча восемьсо́т три́дцать второ́го го́да)

случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие.

U | U | UU | U | UU | UU | U | UU | U | U || 10 стоп

U | UU | U | UU | UU | U | U | UU | UU | U | U 11 стоп

В оригинале, как и в других вариантах, запись даты произведена арабскими цифрами [7:1]. Для иллюстрации ударных и неударных слогов мы в скобках запишем эти цифры русскими буквами. В этом варианте обе синтагмы состоят из почти одинакового количества стоп (десяти-стопная и одиннадцатистопная), т. е. из 20 и 21 слога, и в них включён дипиррихий (двойной пиррихий). Всё это не приводит к особой разнице между синтагмами в скорости чтения. Как отметил А. Белый, “ритм прозы ближе всего к сложным паузникам, — к строкам, где слоговые пропуски дают паузу, равную времени произнесения пропущенных слогов (...) наращение лишних слогов ведёт к ускорению; многосложные, например, “вывороченная”, вызывают к быстрому чтению” [1:219]. В этом варианте не обозначен месяц, и Б. Успенский считает, что это, возможно, “по недосмотру автора” [17:54]. Но такие же примеры можно найти и в “Записках сумасшедшего”: “Никакого числа. День без числа”, “Числа не помню. Месяца тоже не было”. Не исключена возможность, что 23 (двадцать три) придумано перевертыванием 32 (1832) г., как отметил И. Ермаков [15:189]. В этой связи стоит обратить внимание на то, что первая и вторая главы повести строятся “по схеме параллелизма”, контрастируя друг с другом, как написал В. Виноградов [4:30] (“Иван Яковлевич проснулся довольно рано”; “Коллежский асессор Ковалев проснулся довольно рано”; Иван Яковлевич “к удивлению своему, увидел... нос”; Ковалёв “к величайшему изумлению, увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место.” и т. д.). Как самое строение повести, так и дата “23 числа 1832-го года” может быть придумана по принципу зеркального отражения.

(2) В первой полной редакции и (3) в первом листе белой рукописи

Сего февраля 23 числа

(Сего февраля двадцать третьего числа)

случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие

U | UU | U | U | UU | U ||

U | UU | U | UU | UU | U | U | UU | UU | U | U ямб

Порядок слов “Сего февраля 23 числа” в отличие от обычного “23 числа сего февраля” имеет газетно-публицистический стиль документального изложения фактов. Этим Гоголь хотел подчеркнуть, что происшествие в этой повести действительно имело место. Начальному предложению стилистически противопоставлен разговорный интимный стиль, которым рассказчик знакомит читателя с цирюльником в скобках “(фамилия его утрачена и даже на вывеске его...)”. Количество стоп первой синтагмы (6 стоп) меньше, чем в черновом наброске (10 стоп), что придаёт речи бóльшую напряжённость.

(4) В тексте “Современника”

Сего Апреля 25 числа

(Сего Апреля двадцать пятого числа)

случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие.

U_ | U_ | U_ | U_ | UU | U_ || ямб
 U_ | UU | U_ | UU | UU | U_ | U_ | UU | UU | U | U ямб

В этом предложении обе синтагмы ямбические, и звуковая выразительность речи больше, чем в вышеуказанных трех вариантах.

(5) В тексте “Сочинений” 1842 г.

Мárта 25 числá

(Мáрта двáдцать пýтого числá)

случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие.

_U | _U | _U | UU | _ || хорей
 U_ | UU | U_ | UU | UU | U_ | U_ | UU | UU | U | U ямб

В этом варианте звуковая выразительность речи гораздо больше, чем в других вариантах. Во-первых, только в этом варианте две синтагмы отличаются по ритму: первая — хорей, а вторая — ямб. Противопоставление этих двухсложных размеров, вызывая столкновение ритмов синтагм, подчеркивает дату происшествия и вызывает у читателей напряженность при чтении и слушании. Во-вторых, в дате “*Мáрта двáдцать пýтого числá*” явный ассонанс на [a] с наибольшей сонорностью, который придает хореическому ритму этой даты еще бóльшую звуковую выразительность. И в-третьих, во фразе “*пýтого числá случилось в Петербурге*” отчетлив звуковой повтор (аллитерация) [п][т][ч][с][л]-[с][л][ч][п][т]. Если обозначить по методу О. Брика для систематики звуковых повторов [2:62] первые пять согласных буквами А, В, С, D, Е соответственно, тогда получается двойной пятизвучный повтор с чередованием основных согласных типа ABCDE–DECAB. И это усиливает напевность и созвучие ассонанса на [a]. Другими словами, весьма умело совмещается ассонанс и аллитерация, что придает предложению яркую эмоционально-экспрессивную окраску. В-четвёртых, как и в других вариантах, кроме чернового наброска, с большой выразительностью противопоставлены два стиля: стиль документального изложения и разговорный. Таким образом, в варианте “*Мáрта двáдцать пýтого числá случилось...*” чудесно совмещается не только особая ритмико-звуковая и стилистическая выразительность, но и аллюзия на Божественную Литургию и совпадение даты с Днём Благовещения, и всё это в целом делает этот вариант предельно удачным. Можно прийти к выводу, что именно в этом заключена причина выбора Гоголем окончательного варианта.

II. Изменение порядка слов и имён действующих лиц в редакциях повести.

В “Носе” есть и еще предложения, в которых Гоголь намеренно менял порядок слов. В. Виноградов отмечает: “В синтаксическом отрезке: “*Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу?..*” — порядок слов решительно противоречит пониманию его в смысле: “*Чтобы я позволила отрезанному носу лежать у себя в комнате?!..*”” [4:28]. Виноградов продолжает: «Но отсутствие непрямого объекта при “позволила” (кому-что) и привычная семантическая направленность этого глагола придают сцеплению двусмысленность необычности, как бы колебля вещное значение лексемы “нос”» [4:28]. Попробуем сопоставить эти два варианта с точки зрения ритма.

Предложение с естественным порядком слов “*Чтобы я позволéла отрэзанному нóсу лежáть у себя в кóмнате?..*” имеет ритм:

|UU|UU|_U|UU|_U|UU|_U|U_|UU|__|UU

Здесь сложно найти определённые размеры.

А ритм предложения в повести “*Чтобы я позволéла у себя в кóмнате лежáть отрэзанному нóсу?..*” такой:

|UU|UU_|UU|UU_|_U|UU|_U|_U|UU|_U

В этом варианте ритмичность гораздо яснее, чем в первом. Здесь в начале 2 раза повторяется сочетание пиррихия и анапеста |UU|UU_, а после этого также 2 раза повторяется сочетание ямба, пиррихия и ямба |_U|UU|_U. Этот спонтанный взрыв чувств жены цирюльника контрастирует с безупречно точной ритмичностью её высказывания, что должно вызывать у проницательного читателя неудержимый смех.

В речи жены цирюльника встречаем такую фразу: “*Пусть дурак ест хлеб; мне же лучше... Останется кофию лишняя порция.*” Нормальный порядок слов последнего предложения должен быть таков: “*Кóфию остáнется лéшняя пóрция*” с преобладанием амфибрахия: _UU|U_U|

U_U|U_U|U. А ритм предложения в повести — повтор явного амфибрахия: |U_U|U_U|U_U|U_U|U.

Дальше рассмотрим примеры изменения имен и отчеств действующих лиц в повести с точки зрения их звучания. Цирюльник “Иван Яковлевич” именовался в начале первой полной редакции “Иваном Федоровичем”. Отчество Федорович повторяется 10 раз в первой главе, и вдруг оно заменено Яковлевичем. Но вопрос изменения отчества до сих пор остался неизученным. Гоголь сначала написал “Но я виноват: давно бы следовало кое-что сказать об Иване Федоровиче, человеке...”, но зачеркнул “Фёдоровиче” и надписал над ним “Яковлевиче” [8:2]. Сопоставим словосочетание “Фёдоровиче, человеке” и “Яковлевиче, человеке”. В первом сочетании мало общего в фонетике, так как слово “Федоровиче” построено согласными [ф][д][р][в][ч] и гласными [ѐ][о][и], а “человеке” — [ч] [л] [в] [к] и [е] [о]. А во втором сочетании есть явное созвучие согласных и гласных. Слово “Яковлевиче” можно разобрать на согласные [к] [в] [л] [ч] и гласные [я][о][е][и]. Значит, в “Яковлевич” включены все звуки слова “человек” [ч] [л] [в] [к] и [е] [о], из которых, естественно, можно составить [ч][е][л][о][в][е][к]. И ещё до первой полной редакции в черновом наброске Гоголь заменил отчество “Иван Иванович” “Иваном Федоровичем” после предложения “А дай-ка я вместо кофю, да съем горячего хлеба” [7:1; жирный курсив наш. — Ю. И.]. Из этого предложения можно извлечь звуки [в][е][о][ф][и][д][р], которые можно переставить: [ф][е][д][о][р][о][в][и][ч]. Следовательно, Гоголь заменил отчество для получения большего эффекта созвучия.

Такой же пример можно найти и в имени штаб-офицерши Подточиной. В напечатанном тексте “Современника” и “Сочинений” Подточина именуется сначала “Палагеей Григорьевной”, а потом — “Александрой Григорьевной”. В собрании сочинений Гоголя 1994 г. по этому поводу только дан комментарий: “Александра Григорьевна — выше Гоголь назвал ее Палагеей Григорьевной” [12,4:491]. А Дунаев считает, что это “недосмотр Гоголя (...), вызванный тем, что в данном случае писатель не придавал значения (по крайней мере особого) именам действующих лиц (в отличие от других произведений)” [14:426]. Но маловероятно, что Гоголь не обращал внимания на имена только в “Носе”, и редакторы “Современника” и “Сочинений” пропустили ошибку. Для выяснения причины изменения имени посмотрим письмо Ковалева к Подточиной. Письмо начинается с обращения “Милостивая государыня, Александра Григорьевна”. Из слова “государыня” можно извлечь согласные [г][с][д][р][н] и гласные [о][у][а][ы][я], которые можно переставить: [а][с][а][н][д][р][а]. По всей вероятности, Гоголь заметил созвучие слова “государыня” и имени “Александра”, когда он писал текст письма, и нарочно изменил имя Подточиной, оставляя в то же время имя “Палагея” в тексте до письма к ней, чтобы показать, что Ковалёв не обращает внимания на штаб-офицершу. Поэтому можно сказать, что, изменив имя Подточиной, Гоголь сумел совместить в этой фразе каламбур и иллюстрацию пренебрежения Ковалёва к штаб-офицерше.

III. Ритмический аспект композиции повести

Повесть “Нос” состоит из трёх глав: в первой главе Иван Яковлевич нашёл в хлебе нос Ковалёва, во второй — Ковалёв узнал об утрате своего носа и искал его, и в третьей — нос вернулся на своё место. Все три главы тесно связаны не только композиционно, но и ритмически.

Рассмотрим первое предложение каждой главы с точки зрения ритмики.

(1) В первой главе — “Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие”. Как показано выше, это предложение построено хореем и ямбом.

(2) Во второй главе — “Коллѣжский асѣссор Ковалѣв проснулся доволно рано и сдѣлал губами: “брр...”

U_U|U_U|UU|U_U|U_U|U_U|| преобладание амфибрахия

U_U|U_U амфибрахий

(3) В третьей главе — “Чепуха совершенная делается на свете. Иногда вовсе нет никакого правдоподобия”

UU|UU|UU|UUU|U_U|| анапест и амфибрахий

UU|UU|UU|UUU|U_U|U анапест, дактиль и амфибрахий

Первое предложение “Чепуха совершенная делается на свете”, являясь экспрессивным вариантом предложения с полной инверсией, обладает гораздо большей ритмико-звуковой выразительностью, чем нейтральный вариант “На свете делается совершенная чепуха” (U_U|UU|UUU|UU|UU|UU).

Из всего вышеизложенного можно заключить, что повесть “Нос” на всех уровнях, начиная со слов и кончая композицией, построена по принципу созвучия и ритма. И это стилистически вызывает либо гармонию, либо конфликт в словах, предложениях, а также и в композиции повести в целом. Именно особая звуковая выразительность речи лежит в основе всей повести “Нос”.

1. *Белый А.* Мастерство Гоголя: Исследование. — М.; Л., 1934.
2. *Брик О. М.* Звуковые повторы // Поэтика: Сборники по теории поэтического языка. — Пг., 1919.
3. *Вайскопф М. Я.* Сюжет Гоголя: Морфология, идеология, контекст. — М., 2002.
4. *Виноградов В. В.* Натуралистический гротеск: Сюжет и композиция повести Гоголя “Нос” // Поэтика русской литературы. — М., 1976.
5. *Гиришман М. М.* Ритм художественной прозы. — М., 1982.
6. *Глянц В. М.* Гоголь и апокалипсис. — М., 2004.
7. *Гоголь Н. В.* Черновой набросок начала повести “Нос” из записной тетради, принадлежавшей И. С. Аксакову. — Рукопись. (Российская национальная библиотека. С. Пб.).
8. *Гоголь Н. В.* Автограф из древлехранилища Погодина (“Нос”. Автограф Н. В. Гоголя) на семи страницах листового формата. (Российская национальная библиотека. С. Пб.).
9. *Гоголь Н. В.* Беловой автограф начала повести “Нос”, переплетенный вместе с предыдущим автографом. (Российская национальная библиотека. С. Пб.).
10. *Гоголь Н. В.* Нос // Современник. — СПб., 1836. — №3. — С. 54-90.
11. *Гоголь Н. В.* Сочинения Николая Гоголя. — Т. 3. — СПб., 1842.
12. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: В 9-ти т. — М., 1994.
13. *Дилакторская О. Г.* Фантастическое в повести Н. В. Гоголя “Нос” // Русская литература. — Л., 1984. — №1. — С. 153-166.
14. *Дунаев А. Г.* Гоголь как духовный писатель: Опыт нового прочтения “Петербургских повестей” // Искусствознание. — М., 1998. — №1. — С. 391-427.
15. *Ермаков И. Д.* Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя. — М., Пг., 1923.
16. *Русская грамматика.* Т. 2: Синтаксис. — М., 1980.
17. *Успенский Б. А.* Время в гоголевском “Носе” (“Нос” глазами этнографа) // Историко-филологические очерки. — М., 2004.
18. *Эйхенбаум Б. М.* Как сделана “Шинель” Гоголя // О прозе: Сб. статей. — Л., 1969. — С. 306-326.
19. *Энциклопедия. Русский язык* — М., 1997.

Yu. Inoue

THE DATE MYSTERY OF AN INCIDENT IN THE NOVEL ‘NOSE’: THE ANALYSIS OF THE RHYTHM, TONE AND STYLE OF THE NOVEL ‘NOSE’ BY N. V. GOGOL

The article is devoted to the analysis of the rhythm, tone and stylistic structure of the novel “Nose” by N. V. Gogol. The novel begins with the incident which took place on the 25th of March. This date can be associated either with the Lady Day or the Doomsday, the apocalyptic event of the 25th of March, 1492 according to the ancient paskhaliya. But this date appeared only in the 1st collected works, 1842. In the given article the problem of date is examined from the point of view of rhythm and stylistics. It helps to solve a riddle of unusual word order in many sentences of the novel.

Key words: Gogol, the novel “Nose”, rhythm, word order, assonance, stylistics.

Ю. Иноуэ

РИТМІКО-ЗВУКОВИЙ І СТИЛІСТИЧНИЙ АНАЛІЗ ПОВІСТІ М. В. ГОГОЛЯ “НІС”: ДО РОЗГІДКИ ВАРІАТИВНОСТІ ДАТ ТА ІМЕН

Статтю присвячено аналізу ритміко-звукової та стилістичної структури повісті М. В. Гоголя “Ніс”. Повість починається з пригоди, що сталася 25 березня. Це число асоціюється або зі святом Благовіщення, або з апокаліптичною подією 25 березня 1492 р., коли, у відповідності з давніми пасхаліями, мав відбутися Страшний суд. Але ця дата з’явилася лише у першому зібранні творів 1842 р. У статті проблему дат розглянуто з точки зору ритміки й стилістики, що дає змогу також розв’язати загадку незвичайного порядку слів у багатьох реченнях повісті.

Ключові слова: російська література, Гоголь, повість “Ніс”, ритміка, порядок слів, асонанс, стилістика.

Семантическая магия гоголевского глагола: изобразительные возможности и семантическая валентность слова и текста в повести Н. В. Гоголя “Тарас Бульба”

В статье исследованы изобразительные особенности эпической повести “Тарас Бульба” Н. В. Гоголя в изданиях 1835 и 1842 гг., проанализированы семантико-стилистические особенности слов и текста, экспрессивность гоголевского глагола с необычной степенью “энергии действия”, рассмотрены “украинизмы, украинно-русизмы, гоголизмы” и эпические глаголы.

Ключевые слова: эпическая повесть, семантическая глубина, романтический реализм.

Н. В. Гоголь как выдающийся художник слова — наш общепризнанный гений, но гений особенный, — скорее, он из когорты “странных гениев”: с одной стороны, страстно обличал людские и социально-общественные пороки тогдашней России, а с другой — в конце жизни разжёг в душе своей такой жертвенный костер, что в его пламени безвозвратно утрачены многие из его произведений, полных великих прозрений ума... На его творчестве лежит печать времени: оно мощным эхом отзывается нам и сегодня.

Скажите, можно ли представить наше великое художественное наследие без гоголевского “Тараса Бульбы”? А произведение это особенное, да и в творчестве Гоголя ему принадлежит особое место. “С созданием “Тараса Бульбы” связано утверждение в русской литературе художественного историзма, жанра героической эпопеи. Гоголь проложил и развил в этом отношении творческие искания Пушкина, открыл новые аспекты углубления эпичности и историзма в литературе” [17:16].

Мы издавна привыкли называть “Тараса Бульбу” повестью, но эта повесть из уникальных, это — повесть-эпопея. Восторженно встретил ее появление В. Г. Белинский. «“Тарас Бульба”, — писал он, — есть отрывок из великой эпопеи жизни целого народа. Если в наше время возможна гомерическая эпопея, то вот вам ее величайший образец, идеал и прототип» [2:428]. А французский критик Шарль О. Сент-Бёв в 1846 году, отзываясь о таланте и повестях Гоголя, в парижском журнале *Revue des Deux Mondes* назвал гоголевскую повесть “Запорожской Илиадой” [13:45].

В “Тарасе Бульбе” сплавлены воедино историческая конкретность, присущая писателю-реалисту, и высочайший лиризм, свойственный поэту-романтику. Отсюда так тесно переплетаются в повести лирическое начало и торжественная эпика, а в реалистическое изображение исторических событий врывается романтическая искрометность слога, его изобразительная орнаментальность.

Перед нами — художественное полотно, воскресившее прошлое легендарной Запорожской Сечи, что на протяжении нескольких веков стояла на страже тревожных южных границ Русского государства. “Тарас Бульба” — это эпико-романтическое сказание о веках минувших, о славной удали и бранных подвигах казачества, кои, по словам Гоголя, “вышибло из народной груди огниво бед”. И в этом “огне бед” запорожское казачество надежно противостояло крымским татарам, туркам и полякам, прежде безнаказанно грабившим украинско-русские земли; именно казачество резко поубавило и умерило алчные аппетиты и прыть своих недругов.

Общепризнанно, что Гоголь — великий продолжатель художественного творчества Пушкина; однако у них много существенных различий, особенно в использовании слова и текста. Так, пушкинская проза предельно реалистична; ей присущи лаконичность, строгий деловой слог, свободный от всякого рода стилистических и изобразительных излишеств. Пушкин аскетизирует фразу, делая ее короткой, энергичной, “деловой”. Иными художественными путями развивалась гоголевская проза: фраза предельно насыщена метафорами и словесной палитрой. Романтик по душевному складу, Гоголь использует слова, как краски, перенося в свое письмо приемы живописи; у него фраза вязкая, гибкая, вьющаяся. Это-то и “создает своеобразную гоголевскую пластику и прелесть его письма” [12:378].

Выразительность слова и его изобразительность образуют два пути, на пересечении которых рождается необыкновенная сила и энергия гоголевского слога, создающие выразительное словесно-метафорическое кружево, как, например, в “Майской ночи”: “Огненные звезды <...> тускло реяли среди теплого океана ночного воздуха, как бы предчувствуя скорое появление блистательного царя ночи”.

Пожалуй, ни одно из своих произведений Гоголь не подвергал такой кардинальной переработке, какой подверг он повесть “Тарас Бульба”. Черновые материалы повести и ее редакции 1835 и 1842 гг. сохранили не только движение мысли писателя, но и удивительное умение подбирать слова “по росту мысли”.

Высокую семантическую и стилистическую нагрузку несут здесь глаголы. Обладая повышенной “энергией действия”, “красочной напряженностью”, они помогают созданию особой “мелодии” повествования, гармонии звуков и движения. О богатстве гоголевской словесной палитры убедительно свидетельствует, например, описание степи. Если, по подсчетам исследователей, в художественных произведениях на глаголы приходится в среднем 90 единиц на 500 словоформ [15:13], то есть не более 18 %, то в указанном отрывке из 443 знаменательных словоформ 114 — это глагольные образования, составляющие 25,8 % всего текста. Всего же в повести, с учетом черновых вариантов, представлено свыше 1 300 глаголов.

Высокая семантическая емкость слова достигается благодаря использованию нескольких глагольных пластов. Гоголь как бы обнажает все внутренние семантические пружины в глаголе.

Работу Гоголя по усилению семантической емкости глагола синонимическими средствами ярко отражает сравнение черновиков и двух редакций повести “Тарас Бульба” — “миргородской” (1835) и “канонической” (1842). Тяготая в последней редакции к усилению в героической эпопее реалистической манеры повествования, Гоголь стремится при этом сохранить стилистическую романтическую приподнятость.

“В языке Гоголя, — пишет С. И. Машинский, — нет пустотелых слов. Мощная выразительная и изобразительная сила гоголевского языка основывалась на умении писателя сделать слово *мыслеёмким*, точным, конкретным, пластичным. Язык становился не только формой, в которой выражался предмет или воплощалась мысль, но и как бы самим материалом. Именно здесь источник художественной энергии гоголевского слова” [11:320].

Особенно большую “художественную энергию” в повести содержат глаголы. И забота об особой и зримой их выразительности была всегда в центре внимания Гоголя. Об этом свидетельствуют многочисленные синонимическо-стилистические глагольные замены, которые несут определенную смысловую заданность. В первую очередь замене подвергались архаизмы, а также книжные слова и высокопарные, нередко шаблонные и метафорические обороты, “удобно” чувствовавшие себя в произведении, проникнутом духом “неистового” романтизма (а такового и была во многом “миргородская” редакция “Тараса Бульбы”), но вступающие в противоречие с новой творческой концепцией писателя. Вот несколько примеров:

“Он *вперил* глаза в ту сторону, где отстреливались козаки” (редакция 1835 г.) и “*глядел* он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки” (редакция 1842 г.).

Замена архаическо-книжных глаголов *возносились*, *вперил* [глаза] стилистически более нейтральными *колебались*, *глядел* оправданна: изменение семантической заданности потребовало изменений и стилистических. В этом плане особенно показателен следующий пример из практики гоголевской правки:

“*Взор* его *сверкнул*” (начальный черновой вариант);

“*Глаза* его *сверкнули радостью*” (редакция 1835 г.);

“*И вспыхнули радостные очи* у старого атамана” (редакция 1842 г.).

Нетрудно убедиться, как последовательно усиливается семантико-стилистическая глубина фразы, что достигается изменением семантико-стилистической соотношенности в семантической паре “глагол — имя”: сперва изначальная пара *взор сверкнул*, ставшая в языке “неистовых” романтиков ходячим языковым штампом, не удовлетворила взыскательного к слову писателя, и он, с целью разрушить языковое клише, меняет эту пару на более нейтральную — *глаза сверкнули*. Но в “миргородской” редакции Гоголь решительно заменяет оба элемента этой глагольной именной пары на *вспыхнули очи*, взятую из народно-поэтической речи. Лексика описания сцены смерти Тараса, исполненного в манере народно-эпического сказа, потребовала этого.

Использование народного лада, инструментовка слова у Гоголя — это не стилизация под старину, а выразительное средство для создания семантической емкости каждой лексемы, для усиления эпического строя произведения. Писатель вводит в текст простонародные слова и выражения, особенно развернутые сравнения. Ср.: “он *грянулся, лишенный чувств*” и “И *грохнулся он, как подрубленный дуб*, на землю. И туман покрыл его очи”.

Поистине, “стиль Гоголя обладал какой-то дьявольски соблазнительной прелестью, а низкая лексика засверкала в его слоге неожиданной красотой” [14:82].

В “Тарасе Бульбе”, произведении о героических деяниях прошлого своего народа, немало сравнений народно-эпических. И здесь Гоголь добивается исключительной индивидуализации в их использовании. Так, выразительно у Гоголя народно-поэтическое сравнение поля боя с нивой: “Так, как будто и не бывало половины Незамайковского куреня! Как градом выбивает вдруг ниву, где, что полновесный червонец, красовался всякий колос, так их выбило и положило”: здесь прямая связь гоголевской повести с древнерусской поэмой “Слово о полку Игореве”: “На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чеши харалужными, на тощѣ животь кладуть, вѣють душу от тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть постѣяни — постѣяни костьми рускихъ сыновъ”.

Как видим, отдельные слова и даже целые словосочетания из древнерусской героической поэмы переносятся Гоголем в “Тараса Бульбу” настолько естественно и органично, что трудно бывает отличить, где тут — из “Слова”, а где — гоголевское.

В “миргородской” редакции повести, находившейся в общем русле языковой романтической стихии, писателя вполне устраивали, например, такие фразы, как *Весь берег получил движущийся вид, хлопотливость овладела дотоле беспечным народом*. Но это лишало сказанное “зримости”, и Гоголь, признанный “живописец слога”, достигает этого путём отбора наиболее колоритных глаголов со столь же выразительным лексическим окружением: *Весь колебался и двигался живой берег*. Романтическое многословие уступило место предельной краткости и семантической ёмкости.

В повести “Тарас Бульба” широко представлены глаголы-украинизмы. На их употребление как “сознательный прием исторической и местной стилизации” указывают многие исследователи гоголевского творчества, выделяя при этом *чистые украинизмы* [1:11] и *украино-русизмы*, под которыми понимаются “слова, совпадающие и в русском и украинском языках почти во всех значениях” [16:74]; на синтезирование Гоголем оттенков значений, присущих как русскому, так и украинскому языку, указывал академик В. В. Виноградов [5:76].

Такие “чистые украинизмы, как *присмыкнуться, забайбачиться, почеломкаться, журыться, загуать* и др., чаще всего употребляются писателем в речи персонажей повести и способствуют созданию в ней национального колорита. В авторской же речи “чистые украинизмы” почти не встречаются.

Однако Гоголь охотно, в том числе и в авторской речи, использует такие глаголы, которые выступают в повествовании в роли интеронимов (межъязыковых омонимов), не совпадая своими значениями в украинском и русском языках. Укажем на некоторые такие омонимизированные “украино-русизмы” (интеронимы), не прошедшие мимо внимания исследователей [1:11-12]. Так, глагол *постыдить*, имеющий в русском языке значение “пристыдить немного”, Гоголь употребляет с украинским значением “опозорить” (“не *постыдили* товарищества и не выдали своих”). *Моргнуть* — в русском языке значит “быстро двинуть веками глаз” и употребляется только в выражениях *моргать глазами* или *глазом не моргнуть*. В украинском же языке значение этого глагола намного шире (*моргати очима, вусом, плечима, бровами* и т. д.). Именно в украинском значении употреблен этот глагол в таких синтаксических конструкциях, как: “Тарас ... потряс седою головою и усом *моргнул*” и “*моргнешь* своею тонкою черною *бровью*”.

Подобное синтезирование Гоголем оттенков значений, присущих как русскому, так и украинскому языку, вовсе не некий “плод озарения ума” или определенный прием, как это думалось Андрею Белому и некоторым другим исследователям творчества Гоголя, а результат влияния на русский язык родного Гоголю языка украинского. А Белому даже казалось, что Гоголь в “Тарасе Бульбе”, произведении романтическом, задавался целью словотворчества, “отдаваясь потоку словообразований”, чтобы “в меру ему дозволенных прав всучить читателю под тем или иным предлогом” свои словесные изобретения [3:215]. Трудно согласиться с этим. По меткому

замечанию И. Мандельштама, Гоголь употреблял украинизмы “вовсе этого не замечая, как не замечают здоровья, когда оно есть”; именно природный украинский язык и “служил Гоголю постоянным и верным выразителем направления мысли” [10:209].

Нет, Гоголь не “имажинист-романтик”, как считал В. В. Виноградов [4:305], не становится он и “футуристом до футуристов”, как полагал А. Белый [3:214]: нельзя принимать за лексико-морфологические окказионализмы такие гоголевские новообразования (“гоголизмы”), как *поругаться* (над кем-то) вместо *надругаться*; *изгибнуть* вместо *погибнуть*; *расславлять* (подвиги) вместо *прославлять*; *укрываются* вместо *покрываться* (или *обволакиваться*).

И таких синкретических глагольных новообразований у Гоголя немало. Некоторым исследователям казалось, что “для повышения энергии действия меняются глагольные приставки: обычные на менее обычные” [3:202-203]. Однако это всего лишь языковые “неправильности”, отклонения (как лексические, так и словообразовательные), связанные опять-таки с влиянием природного для Гоголя украинского языка. Вопросы использования Гоголем семантики глаголов в повести “Тарас Бульба”, их стилистических особенностей уже затрагивались ранее в ряде наших публикаций [8:98-109; 9:80-91].

Во второй редакции “Тараса Бульбы” реалистический стиль изложения не просто противостоит “неистовому” романтизму; если хотите, это — прощание великого художника слова с “неистовым” романтическим прошлым, а вот сам романтизм с его экспрессивной насыщенностью не угас; произошло его творческое перевоплощение: в него мощно вторгся реализм с его новыми, живительными соками суровой правды. Так явил себя в русской словесности особенный, гоголевский, *романтический реализм*.

1. Андрусенко В. И. Глагольная синонимика в творчестве Н. В. Гоголя и её стилистические функции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Куйбышев, 1965.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — М., 1955. — Т. IX.
3. Белый А. Мастерство Гоголя. — М. — Л., 1934.
4. Виноградов В. В. Язык Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 2. — М. — Л., 1936.
5. Виноградов В. В. Великий русский язык. — М., 1945.
6. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 2. — М. — Л., 1937.
7. Докусов А. М. “Миргород” Н. В. Гоголя. — Л., 1971.
8. Липатов А. Т. Семантика глаголов в повести Н. В. Гоголя и их стилистические функции // Исследования по семантике: Семантика слова и фразеологизма. — Уфа, 1986.
9. Липатов А. Т. Семантическая радуга перифразы: (От Пушкина до Шолохова). — Йошкар-Ола, 2006.
10. Мандельштам И. Е. О характере гоголевского стиля. — Гельсингфорс, 1902.
11. Машинский С. И. Писатель — прежде всего читатель // Молодая гвардия. — 1969. — №1.
12. Машинский С. И. Художественный мир Гоголя. — М., 1971.
13. Отечественные записки. — 1846. — Т. XLIV. — Отд. VIII.
14. Переверзев В. Народный язык Гоголя // Литературный критик. — 1934. — № 9.
15. Русанівський В. М. Дієслово — рух, дія, образ. — К., 1977.
16. Третьякова Н. П. Работа Гоголя над языком и стилем “Тараса Бульбы” // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. — М., 1953. — Т. 3.
17. Щербина В. Р. Н. В. Гоголь // Н. В. Гоголь. Собр. соч.: В 8-ми т. — Т. 1. — М., 1984.

A. T. Lipatov

MAGIC OF GOGOL'S VERB SEMANTICS: EXPRESSIVE POSSIBILITIES AND SEMANTIC VALENCE OF THE WORD AND TEXT IN “TARAS BULBA” BY N. V. GOGOL

The article deals with the fine peculiarities of N. V. Gogol's “Taras Bulba” epic story in editions of 1835 and 1842. The author analyzes semantically stylistic peculiarities of the words and the text itself; the expressiveness of the Gogol's verb with an unusual “energy of action” degree. He examines ‘ukrainisms, ukrainian-russisms, gogolisms’ and socially epic verbs.

Keywords: epic story, semantic depth, romantic realism.

О. Т. Ліпатов

**СЕМАНТИЧНА МАГІЯ ГОГОЛІВСЬКОГО ДІЄСЛОВА: ЗОБРАЖУВАЛЬНІ
МОЖЛИВОСТІ ТА СЕМАНТИЧНА ВАЛЕНТНІСТЬ СЛОВА І ТЕКСТУ В ПОВІСТІ
М. В. ГОГОЛЯ “ТАРАС БУЛЬБА”**

У статті досліджено зображувальні особливості епічної повісті “Тарас Бульба” М. В. Гоголя у виданнях 1835 і 1842 рр., проаналізовано семантико-стилістичні особливості слів і тексту, експресивність гоголівського дієслова з незвичайним ступенем “енергії дії”, розглянуто “українізми, україно-росіянізми, гоголізми” й епічні дієслова.

Ключові слова: епічна повість, семантична глибина, романтичний реалізм.

УДК 811.161.1’373.4:821.161.1-3’01 Гоголь

А. Ф. Немировская, С. В. Стоянова

**Семантико-стилистическая многоплановость заглавий
в ранней прозе Н. В. Гоголя**

В статье анализируются структурно-семантические и стилистические особенности заглавий в ранней прозе Н. В. Гоголя. Продемонстрированы их своеобразие и многоплановость, роль заглавия как первого знака художественного произведения, выявлены особенности функционирования заглавных лексем в контексте повестей писателя, а также их роль в создании стилистических коннотаций и связь заглавий с особенностями творческого метода Н. В. Гоголя.

Ключевые слова: заглавие, заглавные лексемы, дистантный повтор, ранняя проза Н. В. Гоголя, структурно-семантическое своеобразие, эксплицитность.

В каждом художественном произведении присутствуют имена собственные (СИ) совершенно особого рода — заглавия. Среди других классов онимов они занимают особое место, являясь эпицентрами художественного микромира, ёмко и образно передающими смысл всего произведения.

Заглавие — первый знак художественного произведения, его визитная карточка, проявитель неповторимого авторского стиля. Благодаря своему инициальному положению, оно “всегда выделяет текстовое начало, отграничивает один текст от другого, создаёт определённую перспективу для читателя о перспективе дальнейшего текстового развертывания и, наконец, означает весь текст, даёт ему имя” [8:109]. Обычно заглавие — сконцентрированный до минимума (одного, двух или нескольких лексем) словесный знак, представление обо всем тексте, ключ-ориентир, предлагаемый автором читателю.

В связи с ростом интереса к литературной ономастике усиливается внимание лингвистов к заглавиям художественных произведений. В последние десятилетия появились работы, посвященные роли и функционированию заглавий в произведениях русских, украинских, западноевропейских писателей (И. Ю. Андрианов, Л. Б. Бойко, Ю. А. Карпенко, Н. А. Кожина, В. А. Кухаренко, Т. И. Перминова). Исследователи всесторонне анализируют этимологию заглавий, аспекты их изучения — синхронический и диахронический [5:13-22], анализируют семантический потенциал заглавий, их связь с семантикой текста и роль в формировании смыслового и стилистического содержания [1:100-103], определяют функции заглавий: инициальную, различительную, перспективную, номинативную [8:109-117], анализируют связи заглавий с различными текстовыми категориями, акцентируют на роли эпитафий, их художественной функции в произведении [6:167-183]. На фоне многочисленных исследований неизученными остаются структурная, семантическая и стилистическая многоплановость заглавий в ранней прозе Н. В. Гоголя, их роль в организации художественного целого и читательского восприятия. Вышеизложенные факторы определяют **актуальность** нашего исследования.

Таким образом, **тема** представленной статьи — структура, семантика и функции заглавий как первого, инициального знака художественного текста и средства декодирования авторского

замысла. **Материалом** исследования послужили ранние повести Н. В. Гоголя. В процессе работы мы поставили **цель** проследить за эволюцией заглавий, определить закономерности создания писателем этого класса онимов, характерные черты их структуры и семантики, а также стилистические особенности функционирования заглавий в контексте ранней прозы Н. В. Гоголя.

Анализ заглавий писателя выявляет закономерности создания всего художественного целого. Они создаются мастером слова на фоне общелитературной традиции с определённой тенденцией — краткости или развёрнутости названия, проявляя стилистическую манеру в выстраиваемой цепочке заглавий **всех** произведений, позволяя выявить определённую закономерность при всей неповторимости и своеобразии каждого из них.

Даже беглый взгляд на заглавия гоголевских повестей демонстрирует его художественное мастерство и своеобразие манеры письма. Заглавия словно предваряют необыкновенную виртуозность, ёмкость и многоплановость словесной “игры”, коннотативный спектр приращений. При всей кажущейся простоте и безыскусности заглавия репрезентируют авторский мир, своеобразие его поэтики с её функциональной многоплановостью, намёками и оговорками, умолчанием и пародийностью, со своим видением мира. Гоголевские заглавия сочетают в себе мир мистификаций, карнавальных масок, фольклорную фееричность и глубину реалистического постижения мира. “Особенный характер повестей г. Гоголя составляет простота выдумки, народность, абсолютная истина жизни, оригинальность и комическое одухотворение” [2:62].

Словесная “игра” и стремление мистифицировать читателя начинается уже с заглавия первого гоголевского цикла повестей “*Вечеров на хуторе близ Диканьки*”. Обращение к народной демонологии и фольклорному началу стало в творчестве раннего Гоголя неисчерпаемым животворным источником поэтики. Тенденция к развёрнутости заглавий, разговорная интонация с фантастико-этнографической жанровой атрибутикой, композиционная чёткость и структурная последовательность прослеживается в каждой из частей цикла, органически переходя в последующее смысловое “звено” — следующую повесть.

Интересно проследить за динамикой расположения заглавий цикла: *Вечера на хуторе близ Диканьки*. Часть 1. *Предисловие. Сорочинская ярмарка. Вечер накануне Ивана Купала. Майская ночь, или Утопленница. Пропавшая грамота*. Часть 2. *Предисловие. Ночь перед рождеством. Страшная месь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка. Заколдованное место*. Уже в первом сборнике гоголевских повестей сопоставление заглавий выявляет одну из главных составляющих его поэтики — контрастность письма, юмор и трагизм, полюса света и тени. Расположенные рядом названия обнаруживают соразмерность и чередование “светлых” и “темных” повестей, хотя истинный смысл, несомненно, проявится позже, в процессе чтения текста. Однако даже сопоставление заглавий и порядок расположения повестей обнаруживает тенденцию к уравниванию трагичного и комичного, а кое в чём трагичное снижается несколько ироничным названием последующей повести. Заглавия проясняют и смещают смысл: “*Сорочинская ярмарка*” соседствует с названием “*Вечер накануне Ивана Купала*”, создавая представление о празднестве и веселых происшествиях первой и предваряя фантастику языческого, “темного” во второй; “*Майская ночь, или Утопленница*” служит неким двуединым контрастирующим единством, совмещающая “светлое” и “темное”, а последующее, завершающее первую часть “*Вечеров*” название повести “*Пропавшая грамота*” проспектирует интересную историю и снова же снижает “темную” семантику двух предыдущих заглавий.

Аналогичные связи можно проследить и во второй части “*Вечеров*”, и в сборнике “*Миргород*” (часть 1 — “*Старосветские помещики*”, “*Тарас Бульба*”; часть 2 — “*Вий*”, “*Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*”). Бытовая семантика заглавий соседствует с христианской и языческой символикой, героическое сочетается с ироническим. Заглавия, расположенные, как и сами повести, по принципу инверсии, обратной последовательности [4:79], контрастируют, смещая акценты и активнейшим образом влияя на смысловую наполненность повестей всего цикла, синтезируя некое единство в их сюжетно-тематической многоплановости.

Цикл “*Арабески*”, на первый взгляд, выстраивает иную цепь заглавий, вроде бы нейтральных и даже случайных, не совмещающихся с общим названием и друг с другом. Однако, рассматривая их в порядке расположения, можно уловить определённую закономерность: *АРАБЕСКИ: “Невский проспект” — “Портрет” — “Записки сумасшедшего”*. В плане контекстуального

единства показательна семантика слова *арабески* (*арабеска*): — 1) Узорчатый орнамент из стилизованных листьев, цветов, геометрических фигур и т. п. (возникший в подражание арабскому стилю); 2) собрание литературных, музыкальных произведений причудливого характера [11:52]. Приведенные толкования полностью соответствуют идейно-тематической направленности всего цикла.

Между всеми тремя названиями цикла наблюдается контрастное противопоставление: “*Вечера на хуторе близ Диканьки*” — “*Миргород*” — “*Арабески*”). “Гоголь совершает акт конкретизации: тема добра-зла в жизни трансформируется в тему жизни-смерти (души-тела). При этом прошлое (природа) переходит в настоящее (действительность), а подсознательное уступает место темам сознательного и бессознательного” [7:134]. Реальность бытового плана и фееричность языческой и христианской фантастики сменяется иным планом — причудливостью и своеобразной “изломанностью” мира искусства, что проявляется и в названиях повестей последнего цикла: “*Невский проспект*” предстает не как название линейного городского объекта, а как отрезок ложного, причудливого мира искусства с его обманчивым блеском и респектабельностью, который губит все живое. Однако этот смысл лежит в “глубине”, изначально затушеван и проявляется в следующем заглавии — “*Портрет*”, и еще сильнее — в третьем названии — “*Записки сумасшедшего*” с акцентом на мотиве страдания, губительности, иллюзорности мира искусства, на подмене истинно человеческих духовных ценностей ложью, лицемерием. Повесть, первоначально названная “*Записки сумасшедшего музыканта*”, гармонично вписывается в сквозной сюжет о романтических неудачниках в искусстве и трагизме их судьбы.

Названия последующих повестей Н. В. Гоголя: “*Нос*”, “*Коляска*”, “*Шинель*”, отрывок “*Рим*” — своеобразные символы с мистификацией, комизмом и трагичностью. Однолексемные, предельно лаконичные, вроде бы упрощенные заглавия в действительности необычайно ёмки. Многократно пронизывая весь текст разнообразными связями, заглавия неожиданно обнаруживают иной смысл и проявляют его в соответствии с авторским замыслом.

Вообще во всей ранней прозе Н. В. Гоголя связь между заглавием и текстом носит эксплицитный характер, основным способом выражения которого является дистантный повтор (ДП) заглавных лексем (ЗЛ) [6:169]. В исследуемых произведениях ДП является весомым фактором построения смысловой и композиционной структуры текста, хотя и проявляется этот фактор в разных повестях с разной степенью интенсивности. Так, наибольшее количество ДП мы встречаем в произведении “*Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*” (*Иван Иванович* — 191; *Иван Никифорович* — 156; всего — 347); далее следуют “*Тарас Бульба*” (*Тарас Бульба* — 18; *Бульба* — 47; *Тарас* — 81; всего — 146), “*Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка*” (*Иван Федорович Шпонька* — 1; *Шпонька* -1; *Иван Федорович* — 85; *тётушка* — 40; всего — 127), “*Нос*” (83), “*Портрет*” (54), “*Шинель*” (47), “*Невский проспект*” (38), “*Рим*” (25), “*Коляска*” (9), “*Заколдованное место*” (*заколдованное место* — 1; *место* — 6; всего — 7), “*Сорочинская ярмарка*” (*Сорочинская ярмарка* — 1; *ярмарка* — 5; всего — 6), “*Майская ночь, или Утопленница*” (*ночь* — 5; *утопленница* — 1; всего — 6), “*Пропавшая грамота*” (*грамота* — 6), “*Ночь перед рождеством*” (*ночь перед рождеством* — 1; *ночь* — 3; всего — 4), “*Вий*” (3), “*Вечер накануне Ивана Купала*” (*накануне Купала* — 1; *вечер* — 1; всего — 2), “*Страшная месть*” (*страшная* — 1; *месть* — 1; всего — 2), “*Старосветские помещики*” (*старосветские помещики* — 1; *старосветские* — 1; всего — 2), “*Записки сумасшедшего*” (*сумасшедший* — 1).

Приведённые статистические данные демонстрируют разное количество ДП в той или иной повести. По нашему мнению, частотность ДП напрямую зависит от авторского замысла и идейной направленности конкретного произведения. Так, в “*Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*” наибольшая в гоголевских повестях частотность ДП обусловлена сатирической направленностью произведения. “История глупой тяжбы двух миргородских обывателей (...) возбуждает в писателе (...) чувство горечи и гнева” [3,2: 307], и многократный, наиболее частотный повтор ЗЛ акцентирует внимание читателя на сарказме и горькой иронии автора, на разоблачении убогого мира обывателей, подобных главным персонажам. Подобную установку содержит повесть “*Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка*”, занимающая третье место по частотности повторов ЗЛ. Высокая же частотность ДП в повести “*Тарас Бульба*” обусловлена концентрацией событий вокруг главного персонажа, вокруг его личной драмы и мученической кончины.

Функцию ярких, выразительных коннотем выполняют ЗЛ в “Арабесках”. Так, в повести “*Невский проспект*” заглавие образует различные многомерные внутритекстовые связи — ассоциации-параллели (“*Иногда сонный чиновник пролетётся (...) если через **Невский проспект** лежит ему дорога*” [3,3: 8]; “*Всё, что вы ни встретите на **Невском проспекте**, все исполнено приличия*” [3,3: 9]; “*... та ли это, которая так околдовала и унесла его на **Невском проспекте***” [3,3: 17]), контрастные противопоставления (“*Кажется, человек, встреченный на **Невском проспекте**, менее эгоист, нежели в **Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской** (...) **Невский проспект** есть всеобщая коммуникация Петербурга. Здесь житель **Петербургской или Выборгской части**, несколько лет не бывавший у своего приятеля на **Песках** или у **Московской заставы**, может быть уверен, что встретится с ним непременно*” [3,3: 7]). А в целом словосочетание-заглавие как бы опоясывает кольцом весь текст, благодаря повтору ЗЛ в начале и в конце повести, хотя и с контрастным противопоставлением и нарастанием экспрессии в последнем абзаце; двукратный повтор местоимения *этот* усиливает негативную тональность: “*Нет ничего лучше **Невского проспекта**...*” [3,3: 7]; “*Но страннее всего происшествия, случающиеся на **Невском проспекте**. О, не верьте этому **Невскому проспекту!** (...) Он лжёт во всякое время, **этот Невский проспект**...*” [3,3: 39].

Повесть “*Портрет*”, кроме прямого употребления ЗЛ, наполнена их вариантами: *портрет ростовщика* [3,3: 110]; *один портрет* [3,3: 66]; *этот портрет* [3,3: 99]; *этот страшный портрет* [3,3: 75]; *фамильный портрет* [3,3: 79]; *необыкновенный портрет* [3,3: 96, 115]; *тот необыкновенный портрет* [3,3: 95]; *ненавистный портрет* [3,3: 95]; *портрет этот* [3,3: 114]; *тот портрет* [3,3: 115]; *портрет Хозрева-Мирзы в бараньей шапке* [3,3: 64]; *портреты* [3,3: 82,90,95,96]; *портреты каких-то генералов* [3,3: 64]; *старинные фамильные портреты* [3,3: 66]; *портреты какого-нибудь модного живописца* [3,3: 70]; *ужасные портреты* [3,3: 96]; *страшные портреты* [3,3: 96]. Эти варианты содержат в себе сжатый, сконцентрированный до минимума, замысел писателя — показать бесперспективность стремления творческой, одаренной личности к наживе, губительность такого пути. Концепцию автора усиливает антитеза — противопоставление страшного *портрета ростовщика*, на котором изначально запечатлено проклятие, *одному портрету знаменитого Леонардо да Винчи* [3,3: 71]; *простому портрету Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тициана* [3,3: 106].

Отрывок “*Рим*” представляет собой образец мастерского вписывания ЗЛ, их вариантов в контекст и создания благодаря этому разнообразных тематических линий и стилистем на уровне художественного целого. В контексте отрывка выразительно очерчены две оппозиции: первая — диахроническая, внутриитальянская [9:77] — противопоставление былого величия *Рима*, итальянских земель и современное Гоголю жалкое их состояние. Выразительности антитезы способствуют, наряду с употреблением ЗЛ — астионима *Рим*, сочетания ЗЛ с прилагательными-определениями (*древний Рим* [3,3: 191]; “*вечный Рим*” [3,3: 202]), а также словосочетания с прилагательным *римский* (-ая, -ое, -ие): *римское небо, римская пинна* [3,3: 177]; *римские пинны* [3,3: 214]; *римский князь, римские улицы* [3,3: 178]; *римские вельможи* [3,3: 179]; *римское население* [3,3: 194]; *римские поля* [3,3: 195]; *римский народ* [3,3: 199]; *римское имя* [3,3: 200]; *древняя римская республика* [3,3: 201]; *римская молодежь, римское щегольство, римские остерии, римский noble* [3,3: 202], что создаёт определённое замкнутое пространство *Рима* и способствует правдивости описываемого.

Вторая оппозиция — *Рим / Париж* — синхронная, западноевропейская [9:78] — очерчена более широко. Она связана с эволюцией мировоззрения главного героя, потомка римских аристократов, во время его пребывания в Париже. Если в начале путешествия и пребывания за границей астионим *Париж* создаёт в контексте коннотацию возвышенности (“*Он ждал с нетерпением **Парижа***”; “*И вот он в **Париже***” [3,3: 181]; “*Вот он, **Париж**...*” [3,3: 182]; “*Он не пропустил также услышать (...) всего, чем шумно гремит в Европе **Париж***”; “*В голове его даже вертелась мысль отказаться вовсе от **Италии** и основаться навсегда в **Париже***” [3,3: 185]), то в ходе повествования восторженная экспрессия снижается: “*Тот же **Париж** (...) показался ему (...) не тем, чем был прежде*” [3,3: 185]; “***Париж** со всем своим блеском и шумом сделался для него тягостной пустыней*” [3,3: 187]; “*как было различно это чувство (...) от тех тревожных впечатлений, которыми бессмысленно наполнялась душа его в **Париже***” [3,3: 194]. И постепенно первое место в мечтах и жизни юного аристократа вновь занимает его родной *Рим*, “*забытая им Италия*” [3,3: 187]; “*и он решил наконец писать к отцу, чтобы позволил ему возвратиться в **Рим**, что в **Париже** оставаться более он не видит для себя нужды*” [3,3: 187].

Дальнейшее повествование демонстрирует открытие персонажем для себя самого неизвестных достоинств его родного города; ЗЛ органически вписывается в соответствующие микроконтексты: “он (...) принялся рассматривать *Рим* и сделался в этом отношении подобен иностранцу” [3,3: 191]; “Ему нравились эти непрерывные внезапности, неожиданности, поражающие в *Риме*” [3,3: 192]; “всё как-то согласовывалось с важностью *Рима*” [3,3: 194]; “здесь, в *Риме*, не слышалось что-то умершее” [3,3: 201-202]; “Такая женщина могла только родиться в *Риме*” [3,3: 206]. А в последнем абзаце ЗЛ и словосочетание вечный город как бы содействуют “синтезу мировосприятия” [9:81] юного римлянина: “Но здесь князь взглянул на *Рим* и остановился: пред ним в чудной сияющей панораме предстал вечный город” [3,3: 214]. Образ *Рима* предстает неким художественным обобщением, отражением “душевного состояния и эстетического мировосприятия главного героя” [9:81].

Таким образом, исследование структурной, семантической и стилистической специфики заглавий гоголевских повестей демонстрирует их эволюцию: от развёрнутых до чрезвычайно лаконичных и емких, от христианской и языческой мистификации к “фантастике” реальной жизни. Во всех ранних произведениях Н. В. Гоголя связь между заглавием и текстом носит эксплицитный характер, о чём свидетельствуют дистантные повторы заглавных лексем в контексте повестей. Будучи яркими, выразительными коннотемами, заглавия активно участвуют в построении сюжета, системы образов, содействуют восприятию читателем последующего текста и осмыслению идейной направленности произведения. Это свидетельствует о росте художественного мастерства раннего Н. В. Гоголя, о своеобразии и неповторимости его творческой манеры, благодаря чему писатель “создаёт новый, лишь ему присущий гоголевский стиль”, который впоследствии станет “школой Гоголя” [10:18].

1. Андрианов И. Ю. Семантический потенциал заглавий в поэзии И. А. Бунина // Филологические науки, 1990. — №5. — С. 100-103.
2. Белинский о Гоголе. — М., 1949.
3. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 7-ми т. — М., 1976. — Т. 1-3.
4. Горбач Н. Я. Микола Гоголь: життя і духовна драма генія. — Львів, 2004.
5. Карпенко Ю. О. Про назви творів Ліни Костенко // Культура слова. — К., 1991. — С. 13-22.
6. Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики. 1984: Сб. науч. труд. — М., 1988. — С. 197-183.
7. М'ясоїд П. Гоголь: Життя на перетині культур // Філософська і соціологічна думка. — 1996. — №5-6. — С. 124-149.
8. Русская ономастика: Сб. науч. трудов. — Одесса, 1984.
9. Соколянский М. Г. “Хоть поздно, но вступленье есть...” (Об отрывке Н. В. Гоголя “Рим”) / Соколянский М. Г. Гоголь: грани творчества: Статьи. Очерки. — Одесса, 2009. — С. 75-84.
10. Старомецкий О. Гоголь. — Львів, 1994.
11. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935. — Т. 1.

A. F. Niemirovskaia, S. V. Stojanova

THE SEMANTIC AND STYLISTIC MULTI-PLANNING OF THE HEADINGS IN GOGOL'S EARLY PROSE

This article gives the analysis of the structural, semantic and stylistic peculiarities of the headings in the early prose of M. Gogol. The author shows their originality and multi-planning; the role of the headings as the first sign of the work of art, creative peculiarity of the functioning of the title lexemes in the context of the stories of the writer, and their role in the creation of the stylistic connotations and the connection of the headings with peculiarities of the creative method of M. Gogol.

Key words: heading, creative distance repetition, early prose of M. Gogol, structural and semantic originality, title lexemes.

О. Ф. Немировська, С. В. Стоянова

СЕМАНТИКО-СТИЛІСТИЧНА БАГАТОПЛАНОВІСТЬ ЗАГОЛОВКІВ У РАННІЙ ПРОЗІ М. В. ГОГОЛЯ

У статті аналізуються структурно-семантичні і стилістичні особливості заголовків у ранній прозі М. В. Гоголя. Продемонстровано їхню своєрідність і багатоплановість, роль заголовку як першого знаку художнього твору, висвітлено особливості функціонування заголовних лексем у контексті повістей письменника, а також їхню роль у створенні стилістичних конотацій і зв'язок заголовків з особливостями творчого методу М. В. Гоголя.

Ключові слова: дистантний повтор, експліцитність, заголовок, заголовні лексеми, рання проза М. В. Гоголя, структурно-семантична своєрідність.

УДК [811.161.1+811.161.2+811.162.1]-115'373.45/613 Гоголь

А. Т. Лавриненко

О некоторых украинизмах в произведениях Н. В. Гоголя и их польских соответствиях (сопоставительно-исторический аспект)

В статье рассматривается ряд лексем, которые принято считать украинизмами. Н. В. Гоголь использует их для создания специфического местного колорита. Сопоставление с польским языком свидетельствует о западнославянских и западноевропейских истоках такой лексики. В статье указываются некоторые способы адаптации полонизмов украинским языком. Более подробно освещается история украинизмов *парубок* и *хлопец*.

Ключевые слова: украинизм, полонизм, лексика, семантика, адаптация, этимология.

Н. В. Гоголя как писателя невозможно представить без украинской темы, без своеобразного украинского фона, который просвечивает или даже доминирует в большинстве произведений. Особенно ярко это проявляется в “Вечерах на хуторе близ Диканьки”, где в *местечках* типа Сорочинцев организуются *ярмарки*, где веселятся *девчата*, *парубки* и *хлопцы*, где разместились полотняные *ятки с крамом*, где особое место занимают *шинки*, *шинкари* и *шинкарки*, где слышны *бандуры* и *цимбалы*, звенят *золотые* и *шеляги*, где, надевши *капелюхи*, важничают *паны*, *паничи* и *панни* в новых *жупанах*, *кунтушах* и *сукнях*, в небо взлетают *гайвороны*, а по широким и пыльным дорогам скачут *обывательские* лошади... Украинский колорит усиливается также с помощью вставных эпиграфов и цитат из украинских песен, пословиц, комедий. Оттуда узнаём, что можно кому-либо *насадить бебехів*, *мурдуватися*, *щедровать*, взывая какого-то *щедрика*...

Целью данной статьи является сопоставление с польским языком и исторический комментарий к некоторым украинизмам в 1-й части “Вечеров на хуторе близ Диканьки”.

Для русскоязычного читателя выделенные в начале статьи слова являются очень специфическими, поскольку в русском языке они отсутствуют (кроме слова *ярмарка*). Сам Н. В. Гоголь пытался даже составить небольшие толковые словарики местной, так называемой “малорусской”, лексики. И до настоящего времени в массе своей такая лексика для русского уха является носителем типично украинского быта и духа: *галушки*, *бандура*, *бричка*, *шинок*, *цибуля*... и под.

С другой стороны, для читателя польскоязычного такая лексика не составит трудностей в понимании и не считается носителем типично украинского духа и быта, поскольку в большинстве своём наличествует также и в польском языке.

Сравним хотя бы частично словарики “малорусской” лексики, составленные Н. В. Гоголем, с данными польского языка: *бандура* — польское *bandura*; *батог* — *bat*, *batog*; *болячка* — *bolączka*; *буряк* — *burak*; *буханец* — *bochenek*; *винница* — *winnica*; *дивчина* — *dziewczyna*; *дивчата* — *dziewczęta*;

знахор — *znachor* (в отличие от русского *знахарь*. — А. Л.); *комора* — *komora*; *кунтуш* — *kontusz*; *кухоль* — *kufel*; *люлька* — *lulka*; *макитра* — *takutra*; *миска* — *misa, miska*; *пасичник* — *pasiecznik*; *парубок* — *parobek*; *плахта* — *plachta*; *пекло* — *piekło*; *перекунка* — *przekupka*; *рушник* — *ręcznik*; *скрыня* — *skrzynia*; *смалец* — *smalec*; *смушки* — *smuszek, smuszki*; *сукня* — *suknia*; *хлопец* — *chłopiec*; *хутор* — *chutor*; *хустка* — *chustka*; *цибуля* — *cebula*; *юшка* — *jucha, juszka*; *ятка* — *jatka*.

Добавим еще: *бебехи* — *bebechu*; *бричка* — *bryczka*; *жупан* — *żupan*; *злотый* — *złoty*; *капелюх* — *kapelusz*; *крам, крамарь* — *kram, kramarz*; *местечко* — *miasteczko*; *мурдуватися (мордуватися)* — *tordować się*; *нава* — *raw*; *подкоморий* — *podkomorzy*; *цимбалы* — *cymbały*; *шеляг* — *szeląg*; *шинок, шинкарь, шинкарка* — *szynek, szynkarz, szynkarka*; *щедровать* — *szczodrować*; *щедрик* — *szczodrak*, *ярмарка* — *jarmark*...

По своему происхождению указанная лексика является достаточно разнородной. Здесь видим слова с общеславянскими корнями типа *болячка* — *bolączka*; *дивчина* — *dziewczyna*; *знахор* — *znachor*; *пекло* — *piekło*; *рушник* — *ręcznik*; *юшка* — *jucha, juszka*... и слова, заимствованные из неславянских языков: *бандура, жупан, комора, крам, кунтуш, кухоль, миска, смушки, цибуля, цимбалы, шеляг, шинок, ярмарка*...

Отличительной особенностью перечисленных слов с общеславянскими корнями является их полное отсутствие или же системная маргинальность и ограничивающая стилистическая маркированность в русском языке (при наличии других образований от того же самого корня), сравним: *болячка*, но *боль, больной, болей*; *дивчина*, но *дева, девушка*; *знахор*, но *знать, знахарь* (с суффиксом *-арь-*, а не *-ор-*); *пекло*, но *печь, пеку*; *рушник*, но *рука, ручной*; *юшка*, но *уха*. То есть, праславянские гомогенные корни в своём развитии дали, как видим, гетерогенные результаты. Данные языка украинского могут здесь свидетельствовать либо об общих с западными славянами диалектных ареалах, либо о влиянии западнославянском, конкретнее и прежде всего — о влиянии польском.

Слова же неславянские по своему происхождению впоследствии если и стали в определённой мере известными в русском языке, то только благодаря украинскому посредству, точнее, Юго-Западной Руси. А вот в украинский язык они попадали в основном через посредство польского языка, который многое заимствовал, в свою очередь, из чешского или непосредственно из западноевропейских языков, особенно из немецкого и латинского.

В самом украинском языке основная масса общей с польским языком лексики появляется и начинает распространяться примерно с первой половины XIV века. Усиливается этот процесс после смерти в 1340 году галицко-волинского (исходно мазовецкого, приглашённого на правление) князя Ежи (Юрия) Тройденовича, завещавшего свой трон польскому королю Казимиру III (Великому). Началась польская экспансия в восточнославянском направлении, и в том числе экспансия языковая. Временем наиболее интенсивного польского влияния считаются XVI и XVII века.

Поскольку старопольский и староукраинский языки были близки между собой генетически и территориально (особенно территории Галицко-Волинского княжества), то в результате воздействия польского языка на украинский в силу сложившихся общественно-политических обстоятельств в XIV веке и в последующие века происходило, можно сказать, естественно, без коренной ломки языка-реципиента. Со временем часть исходно западнославянской (польской) лексики естественным образом утратилась, а часть настолько освоилась в украинском языке, что стала восприниматься как собственно украинская. Это касается большинства указанных нами выше слов. Например, *рушник* из более древнего *ручьникъ* (*ч > ш* в результате утраты смычки в аффрикате) в *Материалах* И. И. Срезневского и в *Словнику староукраїнської мови XIV-XV століть* отсутствует, а в *Словаре XI-XVII веков* отмечено под 1547 годом в *Дополнениях к Актам историческим* и, надо полагать, взято из южнорусского документа [9, 22: 264]. Как южнорусское отмечал это слово В. И. Даль: *ручник = утиральник* [7, IV:111]. Авторы *Етимологічного словника української мови* считают слово *рушник* общеславянским [18, V:151], но уже авторы *Етимологічної наука словника беларускої мови* не исключают заимствования слова *ручник* из польского языка [19, XI: 223]. Без оговорок считает слово *ручник* полонизмом В. Витковский [6: 167].

Другой пример: *местечко*. В украинском языке, как известно, различаются: *місто, містечко* (“город”, “городок”) и *місце* (“место”). В русском языке такого разграничения нет, а позднейшие *мещанин* и *мещанство* — польского происхождения. Ранняя фиксация в русском языке

ке — 1700 г. [16, II: 616]. В староукраїнському мові *место* в значенні “город” відзначається вже під 1388г. [12, I: 628], хоча частотність використання слова в значенні “город” ще значимо поступає використаності цього слова в значенні “место”: 45 і 230. Істини цього процесу знаходимо в старопольському мові, де *miasto*, *miasteczko* в значенні “город”, “городок” відзначається в текстах вже в XIII столітті, а слово *mieszczanin* відзначено в 1400 році [2: 321–322]. Розмежування “место” — “город” в польському мові почалося, можливо, під впливом мови чеської, а в чеській є калькою середньо-верхньонімецької *stat* “место” і “город” (сучасні *Statt// Stätte* і *Stadt*) [2:321]. В подальшому для ліквідації омонимії в польському мові закріплюються *miasto* “город” і *miejsce* “место”. В українській мові бачимо те ж саме: *місто* “город” і *місце* “место”.

Із вихідно неслав'янської лексики візьмемо для прикладу слово *бандура*. По твердженню А. Брюкнера, в Малу Русь слово *бандура* приходило з польського в XVII столітті. В самому польському мові зустрічалося ще і в первинній формі *pandura* з італійського, яке виходить з латинського *pandura* і далі з грецького. Підтверджує цей шлях також і М. Фасмер [3: 14; 16, I: 120]. А. Баньковський відносить поширення слова *бандура* в українській мові до XVIII століття [1, I: 30].

Серед використовуваної Н. В. Гоголем української лексики особливу увагу заслуговує слово, яке з першого погляду ніхто не може назвати українізмом або полонізмом. Це слово *комісар*. Воно є зараз загальновідомим і поширеним, але пов'язується з свідомістю переважно в революційними і військовими комісарами XX століття. Про яких комісарах мова йде у Н. В. Гоголя? Як вказують автори *Етимологічного словника української мови*, українське *комісар* могло з'явитися через російське й польське посередництво [18, II: 538]. Але в самому російському мові воно з'явилося з польського в початку XVII століття [17, II, 8: 230]. В *Зведеному словнику застарілих та маловживаних слів* знаходимо, що *комісар* — це заснована 1638 року Річчю Посполитою посада вищого начальника реєстрового Запорізького війська; представник польського короля на Україні з 1649 року; член мирної комісії [8]. Швидше за все, український *комісар* у Н. В. Гоголя — це решток, рудимент колишнього польського управління, збереженого в якийсь час і після приєднання України до Росії. Для сучасного читача це вже свого роду “схований полонізм”, або інакше *криптополонізм*. В самому польському мові це слово є опосередкованим запозиченням з латинського. Польський етимолог А. Баньковський вказує, що раннє фіксація цього слова в польських текстах відноситься до 1528 року [1, I: 768]. Але А. Н. Булыко знаходить його в *Литовській метриці* 1510г. [4: 163]. А це означає, що в польському мові слово не могло з'явитися пізніше, і датировка А. Баньковського не є коректною.

В Польщі до нинішнього часу існує так зване *zarząd komisaryczny*, встановлюване Радою міністрів в тому випадку, якщо місцеві органи не впорядуються з виниклою ситуацією. Про своє польське походження — від *komisarz* — свідчить також відомий всім прізвище *Комісаржевський*.

Думається, що польське вплив на лексику “Вечерів на хуторі біля Диканьки” можна розглянути також в деяких стійких з'єднаннях, наприклад: — *Вот беда! Не ушиблись ли вы, не сломали ли ещё, боже оборони, шеи? — лепетала заботливая Хивря* (Сорочинська ярмарка). Тут звертаємо увагу на оборот *боже оборони*. По-російськи це звучало б як *сохрани, господи*. А в польському мові — *broń boże*. Український варіант відрізняється від польського тільки наявністю восточнослав'янського повногоголосого, тобто бачимо елементарний субститут, або ж кальку.

Зупинимося зараз більш докладно на таких, здавалося б, типово українських словах, як *парубок* і *хлопець*, які в “Вечерах на хуторі біля Диканьки” є особливо частотними. Використовуються вони у Н. В. Гоголя як синоніми. Але і перекладає їх сам автор на російський мові однаково: *парубок* = пареня; *хлопець* = пареня. Синонімами ці слова є не тільки у Н. В. Гоголя, але і в самому українському мові. Порівняємо: *парубок* — 1) *молодий чоловік*; *юнак*; 2) *нежонатий чоловік*. *Хлопець* — 1) *дитина або підліток чоловічої статі // те саме, що син // молодий чоловік, юнак, парубок*; 2) *перев. мн. Уживається як назва чоловіків (здебільшого при звертанні)*; 3) *заст. Підліток-слуга* [5].

Етимологічний словник української мови вказує фактично тільки праслав'янський корінь *orb-, з якого виникло слово, з чого можна зробити висновок, що автори *Словника* вважають лексику *парубок* общеслав'янської. Можливо згадати також, що цей корінь має більш глибокі істини, і родичний йому корінь знаходимо ще в древньверхньонімецькому *ar(a)beit* [16, III:

427]. В польском языке этот древний корень сохраняется отчетливо, делая прозрачной этимологию: *parobek*. Корень *rob-* здесь не затемнён, как в украинском. Поэтому для любого человека, даже без какой-либо лингвистической подготовки, польское *parobek* является словом этимологически понятным: *это тот, кто работает*. В самом деле, и в современном польском языке *parobek — stały lub sezonowy najemny robotnik rolny, zatrudniany dawniej w gospodarstwach bogatych chłopów i w folwarkach; także: służący we dworze lub w karczmie* [11, II: 606].

В украинском языке произошла деэтимологизация корня, скорее всего, в связи с переносом ударения с корня на приставку *na-*, как в словах *пасынок, патрубок...*, русские *падчерица, паволока* и под., где ударение имеет склонность к передвижению на приставку. Оказавшееся в заударной позиции [o] корня *-rob-* в украинском языке подверглось усиленной лабиализации, превращаясь в [y] и затемняя внутреннюю форму слова. В польском языке этого не было, так как в силу стабильного ударения звук [o] корня *-rob-* всегда находился и находится в сильной позиции, то есть под ударением, и препятствует каким-либо искажениям.

Семантически польский *parobek* стабильно сохраняет свою исходную функцию: *тот, кто работает; работник, слуга*. В *Словнику староукраїнської мови (XIV-XVвв.)* это слово еще не отмечается, но фиксируется уже в древнейших старопольских текстах. Видимо, оно больше было свойственно западным славянам, так как отмечается также в чешском и словацком языках. Как указывает В. Борысь, приставка *na-* вводит значение *подобия: такой как*. То есть *parobek* можно определить как “молодой человек, работающий подобно невольнику, рабу; батрак”. Во всех указанных западнославянских языках диалектно встречается и более позднее значение “молодой человек, кавалер, юноша” [2: 413]. В украинском языке, как видим, закрепилось и распространилось в конечном итоге именно это западно-диалектное значение, тушающее первичные семантические отношения. Польский же *parobek* не только сохраняет первичную семантику, но получил также дополнительную пейоративную стилистическую окраску. Является синонимом слова *parchołek*, которое находим также и в украинском словаре: *пахолок — заст. 1. Слуга. 2. Хлопчик, підліток* [5].

В польском языке выступает также группа образований от первичного *chłop*: *chłopiec, chłopak, chłopczyk, chłopaczek, chłopaczyna; chłopaczysko, chłopczyzna; chłopek; chłopiątko, chłopię, chłopina, chłopisko, chłopowina, chłoptaś, chłoptys, chłopyszek, chłopyś* [11, I: 265-266]. Этимологически корень содержит типичное для западных славян сочетание *-lo-*, которому у восточных славян соответствует *-оло-* (*холоп*), а у южных славян — *ла-*: *хлал*. Праславянский вид этого корня **cholp-* имеет более глубокие истоки и обнаруживает родство с германскими языками, в частности, с английским *help* — “помощь, помогать”, которое также имело более древнюю форму **halp* (**holp*) [14: 214].

В современном польском *chłop — drobny rolnik, najczęściej prowadzący samodzielną gospodarkę; 2) pot. dorosły mężczyzna; 3) pot. mąż, narzeczony, kochanek. Chłopiec — 1) dziecko płci męskiej; syn; chłopak; 2) pot. młody mężczyzna; młodzienc; 3) pot. młodzienc z wzajemnością kochany; 4) przestarz. Młody pracownik, zwłaszcza zatrudniony w zakładzie handlowym, rzemieślniczym* [11, I: 264-265].

В польском языке не являются синонимами ни *chłop* и *parobek*, ни *chłopiec* и *parobek*. Между *chłop* и *parobek* различие примерно такое, как между *крестьянин* и *батрак* в русском языке. Различия между *chłopiec* и *parobek* стираются частично только в том случае, если уберём семантику наёмной рабочей силы в слове *parobek* и на первое место поставим значение “молодой мужчина, юноша”. Интересно при этом отметить, что в *Словнику застарілих та маловживаних слів* зарегистрировано слово *хлопство* — “*зневажлива назва шляхтою селян та інших залежних осіб і бідноти взагалі*” [8].

То есть древний индоевропейский корень **cholp-* со значением “помогать в работе” как бы раздвоился семантически: в английском видим его доминирующую реализацию со значением “помощь”, а в славянских языках усилился компонент “работа”. Древнее значение “помощь” еще сохранялось в компонентах “молодой рабочий, прислуживающий; слуга”. На территории восточного славянства и западнославянское *хлал*, и восточнославянское *холоп* получили дополнительную уничижительную коннотацию. Ср.: у Н. В. Гоголя Левко в “Майской ночи” говорит так: “*Что же мы, ребята, за холопы? Разве мы не такого роду, как и он? Мы, слава богу, вольные козаки!*”.

Нейтральными остались только *хлопеч* и *хлопчик* в украинском языке. В польском все три формы — *chłop, chłopiec, chłopczyk* — являются сейчас нейтральными.

Интересно отметить также, что праславянский корень *юн-* (*ун-*) находим в одинаковой закрепившейся польско-украинской форме *юнак*. Форма *юноша* (*оуноша*) сохраняется в русском языке. Общей польско-украинской формой является также *наймит* // *najmita* (из более древнего *najmit*) — эквивалент русского *наёмник*, *батрак*.

Подведём некоторые итоги: во многих случаях там, где мы говорим о специфической, отличающейся от русского, украинской лексике, её эквиваленты можно обнаружить в языке польском. Причины этого нужно видеть, во-первых, в территориальной смежности двух соседствующих этносов, а также, во-вторых, в общественно-политических условиях, сложившихся на Юго-Западе Руси в эпоху Средневековья. В силу этих условий языковые отношения между польской и украинской народностями стали складываться не на паритетных началах, а на усиливающейся польской доминации.

Полонизмы, вторгаясь в староукраинскую языковую среду, могли, во-первых, восприниматься полностью и без изменений: *бандура*, *винница*, *жупан*, *комора*, *кунтуш*, *люлька*, *пекло*, *плахта*, *сукня*, *хутор*, *цимбалы*, *юшка*, *ятка*... Во-вторых, попадая в язык староукраинский, полонизмы могли подвергаться местной обработке (адаптации), которая осуществлялась и проявлялась в нескольких направлениях. В области фонетики: а) заменой западного неполногласия на восточное полногласие — *гайворон* — *gawron*; *оборони* — *broń*, *obrona*; *перекупка* — *przekupka*; б) передаче бывшего звука “ять” как [i]: *місто* — *miasto*, *місце* — *miejsce*; в) заменой несвойственного восточным славянам звука [ф] на звук [х] или [хв]: *кухоль* — *kufel*; г) передачей польских носовых в виде Я или У: *шелЯг* — *szeląg*; *рУшник* — *reżnik*; д) написании обычного [р] на месте польского [rz]. Впоследствии это польское написание стали передавать в русском языке сочетанием [рж]. Но в староукраинской письменности польское звучание обычно передавалось в соответствии с этимологией, поэтому *скрыня*, а не *скржия*, *подкоморий*, а не *подкоморжий*; е) заменой соответствующего бывшего редуцированного звуком [о] вместо польского [e]: *кухОль* вместо польского *kufel*.

В направлении фонетико-словообразовательном: а) заменой польского суффикса -ек- на -ок-: *парубок* — *parobek*; *шинок* — *szynok*; б) заменой польского суффикса -arz- на -арь- или -ар-: *szynkarz* — *шинкарь*...

В морфологическом: а) в изменении грамматического рода: *нава* — *raw*; *ярмарка* — *jarmark*; б) в колебаниях категории числа: *смушки* — польское *smuszek*, *smuszki*; *капелюхи* — *kapelus*, *kapelusze*. В современном украинском функционирует также и *капелюх*, но у Н. В. Гоголя ещё видим только множественное число.

В семантическом: а) могла происходить десемантизация и далее дестимологизация: *парубок*. Сюда же можно отнести, например, слово *щедрик* — начало щедравальной песни, без конкретного значения в украинском языке, хотя корневая связь со значением “щедрость” сохраняется. В польском языке *szczodrak* до сих пор имеет конкретное значение: “кривой”, или “рогатый хлеб”, которым делились в предновогодний (щедрый) вечер, обходя дома с песнями и поздравлениями [10: VIII, 1059-1060]; б) могли происходить изменения в семантическом поле заимствованных лексем. Это видим, например, в появлении на украинской почве сочетания *насадить бибехів* — “избить кого-либо”. В польском языке *bebechu* связывается только с внутренностями: “*wnętrzaści, kiszki, flaki*” [10, I: 388]. Но в целом семантико-словообразовательное поле этого слова в польском языке шире, чем в украинском, сравним хотя бы наличие форм *bebechowaty*, *bebeszenie*, *bebeszyć* [10, I: 389].

В функционально-системном аспекте: а) отношения, возникшие в польском языке, могли копироваться и полностью переноситься на украинскую почву (*місто* — *місце*); б) могли возникать новые синонимические связи (*парубок* — *хлопець*), хотя здесь конкретно произошли изменения не без влияния западнославянских диалектов.

Мы отмечаем здесь в качестве примеров только то из украинской лексики, что употреблено Н. В. Гоголем в 1-й части “Вечеров на хуторе близ Диканьки”. В более широком аспекте (особенно учитывая крайне обострившиеся в последние годы споры о времени, путях и способах формирования украинского языка) считаем, что в процессах формирования украинского языка и, прежде всего, его лексики большую роль сыграл язык польский. Напомним, что Н. С. Трубецкой даже относил современный украинский литературный язык “к литературным языкам западнославянской (чешско-польской) традиции” [15: 189].

1. *Bańkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego. — Т. I-II. — Warszawa, 2000.
2. *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. — Kraków, 2006.
3. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. — Warszawa, 1993 (przedruk wydania 1927).
4. *Булыка А. М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. — Мінск, 1972.
5. *Великий* тлумачний словник сучасної української мови / ред. Бусел В. Т. — К., 2005 // <http://slovnkyk.net/>
6. *Witkowski W.* Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. — Kraków, 1999.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. — М., 1978-1980 (репринт издания 1880-1882).
8. *Зведений* словник застарілих та маловживаних слів — <http://litopys.kiev.ua>
9. *Словарь* русского языка XI-XVII вв. / ред. Бархударов С. Г., Богатова Г. А. — Вып. 1-27- (продолжающееся издание). — М., 1975-2006.
10. *Słownik języka polskiego* / red. Doroszewski W. T. VIII — Warszawa, 1966.
11. *Słownik języka polskiego*, red. Szymczak M. — Т. I-III. — Warszawa, 1992.
12. *Словник* староукраїнської мови XIV-XV ст., ред. Гумецька Л. Л., Керницький І. М. — Т. I-II. — Київ, 1977-1978.
13. *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. — Т. I-III, части 1-6. — М., 1989 (репринт издания 1893).
14. *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology* / ed. T. F. Hoad. — Oxford; N. Y., 1996.
15. *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. — М., 1995. — С. 189.
16. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. — Т. I-IV. — М., 1964-1973.
17. *Этимологический* словарь русского языка, ред. Шанский Н. М. — Т. 1 (вып. 1-5), т. 2 (вып. 7-8). — М., 1963-1982.
18. *Етимологічний* словник української мови: У 7-ми т. / ред. Мельничук О. С. — Т. I-V. — К., 1982-2006.
19. *Этымалагічны* слоўнік беларускай мовы, ред. Мартынаў В. У. — Т. I-XI- (продолжающееся издание). — Мінск, 1978-2006.
20. *Гоголь Н. В.* Сочинения: В 2-х т. — Т. 1. — М., 1965. — С. 7-94.

Примечание: для упрощения буква “ять” передаётся как *е*.

A. T. Lavrinenko

ON SOME UKRAINISMS IN WORKS OF N. V. GOGOL AND THEIR POLISH COUNTERPARTS (COMPARATIVE AND HISTORICAL ASPECTS)

The article presents a group of lexemes which is supposed to be of Ukrainian origin. N. V. Gogol uses them to create a specific local colour. Comparison with the Polish language indicates the Western Slavonic or even Western European origin of this lexicon. The article presents some of methods of Polish lexemes' adaptation in the Ukrainian language. Much attention is paid to the lexemes *parubok* and *khlopets*.

Keywords: Ukrainism, Polonism, vocabulary, semantics, adaptation, etymology.

A. T. Лавриненко

ПРО ДЕЯКІ УКРАЇНІЗМИ У ТВОРЧОСТІ М. В. ГОГОЛЯ ТА ЇХ ПОЛЬСЬКІ ВІДПОВІДНИКИ (ПОРІВНЯЛЬНО-ІСТОРИЧНИЙ АСПЕКТ)

У статті розглядається ряд лексем, які прийнято вважати українізмами. М. В. Гоголь використовує їх для створення специфічного місцевого колориту. Зіставлення з польською мовою свідчить про західнослов'янські та західноєвропейські джерела такої лексики. У статті вказуються деякі способи адаптації полонізмів українською мовою. Більш детально представлена історія українізмів *парубок* і *хлопець*.

Ключові слова: українізм, полонізм, лексика, семантика, адаптація, етимологія.

Т. А. Чубур

Анализ стилистических помет в толковых словарях русского языка в рамках контрастивной лексикографии

Статья посвящена сопоставительному анализу стилистических помет в наиболее авторитетных русских толковых словарях. Показано, что системы помет в русских словарях не совпадают, что представляет большую проблему для контрастивной лексикографии. Обосновывается необходимость унификации помет как внутри национальной лексикографии, так и в межъязыковом плане.

Ключевые слова: контрастивная лексикография, русские толковые словари, стилистическая характеристика слова, система помет в словарях.

Важной проблемой, стоящей перед переводчиком, преподавателем, а также изучающим иностранный язык, может оказаться учёт стиля переводимого текста и подбор соответствующих стилистических средств в родном языке. Особое значение это имеет при переводе текста художественного или публицистического характера. Кроме того, слова и выражения довольно быстро могут перемещаться из одного стиля в другой в связи с общими тенденциями развития. В частности, процессы демократизации в языке, отмеченные многими исследователями [1, 2, 5]), широкое использование сленга в средствах массовой информации приводят к изменению стилевой принадлежности той или иной единицы. Учет стилистических оттенков особенно необходим для соблюдения соответствующей социальной окраски переводимых терминов и текста в целом, считает В. П. Крупнов [3: 99].

Исследователи-лексикографы отмечают такие активные языковые процессы, как “онаучивание” языка, с одной стороны, и процесс “демократизации, пополняющий словарь разговорной, сниженной лексикой и жаргонизмами”, — с другой, что не всегда находит своевременное отражение в словарях [5: 371].

Лексикограф не может не считаться с тем, что толковый словарь — одно из основных пособий при обучении языку, человек запоминает и по-своему обрабатывает информацию, извлеченную из словаря [4]. Особенности восприятия индивидом вербальных знаков приводят к той или иной интерпретации значения единиц номинации пользователем словаря.

Анализ многих словарей показывает, что лексикографы зачастую сознательно прибегают к переводу слов, принадлежащих к какому-либо функциональному стилю, при помощи стилистически нейтральных эквивалентов, снабжая их — и то не всегда — стилистическими пометами.

Проблема *системы используемых помет*, а также вопрос об *унификации системы помет* как в одноязычной, так и в двуязычной лексикографии являются кардинальными вопросами как контрастивной лингвистики, так и контрастивной лексикографии. Соответствующие задачи неоднократно декларировались как лексикологами и фразеологами, так и лексикографами, но к решению данных проблем фактически учёные так и не приступали. В этом виноваты прежде всего сложность и трудоёмкость такой процедуры. Предложим в этой связи некоторые возможные подходы к решению поставленных проблем. Прежде всего, необходимо провести анализ всех коннотативных и функциональных помет в различных словарях сравниваемых языков. Данная работа посвящена анализу стилистических помет в наиболее авторитетных русских толковых и синонимических словарях.

Из словарей выписывались все стилистические пометы, указанные авторами.

1. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — С. Пб.: Норинт, 2007. [Кузнецов]

бранно, вульг., высок., грубо, книжн., нар. — поэт., нар. — разг., офиц., поэт., публиц., разг., разг. — сниж., сниж., трад. — лит., трад. — нар., трад. — поэт.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. РАН, Российский фонд культуры. — М.: ФЗБ, 1994. [Ожегов, Шведова]

- бран., высок., груб., книжн., офиц., прост., разг.*
3. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Скляревской. — М.: Астрель, 2001. [Скляревская]
высок., книж., офиц., полит., публ., сниж., разг.
4. Словарь русского языка в 4-х томах. АН СССР, Ин-т русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981. [МАС]
бран., высок., книж., нар. — поэт., офиц., офиц. — дел., прост., разг.
5. Словарь современного русского литературного языка в 20-ти томах. РАН, Ин-т русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. — М.: Русский язык, 1991. [БАС 20]
груб. — прост., поэт., разг.
6. Толковый словарь русского языка в 4-х томах / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ОГИЗ, 1935. [Ушаков]
бран., вульг., газет., канц., книжн., нар.-поэт., науч., неприл., офиц., поэт., прост., публ., разг., торжест., церк. — книжн.
7. Большой академический словарь русского языка. — В 17 томах. — М., С. Пб: Наука, 2004. [БАС 17]
грубо-простор., нар.-поэт., поэт., простор., разг.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. [ЛЭС]
книж., офиц., разг.
9. Русский семантический словарь. — М.: Азбуковник, 2000. [РСС]
бран., высок., груб., книж., нар.-поэт., офиц., простор., разг.
- Результаты нашего анализа отражены в сравнительной таблице.

Таблица №1

Сводная таблица стилистических компонентов в русских словарях

*Номера в таблице соответствуют номерам словарей, в том порядке, в котором они перечислены.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
бранно	бран.	бран.	бран.	бран.	грубо-	бран.	бран.	высок.
вульг.	высок.	высок.	высок.	вульг.	прост.	высок.	высок.	грубо-
высок.	груб.	книж.	грубо-	книжн.	нар.-поэт.	груб.	грубо-	прост.
грубо	книжн.	офиц.	прост.	нар.-поэт.	поэт.	книж.	прост.	книж.
книжн.	офиц.	публ.	книж.	науч.	прост.	нар.-поэт.	грубо-	нар.-поэт.
нар.-поэт.	прост.	сниж.	нар.-поэт.	неприл.	разг.	офиц.	фам.	офиц.
нар.-разг.	разг.	разг.	офиц.	офиц.		прост.	книж.	прост.
офиц.			офиц.-	поэт.		разг.	нар.-поэт.	разг.
поэт.			дел.	прост.			обих.-	трад.-
публиц.			прост.	публ.			разг.	поэт.
разг.			разг.	разг.			офиц.	
разг.-			трад.-	торжест.			офиц.-	
сниж.			поэт.	церк.-			дел.	
сниж.				книжн.			приподн.	
трад.-лит.							прост.	
трад.-нар							разг.	
трад.-							трад.-	
поэт.							поэт.	

Условные сокращения в русских словарях

- бран.** — бранное слово, выражение
вульг. — вульгарное слово, выражение
высок. — слово, выражение, передающее экспрессию приподнятости, торжественности
грубо — грубое слово, выражение
грубо-прост. — грубо-просторечное слово, выражение
книжн. — книжное (используемое преимущественно в текстах) слово, выражение
нар.-поэт. — народно-поэтическое слово, выражение
нар.-разг. — народно-разговорное слово, выражение

обих.-разг. — обиходно-разговорное слово, выражение
офиц. — официальное слово, выражение
офиц.-дел. — официально-деловое слово, выражение
поэт. — поэтическое слово, выражение
припод. — приподнятое
прост. — просторечное слово, выражение
публ. — слово, выражение, употребляемое в публицистике
разг. — разговорное слово, выражение
разг.-сниж. — разговорно-сниженное слово, выражение (содержащее намеренно грубоватую экспрессию)
сниж. — сниженное слово, выражение
торж. — торжественное слово, выражение
трад.-лит. — традиционно-литературное слово, выражение
трад.-нар. — традиционно-народное слово, выражение
трад.-поэт. — традиционно-поэтическое слово, выражение
церк.-книжн. — церковно-книжное

Примеры употребления слов, имеющих стилистические пометы в словарях

Бранно

Выродок — человек, который выделяется (в семье, среде) крайне негативно
Гадёныш — о молодом человеке, ребёнке, подростке, совершившем мерзкий поступок
Дубина — о бестолковом, тупом человеке

Вульг.

Хрен — мужской половой орган

Высок.

Алкать — сильно, страстно желать чего-л.
Бесславие — утрата доброго имени, позор, бесчестие
Вдохновенный — проникнутый вдохновением: *В. лицо.*

Грубо

Выдра — об очень худой, непривлекательной женщине
Шлюха — женщина легкого поведения
Шкура — о продажном, корыстном человеке, преследующем только свою личную выгоду

Грубо-простор.

Голоштанник — неимущий человек
Охальный — проявляющий бесстыдство в том, что касается интимных отношений
Пустобрёх (*презр.*) — тот, кто много и попусту болтает

Грубо-фам.

Дарма — бесплатно
Хапать — брать резким и сильным движением
Пакостить — намеренно причинять вред, зло, неприятности

Книжн.

Абсолют — нечто самодовлеющее, не зависящее ни от каких условий и отношений: *Возводит в а. что-л.*

Адепт — приверженец, последователь какой-л. идеи.
Апогей — высшая степень проявления чего-л.: *В а. славы.*

Нар.-поэт.

Красный — ясный, яркий, светлый
Кровинка — ласковое обращение родителей к своим детям
Кручина — грусть, печаль, тоска

Нар.-разг.

Бирюк — волк
Крутойя — крутой, обрывистый берег

Оберег — предмет, талисман, способный, по суеверным представлениям, охранить от разных болезней: *Этот камешек — мой о.*

Неприл.

Задница — задняя часть тела; ягодицы

Какать (детск.) — испражняться

Обих.-разг.

Бедняга — человек, оказавшийся в трудном положении и вызывающий сочувствие

Несчастный — человек, оказавшийся в трудном положении и вызывающий сочувствие

Дурацкий — бессмысленный, лишенный разумных оснований

Офиц.

Ассигновать — выделять денежные средства на специальные расходы

Доложить — сделать донесение: *Д. обстановку.*

Виза — пометка должностного лица на документе, означающее разрешение, согласие с чем-л.: *Без визы начальника акт не действителен.*

Офиц.-дел.

Двусторонний — общий для обеих сторон, проявляющийся по отношению друг к другу

Затребовать — предложить, приказать явиться куда-л.

Результативный — дающий необходимый, обычно положительный результат

Поэт.

Алкать — сильно желать: *Предстану здесь алкающий спасенья. (Пушкин). Ум, алчущий познания. (Грибоедов).*

Багряный — то же, что багровый

Пиит — поэт: *Славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит. (Пушкин).*

Приподн.

Зодчий — архитектор

Супружество — брачная жизнь

Воин — военный человек

Прост.

Кол — об очень упрямом или непонятливом человеке

Домашность — семейное, не официальное отношение к делу: *В общественной работе нельзя допускать домашности.*

Гнусливый — с неприятным носовым призвуком в голосе

Публ.

Загнить — прийти к разложению, упадку: *Загнившая экономика.*

Вызов — о новых проблемах, требующих решения: *В. времени.*

Мерило — то, чем измеряют что-л.: *М. времени.*

Разг.

Амбал — о крепком, сильном молодом мужчине с примитивным интеллектом

Баба — простая необразованная женщина: *Здоровая б.*

Байка — короткий занимательный рассказ; небылица: *Рассказывать байки.*

Разг.-сниж.

Бабки — деньги

Балдеть — проводить время празднично, в удовольствиях

Беспредел — отсутствие правил, законов, ограничивающих чей-л. произвол

Сниж.

Бодун — похмелье

Выключиться — крепко уснуть от усталости или алкоголя: *Пришёл домой и в.*

Корчи — любое неприятное состояние, затруднительное положение

Торж.

Молебствие — краткая церковная служба

Монархиня — женское к монарху

Матерь — то же, что мать

Трад.-лит.

Буйствовать — сильно бушевать: *Море буйствовало.*

Взбунтоваться — прийти в движение, волнение (о море, реке и т. п.)

Взор — взгляд

Трад.-нар.

Баба — деревенская (обычно замужняя) женщина: *Заголосили девки и бабы.*

Борзый — быстрый, резвый: *Б. конь.*

Купец — о женихе в обряде сватовства

Трад.-поэт.

Венчать — короновать: *В. большой императорской короной.*

Вешний — весенний: *В. гром.*

Крылатый — возвышенный, окрылённый: *К. мечты.*

Церк.-книжн.

Гладный — голодный: *Мне слышалось их гладное бляенье.*

Глава — голова: *Стою с поникшею главой.*

Купина — куст (в библейской мифологии — куст, который не горит и чудесным образом не сгорает)

Таким образом, проведённый анализ помет в толковых и синонимических словарях русского языка показал, что существует целый ряд разночтений и несогласованности в толковании стилистических компонентов значения слова в различных словарях русского языка, нет единства в системе помет. Имеются значительные расхождения в определении стилистической принадлежности той или иной лексической единицы. Так, например, стилистическая принадлежность слова “вдохновенный” трактуется как *высок.*, слово “апогей” — *книжн.* [Кузнецов], тогда как в некоторых других словарях [МАС; Ожегов, Шведова] данные слова приведены без какой-либо стилистической пометы.

Слово “двусторонний” в значении “общий для обеих сторон, проявляющийся по отношению друг к другу” трактуется как *офиц.-дел.* [МАС] или стилистически нейтральное [Кузнецов; Ожегов, Шведова]. Слово “раззява” представлено без какой-л. стилистической пометы, но с эмоциональной пометой *пренебр.* [Кузнецов], в других словарях стилистическая принадлежность данного слова определена как *грубо-прост.* [МАС], либо *прост.* [Ожегов, Шведова] и т. п.

Иногда стилистические пометы не приводятся совсем, в то время как слово явно не является стилистически нейтральным. Например, слово “отпад” (о чём-л., вызывающем восторг, восхищение: *Вот это костюм, полный о.!*) приведено без какой-либо стилистической или оценочно-эмоциональной пометы [Кузнецов] и т. п.

Наше исследование свидетельствует о том, что отсутствие унифицированной системы словарных помет затрудняет работу со словом, приводя к ошибкам и неточностям в переводческой и редакторской работе, к разным оценкам одного и того же словоупотребления. Мы считаем, что важнейшим условием эффективного контрастивного описания слов является унификация, стандартизация пометы в рамках как национальной, так и международной лексикографической деятельности.

1. Гальперин И. Р. Избранные труды. — М., 2005.
2. Контрастивная лексикология и лексикография. Монография / Под ред. И. А. Стернина и Т. А. Чубур. — Воронеж, 2006.
3. Крупнов В. Н. Лексикографические аспекты перевода: английский язык: Учеб. пособие для институтов и факультетов иностр. яз. — М., 1987.
4. Медведева И. Л. Психолингвистические аспекты функционирования иноязычного слова. — Тверь, 1999.
5. Склярёвская Г. Н. Об одном словаре антропоцентрического типа // Языковая личность: текст, словарь, образ мира: Сб. статей. — М., 2006. — С. 364–377.

T. A. Chubur

THE ANALYSIS OF STYLISTIC EXPLANATORY NOTES IN THE RUSSIAN DICTIONARIES WITH DEFINITIONS WITHIN CONTRASTIVE LEXICOGRAPHY

The article deals with the comparative analysis of the stylistic explanatory notes in the most authoritative Russian dictionaries with definitions. It is shown that systems of explanatory notes in Russian dictionaries do not coincide and it represents a big problem for contrastive lexicography. Necessity of unification of explanatory notes both in a national lexicography, and in inter-lingual aspect is shown.

Key words: contrastive lexicography, Russian dictionaries with definitions, stylistic characteristic of a word, systems of explanatory notes in dictionaries.

T. O. Чубур

АНАЛІЗ СТИЛІСТИЧНИХ ПОЗНАЧОК У ТЛУМАЧНИХ СЛОВНИКАХ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ В РАМКАХ КОНТРАСТИВНОЇ ЛЕКСИКОГРАФІЇ

Статтю присвячено зіставному аналізу стилістичних позначок у найавторитетніших російських тлумачних словниках. Показано, що системи позначок у російських словниках не є тотожними. Це спричиняє певні проблеми для контрастивної лексикографії. Доводиться необхідність уніфікації позначок як усередині національної лексикографії, так і в міжмовному плані.

Ключові слова: контрастивна лексикографія, російські тлумачні словники, стилістична характеристика слова, система позначок у словниках.

УДК [811.161.1+811.162.1]'253'373:78:85.3

М. Видел-Игнашчак

Религиозная лексика как конституирующий компонент религиозного языка в сопоставительном плане

В статье рассматриваются проблемы толкования понятия религиозного языка в Польше и в России с точки зрения вопросов польско-русского перевода религиозной лексики. Уделяется внимание аспектам исследования религиозной лексики, которые оказывают значительное влияние на теорию и практику перевода этого пласта лексики: лексико-семантическому, стилистическому, социолингвистическому, терминоведческому.

Ключевые слова: религиозная лексика, религиозный язык, перевод, теолингвистика.

Сфера религии занимает очень важное место как в русской, так и в польской языковых картинах мира. Религиозный язык, который является существенным компонентом религиозного поведения человека, можно рассматривать в пределах разных наук: философии, социологии, логики, этнологии, а также лингвистики, находящейся в центре нашего внимания. *Цель* настоящей статьи — рассмотрение тех аспектов исследований религиозной лексики, которые, в свою очередь, оказывают самое большое влияние на теорию и практику польско-русского перевода этого пласта лексики.

После II мировой войны и в Польше, и в СССР не было благоприятной обстановки для научных исследований религиозной лексики. Долгое время этот пласт лексики находился вне сферы внимания лингвистов. Причём в Польше этот процесс касался лишь научных исследований, а религиозная лексика функционировала в сознании людей, всё время оставалась важной частью общенародного языка. В СССР дело обстояло иначе. Г. Н. Складневская утверждает: “В русской истории за годы советской власти эта лексика была отодвинута на периферию лексической системы и практически вытеснена из языкового сознания людей” [6:7; 4:3]. Это влияет на конно-

тативную сферу лексики. Одна и та же лексема может восприниматься по-разному поляком и россиянином.

Тем не менее, в последние годы наблюдается рост количества исследований по этой теме. М. В. Слаутина указывает, что именно “активизация функционирования христианской лексики, возвращение её в активное употребление, вызванное сменой нравственных ориентиров общества, обуславливают повышение интереса лингвистов к описанию и изучению данного пласта лексики.” [7:8]. Однако и в польском, и в русском языкознании можно констатировать отсутствие методов и теоретических обобщений, которые бы всесторонне характеризовали этот многообразный пласт лексики обоих языков. Следует отметить, что в настоящее время религиозная лексика является предметом исследований в плане истории языка, а также рассматривается с точки зрения современного состояния религиозного языка, то есть синхронии. Все вопросы, касающиеся религиозного языка, объединены языковедами в науку, которую принято называть *теолингвистикой* [16: 23-30]. Сюда можно причислить работы когнитивного плана, работы лексико-семантического, в том числе этимологического направления, лингво- и социокультурологического плана, также труды, касающиеся риторико-стилистического аспекта, терминоведческие исследования и др. Отдельно можно говорить о лексикографическом аспекте исследований религиозной лексики.

Кроме частных исследований религиозного языка данной страны, этот пласт лексики рассматривается также в переводческой конфронтации. Польско-русское и русско-польское сопоставление до сих пор осуществлялось, прежде всего, за счёт лексикографических работ [17; 20; 22], причём исследователи обратили большое внимание на русско-польское сопоставление, особенно благодаря русско-польскому словарю *Христианство*.

Несмотря на возрастающее количество научных трудов, касающихся этой темы, само понятие *религиозный язык* является как в Польше, так и в России неточным. В узком значении это язык богословия, язык обрядов (в христианстве — язык литургии), язык личных молитв, священных текстов, проповеди, религиозный язык художественной литературы. В более широком смысле это также разговорная речь, содержащая высказывания о Боге и поведении человека относительно Бога, кроме того, язык текстов, относящихся к религии, например, по истории, психологии и др. [11; 13; 21]. Настолько широкая постановка вопроса, в свою очередь, влияет на все сферы лингвистических исследований, в том числе касающиеся и сопоставительного плана.

Как замечают авторы статьи “Религиозный язык”, помещённой в *Католической энциклопедии*, своеобразие религиозного языка вытекает из его характерных черт, среди которых на первом месте перечисляют религиозную тематику, вызывающую определённый подбор лексики [13: 19]. На такой основе правомерно считать религиозную лексику конституирующим компонентом религиозного языка.

Польские языковеды подчёркивают существование функциональной разновидности языка, в которой осуществляются высказывания, связанные со сферой *sacrum*, сферой веры. И. Баева предлагает следующее толкование: “(...) język religijny jest jedną z odmian języka ogólnego, jest pograniczną odmianą, którą wyróżniamy apriorycznie nie na zasadzie formy, lecz na zasadzie funkcji, jaką pełni ta odmiana w życiu społecznym. Funkcję tę stanowi służenie tej kategorii życia społecznego, którą określamy jako życie religijne, a więc skupione około problemów kontaktów ze światem nadprzyrodzonym” [9: 11].

На основе вышесказанного можно констатировать, что и религиозная лексика охватывает не только узкий круг церковной терминологии, но также лексемы, которые находятся в общем лексическом фонде данного языка. Религиозная лексика является важным компонентом национальной культуры, национального менталитета, потому её перевод является сложным и многогранным. К. А. Тимофеев и другие языковеды рассматривают религиозную лексику русского языка как выражение религиозного мировоззрения, которое является восприятием мира с точки зрения верующего человека [8: 4; 3: 40]. Это положение совпадает с мнением польской исследовательницы религиозного языка М. Макуховской, называющей религиозным язык, которым пользуются в рамках религиозных отношений люди, участвующие в сакральной действительности [18: 21].

Целесообразным, особенно в сопоставительном плане, является разграничение двух разных понятий: сакральный и религиозный язык. В. Ю. Лебедев пишет: “Правомерно говорить

о наличии в языке двух достаточно автономных субъязыков — религиозного и сакрального” [2: 36]. В польском языкознании термины *религиозный* и *сакральный* языки используются попеременно, что свидетельствует об отсутствии единой дефиниции этого понятия. К сакральному субъязыку причисляем, например, язык Священного Писания (учитывая его канонический характер), проблемы перевода которого были уже тщательно разработаны специалистами; кроме того, этот вопрос не касается, естественно, польско-русской конфронтации. К религиозному же языку причисляем, как было уже упомянуто, большое количество жанров религиозного стиля и спонтанную разговорную речь. В дальнейших положениях будем иметь в виду религиозный язык, так как именно его в значительной степени касается польско-русская конфронтация.

К аспектам исследований религиозной лексики, которые оказывают самое большое влияние на теорию и практику её польско-русского перевода и на которые следует обратить внимание, анализируя религиозные тексты с переводческой точки зрения, во-первых, следует причислить лексико-семантические исследования. В научных трудах этого направления, прежде всего, обращается внимание на теорию полей [15:16]. Эта теория позволяет также приводить в систему анализируемые единицы перевода.

Надо помнить, что исследование семантического значения религиозной лексики, его коннотативной сферы и его пределов является обязательным при подборе адекватного эквивалента и преодолении непереводимости.

Во-вторых, существенными являются также стилистические исследования. Вопросы религиозной лексики как в польской, так и русской лингвистике затрагиваются в исследованиях, целью которых является разработка общих правил, касающихся религиозного стиля [18; 24; 11; 3: 226-230]. В этих рассуждениях лексика — один из основных компонентов, благодаря которому можно вообще говорить о религиозном стиле. М. Макуховская исследовала стилистическое многообразие религиозных высказываний и на этой основе религиозным стилем называет стиль религиозных текстов [19: 449]. Исследовательница подчёркивает, что польское языкознание, занимающееся религиозным стилем, ещё не выработало общепринятого понятийного аппарата, доказательством чего является многообразие определений, обозначающих эту функциональную разновидность польского языка (это наименования: *język religii*, *język religijny*, *język sacrum*, *język kościoła* и др.) [19: 449-466]. Подобное мнение высказывают и русские языковеды [4: 3].

Ссылка на сферу *sacrum* всегда осуществляется в рамках определенной общины — религиозного установления, что является объектом социолингвистических исследований. Каждая из христианских Церквей выработала, кроме универсальных черт, общих для всех религиозных общин, также собственную традицию, стиль, пути коммуникации с *sacrum*, которые оказывают влияние на верующих и их язык. Эти факторы также необходимо учитывать, переводя религиозные тексты, религиозную лексику.

По мнению И. Баеровой, синхронные исследования не должны ограничиваться только анализом изолированных слов, а более широко охватывать вопрос языка в религиозном общении [10: 7-18]. Автор придерживается мнения, что религиозную жизнь надо воспринимать как один из составляющих компонентов культуры. Понятие культуры она воспринимает широко: как человеческое поведение (в религиозном плане это поведение связано с культом, почитанием), но также как произведения культуры, значит — тексты. В статье “Wpływ życia religijnego na język ogólnopolski” она пишет: “Język, współtworząc życie religijne, ulega potrzebom tej sfery kultury i potrzeby te odpowiednio go modelują. Tak utworzyć się może specjalna odmiana funkcjonalna, wyraziście (dzięki odpowiednim cechom językowym) skorelowana z tymi sytuacjami komunikatywnymi” [10: 10].

Одной из основных проблем современного перевода является коммуникативная эквивалентность и её связь с коммуникативной ситуацией, тесно зависящей, в свою очередь, от межкультурного характера любой двуязычной коммуникации [1: 74]. Такой вид эквивалентности можно рассматривать в социолингвистическом плане уже на уровне лексики. Исследования религиозной лексики подтверждают, что этот аспект занимает в них важное место. И. Баерова отмечает, что религиозная лексика часто связана с разными коммуникативными ситуациями, причём эти ситуации могут быть разными для различных вероисповеданий. Ситуативный анализ религиозной лексики позволил бы, по мнению исследовательницы, охватить всё её многообразие. Далее автор перечисляет коммуникативные обстоятельства, в которых обнаруживается религиозный

язык: обстановку обучения (лекция, религиозное обучение, проповедь, пастырское послание), личный разговор на религиозные темы, а также литургическую обстановку, с характерным местом моления, песнопением, ходом богослужения [10: 10]. Последняя ситуация является очень важной, однако касается сакрального языка.

Невозможно переоценить коммуникативно-ситуативный подход в исследовании перевода, и потому, как представляется, он должен занять особое место в переводческих исследованиях религиозной лексики.

По мнению Г. Дуды, все лингвистические исследования религиозных текстов (добавим — в том числе и переводческий анализ) не должны ограничиваться лишь фиксацией языковых явлений и их лингвистической интерпретацией, надо учитывать ограничения, которые накладывает вторичная модулирующая система на натуральный язык [11: 53].

В современных исследованиях религиозного языка терминоведческое направление восточнославянских языков почти не разработано. Такое положение вещей можно объяснить тем, что не существует ещё вполне обоснованная и бесспорная теория термина [12: 7; 5: 79].

Правильное описание религиозной лексики невозможно ограничить строго лингвистическим анализом. Оно должно включать характеристику, широко понимаемых, социального и культурного фондов. Религиозный язык с этой точки зрения можно назвать специальным.

К сожалению, в исследованиях религиозной лексики регулярно отмечается отсутствие внимания к терминологическому аппарату этой группы слов. Большинство исследователей рассматривает религиозную лексику как часть общелексического фонда. Тем не менее, следует отметить, что это существенный вопрос с точки зрения как характеристики религиозной лексики данного языка, так и в плане ее перевода.

М. Винярская подчёркивает, что с вопросом о терминологическом статусе религиозной лексики связана также проблема референции этой лексики, т. е. определение, чем является сама религия. Автор замечает отсутствие однозначного толкования этого термина. Даже, по её мнению, этимология не способна решить этот вопрос. Надо, однако, подчеркнуть вслед за исследовательницей, что понятие религиозной лексики всё чаще в лингвистических работах относится к лексике, референциально связанной со сферой *sacrum*, хотя эта категория является недостаточно точной [23: 81].

Правомерно выдвинуть гипотезу, что для переводческих исследований религиозной лексики необходимо точно отличать в исходном тексте её терминологическое употребление от употребления обыденного, так как это обстоятельство является залогом адекватного перевода. Учитывая близость польского и русского языков, при отсутствии углублённого анализа можно с большой долей вероятности прогнозировать появление интерферентных ошибок.

М. Карплук в статье, предшествующей изданию “Słownika staropolskiej terminologii chrześcijańskiej”, обратила внимание на уместность употребления наименования “терминология” относительно религиозной лексики. Такой трактовке, по мнению исследовательницы, противоречит факт, что целостное описание этого пласта лексики не должно ограничиваться анализом исключительно “чистых терминов”. Автор утверждает, что терминологический статус религиозной лексики — это существенная теоретическая проблема [14: 106].

На существование общего и терминологического статуса религиозной лексики обратили внимание также И. Баерова и Я. Пузынина [13: 19-20]. Вопрос об уместности определения религиозной лексики наименованием “терминология” — это, по своей сути, вопрос о чертах, которые составляют *differentiae specyfcae* этой лексики [23: 74].

Трюизмом было бы утверждать, что положения терминоведения в теории и практике перевода занимают важное место, поэтому этот аспект необходимо учесть в исследованиях перевода религиозной лексики.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что отсутствие целостных сопоставительных исследований польского и русского религиозных языков, которые объединяли бы достижения из области лексикологии, стилистики, социолингвистики, терминоведения с теорией перевода, открывает новые горизонты для переводческих анализов.

1. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода. — М., 2007.
2. Лебедев В. Ю. Очерк теории сакрального перевода. — Тверь, 2001.
3. Мечковская М. Б. Язык и религия. — М., 1998.

4. Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и её судьба (по данным толковых словарей русского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2004.
5. Наконечна Г. Українська богословська термінологія: характеристика системи // Християнство й українська мова. — Львів 2000. — С. 79-92.
6. Скляревская Г. Н. От автора // Словарь православной церковной культуры. — М., 2007. — С. 6-14.
7. Слаутина М. В. Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.
8. Тимофеев К. А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения. — Новосибирск, 2001.
9. Bajerowa I. Swoistość języka religijnego i niektóre problemy jego skuteczności // Łódzkie Studia Teologiczne. — 1994. — Nr 3. — S. 11-17.
10. Bajerowa I. Wpływ życia religijnego na język ogólnopolski (próba systematyzacji opisu historycznego) // Język a chrześcijaństwo, red. I. Bajerowa, M. Karpluk, Z. Leszczyński. — Lublin, 1993. — С. 7-18.
11. Duda H. Z problematyki związków języka i religii // Zeszyty Naukowe KUL. XXXV. — Nr 1-2 (137-138). — S. 85-93.
12. Gajda S. Wprowadzenie do teorii terminu. — Opole, 1990.
13. Język religijny // Encyklopedia Katolicka. — T. 8 / Red. A. Szostek, B. Migut. — Lublin, 2000. — S. 15-20.
14. Karpluk M. Nad staropolskim słownictwem chrześcijańskim // Leksyka słowiańska na warsztacie językoznawcy / Red. H. Popowska-Taborska. — Warszawa, 1997. — S. 105-115.
15. Kozjara S. Pojęcia wartościujące w polskich przekładach Psałterza. — Kraków, 1993.
16. Kucharska-Dreiss E. Teolingwistyka — próba popularyzacji terminu // Język religijny dawniej i dziś / Red. S. Mikołajczyk, T. Węclawski. — Poznań, 2004. — S. 23-30.
17. Lewicki R. Chrześcijaństwo: słownik rosyjsko-polski. — Warszawa, 2002.
18. Makuchowska M. Modlitwa jako gatunek języka religijnego. — Opole, 1998.
19. Makuchowska M. Styl religijny // Przewodnik po stylistyce polskiej / Red. S. Gajda. — Opole, 1992. — S. 449-466.
20. Markunas A., Uczitel T. Leksykon chrześcijaństwa rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. — Poznań, 1999.
21. Przyczyna W., Siwek G. Język w Kościele // Polszczyzna 2000. Oрудzie o stanie języka na przełomie tysiącleci / Red. W. Pisarek. — Kraków, 1999. — S. 130-148.
22. Sztolberg-Bybluk M. Podręczny słownik rosyjsko-polski i polsko-rosyjski terminów chrześcijańskich. — Toruń, 1994.
23. Winiarska I. Słownictwo religijne polskiego kalwinizmu od XVI-XVIII wieku. — Warszawa, 2004.
24. Wojtak M. O początkach stylu religijnego w polszczyźnie // Stylistyka. — 1992. — Nr 1. — S. 90-97.

M. Wideł-Ignaszczak

DIE RELIGIÖSE LEXIK ALS KONSTITUTIVE KOMPONENTE DER RELIGIÖSEN SPRACHE IM ASPEKT DES VERGLEICHES

Im Artikel werden die Probleme des Definierens bezüglich des Begriffes der religiösen Sprache in Polen und Rußland aus der Sicht der Fragen, die die polnisch-rußische Übersetzung der religiösen Lexik aufwirft, untersucht. In dieser Arbeit gilt die Aufmerksamkeit vor allem den Aspekten, die die Untersuchungen der religiösen Lexik betreffen. Diese wiederum den größten Einfluss auf Theorie und Praxis der Übersetzung dieser Gruppe haben (lexikalisch-semantic, stilistische, soziolinguistische und terminwissenschaftliche Untersuchungen)

Schlüsselwörter: religiöse Lexik, religiöse Sprache, Übersetzung, Theolinguistik.

M. Видел-Игнашчак

РЕЛИГІЙНА ЛЕКСИКА ЯК КОНСТИТУЮЮЧІЙ КОМПОНЕНТ РЕЛІГІЙНОЇ МОВИ В ЗІСТАВНОМУ ПЛАНІ

У статті розглянуто проблеми тлумачення поняття релігійної мови в Польщі та Росії з точки зору питань польсько-російського перекладу релігійної лексики. Придлено увагу аспектам дослідження релігійної лексики, які значною мірою впливають на теорію та практику перекладу цього шару лексики: лексико-семантичному, стилістичному, соціолінгвістичному, термінознавчому.

Ключові слова: релігійна лексика, релігійна мова, переклад, теолінгвістика.

Н. О. Ткачук

Смисловий простір лінгвістичного символу

Статтю присвячено розкриттю поняття смислового простору лінгвістичного символу; викремлено параметри типологізації цього простору на прикладі сакральних фольклорних текстів.

Ключові слова: смисловий простір, символ, архетипові смисли, архетипові ситуації, архетипові сценарії, архетипові формули.

Спираючись на праці Н. О. Афанасьєвої щодо дослідження символів мовної “картини світу” М. Цветаєвої [3; 4], *лінгвістичний символ* у поетичному тексті визначаємо як семіотичний концепт, формою вираження якого є лексема-номінант символу в тексті (як єдність звукового та буквеного комплексу й семантики), а формою змісту — когнітивний концепт (ядро символу), семантика якого обумовлена взаємодією з міфологемою та архетипом (периферійний шар символу), які окреслюють коло найбільш знакових інтерпретацій культурологічного символу.

Лінгвістичний символ у фольклорних текстах має польову структуру, в якій, услід за Л. П. Івановою, виділяємо ядерну частину як експлікацію найбільш високочастотних варіантів та периферію — найменш частотних [7; 14].

Таким чином, дослідження смислового простору [14: 498,568] лінгвістичного символу викликає необхідність розгляду проблеми співвідношення концепту та смислу. У зв'язку з цим ми відзначимо ще раз, що “кожний концепт володіє певним смисловим простором (полем), яке через безперервність формування концепту і концептуальної системи в цілому теж знаходиться у процесі постійної структуризації, тобто взаємодії з іншими” [13: 195].

Проблема співвідношення концепту і смислу стає предметом вивчення в таких науках, як філософія, культурологія, лінгвістика. Значний інтерес, виходячи зі спрямованості нашої роботи, являють роботи ряду учених (В. В. Колесова, Р. І. Павіленіса, Ю. С. Степанова та ін.), у яких вказана проблема вирішується в одному ключі.

У дослідженнях у галузі філософії концепт визначається як стійкий згусток смислу [6]. А Р. І. Павіленіс пов'язує процес творення смислів, або концептів, про об'єкти пізнання, а саме процес побудови інформації про них з процесом пізнання людини: “... інформація щодо актуального або можливого стану речей у світі (тобто те, що індивід знає, передбачає, думає, уявляє про об'єкти світу) і є те, що ми називаємо “смыслом”, або “концептом” [12: 101].

У культурології концепт трактується як смислова структура, що володіє динамічним потенціалом. Це означає, що концепт містить напрям розвитку значень і тому відкритий для постійно можливих перетворень і змін, здатний до саморозвитку, оскільки “генерує” смисли [10].

У лінгвістичних дослідженнях (В. В. Колесов, В. А. Піщальникова, Н. С. Попова, Ю. С. Степанов та ін.) розвивається також ідея про синонімічність термінів “концепт” і “смысл”. Так, Ю. С. Степанов визначає співвідношення концепту і смислу таким чином: “Смысл — це шлях, яким люди приходять до імені... Розуміння смислу — домінуюча лінія у структурі концепту, що розглядається з точки зору культури” [15: 45]. Але точніше, на наш погляд, характеризує співвідношення концепту і сенсу С. Г. Воркачов. Він вказує, що концепт “заповнюється смислами” у текстах. Смысл утворюється і являється людині лише через символ, знак, образ. І якщо концепт є вербально явлений смысл, то власне мовознавча проблематика в його вивченні виявляється пов'язаною з визначенням області буття цього смислу і рівнем його комунікативної реалізації [5]. У розвитку поглядів учених вважаємо, що можна говорити про наявність відношення кореляції між термінами “лінгвістичний символ” і “смысл”. Зі сказаного випливає, що лінгвістичний символ — це смислова система, що саморозвивається.

Особливість смислової структури лінгвістичного символу полягає в її неоднородності. Це обумовлено, на нашу думку, тим, що, згідно Ю. С. Степанову та С. Г. Проскуріну, у широкому полі культури еволюційні ряди культурних явищ можуть поділятися на: 1) чисто концептуальні ряди (як, напр., *віра*); 2) чисто матеріальні ряди — ряди “речей”, предметів культури (напр.: *ножі, зброя* і т. п.); 3) змішані концептуально-матеріальні ряди (як, напр., ряд уявлень про *долю*). *Доля*,

з одного боку, виступає як “чистий” концепт, а з іншого — як концепт, який ніби “матеріалізується” у вигляді уявлень про матеріальні предмети: палочки-жереби, ваги, нитки, алфавітний запис і т. п. Культурні явища останнього типу, тобто змішані концептуально-матеріальні ряди, відносять до “концептуалізованої області” смислу [15: 14-15]. Важливо відзначити, що їх існування запрограмоване в колективній пам’яті і культурі наявністю того, що складає певний архетип.

Отже, якщо виділити смисли, які “заповнюють” символ, а потім визначити ступінь абстракції кожного з виділених смислів, а також схарактеризувати стосунки, що виникають між смислами, то можна отримати модельне уявлення символу, в якому семантичний простір — це один з рівнів смислового простору. Згадаємо також важливе для нас положення Ю. М. Караулова, згідно з яким смисл складається з семантики, знань про світ і прагматичної інформації [8: 156]. Тому виникає потреба вивчення всієї сукупності інформації, яка пов’язана з лінгвістичним символом. Аналогічний вислів знаходимо і у І. М. Кобозєвої: “... ми спостерігаємо виразну тенденцію до зіставлення “значення” як закріпленого за даною одиницею мови щодо стабільного у часі і інваріантного змісту, знання якого входить у знання даної мови, “смислу” як пов’язаної зі словом інформації, мінливий у часі, варіюючий залежно від властивостей комунікантів, знання якої не обов’язкове для знання мови” [9; 12]. Отже, смисл завжди ситуаційний, обумовлений контекстом, первинний по відношенню до значення, яке, у свою чергу, позаконтекстне, неситуаційне і належить мові.

Таким чином, між термінами “лінгвістичний символ” і “смысл” існують відношення кореляції. Тому лінгвістичний символ розглядаємо як самоорганізовану і смислову систему, що саморозвивається. Слід також враховувати той факт, що в його смисловій системі є не лише ситуативні (у текстах лінгвістичний символ заповнюється смислами), але й інваріантні смисли. Отже, для створення уявлення про системну організацію смислового простору лінгвістичного символу, що саморозвивається, слід розробити типологію архетипових смислів.

Форми реалізації архетипового смислу, виходячи зі специфіки функціонування, напр., лінгвістичного символу *вода* у сакральних фольклорних текстах (замовляннях), вважаємо за потрібне розрізняти за ступенем складності. За цим параметром розрізняємо прості і складні архетипові смисли. В основі такого розрізнення лежить кількісний параметр: кількість компонентів, що входять до складу архетипового смислу.

Прості архетипові смисли складаються з одного компоненту. Як правило, в ролі компонентів виступають такі мовні одиниці, як слова або словосполучення, які створюють тісну смислову єдність, напр.: *жива вода*, *потойбічний світ*, *життєві соки* та ін. Прості архетипові смисли ми розрізняємо також за ступенем абстрактності. При цьому базуємося на ідеї Ю. С. Степанова про концептуальні ряди. У зв’язку з цим виділяємо прості архетипові предметні смисли, прості архетипові ідеальні смисли і прості архетипові предметно-ідеальні смисли. Підставою для розмежування архетипових предметних й ідеальних смислів є їх протиставлення за ознакою речовий / предметний (належить матеріальному) — духовний (належить ідеальному).

Простий архетиповий предметний смисл реалізується рядами “речей”, матеріальних предметів, пов’язаних з лінгвістичним символом, який ніби “матеріалізується” у вигляді уявлень про матеріальні предмети. Так, символ *вода* часто співвідноситься з простим архетиповим предметним смислом *рідка матерія*. Він може реалізовуватися смисловими складовими простого архетипового матеріального смислу *життєві соки*: *молоко*, *кров*, *слина*, *сльози*. Простий архетиповий ідеальний смисл є реалізацією абстрактної суті, понять, пов’язаних зі світосприйняттям, світобаченням людини. Іншими словами, на відміну від архетипових речовинних смислів, архетипові ідеальні смисли відображають, як представлена дійсність у свідомості людини, як людина ставиться до цієї дійсності, тобто ідеальні смисли є основою архетипного світогляду людини і пов’язані з її духовним життям. Прикладом можуть слугувати такі архетипові ідеальні смисли, як *першооснова*, *життя*, *слово*, *думка*, *дух*, *смерть*, *небезпека* тощо. Простий архетиповий смисл може мати синкретичну природу, яка спричиняє наявність простих предметно-ідеальних смислів, напр.: *жіноче начало*, *чоловіче начало*, *жива вода*, *мертва вода*, *перешкода* тощо.

Складні архетипові смисли носять синтетичний характер і є комбінацією кількох компонентів, або, інакше кажучи, комбінацією кількох простих архетипових смислів. До складних форм

прояву архетипових смислів ми відносимо архетипові ситуації, архетипові сценарії, архетипові формули.

Архетипові ситуації містять вказівку на умови, що визначають положення когось або чогось. Вони відображають одномоментний стан. Отже, їх аналіз складається з перерахування властивостей або дій їх учасників і опису стосунків, що пов'язують їх. Прикладами можуть послужити архетипові ситуації *смерті, небезпеки, хвороби* та ін. Для найменування компонентів структури архетипових ситуацій ми використовуємо термінологію, яка введена Ч. Філлмором для позначення набору глибинних відмінків [16], а потім була доповнена й описана як семантичні валентності Ю. Д. Апресяном [2]. Компонентами структури архетипових ситуацій є:

1) носій / джерело якої-небудь сили. В цій ролі виступає або сама вода, або її реалізація, напр., *колодязь, молоко, кров* та ін. Носієм / джерелом сили може бути також той, хто з водою пов'язаний і / або мешкає у воді, напр.: *дівчина, орел, змії*.

Так, архетипова ситуація *захист* актуалізується архетиповим предметно-ідеальним смислом *захист*, який відноситься до підгрупи архетипового ідеального смислу *диво*. Вказаний смисл імпліцитно реалізується текстовою одиницею “кров'яная ріка”. Носієм сили виступає сама *вода*.

2) Суб'єкт, який каузує силу на об'єкт. Такий суб'єкт може виступати у вигляді самої води або її реалізації, а також у вигляді того, хто володіє знанням про носія / джерело сили. Це знання дано йому спочатку, або хтось / щось дає суб'єкту таке знання. У першому випадку вода виступає як суб'єкт, у другому — як контрагент, тобто вона є активним учасником ситуації, як і суб'єкт, але предикат описує діяльність лише суб'єкта. В архетиповій ситуації *захист* суб'єктом, який каузує силу, можуть виступати, напр., три сестри, якщо вони володіють знанням про носія сили, тобто знають про захисну силу води.

3) Об'єкт, на який каузує яку-небудь силу суб'єкт. Причому в ролі об'єкта може виступати суб'єкт; отже, суб'єкт каузує силу і направляє її дію на самого себе. Об'єктом впливу сили в архетиповій ситуації *захист* є хвора людина.

4) Мета, з якою каузує силу суб'єкт. В архетиповій ситуації *захист* мета каузації сили — лікування людини від недуги.

5) Інструмент, за допомогою якого суб'єкт впливає на об'єкт. Ним виступає сила, яка може виявлятися по відношенню до суб'єкта дії як позитивна, так і негативна.

Для хворої людини сила виступає як позитивна, бо захищає, лікує. Для хвороби сила є негативною, оскільки виступає як перешкода в досягненні поставленої мети: “*Калиновим мостом ішло три сестри: Калина, Малина і Шипшина. Не вмiли вони ні шити, ні прости, тільки сікти-рубати, ріки пропускати: одна ріка водяная, друга ріка огняная, третя ріка кров'яная. Водяною огонь заливати, кров'яною кров унімати*”.

6) Результат дії сили на об'єкт. Результатом виступає досягнення або, навпаки, недосягнення мети.

Архетиповий сценарій трактується нами в рамках того визначення, яке дане сценарію в когнітивній лінгвістиці. У них архетипові смисли об'єднуються тимчасовими і/або причинними зв'язками. Це може бути, наприклад, опис впорядкованої в часі послідовності типових подій. Прикладами архетипового сценарію вважаємо *переродження, страхання, заклинання, упорядкування хаосу* та ін. На відміну від архетипової ситуації, архетипові сценарії дають динамічне уявлення про події, що відбуваються. При описі структури архетипових сценаріїв ми зупинимося докладніше лише на тих дефініціях, які є важливими для розуміння їх специфіки. Компонентами структури архетипових сценаріїв є:

1) носій / джерело сили. В архетиповому сценарії для досягнення мети, яку переслідує суб'єкт, носій / джерело сили повинен змінити свої властивості зі звичайних на магiчні. Така зміна властивостей відбувається під впливом якоїсь іншої сили, обставин, місця події або під впливом самого суб'єкта. Характерною особливістю носія / джерела сили в архетипових сценаріях є те, що ним може бути саме місце дії, події за відсутності суб'єкта: *красне море, де сонце не ходить, пущі й сухий ліс*.

2) Суб'єкт. Суб'єктом в архетипових сценаріях частіше виступають особи або істоти, наділені незвичайними/надзвичайними рисами або властивостями, які, в свою чергу, програмують зміну властивостей носія/джерела сили або об'єкта. Вони мають низку атрибутів, сама поява яких уже визначає подальший хід подій, причому та чи інша мета зумовлює наявність усталеного набору

атрибутив. Наприклад: *Михайл на воротах у червоних чоботях, Юрій на білім коні, Господь на сивій кобилі.*

3) Об'єкт. В архетипових сценаріях об'єкт змінює свої властивості під впливом сили, яку казує суб'єкт. Зміна властивостей об'єкта пов'язана зі зміною властивостей носія / джерела сили або наявністю у суб'єкта певних атрибутів. Об'єкт у досліджуваних фольклорних текстах часто наявний не прямо, а опосередковано, оскільки магичні слова-дії направлені перш за все на саму хворобу, яка сприймається як жива істота, а вже як наслідок цього впливу — вплив на хворого.

4) Мета.

5) Інструмент.

6) Наслідки. Наслідки дії сили на об'єкт можуть бути як позитивними, так і негативними залежно від його початкового стану. Так, в архетиповому сценарії переродження об'єкт, пролізши між ногами знахарки, отримує здоров'я, хвороба зникає у потойбіччі.

Архетипові формули є, поза сумнівом, найбільш складними формами прояву архетипових смислів. Вони є комбінацією будь-яких простих і складних форм реалізації архетипового смислу і дають уявлення про цілісну картину буття. За нашими спостереженнями, архетиповими формулами можна вважати такі: *час — рух — простір — життя → буття, ріка-життя* та ін. Інакше їх можна назвати світовими формулами буття. У своєму розумінні терміну “архетипова формула” ми ґрунтуємося на ідеї про архетиповий синкретичний смислообраз тексту [11]. Компонентами архетипових формул стають, як правило, ті прості архетипові ідеальні (рідше предметні й предметно-ідеальні) смисли, які актуалізують стрижневі (ключові) ідеї тексту. Інакше кажучи, архетипові смисли, взаємодіючи один з одним, формують єдність, яка є ключем до всього тексту. Архетипові смисли, складові архетипових формул утворюють своєрідне коло, від якого розходяться інші кола (це знаходить віддзеркалення насамперед у креації нових смислів і їх “втягуванні” у смисловий простір лінгвістичного символу), створюючи складну смислову систему. До архетипових формул застосовується уявлення про рух ідей як про воронку вглиб, яка символізує повноту і завершеність [1]. Підкреслимо, що до структури архетипових формул, окрім простих архетипових смислів, можуть входити архетипові сценарії та архетипові ситуації. Саме архетипові формули смислового простору лінгвістичних символів стають смисловими домінантами, які стягують довкола себе смисловий простір тексту і тим самим його певним чином організовують. При цьому вони, з одного боку, “оживлюють” архетип, тобто актуалізують імпліцитні архетипові смисли, за допомогою яких забезпечується неусвідомлений характер впливу на адресата; з іншого — в архетипових формулах відбувається творення нових смислів.

Як видно з наведених характеристик складних форм реалізації архетипових смислів, вони розрізняються за такими параметрами: статичність-динамічність, конкретність-абстрактність. Архетиповим ситуаціям і архетиповим сценаріям властива конкретність, архетипові формули відрізняються від них ознакою абстрактності. Архетипові ситуації характеризуються статичністю, а архетипові сценарії та архетипові формули — динамічністю.

Таким чином, слово є багаторівневою, синергетичною системою, вищий рівень якої утворює архетипові смисли, що є елементами смислового простору архетипового концепту. Прості архетипові смисли, взаємодіючи один з одним, утворюють складні архетипові смисли. Це свідчить, по-перше, про розвиток лінгвістичного символу від простого до складного; по-друге, про синергетичну природу смислового простору лінгвістичного символу.

1. Анарина Н. Г. Учение Дзаэми об актёрском искусстве // Дзаэми Мотокиё. Предание о цветке стиля, или предание о цветке. — М.: Наука, 1989. — С. 9-86.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика / Избр. труды. — М.: Школа “Языки русской культуры”, 1995. — Т. 1. — 472с.
3. Афанасьева Н. А. Национально-культурная специфика лингвистических символов в языковой “модели мира” М. Цветаевой // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы докладов III Междунар. науч. конф. / МАПРЯЛ / Минск, 7-9 апр. 2005г.: В 3 ч. — М.: МГЛУ, 2005. — Ч. 1. — С. 127-128.
4. Афанасьева Н. А. Символы как семиотические концепты языковой “модели мира” Марины Цветаевой: Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10. 02. 02. — Череповец, 2001. — 19 с.
5. Воркачёв С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Лингвистическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. — Воронеж, 2002. — С. 79-95.
6. Делёз Ж. Логика смысла. — М.: ИЦ Академия, 1995. — 302 с.
7. Иванова Л. П. Структурно-функциональный анализ простого предложения: монография. — К.: Вища школа, 1991. — 167 с.
8. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М.: Наука, 1981. — 368 с.

9. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.
10. Межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — Н. Новгород: Деком, 2001. — 320 с.
11. Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. — 152 с.
12. Павленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. — М.: Мысль, 1983. — 286 с.
13. Пищальникова В. А. Проблема смысла поэтического текста. Психолингвистический аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 02. — Барнаул, 1992. — 22 с.
14. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. — Полтава: Довкілля — К., 2006. — 716 с.
15. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — 2-е изд., исп. и доп. — М.: Академ. Проект, 2001. — 989 с.
16. Филлмор Ч. Дело о падежах // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. X: Лингвистическая семантика. — М.: Прогресс, 1981. — С. 369-495.

Н. О. Tkachuk

THE SEMANTIC SPACE OF LINGUISTIC SYMBOL

The aim of the article is to demonstrate the concept disclosing of the semantic space of linguistic symbol. Parameters of the typological classification of semantic space of linguistic symbol on example of sacral folklore texts are presented.

Key words: semantic space, linguistic symbol, archetypical senses, archetypical situation, archetypical scenario, archetypical formulas.

Н. О. Ткачук

СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СИМВОЛА

Статья посвящена раскрытию понятия *смысловое пространство лингвистического символа*, представлены параметры типологизации смыслового пространства лингвистического символа на примере сакральных фольклорных текстов.

Ключевые слова: смысловое пространство, символ, архетипические смыслы, архетипические ситуации, архетипические сценарии, архетипические формулы.

УДК 811.161.1'373.611/613/45:811.14

Н. Ф. Данилиду

Грецизмы в русском языке

Статья посвящена словам-заимствованиям, которые приходили в русский язык в разные периоды его истории. Даны классификации заимствований по способу их проникновения в заимствующий язык. Представлены периоды, пути и группы заимствования грецизмов в русский язык, а также анализируется разнообразие значений и стилистических свойств греческих заимствований.

Ключевые слова: заимствование, грецизм, калькировать, калька, словосложение, термины.

В современном русском языке много слов-заимствований, которые приходили в него в разные периоды его истории и оказывали и оказывают на него различное влияние. Споры о том, нужны ли лексические заимствования русскому языку, какое количество заимствований не опасно для языка, ведутся в русистике со времен М. В. Ломоносова и А. С. Шишкова, и до настоящего времени сторонники и противники заимствований не пришли к взаимопониманию.

Общеизвестно, что заимствование довольно долго осваивается языком-реципиентом как со стороны фонетики, так и со стороны грамматики и лексической семантики, и этот процесс адаптации заимствованного слова в языке может занимать длительный срок. Поэтому против-

ники заимствований очень часто апеллируют именно к таким словам, которые еще не полностью прошли процесс освоения.

Но есть в русском языке огромный пласт заимствований, который не вызывает протеста даже у самых ярых противников контактирования языков. Эти слова стали органичной частью лексического ядра русского языка, частью индивидуального лексикона носителя русского языка. Речь идет о грецизмах.

Часто при заимствовании новое слово приходит вместе с новой реалией, не существовавшей ранее в культуре говорящих. Причины такого заимствования являются наиболее распространенными и понятными. В некоторых случаях заимствованное слово приходит как синоним уже существовавшего в словарном составе заимствующего языка слова (например, слова “импорт” и “экспорт” появились как синонимы русских “ввоз” и “вывоз”). Причины такого дублирования слов могут быть разными: чаще всего это стилистическое возмещение — стремление к терминологичности, особенно когда заимствованное слово — международный термин, а иногда это и просто мода на иноязычные слова. Греческие слова проникали в русский язык чаще всего вместе с заимствуемыми реалиями и, гораздо реже, в более поздний период (XVIII–XIX вв.) как термины различных областей знания.

Существуют две основные классификации заимствований по способу их проникновения в заимствующий язык: устный или письменный (книжный) путь заимствования. В первом случае иноязычные слова достаточно легко и быстро проходят полное освоение в заимствующем языке, но при этом часто подвергаются искажениям, адаптации, часто в рамках процессов, именуемых “народной этимологией”. Во втором случае слова по звуковому облику и лексическому значению сохраняют близость с оригиналом, но их освоение проходит более длительный путь, не всегда эти слова входят в основной лексический фонд языка и чаще всего остаются единицами ограниченного употребления.

Грецизмы в этом плане являются исключениями: они проникали в русский язык в большинстве случаев книжным путем, но при этом довольно быстро осваивались и входили в лексическое ядро русского языка. Это обусловлено особыми условиями заимствования — длительным контактированием культур греческого и русского народов.

Заимствование может быть прямым или с помощью языков-посредников (косвенное). В первом случае слово непосредственно заимствуется из иностранного языка, во втором — через другие языки, в результате чего часто сильно изменяется и звучание, и лексическое значение слова.

Две основные волны греческих заимствований наиболее ярко отражают оба способа заимствования. При прямом заимствовании связь между первоисточником и заимствованием достаточно очевидна, так как в данном случае имеется в виду перевод греческих книг на старославянский язык, заимствованное слово можно назвать точкой соприкосновения двух культур, двух картин мира. При косвенном заимствовании, когда греческое слово в составе терминологического элемента входило в русский язык через посредство польского, французского, немецкого, заимствованное слово представляет собой результат цепного взаимодействия нескольких культур, как национальных, так и социальных, так как заимствование обычно осуществляется в результате контактирования определенных социальных групп; в этом случае на лексическое значение нового слова накладывается отпечаток различных культур и картин мира. Нередко одно и то же слово заимствуется дважды — и прямо, и косвенно. Так, например, слова “богословие” и “теология” заимствованы разными способами и разными путями.

К числу прямых заимствований принадлежат слова, относящиеся к различным сферам деятельности человека: церковная лексика (*монах, клирос* и т. п.), научная терминология, преимущественно общенаучная, достаточно широкой сферы употребления (*атом, геометрия* и т. п.), названия народов (*варвары, иудеи*), термины морского промысла (*кит, кефаль* и др.). Подавляющая часть прямых заимствований пришла в русский язык в древнерусский период.

Большая часть заимствований из греческого языка относится к косвенным заимствованиям. Слова данной категории пришли в русский язык через европейские языки, большая часть, как следует из динамики взаимодействия русской культуры с другими европейскими культурами, пришла через посредство романских языков (французского, латинского, итальянского), меньшая часть — из германских языков (немецкого, английского, голландского), славянских

языков (прежде всего, старославянского, а также польского). Это свидетельствует о том, что греческий оказал огромное влияние на многие языки народов Европы, и русская культура не является в этом плане исключительной. Согласно данным этимологических словарей, можно отметить и более уникальные случаи. Так, например, слова *лиман*, *корабль* — были заимствованы посредством тюркских языков. Помимо этого, в русском языке есть слова, при заимствовании которых именно греческий язык выступал как посредник между восточнославянской культурой и культурами Древнего Востока. Культура античной Греции, Греции эпохи эллинизма, культура Византийской империи тесно взаимодействовали с восточными культурами. К этой группе заимствований относятся, например, все используемые сейчас названия месяцев, восходящие к латыни (из римского календаря), кроме того, слова *пантера*, *сахар* (индийские), *папирус* (египетское), *осанна*, *сатана*, *суббота* (древнееврейские), *сандалиии* (персидское), *ладан* (арабское).

Отдельно от заимствований рассматривается обычно калькирование — образование новых слов и выражений по лексико-фразеологическим и синтаксическим моделям другого языка с использованием элементов данного языка. Существуют кальки нескольких видов: словообразовательные (слово, созданное по иноязычной словообразовательной модели, но с использованием морфем данного языка, т. е. поморфемный перевод слова), семантические (получение словом нового значения под влиянием иностранного слова), синтаксические (синтаксическая конструкция, образованная по модели иностранного языка), фразеологические (буквальный перевод иноязычной идиомы). В дальнейшем, говоря о заимствованиях, мы будем подразумевать слова, появившиеся в языке в результате как собственно заимствования, так и калькирования.

Грецизмы появляются в древнерусском языке начиная с IX в., времени первых постоянных контактов восточных славян с Византией. Но наибольшее влияние греческий язык оказал на восточнославянские языки в связи с принятием христианства и переводами христианских текстов на славянские языки. По подсчетам Р. М. Цейтлин, от 15 до 20% всей лексики старославянского языка — языка первых переводов богослужебной литературы, то есть слов, употребленных в основных письменных памятниках, является грецизмами. Не следует, однако, думать, что пятая часть употребленных в данных текстах слов были заимствованиями из византийского греческого, так как значительную часть слов этой лексической группы составили имена собственные (прежде всего — личные и географические, а также производные от них), перевод которых был принципиально невозможен. Таким образом, процент имён нарицательных — грецизмов, заимствованных в славянские языки, оказался значительно ниже, чем можно было бы предполагать в данной ситуации.

Вполне естественно, что в большинстве своем заимствования этой группы связаны с основными понятиями христианства, религиозного мировоззрения, с христианскими обрядами и реалиями, характеризовавшими деятельность библейских персонажей и т. п. Не находя эквивалентов этим словам в собственно славянской речи языческого периода, переводчики включали их в текст на правах неизбежных культурных заимствований. По мере вживания христианской православной культуры в восточнославянскую большинство этих слов со временем стало не только достоянием литературных славянских языков, а, получая общеславянское распространение, “встроилось” в национальную концептосферу, и, что не менее важно, вросло в структуру национальных языков.

Изучение переводческой техники Кирилла и Мефодия показало, что, несмотря на все трудности и проблемы перевода христианских текстов на славянские языки, непереверждённые грецизмы составляют меньшую часть того слоя старославянской лексики, который связан с передачей значения греческих слов, не имевших эквивалентов в словаре восточных славян. “Прямые” грецизмы в количественном отношении заметно уступают славянским словам, созданным самими переводчиками и их учениками. Непрямые заимствования из греческого языка были представлены большим количеством калек.

Если проанализировать состав прямых заимствований из греческого этого периода, то это грецизмы, относящиеся к области церковной терминологии, постоянно употреблявшиеся в обиходе церковной службы (типа *апостоль*, *ангелъ*, *евангелие*, *епискоупъ*, *олтарь*, *псалъмъ* и т. п.); но даже и они в ряде известных рукописей оказываются переведёнными: в соответствии с грецизмом *аминъ* в отдельных памятниках встречается *истина*; в соответствии с *олтарь* — *жрь-*

твѣникъ, иереи — *священникъ* и т. п. В ещё большей степени это относится к словам обиходным, непосредственно не связанным с христианской обрядностью, которые в разных памятниках представлены как в греческом, так и в славянском вариантах, как, например: *иѣмонъ* и *воевода*, *икономъ* и *домоузакоуникъ*, *домоуправитель*.

Эта тенденция выразилась в том, что большинство заимствований из греческого в период X–XIII веков осуществлялось способом калькирования, самым продуктивным видом калькирования было словосложение. Как отмечает Р. М. Цейтлин, в старейших славянских рукописях сложным (двух-, а то и трехосновным) является каждое 15-е слово. В большинстве случаев сложные слова славянских переводов соответствуют греческим сложным словам. Так, например, *благоволение* — перевод грч. εὐ-δοκία [eudokia], *благодеть* (благодееяние) — грч. εὐ-εργησία [euergesia], *благословие* — грч. εὐ-λογία [eulogia], *жестокосердие* — грч. σκληρο-καρδία [sklerokardia], *малодушие* — грч. μικρο-ψυχία [mikropsuxia], *лжепророкъ* — грч. ψευδο-προφήτης [pseudoprofetes], *скорписць* — грч. ταχυ-γράφος [taxugrafos].

Обычно в таких сложных словах первая часть является производной от качественного прилагательного, а вторая часть представляет собой отыменное или отглагольное образование и характеризуется распространенными словообразовательными суффиксами и окончаниями. Таким образом, вновь полученное слово становилось эквивалентом характеризующего или оценочного словосочетания, а само слово входило в группу отвлечённых абстрактных существительных, которые обозначали, как правило, морально-этические понятия и включали в состав своей семантики субъективно-оценочный компонент значения. Первая часть сложного слова могла представлять собой и имя существительное, числительное или местоимение (*единочадъ* — “единственный ребёнок”, грч. μονο-γενής [monogenes]) и соединялась со второй частью с помощью тематического гласного. Продуктивность подобного способа калькирования привела к тому, что, как и в греческом языке, начальный компонент подобных слов вследствие повторяемости мог превратиться со временем в префиксоид, представленный группой регулярных образований, которые, в свою очередь, характеризовались определённой стилистической маркированностью (в приведённых выше примерах: *благ-о-*, *жесток-о-*, *мал-о-*, *лж-е-* и т. д.).

Частотность и распространённость подобной словообразовательной модели в старославянском языке, а затем и в церковнославянских языках различных изводов привела к тому, что в результате подвергся обобщению в качестве элемента соединения основ (“соединительного гласного”) тематический *-о-* (после мягких согласных *-е-*), который встречался значительно чаще других тематических гласных в сложных образованиях. Таким образом по типу *благ-о-сло-вие*, *добр-о-деи* (‘благодетель’), *мал-о-веръ*, *мил-о-срдие*, *плод-о-родие*, *скор-о-писць* и т. д., где *-о-* действительно восходит к тематическому *o первой части образований, появились сложные слова с первой частью, которая восходила к основам совсем другого типа *вод-о-носъ*, где первая часть (*вод-а*) имела некогда тематический гласный *ā, а не *ō; *мед-о-точьнь* (‘медоточивый’), где первая часть имела в основе тематический *ū; *крѣв-о-пролитие*, где первая основа некогда оканчивалась на *ū; *звер-о-видьнь*, где первая часть представляла древнюю основу на *ī. Таким образом, процесс калькирования греческих слов приводит к прямому заимствованию сразу нескольких словообразовательных моделей: чистое словосложение, словосложение + суффиксация, а также к оформлению в системе словообразования новых аффиксов, у которых формируются новые функции и новые значения.

Сложное греческое слово не обязательно переводилось способом калькирования, т. е. тоже сложным славянским словом. Так, грч. сложное слово *κατακλυσμός* [kataklusmos] (букв. *падение, низвержение потока воды*) переводится словами *потопъ* или *вода*, несомненно существовавшими в славянской речи и приобретающими в соответствующем контексте новое значение (или новый оттенок значения). Отметим, что в данном случае речь может идти о семантическом калькировании. Приведем еще несколько сходных примеров: грч. *καρποφορέιν* [karporofoein] (букв. *приношение плодов*) передаётся глаголом *плодिति ся* (впрочем, в Супр. рук. есть словообразовательная калька: *плодоносъствовати*). Сложные греческие слова могли быть переведены такими словами, как *винарь* (‘садовник, огородник’), *гнездо*, *злоба*, *клевета*, *ключарь*, *пъръ* (‘спор, дискуссия’, ср. *словопрение*) и др. Напротив, такие старославянские сложные слова, как *водоносъ*, *виноградъ*, *воевода*, *древодель*, (*пре*)*любодеи*, *сръдоболь* и др., передают однокорневые

слова греческих оригиналов. Словосложение, таким образом, из способа калькирования превращается в практике старославянских книжников в продуктивный способ словообразования при необходимости создания “неологизмов” — лексических эквивалентов слов греческого оригинала. Можно предположить, что значительное количество семантических калек в переводах греческих текстов остаются до настоящего времени не выявленными. Однако важность семантических калек в языке неоспорима, так как в данном случае происходит заимствование образов и ассоциаций, положенных в основу номинации, происходит сближение не только двух лексических систем, но двух картин мира.

И всё же основной способ создания книжных старославянских “неологизмов” — использование продуктивных словообразовательных аффиксов: суффиксов и приставок, присоединившихся к собственно славянским корневым морфемам. Поэтому чаще всего заимствование осуществлялось путем калькирования, но не сложных слов, а однокорневых образований. Так, приставка *без-* передает грч. отрицание α - (ср.: *а-логизм*, *а-реальный*), суффикс *-ие* (точнее [-й’je]) соответствует греческому суффиксу отвлеченных наименований $-ια$. Можно констатировать, что аффиксальные образования, как и сложные имена, обычно образовывались для обозначения различных качеств, свойств (*добродей* — ‘делающий добро’, *маловерь* — ‘неверующий’, *милосрьдъ* — ‘добрый сердцем’, следовательно, *милосрьдие* — обладание этим качеством и т. д.), поэтому нередко одно и то же имя могло использоваться и как существительное, и как прилагательное (*милосрьдъ* и *милосрьдьи*, *маловѣрь* и *маловѣрьи* и т. п.). Учёные (Р. Цейтлин, Д. Шмелёв, А. Львов, Г. Хабургаев) отмечают, что калькироваться могли не только существительные и прилагательные, но и глаголы, которые, в свою очередь, образовывались от именных основ: *благословие* → *благословити*, *плодоносъ* → *плодоносити*, *милосрьдъ* → *милосрьдовати* и т. д.

В более поздних славянских текстах словосложение приобретает особую продуктивность, резко увеличивая число сложных слов, становящихся своеобразным средством “украшения” стиля, что свидетельствует об особой стилистической функции грецизмов, которая складывается в позднейших церковнославянских памятниках, особенно — оригинальных.

Однако не только старославянский и церковнославянский языки дают нам примеры калькирования греческих слов. Подобный процесс отмечается и в период формирования научных терминосистем в русском языке в XVIII веке. Так, например, семантические кальки *чернила*, *глава*, *глагол* (часть речи), *существительное*, *насекомое* и подобные являются кальками с греческого через посредство латинского языка. В некоторых случаях одно и то же греческое слово послужило источником для двух заимствований в русском языке: проникновение слова в заимствующий язык прямым (либо косвенным) путем и калькирование. В ряде случаев получившиеся слова остаются тождественными по лексическому значению и словоупотреблению, а в других случаях это совершенно разные слова: *алфавит* и *азбука*; *орфография* и *правописание*; *анакорет* и *отшельник*; *атеист* и *безбожник*; *ортодоксальный* и *православный*; *геометрия* и *землемерие*; *анестезия* и *бесчувствие* (общеупотребительное); *анонимный* и *безымянный*; *филантропия* и *человеколюбие*; *симфония* и *согласие*; *симпатия* и *сострадание*. Как видим, данные слова могут различаться по стилистическим свойствам и по значению. Чаще всего калькированное слово было заимствовано раньше церковнославянским языком, откуда и перешло в русский литературный язык; второе слово (прямое заимствование) приходит в русский язык как интернационализм через посредство западноевропейских языков, за ним закрепляется терминологическое значение.

Что касается семантических групп слов, вошедших в русский язык из греческого языка византийского периода (через славянские переводы религиозных книг), то это, прежде всего, различные термины, образованные из греческих корней и аффиксов. Так, например, это церковная лексика (*лампада*, *ангел*, *епископ*, *ладан*, *икона*), огромный пласт имён собственных — христианские личные имена (*Андрей* — “муж”, *Георгий* — “земледелец”, *Евгений* — “благородный” и многие другие; известно, что основной пласт имён собственных (антропонимов) в русском языке составляют либо греческие имена, либо древнееврейские и латинские имена, пришедшие в русскую культуру также через посредство греческого), термины наук и искусств (*история*, *философия*, *драма*, *трагедия*, *мелодия*). Последняя группа слов имеет совершенно иной статус: они являются не заимствованиями из греческого, а словами-интернационализмами, то есть

составляют особый пласт слов, общих во многих европейских языках, куда они попадали как непосредственно из греческого языка, так и через посредство других языков, чаще всего латинского. Большое количество современных научных терминов состоит из греч. корней и аффиксов (*ген* < греч. γένος — “род”, *моно-* < греч. μόνος — “один”, *псевдо-* < греч. ψεύδος — “ложь”, *психо-* < греч. ψυχή — “душа”, *син-* < греч. συν — “вместе”, *фоб-* < греч. φόβος — “страх”). Так образованы термины: “автогенный”, “монотип”, “псевдоним”, “психология”, “синхронный”, “гидрофобия” и т. п.

Не только значения, но и стилистические свойства греческих заимствований в русском языке весьма разнообразны. Не все грецизмы входят в основной словарный состав языка (научная терминология: *ономастика*, *орфоэпия* и т. п.; церковная лексика: *елей*, *епархия* и т. п.), но значительная масса слов, пришедших в русский язык в ходе основных южнославянских влияний, общеупотребительные, т. е. можно говорить об общей лексической освоенности.

Кроме того, на высокую степень лексической адаптированности грецизмов указывает то, что среди них достаточно много стилистически окрашенных: наличие устаревших слов свидетельствует о том, что грецизмы наравне с исконными словами могут потерять свою актуальность при изменении каких-либо внешних обстоятельств (*цирюльник*, *лицедей* — архаизмы), наличие высокой или сниженной лексики показывает, что грецизмы занимают достаточно устойчивую позицию в литературном русском языке — они используются в разных стилях (*фофан* — элемент разговорной лексики, многие словообразовательные кальки — *целомудрие*, *возмездие*, *благолепие* и т. п. — относятся к публицистическому стилю).

Греческие по происхождению термины составляют терминологию практически всех областей науки и искусства: биологии (*амитоз*, *автогенез*, *анабиоз*, *симбиоз*, *фагоциты* и т. п.) и, в частности, ботаники (*анабазис*, *адонис* и т. п.), геологии и минералогии (*анаморфизм*, *александрит*, *аметист* и т. п.), физики (*акустика*, *анализаторы*, *анафорез*, и т. п.), экономики (*анатоцизм* и т. п.), медицины (*акроцефалия*, *анамнез* и т. п.), психологии (*автофилия*, *гидрофобия* и т. п.), астрономии (*анагалактический* и т. п.), химии (*аммиак*, *амфотерный* и т. п.), архитектуры (*акротерии* и т. п.), географии (*аклина*, *полюс* и т. п.), литературоведения (*акмеизм*, *анапест*, *пафос*, *катарсис* и т. п.) и лингвистики (*синтагма*, *парадигма*, *фонема* и т. п.). Некоторые из этих терминов образованы уже в русском языке, но из греческих морфем. Это позволяет утверждать, что грецизмы в русском языке играют огромную роль в создании научной картины мира, что можно объяснить тем, что именно в трудах древнегреческих ученых были заложены основы научного мировидения.

При этом необходимо понимать, что основная часть заимствований из греческого языка осуществлялась в эпоху античности (VIII в. до н. э. — IV в. н. э.) и в средние века (из византийского греческого: V-XV вв. н. э.), поэтому заимствованные различными языками и культурами слова в современном греческом изменили своё значение: многие ранее абстрактные существительные имеют сегодня более конкретное, или даже предметное, значение, и наоборот. А современные заимствования из греческого языка в другие языки: *сиртаки*, *мусака*, *метакса* носят несколько иной характер, так как эти слова означают реалии греческой культуры, поэтому в языках-реципиентах, в том числе и в русском, они имеют статус экзотизмов.

Таким образом, основные волны греческих заимствований в русском языке связаны с тем, что греческая культура сыграла огромную роль в становлении христианства, славянской письменности, старославянского языка. Кроме того, культурные достижения греческой цивилизации заложили основы западноевропейского цивилизационного типа, а также сыграли огромную роль в становлении современной научной картины мира, в том числе и той научной картины, которая является составной частью русской национальной картины мира, являющейся принадлежностью каждого носителя русского языка.

Необходимо указать, что, хотя практические исследования в области заимствований из греческого основываются на данных этимологии или сводятся только лишь к этимологическим изысканиям, задачи такого исследования должны представляться как более широкие, так как речь должна идти не об обычном контактировании языков, а о сложном взаимодействии и взаимовлиянии культур.

Каждая культура фиксируется в собственной картине мира, отражённой в языке и определённым образом организующей не только содержание высказываний на этом языке, но и весь

процесс когнитивной деятельности. Именно так проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

На формирование картины мира огромное влияние оказывают традиции, культурные особенности этноса, тип социальной организации общества. Языковая картина мира предшествует специализированным научным картинам, формирует их, так как человек способен изучать мир только благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт.

1. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. — М., 2004.
2. Хабургаев Г. А. Старославянский язык. — М., 1986.
3. Цейтлин Р. М. Сравнительная лексикология славянских языков, X/XI-XIV/XV вв.: Проблемы и методы. — М., 1996.
4. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. — М., 1975.

N. Daniilidou

GREEK LOAN WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the borrowed words which entered the Russian language in different phases of its history. Classification of borrowing and their way of entering the language is concerned. The presentation of the periods and groups of the Greek borrowed words by the Russian language is shown. The diversity of meaning and stylistic characteristics of the Greek borrowings are analyzed.

Key words: borrowing of words, Greek, describe something with the aid of loan translation, loan translation, composition of words, terms.

Н. Данілідіду

ГРЕЦИЗМИ У РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Статтю присвячено словам-запозиченням, що входили в російську мову в різні періоди її історії. Дано класифікації запозичень за способом їх проникнення в мову-реципієнт. Показано періоди, шляхи та групи запозичення грецизмів у російську мову, а також аналізується різноманітність значень та стилістичних властивостей грецьких запозичень.

Ключові слова: запозичення, грецизм, калькування, калька, словоскладання, терміни.

УДК 811.161.1'373.422

Ж. Козицка-Борисовска, А. Кжановска

Несколько замечаний по поводу лексем “парламентский / непарламентский” в русском языке

В статье показано функционирование лексем *парламентский / непарламентский* в современном русском языке. Сравниваются словарные и узуальные значения. Авторы приходят к выводу, что словари не отражают всех значений, в которых используются эти слова.

Ключевые слова: лексема, значение слова, политический дискурс, словарь, узус, русский язык, *парламентский / непарламентский*.

В русском языке существует немало слов, определяющих положительные или отрицательные факторы как языковые, так и внеязыковые. Среди них есть лексеммы политического дискурса *парламентский / непарламентский*, производные от слова *парламент*. В настоящей статье предметом анализа стало сравнение значений этих слов с их реализацией прежде всего в высказываниях политиков российского парламента — Думы — и, реже, в текстах прессы.

Словарное значение лексем *парламентский/непарламентский* в современном русском языке

Большинство словарей, изданных до 1990-х годов, фиксирует только существительное *парламент*. Примером может служить популярный словарь С. Ожегова и Н. Шведовой, в котором не находим дефиниций прилагательных, а лишь информацию об одном из них при описании существительного *парламент*: ‘1. Высшее государственное законодательное представительное собрание. *Двухпалатный парламент. Однопалатный парламент. Выборы в парламент.* 2. Название некоторых международных съездов, организаций’. Что касается прилагательных *парламентский / непарламентский*, то в данном словаре находим лишь информацию, что от существительного *парламент* происходит прилагательное *парламентский*, касающееся 1 значения.

В “Толково-словообразовательном словаре русского языка” под ред. Т. Ф. Ефремовой уже есть отдельная словарная статья для прилагательного *парламентский*: ‘1. Соотносящийся по знач. с сущ.: парламент, связанный с ним. 2. Свойственный парламенту (1), характерный для него. 3. Принадлежащий парламенту (1). 4. Имеющий парламент (1). // Основанный на принципе парламентаризма’.

Толкование анализируемых лексем находим в двух словарях под редакцией Г. Н. Складневской: в “Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия” (М., 2001) и в “Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика” (М., 2006).

В первом из них лексема *парламентский* выступает с пометой *политическое* и толкуется как ‘Прилагательное к парламент’. Авторы словаря приводят 13 сочетаний данного прилагательного с существительными: *парламентская деятельность, парламентские каникулы, парламентский контроль, парламентские дебаты, парламентские слушания, парламентская комиссия, парламентский комитет, парламентская оппозиция, парламентские формы прихода к власти, парламентский журналист, парламентская пресса, парламентская ассамблея, парламентское представительство*. Имеется также словарная статья для прилагательного *парламентарный*: “Относящийся к парламенту; имеющий парламент”, например, *парламентарная республика*. Прилагательное *непарламентский* приводится в двух значениях (с. 508): ‘1. Не соответствующий нормам поведения и деятельности, принятым в парламенте. Напр.: *непарламентские формы борьбы.* 2. Грубый, некультурный’. Например: *непарламентские вопросы, непарламентские выражения*.

В изданном через 5 лет втором словаре прилагательное *парламентский* имеет уже два значения: 1. “Относящийся к парламенту; Связанный с парламентом; происходящий, существующий в парламенте” и 2. “Существующий в условиях парламентаризма; парламентарный”. Для первого из данных значений приводится 11 реализаций: *парламентская деятельность, парламентские каникулы, парламентские дебаты, парламентские слушания, парламентская комиссия, парламентский комитет, парламентская оппозиция, парламентская пресса, парламентская работа, парламентские формы прихода к власти, парламентский сленг*. Как устойчивые приводятся 3 сочетания: *парламентская ассамблея, парламентское представительство* и *парламентское большинство*. Второе значение иллюстрируется тремя выражениями: *парламентский строй, парламентская система* и *парламентская республика*. Лексема *непарламентский* в этом словаре толкуется авторами при помощи трёх значений. Первое имеет помету *Политическое*: ‘Не входящий в парламент; не связанный с парламентом’. В качестве примеров приводятся 3 словосочетания: *непарламентские формирования, непарламентские движения* и *непарламентский статус*. Для второго значения: ‘Не соответствующий нормам поведения и деятельности, принятым в парламенте’, приводится пример: *Непарламентские формы работы*. Примеры третьего значения ‘Грубый, некультурный’: *непарламентское поведение, непарламентские реплики, непарламентская лексика*.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что авторы обнаруживают и фиксируют в языке расширение узуса данных лексем, прежде всего варианта с компонентом *не-*.

Текстовые реализации лексем *парламентский/непарламентский* в современном русском языке

В современном языке как в высказываниях парламентариев, так и в прессе часто появляются выражения с компонентами *парламентский* и *непарламентский*. Материалом, главным образом, послужили стенограммы заседаний российской Госдумы 2003–2007 г., опубликованные на официальном сайте Госдумы РФ www.duma.gov.ru. Некоторые примеры были выбраны из СМИ, прежде всего из электронных изданий.

Кроме словосочетаний, зафіксованих в словарях, ми виявили багато нових конструкцій. Все вираження можна розділити в залежності від їх значення на 5 груп:

1. Вираження, що стосуються до роботи парламентаріїв.
2. Вираження, що стосуються до режиму роботи парламенту як інституту влади.
3. Вираження, що стосуються до структури парламенту.
4. Вираження, що стосуються до поведінки парламентаріїв.
5. Вираження, що стосуються до парламенту як місця, локусу.

Саму найбільшу групу складають приклади, що стосуються до режиму роботи парламентаріїв. Маємо в розпорядженні формальну обстановку засідань, зокрема офіційні форми виступів (*запрос, расследование, поручение*), види роботи (*реакция, процедуры, процессы, дипломатия*), а також лексеми *работа* і *путь*), наприклад:

парламентский запрос: *Коллеги, сегодня поступила информация по нашему парламентскому запросу, который ушёл 14 сентября исполняющему обязанности председателя правительства Фрадкову (Бабурин С. Н.);*

парламентское расследование: *Нам предлагается сегодня быстро, в суете подвести итоги парламентского расследования по Беслану (Бабурин С. Н.);*

парламентское поручение: *Депутатам раздали ответ на моё парламентское поручение Комитету по делам национальностей, подписанный Соколыным — председателем Госкомстата, где депутаты вводятся в заблуждение по сути моего парламентского поручения (Сафиуллин Ф. Ш.);*

парламентская форма правления: *Политика тоже: есть государства с парламентской формой правления, есть — с президентской (Чернышов А. Г.);*

парламентские процедуры: *Если вы считаете, что этот список надо расширить, то — мы все прекрасно осведомлены о парламентских процедурах — ко второму чтению вы соответствующую поправку можете подать (Зурабов М. Ю.);*

парламентские процессы: *Давайте тогда хоть формальные основания предусмотрим, по которым можно снимать, чтобы не приходилось выдумывать суду, потому что и так снимут, если надо, и вы это прекрасно понимаете, вы же все участники парламентских процессов (Митрофанов А. В.);*

парламентская реакция: *Почему нет никакой реакции на ситуацию с Южной Осетией? Почему нет никакой парламентской реакции и президент опять на себя берёт обязанность наконец поставить на место Украину, которая опять надеется на США и НАТО? (Павлов Н. А.);*

парламентская дипломатия: *Позиция депутатов, парламентская дипломатия играют всё большую роль во внешней политике. Это, безусловно, налагает на нас повышенную ответственность (Грызлов Б. В.);*

парламентская работа: *Помимо собственно политических результатов, результатов участия Государственной Думы в проведении социально-экономических преобразований, не могу не отметить вопросы качества парламентской работы, техники парламентской работы, обеспечения деятельности Думы, то есть повышения эффективности выполнения задач, возложенных на Аппарат Государственной Думы (Гамза Г. Е.);*

парламентский путь: *Закон в предложенной редакции является кодификационным законом, и в дальнейшем, конечно, он будет развиваться посредством принятия законодательных актов, которые будут расшифровывать основные его положения, — это нормальный парламентский путь к эффективному решению (Беляков А. С.).*

Сюда можна додати словосполучення, приведені в словарях: *парламентская деятельность, парламентские дебаты, парламентские слушания, парламентские формы прихода к власти, парламентский контроль.*

В зібраному матеріалі з'явилось лише одне вираження з частинцею **не**, яке вошло в першу групу:

непарламентский путь: *Поэтому наша фракция голосует против данного законопроекта и рассматривает этот законопроект, как, впрочем, и многие другие, принятые за последние годы, как абсолютную предпосылку крушения той системы, которая сегодня в стране существует, непарламентским путём, путем революционным, потому что парламентский путь — это путь реформ, это путь возможных корректировок законодательства, но такое законодательство корректировать можно, только снося его полностью. Среди выражений, зафиксированных в словарях как*

определение действий, не свойственных парламенту, следует выделить: непарламентские формы борьбы, непарламентские формы работы. К этой же группе мы относим сочетание *Парламентский час* — название телепрограммы, передаваемой телеканалом “Россия”: *Парламентский час: Уважаемые коллеги, предлагается проект постановления “Об изменениях в составе Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по вопросам выпуска телевизионной передачи “Парламентский час” (Климов В. В.)*. Включение сюда этого сочетания обусловлено конвенцией программы: принимают в ней участие депутаты, следовательно, она является одной из форм “взятия слова”.

В группе словосочетаний, относящихся к режиму работы парламента как институции, выделяем сочетания, определяющие временной режим работы (*неделя, сезон*) или действия, организующие деятельность Думы (*выборы*):

парламентская неделя: Уважаемые коллеги, я хочу напомнить вам, что во время так называемой парламентской недели прошло заседание правительства. На этом заседании рассматривался вопрос об утверждении федеральных целевых программ в бюджете 2006 года (Останина Н. А.);

парламентский сезон: То есть вы даёте обязательство, что к началу следующего парламентского сезона вы сможете представить такой законопроект, к сентябрю сможете, да?

парламентские выборы: Путь очень простой. Я виртуально моделирую, так сказать, ситуацию. КППРФ побеждает на парламентских выборах, формирует Правительство и идёт другим путём (Уткин О. В.)

В словаре появилось ещё выражение *парламентские каникулы*.

Говоря о лексемах, относящихся к структуре парламента, имеем в виду словосочетания, определяющие разного типа *фракции, партии, делегации*, официальные и неофициальные *сообщества, делегации, собрания и группы*, как это видно в ниже приведённых примерах:

парламентские структуры: Состоялся переход от практики, когда законопроекты принимались едва ли не с голоса, к самой тщательной подготовке и проработке документов, к электронному документообороту. На принципиально новый уровень вышло обеспечение деятельности всех парламентских структур по всем направлениям (Гамза Г. Е.);

парламентское сообщество: Зачем становиться на тот путь, который, в общем-то, пагубен как просто для личности человека, так и для всего нашего парламентского сообщества, для всех депутатов и в целом для Государственной Думы? (Решульский С. Н.);

парламентская делегация: Уважаемый Геннадий Николаевич, уважаемые депутаты! Я прошу рассмотреть пятый пункт повестки дня, который мы пропустили по причине моего отсутствия. Я был на встрече с парламентской делегацией Италии. Законопроект о Сочи короткий, я в три минуты доложу — и моментально голосовать (Севастьянов В. И.);

парламентская группа: Уважаемый Борис Вячеславович, есть протокольное поручение Комитету по международным делам в связи с тем, что наша парламентская группа была в Эстонии, где мы смотрели наши воинские захоронения: они просто в очень плохом состоянии (Гильмутдинов И. И.);

Парламентское Собрание: На минувшей неделе состоялась 30-я, юбилейная, сессия Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, а к этому юбилею основного закона — конституционного акта — как не было, так и нет, и не было даже в повестке дня этого вопроса, была устная информация Бориса Вячеславовича Грызлова (Локоть А. Е.);

парламентская фракция: Ушёл из жизни Президент Туркмении, весь мир выражает соболезнования, кроме нашей страны, кроме нашего депутатского корпуса. А лидер одной парламентской фракции вообще перепутал, решил, что это город Ташкент, что умер Каримов (Жириновский В. В.)

В словарях находим ещё несколько примеров: *парламентская комиссия, парламентский комитет, парламентская оппозиция, парламентская ассамблея, парламентское представительство и парламентское большинство*.

В большинстве случаев функционирование выражений этого типа обусловлено существованием определённой группы депутатов, объединённых общей целью или программой.

Мы обнаружили лишь два примера выражений с отрицательной формой прилагательного: *непарламентская партия и непарламентский фронт*:

непарламентская партия: Иначе получается, что мы Героев Советского Союза заставляем опускаться до непарламентских партий, стоять где-то в жару или в холод с пикетами, с плакатами. А у них самые высокие заслуги перед нашим государством (Шейн О. В.);

непарламентський фронт: (заглавіє статті) *Непарламентський фронт. В Росії створено нове об'єднання лівих сил* (<http://www.vremya.ru/2008/194/4/215090.html> — 20. 10. 2008).

Существование такого типа словосочетаний оправдано только в случае, когда выступает версия без отрицания.

В словосочетаниях, характеризующих парламент как место, обычно речь идёт о здании или части зала парламента. Здесь можно выделить следующие сочетания:

парламентская трибуна: *С высокой парламентской трибуны предлагаю незамедлительно начать проработку юридических аспектов подготовки и проведения международного суда над преступниками коммунизма в России, а собравшихся сегодня на шабаш лидеров коммунистических партий в Москве следует выловить и военно-транспортной авиацией...* (Абельцев С. Н.);

Парламентский центр: *Мы предлагаем разобраться в этой связи с возможностью выбора нового здания под Парламентский центр в Москве* (Глотов С. А.);

Парламентская библиотека: *Уважаемые коллеги, Комитет Государственной Думы по культуре в сотрудничестве с Аппаратом палаты вчера провёл презентацию и открыл в Управлении библиотечных фондов, в Парламентской библиотеке, виртуальный читальный зал электронной библиотеки диссертаций Российской государственной библиотеки. (...) Расцениваю данное событие как серьёзное начало нового масштабного проекта создания парламентской электронной библиотеки. Совещание поручило мне довести до сведения депутатского корпуса эту информацию* (Тягунов А. А.).

Сочетания, которые характеризуют нормы поведения и речь парламентариев, в словарях нередко выступают в форме с отрицательной частицей: *непарламентские вопросы, непарламентские выражения, непарламентское поведение, непарламентские реплики, непарламентская лексика*. Появились и словосочетания с компонентами *термин, эксцесс и характер*:

непарламентский термин: *Председательствующий. Павел Юрьевич, делаю вам замечание по поводу термина “мерзкая” — это непарламентский термин;*

непарламентский эксцесс: *Голодовка фракции “Родина” в Государственной Думе была беспрецедентной для нынешнего российского парламентаризма акцией. Госдума 4-го созыва прочно завоевала репутацию “сборища пыльных пиджаков”, специального механизма для подымания рук. И тут — такой непарламентский эксцесс!* (Тверской областной еженедельник, 6/2005);

непарламентский характер: *Если спросить людей, как они относятся к Гельману или Глебу Павловскому, большинство ответов, скорее всего, будет носить непарламентский характер* (Московские новости, 3/2005).

В речи депутатов и в прессе функционируют конструкции с исходной формой прилагательного (*парламентская лексика, парламентский язык и парламентская этика*) с указанием на их отсутствие, то есть на реальное присутствие в речи и действиях парламентариев признака, который следует характеризовать негативной парой (*непарламентский*). Например: **парламентская лексика:** *Председательствующий. Гражданин Кузнецов, я прошу вас употреблять парламентскую лексику* (Председательствующий);

парламентская этика: *Мне кажется, тоже, в общем, за гранью парламентской этики, Павел Владимирович, то, что здесь творится* (Похмелькин В. В.);

парламентская жизнь: *Но в будущем, уважаемые коллеги, мы, надеюсь, хотя бы на этом примере, поймём, что парламентская жизнь требует внимания не только к самим себе, горячо любимым, но и к тем, кто работает рядом с вами* (Бабурин С. Н.);

парламентский язык: *Если перевести парламентский язык депутатов Гитина и Мельникова на язык обыкновенный, то следует: руководство РАО, получив всю власть в акционерном обществе, начало воровать, начало присваивать себе доходы от продажи металлов и обрело предприятия на безденежье* (http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/97/192/41_chuba.html).

Вне выделенных групп осталось часто встречающееся сочетание *парламентский иммунитет*, определяющее право депутатов парламента не подчиняться некоторым общим законам:

парламентский иммунитет: *И подчёркиваю, если вы хорошенько подумаете о том, что, лишившись парламентского иммунитета, должностные лица действительно становятся беззащитными перед следователями, то эта мера действительно является защитной* (Кибирев Б. Г.).

Приведённые примеры показывают, что в живом языке намного больше сочетаний с компонентом *парламентский / непарламентский*, чем зафиксировано в словарях. Поскольку все они

относятся к сфере существования парламента и парламентаризма, можно выделить группы, отличающиеся друг от друга, главным образом, на семантическом и прагматическом уровнях. С семантической точки зрения в каждой из групп появляется новая семантическая черта, не существующая в других группах, как, например, лицо парламентария в первой, временной режим работы во второй, структура, поведение или место в остальных. Прагматические аспекты наиболее чётко реализуются в случае употребления словосочетаний, определяющих поведение депутатов. Выражения типа *непарламентское поведение, непарламентский эксцесс, непарламентские выражения, лексика, термин* или *язык* функционируют как эквиваленты непристойных выражений или даже вульгаризмов. Такие сочетания с позитивным прилагательным, как *парламентская этика, парламентская жизнь* или *парламентский язык* обычно выступают в качестве косвенных актов речи.

В современном русском языке наблюдается процесс узуального расширения в речи лексем *парламентский / непарламентский*. Рост частотности их использования обусловил появление нескольких новых значений этих слов, часть которых была зафиксирована словарями после 2000 года. Некоторые, самые новые значения остаются некодифицированными.

1. Баранов А. Н.; Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации // Новое в жизни, науке, технике. Сер. "Наука убеждать — риторика". — 1991. — № 10. — С. 6.
2. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Современный политический язык: От ритуала к метафоре. — М., 1991.
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русские политические метафоры: Материалы к словарю. — М., 1991.
4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М., 1994.
5. Водак Р. Язык. Политика. Дискурс. — Волгоград, 1997.
6. Макаров М. Л. Прагматика, стилистика и риторика: Язык парламента // Языковое общение. — Калинин, 1987. — С. 46-51.
7. Виноградов С. И. Выразительные средства в парламентской речи // Русская речь. — 1994. — № 1.
8. Anusiewicz, J., Siciński, B., red. Język a kultura. — Т. 11: Język polityki a współczesna kultura polityczna. — Wrocław, 1994.
9. Bralczyk J. O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. — Warszawa, 2001.
10. Bralczyk J. O języku polskiej polityki lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych. — Warszawa, 2003.
11. Kamińska-Szmał I. Słowa na wolności. — Wrocław, 2001.
12. Ożóg K. Polszczyzna przełomu XX i XXI wieku. Wybrane zagadnienia. — Rzeszów, 2001.

Zh. Kozitska-Borysowska, A. Kzhanowska

SOME REMARKS ABOUT LEXEMES *PARLIAMENTARY / NONPARLIAMENTARY* IN RUSSIAN

The article shows the functioning of lexemes *parliamentary/nonparliamentary* in contemporary with the Russian language. The subject of analysis is comparison of entry meaning of adjectives in dictionaries of contemporary Russian with the meaning existing in spoken Russian. The authors notice both positive and negative meanings of analysed lexemes. The result of research is realization that considerable extension of using adjectives take place in comparison with their semantic scope mentioned in dictionaries.

Key words: lexeme, meaning of the word, political discourse, dictionary, usage, Russian, *parliamentary/nonparliamentary*.

Ж. Козицька-Борисовська, А. Кжановська

ДЕКЛІВКА ЗАУВАЖЕНЬ ЩОДО ЛЕКСЕМИ *ПАРЛАМЕНТСЬКИЙ / НЕПАРЛАМЕНТСЬКИЙ* У СУЧАСНІЙ РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

У статті показано функціонування лексем *парламентський / непарламентський* у сучасній російській мові. Порівнюються словникові й узуальні значення. Автори доходять висновку, що словники не відображають усіх значень, у яких використовуються ці слова.

Ключові слова: лексема, значення слова, політичний дискурс, словник, узус, російська мова, *парламентський / непарламентський*.

Е. И. Дубовик

Смыслы “совет” и “рекомендация” как составляющие модального значения целесообразности

В данной статье рассматривается функционирование смыслов “совет” и “рекомендация”, выражающих семантику целесообразности в текстах художественной литературы. Основным признаком совета и рекомендации является целесообразность действия с точки зрения говорящего.

Ключевые слова: модальное значение целесообразности, совет, рекомендация, адресат, говорящий.

В последнее время поведение человека интенсивно исследуется и лингвистами, и психологами, и представителями других смежных дисциплин, ориентированных на человека говорящего. Говорящий при помощи советов и рекомендаций побуждает партнера по коммуникации начать, изменить, закончить какую-либо деятельность, влияет на принятие им решений или на его представления о мире. В данном случае побуждение как коммуникативная категория играет в речевом общении большую роль. Побуждение как функциональная направленность высказывания адресовано собеседнику, который должен совершить речевое действие. Это действие естественно направлено в будущее. Побуждение используется в ситуациях, когда говорящий дает совет или рекомендацию адресату.

Целью данной статьи является выявление смыслов “совет” и “рекомендация”, выражающих семантику целесообразности в текстах художественной литературы.

Большинство лингвистов (Косилова М. Ф., Володин А. П., Вольф Е. М., Шмелева Т. В и др.) признают стоящий за советом и рекомендацией фактор целесообразности. В качестве трёх классификационных признаков совета и рекомендации выделяют: 1) отсутствие отношений зависимости между адресатом и говорящим; 2) целесообразность действия с точки зрения говорящего; 3) неполная известность отношения к действительности со стороны адресата [1: 50].

В процессе анализа исследуемого материала были выделены лексемы с модальным значением целесообразности. Данные лексические единицы были классифицированы на лексико-семантические группы с прагматическим, морально-этическим, рациональным и эмоциональным значением. Лексические единицы со значением совета и рекомендации целесообразно отнести к лексико-семантической группе с прагматическим значением, так как говорящий, советуя выполнить определенное действие, исходит из своей целесообразности.

Среди средств выражения модального значения целесообразности выделяются лексические единицы *рекомендовать* и *советовать*, способные выражать смыслы “совет” и “рекомендация”.

В основном своем значении лексическая единица *рекомендовать* дает отзыв о ком-либо или о чём-либо, то есть представляет как обладателя каких-либо качеств. Например: *Ваш брат мне говорил, что вы любите животных: это вас рекомендует с отличной стороны* (Успенский, Издалека и вблизи).

Также данная лексическая единица может давать о каком-либо лице благоприятный отзыв, обычно с речательством за него, для поступления на работу или для вступления в какую-либо организацию. Например: — *Ты, например, можешь стать коммунистом?* — *Могу, — твердо ответил Царицын. — У меня две рекомендации, и меня еще рекомендует комсомольская ячейка* (Нилин, Жестокость). — *Никакого решения не было. Была рекомендация. — Борис Александрович, вы хорошо знаете, что рекомендовать может правление* (Войнович, Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру).

Субъект, выдавая информацию, может представить ее в качестве настоятельной рекомендации, с помощью которой он побуждает адресата к выполнению действия, являющегося с точки зрения говорящего целесообразным. Например: *Школьному психологу совместно с учителем рекомендуется ставить перед такими детьми задачи, которые будут им по силам* (Луговская, Если

ребенок боится ходить в школу); *А мамина мама руководила моим воспитанием с другого конца города по телефону: она объясняла, что мне **рекомендуется** есть, сколько часов гулять, а сколько посвящать сну* (Алексин, Раздел имущества).

В текстах художественной литературы и публицистики лексическая единица *рекомендация* выражает значение “советовать”. Например: *Руководству каждого крупного детского учреждения следует настойчиво **рекомендовать** организацию оркестра* (Макаренко, Методика организации воспитательного процесса); *Вот, папа, кучер, которого я вам **рекомендую*** (Шолохов, Тихий Дон).

Таким образом, данная лексическая единица используется для выражения значения целесообразности в следующих сочетаниях, например, *рекомендуется, я вам рекомендую, рекомендация*.

Лексическая единица *совет*, как правило, употребляется в своем основном значении в высказываниях, в которых субъект является лицом, предлагающим собеседнику тот или иной совет. Советы могут быть ценными, дельными, безвредными, правильными, хорошими, дружескими. Субъект может давать совет на будущее. Например: *Послушайте, раз так, то я вам дам действительно **ценный совет**: твердо помните три тюремных правила — ничего не бойся, ничему не верь, ничего не проси!* (Домбровский, Факультет ненужных вещей); *Она умеет выслушать, понять, дать добрый и дельный совет, поддержать* (Всегда в поиске); *А вот самый безвредный совет: слушайте музыку, она отвлекает от вредных мыслей, особенно классическая и особенно Моцарт* (Варшавская, Дым для дам).

Совет может быть также любым мнением, высказанным по поводу того, как поступить, что сделать; это может быть и наставление, и указание. Например: *Ничего, ничего, ничего! — бормотал Коровьев у дверей комнаты с бассейном, — ничего не поделаешь, надо, надо, надо. Разрешите, королева, вам **дать последний совет**. Среди гостей будут различные, ох, очень различные, но никому, королева Марго, никакого преимущества!* (Булгаков, Мастер и Маргарита). В данном примере субъект дает совет, который является указанием, как необходимо поступить в этой ситуации с точки зрения целесообразности.

Данная лексическая единица в определенном контексте может выражать модальное значение целесообразности в совместном обсуждении чего-нибудь. Например: *Мать достаёт паспорт и **советуется** с бабушкой, как быть*. (Рыбаков, Тяжёлый песок); *Отец и теперь **советуется** со мной, куда выгоднее вкладывать деньги* (Кожевников, Щит и меч); *И когда одевается, перед тем как ехать на игру, всегда **советуется**, какой галстук лучше к какой рубашке подойдет* (Фетигов, Овертайм).

Таким образом, лексические единицы с корнем –*совет-* используются для выражения значения целесообразности в следующих сочетаниях, например, *позвольте дать совет, я вам советую, советуется*.

Субъект даёт совет и рекомендации, которые могут быть использованы в любой сфере деятельности человека. Чаще всего это социальная, экономическая, политическая, юридическая, медицинская сфера.

Экономические советы и рекомендации, как правило, выражают оценку действия с экономической точки зрения, на основе того, будет ли получена в результате материальная выгода. Например: *Я вам **советую продать** эту машину на запчасти или под восстановление, и купить другой, может быть, такой же автомобиль, но чуть старше, предварительно сделав профессиональную экспертизу на повреждения* (За рулём); *Ди Си Кэпитал **рекомендует** покупать акции Газпрнефть* (ММВБ: SIBN); *Если вы собираетесь **вложить** деньги в Форекс, очень вам **советую** ознакомиться с этими полезными рекомендациями* (Как заработать на бирже).

Юридические советы и рекомендации, как правило, применяются в характерных жизненных ситуациях. Это могут быть советы и рекомендации по вопросам коммерции и финансов, недвижимости, по житейским вопросам и вопросам трудового права. Например: *Советы адвоката, как вернуть свои вклады; Одалживая крупную сумму денег, не лишним будет обратиться **за советом к юристу**; А в случаях, требующих серьёзной проработки или экстренной юридической помощи, **советую** сразу обращаться не за “виртуальным” советом, а к “живому” юристу*.

И совет, и рекомендация могут быть направлены на здоровый образ жизни человека, в ситуации заботы о здоровье и внешности человека. Соответствующие смыслы могут быть выра-

жены в высказываниях косметологов, парикмахеров, психологов и т. п., в профессиональных советах врачей всех специальностей. Например: *Понятно, что каждая отдельная ситуация требует индивидуального подхода, но общая рекомендация психологов такова: торопиться не стоит* (Лиза); *Впрочем, я вам советую пользоваться бактерицидным пластырем* (Парнов, Александровская гемма).

Таким образом, лексические единицы *совет* и *рекомендация* являются составляющими модального значения целесообразности. Говорящий, советуя выполнить определенное действие, исходит из своей целесообразности. При помощи советов и рекомендаций говорящий побуждает партнёра по коммуникации начать, изменить, закончить какую-либо деятельность, влияет на принятие им решений или на его представления о мире.

Побудительные конструкции со значением совета и рекомендации занимают особое место в системе средств, передающих семантику целесообразности. Побуждение как коммуникативная интенция говорящего имеет место в определённой коммуникативной ситуации и реализует принцип воздействия в речевом общении. При этом говорящий, намереваясь побудить собеседника(ов) к действию или речевому действию, обязательно учитывает, к кому он обращается (к одному, двум или более лицам), учитывает его возраст, социальную принадлежность, степень знакомства. При реализации специальной интенции, кроме того, всегда учитывается (и сказывается) эмоциональное (неэмоциональное) состояние адресата (адресанта).

1. Косилова М. Ф. Спецкурс грамматики немецкого языка [Текст]: Учеб. пособие. — М., 1962. — 185 с.

E. I. Dubovik

THE MEANING “ADVICE” AND “RECOMMENDATION” AS ONE OF THE CONSTITUENTS OF THE MODAL MEANING OF EXPEDIENCY

The article is devoted to the functioning of the meaning “advice” and “recommendation”, that express the semantics of expediency in literary texts. The main characteristic feature of advice and recommendation is expediency of action in the view-point of a speaker.

Key words: modal meaning of expediency, advice, recommendation, addressee, speaker.

O. I. Дубовик

СМИСЛИ “ПОРАДА” І “РЕКОМЕНДАЦІЯ” ЯК СКЛАДОВІ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕННЯ ДОЦІЛЬНОСТІ

У даній статті розглядається виявлення смислів “порада” і “рекомендація”, які виражають семантику доцільності в текстах художньої літератури. Основною ознакою поради і рекомендації є доцільність дії з точки зору мовця.

Ключові слова: модальне значення доцільності, порада, рекомендація, адресат, мовець.

Абстрактная лексика в хантыйском языке: исконная и заимствованная

В статье описаны некоторые группы абстрактной исконной и заимствованной лексики в хантыйском языке, способы образования таких слов. В языках малых народов абстрактная лексика представлена меньшим, чем в языках больших народов, количеством лексем в связи с разным набором выполняемых этими языками функций.

Ключевые слова: хантыйский язык, языки малых народов, словообразование, абстрактная лексика, исконное слово, заимствованное слово, хантыйско-русское двуязычие.

У лингвистов-исследователей часто возникает вопрос: why it is primary in languages of small peoples the group of abstract words was poorly generated? (Почему это является как будто обязательным правилом, что в языках малых народов группа абстрактных слов наименее представлена?)

И мы должны признать, что это на самом деле так, а объясняется данное положение, конечно, разным уровнем культурно-исторического развития народов (и языков этих народов). Развитие любого языка — сложный процесс, но относительно класса абстрактных слов можно сказать вполне определенно: этот разряд слов “буйно расцветает” только в языках самых развитых наций; во всех прочих он бывает представлен достаточно скромно.

Критерии выделения класса абстрактных слов в разных языках очень расплывчаты: иногда одна и та же лексема может обозначать и конкретное, и абстрактное. Абстрактная лексика хантыйского языка в этом отношении изучена ещё недостаточно, как, впрочем, и в целом — лексика хантыйского языка. В связи с этим возрастает практическая необходимость в проведении широкомасштабных исследований в области лексикологии хантыйского языка и создании ее теоретических основ. Сейчас исследователям хантыйского языка крайне важно представлять в виде микросистем разные лексические группы и определять их место в общей лексической системе. Другая задача — выявление способов обогащения данных лексико-семантических групп, особенно в связи с развитием языка национальной газеты “Ханты ясаң”. Поскольку ныне действующие словари хантыйского языка содержат недостаточно информации, авторам исследований часто необходимо дополнительно определять точную семантику многих слов. И, конечно, необходимо сопоставление с русским языком, который и сейчас остается языком межнационального общения (по крайней мере — на пространствах СНГ).

Начинать, видимо, необходимо с определения приблизительного количества абстрактных слов в хантыйском языке; затем следует приступать к классификации внутри группы и анализу более мелких групп и отдельных лексем. Например, в одной из работ последнего времени (на материале хантыйского языка) рассмотрено более 150 лексем, выделены оттенки их значений, имеющие отношение к “абстрактности” [6]. Группа слов отвлечённой семантики делится на пять подгрупп по степени абстракции, т. е. по степени “удаления” денотативного компонента значения от предметного мира. В ряде случаев члены одной подгруппы взаимосвязаны отношениями синонимии, антонимии, а с неабстрактными словами — отношениями омонимии. Синонимическая близость колеблется от абсолютного, полного тождества до довольно отдалённых семантических связей.

Языковая ситуация у малочисленных народов Севера России (к которым относятся ханты и манси) в последние десятилетия характеризуется повсеместным развитием национально-русского двуязычия, при которой билингвами становятся даже люди старшего поколения. Разумеется, в этих условиях миноритарные языки (в нашем случае — хантыйский и мансийский) испытывают сильное влияние со стороны русского языка. Речь идет уже не только о лексических заимствованиях, а о воздействии норм русского языка на фонетическом и грамматическом уровнях. Но почему изначально в языках малых народов слабо формируются абстрактные слова? Видимо, нет потребности: рассказывать о простой безыскусной жизни маленького народа и представителям этого народа общаться между собой — хватает имеющихся лексических и грам-

матических средств. Когда же слов с абстрактным значением не хватает, их можно заимствовать из языков соседних и более развитых народов.

При этом фонетические системы хантыйского и мансийского языков менее подвержены внешнему влиянию, и новации в этой сфере связаны в основном с произношением заимствованных слов. Если старые (до 1917 г.) заимствования подвергались безусловным фонетическим изменениям (ср.: нужда > хант. *нўша*, манс. *нуса* ‘бедность, бедный’), то в поздних заимствованиях возможно употребление любых русских звуков, в т. ч. и не входящих в исконную фонологическую систему, например, хант. *fabrika* ‘фабрика’, *drazniwajətl* ‘дразнит’, *kol’cə* ‘кольцо’, *obizajətsa* ‘обижается’, *mašina* ‘машина’ [5: 38]. Ср. слова мансийского языка, обозначающие общественные явления и реалии быта (в т. ч. лекарства, болезни, предметы санитарии): *sovet*, *kooperativ*, *plan*, *kilo*, *aeroplan*; милиция, аптека, бинт, вазелин, корь [11: 191; 1: 27, 49–51].

К области новаций относятся и некоторые словообразовательные явления, но и они не затрагивают системных основ. В частности, в хантыйском языке в последнее время активно используются заимствованные глаголы (или глагольные корни), снабжаемые исконными суффиксами словообразования. Особенно часто используются суффиксы *-t/-ət-* и *-ijl-*, имеющие значение переходности/ каузативности и многократности/ интенсивности соответственно: *dokaziwa-j-t-* ‘доказывать’ [*-j* — вставочный согласный], *remontirowa-j-t-* ‘ремонттировать’, *tūma-j-t-* ‘думать’, *wrut’ša-j-t-* ‘вручать’; *merit-ijl-* ‘мерить (много раз)’, *gōpit-ijl-* ‘работать (много)’ и т. п.

Значительные изменения происходят в грамматике, особенно в части морфосинтаксиса и синтаксиса словосочетания. В хантыйском и мансийском языках в этом отношении легко уязвимым оказывается объектное спряжение глагола, иногда неправильно употребляют притяжательные формы. Носители языка начинают смешивать двойственное и множественное числа как по линии согласования прямого дополнения, так и подлежащего с глаголом-сказуемым:

1) *Родинаныл тән эруптэгыт* [8: 109] ‘Они любят свою Родину’ (безобъектное спряжение вместо объектного; нарушен и порядок слов; должно быть: *Тән Родинаныл эруптэгытыл*). 2) *Ханисьтан нэв тыхотал манава китыглас: хотэют уйрисит тытты?* [8: 175] ‘Сегодня учительница спросила, кто из нас кормит птичек’ (активное спряжение вместо пассивного; нарушен и порядок слов; должно быть: *Манава ханисьтан нэв тыхотал манава китыгласэ: уйрисит хотэютни тыттэвет?*) 3) *Интам пэльніцайт эвалт нэмасыя нэпек мэйты мосл, муйсар па муй арат пуртэн кэйшаң хуятата йилпа хэйшиты питлы* [3: 16. 02. 08] ‘Теперь из больниц специальную бумагу подавать необходимо, какие (лекарства) и сколько лекарств каждому человеку выписывать будут’ (в хантыйском предложении нарушена норма в употреблении формы множественного числа: вместо *кэйшаң хуятата* должно быть *кэйшаң хуята* ‘каждому человеку’).

Влияние русского языка больше всего заметно в синтаксисе предложения, особенно — в последние десятилетия в связи с развитием национальной печати, в частности — с выходом газет *Ханты ясаң* ‘Хантыйское слово’ и *Луимэ сэрипос* ‘Северная заря’. Именно в языке газеты мы видим широкое употребление конструкций, подобных русским конструкциям с союзами и союзными словами: 1) *Мосл щиты вэрти, лэлн округевн вэлты кашаң семья няврэм тэйты ат лэйхас* [3: 16. 02. 08] ‘Нужно так сделать, чтобы в округе каждая семья много детей иметь хотела’. 2) *Юрий лупас, хуты вулаң рэпата айт тэйл. Щэйлта ма ай паватсум, муй щирн лув хурат вэрти питас* [3: 16. 02. 08] ‘Юрий рассказал, как он остался без работы. Затем я узнал, каким образом он рисовать начал’.

Русский язык оказывает влияние и в семантико-стилистической сфере. В связи с этим новые интересные явления отмечаются в использовании модальных слов хантыйского и мансийского языков. Например, для хантыйского языка можно отметить появление новых контекстов употребления модальных предикатов *mos-/mas-* ‘нужно’, *mōsta-* ‘быть нужным’, *gāχ-/gāχ-* ‘можно; разрешено’, *gāχ-* ‘быть подходящим’. Приведём несколько примеров предложений с данными глаголами из текстов публицистического характера. Именно такой характер текста, видимо, и подталкивает авторов к использованию модальных слов в несвойственных им значениях или к постановке модальных глаголов не в конце предложения: *Яюм-ики ариюм арат эвалт и ар сув шеңк мэнэма мөстас. Си ар сува ма йилуп ясаңат си хэйшиты питсум* [9: 172] ‘Из тех песен, что пропел мне старший брат, один напев мне особенно оказался подходящим. На этот мотив я стал писать новые слова’ (видно, что у лексемы *mōsta-* ‘быть нужным’ вырабатывается значение ‘быть подходящим’). 2) *Тата мўң уша вэрсув, хуты Санкт-Петербург воиш Полярной академияйн нэмалт*

хуят увас мир эвалт айт вэнлтыйл. Аршак тэхия мосл вэнлтыйлты мйнты [3: 16. 02. 08] ‘Здесь мы узнали, что в Санкт-Петербурге в Полярной академии никто из представителей северных народов не учится. Во многие места нужно учиться уезжать’ (нарушен привычный порядок слов). 3) *Ин кашаң тылащ щимащ нэпек рэхал хәншты, муй арат хәннэхэ йилпа кйшаңа йил* [3: 16. 02. 08] ‘Теперь каждый месяц такую бумагу необходимо подавать, сколько человек повторно заболели’ (вместо предиката со значением необходимости — *мосл* ‘надо, нужно’ — использован предикат со значением “разрешено”).

Из числа новых явлений — и переход вводно-модального слова *мосаң* ‘может быть’ в прилагательное *мосаң* ‘нужный, необходимый, полезный, значимый’, ср. заголовок в газете и предложение из статьи под этим заголовком (причём во втором случае не совсем понятное употребление: можно понимать двояко): 1) *Мосаң вэр лэщмал* ‘Нужное (полезное) дело налаживается’. ... 2) *Ин тймты и нумасан еллы яма рэпитты питлат ки, мосаң вэр лэщмал* [3: 16. 02. 08] ‘Теперь, если так в одном направлении работать будут, нужное дело наладится’ (или, если выделить *мосаң* как вводное слово: ...*мосаң, вэр лэщмал* ‘...возможно, дело наладится’).

Как относиться к подобным новациям? Если выбранное автором средство соответствует содержанию высказывания, значит, такое использование исконных средств младописьменного языка не противоречит тенденциям развития этого языка. Такие новации следует только приветствовать, лишь бы они не подменяли использование “естественных” средств, выработанных самим языком (в нашем случае — хантыйским или мансийским).

Среди абстрактных слов хантыйского языка есть, конечно, исконные, но их недостаточно; к тому же многие из них “не вполне абстрактные”, поскольку они обозначают и явления вещного мира: *ot* ‘год’, *lat* ‘время’, *wux* ‘деньги’, *jink* ‘влажность’, *tas* ‘богатство’, *tin* ‘цена’, *tit* ‘душа’, *tik* ‘злость’, *nutəs* ‘ум; задумка’, *jör* ‘сила’, *l’äxtər* ‘щекотка’, *sij* ‘звук’, *arn* ‘долг’, *apəg* ‘ловкость; изворотливость’, *jetəm* ‘стыд’. Небольшую, но определённую (замкнутую) часть такой лексики составляют служебные и модальные слова типа *weg* ‘дело’; мы полагаем, что в это число входит и лексема *uš* ‘ум, толк’, по крайней мере это вытекает из тех примеров, которые применительно к ней приводятся в Словаре В. Штейница [13: 7-8]. Анализируя другие словари хантыйского языка [напр., 10], в круг абстрактных слов хантыйского языка можно включить и все слова (мы бы сказали — словечки) этого типа, как то: *šom* ‘сила; возможность’, *kös* ‘сила; способность’, *šir* ‘возможность; способность’, *piš* ‘возможность’, *kaš* ‘желание’. В том же Словаре Терешкина читаем: *kaš* (аг, тр. — юг; 1 ед. kičəm), *káč* (юг, у. — юг, у. — аг; 1 ед. kičəm); *káš* (сал.) (“желание, охота, хотение; настроение”); *ma kičəm äntəm tōyənəm mäntayə* (“у меня нет желания туда ехать”); *ma kičəm költayə jəy* (“у меня настроение стало портиться, я стал скучать”); *ñeyremłamat kičəm köł* (“я соскучился по детям”) [10: 96].

Исходя из общего толкования и приведённых примеров, в перечень абстрактных слов хантыйского языка необходимо включить и названия общественных ситуаций, отношений и явлений в социуме (хотя в большинстве своём это новообразования). В связи с необходимостью обозначать именно такие ситуации и явления в последнее время в языке национальной газеты “Ханты ясанг” появляются и соответствующие слова (газета выходит в русской графике): *ййм вўща ясанг* ‘приветствие’, *йилпатты вэр* ‘оживление’, *вён сэхум* ‘большой шаг (в развитии)’, *вуланг тэху* ‘развитая территория’, *мбстанг хуятат* ‘уважаемые (земляки)’, *мўв илли тащат* ‘богатства недр’, *найтащты щир* ‘надежда’, *поступсы* ‘развитие’ и другие.

Следующий ряд слов не относится прямо к явлениям общественной жизни, но это тоже абстрактные слова, и чаще всего они также употребительны прежде всего в языке газеты: *вўра* ‘каприз’, *кйши-мйш* ‘болезнь’, *лапат* ‘неделя’, *нйпат* ‘возраст’, *партупсы* ‘наказ’, *пйлтап* ‘страх; боязнь’, *пелтупсы* ‘обмен’, *рўтыщаты вух* ‘пенсия’, *тангнупсы* ‘наставление’, *тйх(ал) нура* ‘неопределённое время’, *турн вёрты вэр* ‘заготовка сена’, *унтас* ‘помощь’, *шойт* ‘деньги’.

В школьных словарях хантыйского языка [см., напр., 4] также можно обнаружить новообразования подобного рода: *пймашца ясанг* ‘благодарность’, *вён пйлак* ‘большинство’, *ййм ай кел* ‘весть, приветствие’, *ванлтупсы* ‘выставка’, *хйтл нэпек* ‘календарь’, *касупсы* ‘соревнование’, *яступсы* ‘клятва’, *кўтуп* ‘середина’, *лени-вани* ‘лень’, *пйлтаплы вэр* ‘мужество’, *эвалты вэр* ‘надежда’, *нэман* ‘неправда’, *яступсы* ‘обещание’, *мйр* ‘продолжительность’.

Безусловно, в таких рядах выявляются и словообразовательные суффиксы хантыйского языка, в целом ряде случаев маркирующие именно абстрактность значения имени, например, суф-

фикс -эр (-ур, -ар, -ер): *kūtər* ‘середина’ (*kūt* ‘промежуток’), *χotłər* ‘плач’ (*χotłət* ‘плакати’), *esłər* ‘плач’ (*sem jɪŋk esəl̥t* ‘слезу пускати’), *rawtər* ‘тяжесть’ (*rawət* ‘наложить сверху’) и т. п.

Итак, модальные слова типа *kaš* ‘желание’ являются довольно поздними образованиями (общих слов финно-угорского и даже угорского периода не находится), и это очень консервативная часть абстрактной лексики (в том смысле, что с их помощью не образуются неологизмы), хотя отдельные из них (как, напр., *kaš*) всё же включаются в сложные слова абстрактной семантики: *ät wöłti kaš* ‘времяпровождение’.

Способы вербализации абстрактных понятий в хантыйском языке, безусловно, должны изучаться с использованием методов когнитивной лингвистики и с привлечением данных смежных наук, а именно философии, психологии и этнографии. Но мы считаем, прежде всего должен быть применён традиционный языковедческий подход с точки зрения словообразования и семантики (в частности, семной структуры), в том числе — грамматической семантики. Число словообразовательных суффиксов, пригодных для создания абстрактных слов, в хантыйском языке, конечно, невелико. Здесь можно назвать -at, -as, -ur, -asur (отыменные) и -as, -pas, -urpi, -ut, -er (отглагольные). Это в литературном хантыйском языке (на основе казымского диалекта); те же суффиксы есть и в диалектах — вот как выглядит этот ряд, например, в ваховском диалекте: -at, -as, -əw, -asəw, -əs, -wəs, -ərsi, -ot, -er. Тем более важно обратить пристальное внимание на грамматическую семантику в хантыйском языке, в частности, на средства выражения категорий эвиденциальности и адмиративности (evidence and admiration).

1. Афанасьева К. В. Русско-мансийский тематический словарь: Пособие для учащихся. — С. Пб., 2002.
2. Луимä сэрипос: газета на мансийском языке.
3. Ханты ясан: газета на хантыйском языке.
4. Кононова С. П. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект): Пособие для учащихся. — С. Пб., 2002.
5. Николаева И. А. Обдорский диалект хантыгского языка. — М. — Гамбург, 1995.
6. Потанина О. С. Способы языковой реализации абстрактных понятий в диалектах хантыгского языка (в сопоставлении с языками неродственных семей): Дисс. ... канд. филол. наук. — Томск, 2006.
7. Русская грамматика: В 2-х т. — М., 1980.
8. Сайнахова А. И. Маньси латын (Мансийский язык): Учебник для 1 класса. — Л., 1980.
9. Сенгенов А. М. Касум ики путрат (Рассказы старого ханты). — С. Пб., 1994.
10. Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыгских диалектов. — М. — Л., 1981.
11. Чернецов В. Н. Мансийский (вогульский) язык // Языки и письменность народов Севера. — М. — Л., 1937. — С. 163-192.
12. Штейниц В. К. Хантыгский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. — М. — Л., 1937. — С. 193-227.
13. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. 1. Lieferung. — Berlin, 1966.

A. D. Kaksin

ABSTRACT VOCABULARY IN KHANTY LANGUAGE: NATIVE AND BORROWED

The article deals with the ways of Khanty language abstract native and borrowed vocabulary formation. In languages of smaller nations some groups' abstract vocabulary is represented by a less quantity of lexemes than the one represented in greater nations' languages because of different language functions.

Key words: the Khanty language, the Mansy language, languages of smaller nations, word-formation, abstract vocabulary, native word, borrowed word.

A. Д. Каксин

АБСТРАКТНА ЛЕКСИКА В ХАНТИЙСЬКІЙ МОВІ: СПОКОНВІЧНА ТА ЗАПОЗИЧЕНА

У статті описано деякі групи абстрактної споконвічної та запозиченої лексики в хантыйській мові, способи творення таких слів. У мовах малих народів абстрактна лексика представлена меншою, ніж у мовах великих народів, кількістю лексем, що зумовлено різним набором функцій, які виконуються цими мовами.

Ключові слова: хантыйська мова, мансійська мова, мови малих народів, словотвір, абстрактна лексика, споконвічне слово, запозичене слово, хантыйсько-російська двомовність.

ПИТАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЇ

УДК [811.111+811.161.1]`371

*Д. В. Лагоденко***Образная основа фразеологизмов
как способ осмысления действительности**

Предметом рассмотрения данной статьи является образная основа фразеологизмов, которая определяет национально-культурную специфику устойчивого словесного комплекса, является его национально-культурным параметром. В образной основе устойчивых выражений проявляется мировидение того или иного народа. Образная основа фразеологизма выполняет мотивирующую функцию, выступая своего рода опосредующим звеном между значением фразеологизма и обозначаемой им предметной ситуацией.

Ключевые слова: образная основа фразеологизма, мировидение, культурный компонент значения.

Вопрос взаимоотношения языка и внеязыкового знания восходит к давней традиции семантических исследований, но только в последнее время осуществляется попытка последовательно осмыслить отражение в языке национально-специфического видения мира.

Именно в языке опредмечено мировидение народа и его миропонимание, осознаваемые в контексте культурных традиций. Эта соотносительность и обуславливает то, что язык не только отображает действительность в форме наивной картины мира и выражает отношение к её фрагментам с позиций ценностной картины мира, но и воспроизводит из поколения в поколение культурно-национальные установки и традиции народа — носителя языка.

Каждая культура имеет свой собственный уникальный путь развития и свою собственную структуру. Её следует изучать как целостную систему, все компоненты которой взаимосвязаны и составляют единое целое. В. Н. Телия определяет культуру как “часть картины мира, которая отображает самосознание человека, исторически видоизменяющегося в процессах личностной или групповой рефлексии над ценностно-значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека” [7: 132]. По мнению Н. А. Бердяева, культура всегда конкретно-человеческая, т. е. национальная. Каждый отдельный человек входит в человечество как национальный человек. “Национальный человек больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные” [1: 96].

“Национальная культура — это отнюдь не набор уникальных черт, свойственных данному народу, а специфический набор общечеловеческих черт и идей” [6: 53]. Поэтому термин “языковая картина мира” — это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образом жизни и национальной культурой данного народа.

Языковая картина мира является одним из способов структурирования знаний об объективной действительности. Согласно В. фон Гумбольдту, национальное своеобразие языковой картины мира рассматривается не как “результат длительного исторического развития, а как изначально данное свойство языков: люди с помощью языка создают свой особый мир, отличный от того, который их окружает — субъективный образ объективного мира” [4: 138].

Чтобы понять своеобразие той или иной картины мира, нужно установить соотношение в ней интернациональных и национальных элементов, а также иерархию общечеловеческих

ценностей на национальной шкале. По справедливому утверждению П. Н. Денисова, “в области семантики камнем преткновения является так называемая несовместимость “картин мира” разных языков, находящая свое выражение в несовпадении смысловых объемов слов и грамматических категорий, в различных коннотациях одинаковых по основному значению слов” [5: 32].

Тем не менее некоторая доминанта, определяемая национальными, культурными и социальными традициями, существует, и именно она делает возможным выделение в общей языковой картине мира ее ядерной, общезначимой части, которая выступает основой существования и взаимопонимания людей, их ориентацией в объективном мире. Кроме того, наличие в языках мира общих семантических черт позволяет говорить об универсальности процессов, происходящих в структуре слова, в том числе о ее развитии за счёт переноса значения.

Особую роль в трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового играет, в частности, фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировидение.

Причиной дифференциации языковых, следовательно, и фразеологических картин мира является специфика номинативной деятельности человека, универсальной в процессуальных аспектах и идиоэтнической в выборе свойств и признаков, которые используются как основа наименования.

В современном языкознании существует понятие “фразеологическая картина мира”, т. е. часть языковой картины мира, описанной средствами фразеологии, в которой каждый фразеологический оборот является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалий окружающей действительности. Фразеологическая картина мира — это один из универсальных способов классификации фразеологизмов, основаниями которой выступают как экстралингвальные, так и языковые особенности.

Фразеологическая картина мира выступает как совокупность знаний о мире прежде всего на уровне обыденного сознания, а поэтому представляет собой наивную картину мира. В устойчивых оборотах языка закрепляются типичные фрагменты действительности, переосмысленные так, что за ними стоят лишь существенные связи. Эти ситуации становятся стереотипом поведения людей, обусловленным культурно-национальным мировидением.

Фразеологизмы возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, безусловно связанный с его культурными традициями, ибо “субъект номинации и речевой деятельности — это всегда субъект национальной культуры” [7: 13].

Большое количество идиом не имеет точных эквивалентов в других языках в силу того, что процесс образного переосмысления определенных фрагментов действительности, лежащий в основе создания метафор и идиом, является национально-специфическим. Так, русская идиома *чертова дюжина* имеет эквивалент в английском языке — идиому *baker's dozen*, но набор культурно-исторических ассоциаций, сопряженных с данными идиомами, не позволяет их считать абсолютными эквивалентами. В средние века английские булочники обвинялись в нарушении закона в связи с тем, что вес продаваемых ими буханок не соответствовал определенным нормам. Вследствие этого булочники, боясь обвинений в свой адрес, перестраховывались и давали одну лишнюю буханку хлеба при покупке двенадцати буханок, тем самым демонстрируя свою честность. История с нечестными булочниками канула в лету, а число 13, выраженное идиомой *baker's dozen*, если и не вызывает положительных эмоций, может рассчитывать на нейтральное к себе отношение. В русском языке явно ощущается отрицательная коннотация, связанная с несчастливым числом 13. Этимология данной идиомы относит нас к христианским традициям неприятия числа тринадцать и наделения его негативными значениями, что связано с присутствием 13-ти участников Тайной вечери, один из которых предал Христа [2: 724].

Следовательно, не язык навязывает нам то или иное восприятие действительности, а, напротив, действительность неодинаково отражается в различных языках в силу нетождественных условий материальной и общественной жизни людей. Язык не познает мир, а, следовательно, и не создает какой-либо картины мира. Однако в языке находит отражение все разнообразие творческой познавательной деятельности человека, результаты которой закрепляются в языке.

Существует ряд идиом в английском и русском языках, которые являются абсолютно идентичными по образной составляющей, но, тем не менее, имеют значительные различия в значении. Идиома *белая ворона* является калькой с латинского *alba avis*, относящаяся к вороне-альбиносу, представляющей собой очень редкое явление природы. Данное выражение является интернационализмом, универсальность которого заключается в наличии уникального, резко выделяющегося. На интернациональный характер данной идиомы указывают и ее параллели в ряде европейских языков, в частности, в английском. В БАРФС *white crow* переводится как *белая ворона, редкое явление*. Отсюда, *белая ворона* в русском языке должна обозначать тоже уникальное, редкое явление. Так ли это? Обратимся к историко-этимологическому словарю по русской фразеологии: БЕЛАЯ ВОРОНА. *Чаще неодобр. Редкий, необычный по своим качествам, чудачковатый человек, резко выделяющийся среди других людей* [3: 121]. Очевидно, что данные идиомы совпадают только в денотате, где отражена сема “уникальность”, в то время как коннотативные значения идиом разительно отличаются. Обладает ли идиома *белая ворона* национально-специфическими чертами? Думается, что да. В данном случае отрицательное отношение к индивидуализму, уникальным явлениям актуализирует хорошо известный в русской культуре слоган ‘не высовывайся’, который обладает культурно-национальной коннотацией и поэтому может быть признан релевантным в аспекте национальной культуры. Таким образом, часто на первый взгляд идентичные по значению идиомы в действительности наделены различными смысловыми оттенками.

Исследование связи образной основы фразеологизмов и культурной установки народа отражает не только менталитет данного народа, его духовную культуру, но и помогает найти первопричину возникновения данных образований в языковой картине мира, дает ключ к разгадке национального сознания.

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990.
2. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / Под ред. В. М. Мокиенко. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
3. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20000 фразеологических единиц / А. В. Кунин. — 6-е изд., исправл. — М.: Живой язык, 2005.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. — М.: Прогресс, 1985.
5. Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. — М.: МГУ, 1974.
6. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — С. Пб.: Златоуст, 1999.
7. Телия В. Н. Русская фразеология (семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты). — М., 1996.

D. V. Lagodenko

IMAGE COMPONENTS OF PHRASEMES AS A WAY OF COMPREHENSION OF REALITY

The article deals with figurative base of phrasemes which defines the culture boundness of fixed word groups. The figurative base of set phrases manifests world view of a nation. A number of phrasemes expresses the same idea differently across different languages. A proves individual ways of comprehension of reality.

Key words: image component of a phraseme, world view, culture component of the word's meaning.

Д. В. Лагоденко

ОБРАЗНА ОСНОВА ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ ЯК СПОСІБ ОСМИСЛЕННЯ ДІЙНОСТІ

У статті розглянуто образну основу фразеологізмів, яка визначає національно-культурну специфіку ста-лого словесного комплексу, є його національно-культурним параметром. В ній проявляється світобачення того або іншого народу. Образна основа фразеологізму виконує мотивуючу функцію, будучи своєрідною опосередковуючою ланкою між значенням фразеологізму та предметною ситуацією, яку він позначає.

Ключові слова: образна основа фразеологізму, світобачення, культурний компонент значення.

УДК [811.161.1+811.161.2+811.112.2]’373.7

В. В. Горбань, А. Л. Порожнюк

Фразеологизмы с суперконцептом **ЧЕЛОВЕК** в русском, украинском и немецком языках

Статья посвящена сопоставительному изучению фразеологических единиц, характеризующих человека в русском, украинском и немецком языках. Анализируются типы соотношений фразеологизмов, исходя из структурно-семантических и функциональных особенностей данной микросистемы в каждом из языков. Исследуются эквивалентные, частично эквивалентные, а также безэквивалентные фразеологизмы, представленные лакунами в другом языке. Анализируются парадигматические группы (синонимические ряды, антонимические пары) в различных типах соотношений фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, эквивалентность, лакуна, парадигма.

Фразеологизмы — ценнейший клад знаний о менталитете народа, в них аккумулированы мифы, легенды, обычаи, представления о жизни. По мнению Х. Касареса, “... в этих эллиптических формулах, которые были отшлифованы и оставлены в наследство потомкам, отражена вся история наших предков, вся психология, ... забытые легенды, искореняемые предрассудки, обряды, обычаи, народные игры, исчезнувшие ремёсла...” [5:255]. Сходные воззрения высказывает и отечественный учёный Е. А. Селиванова: “Фразеологизмы любого языка являются лингвосомиотическим феноменом... в котором в устойчивой форме сохраняются и транслируются представления этноса об окружающем мире” [11: 11].

Фразеологизмы как составная часть системы языка являются отражением предметно-понятийных и функциональных свойств внеязыковой сферы. Каждый язык по-своему “членит” мир, и фразеологизмы как квазистереотипы и квазиэталоны народного мировоззрения представляют преимущественно повседневно-эмпирический опыт языкового коллектива, связанный с его историей и традициями.

Доминирующей зоной фразеологического фонда многих языков является суперконцепт **человек**, о чём свидетельствуют исследования И. Березнёвой [1], Т. Дьяковой [3], О. Каракуци [4], О. Майборода [7], Е. Селивановой [11] и др. В этой связи представляет интерес сопоставительное изучение одноимённого фразеологического поля — с суперконцептом **человек** — в русском, украинском и немецком языках.

Цель данной работы — изучение сходств и различий означенной выше фразеологической микросистемы в родственных и неродственных языках, исходя из структурно-семантических и функциональных особенностей ФЕ в каждом из этих языков. В соответствии с критерием отбора материала и целью его исследования было отмечено три основных типа соотношений фразеологизмов в русском, украинском и немецком языках: эквивалентные, близкие, или сходные соответствия, а также безэквивалентные.

Наибольшую группу составили фразеологизмы, совпадающие или близкие по значению и структуре, подтверждая тем самым тезис о том, что “процесс фразеологизации, национальный по форме, во многом основывается на осмыслении одних и тех же или сходных денотатов, что и создаёт одинаковые или очень сходные фразеологические значения...” [12:288].

Фразеологические эквиваленты в русском, украинском и немецком языках обнаружили полное совпадение по семантике и внутреннему образу и проявились в линейных соответствиях (1:1:1). ФЕ с таким формальным соответствием называют различные качества характера человека, напр.: *проницательный, хорошо знающий чьи-либо мысли, намерения: видит насквозь — бачить наскрізь — j-n durchschauen; болтливый, говорящий лишнее: длинный язык — довгий язык — eine lange Zunge haben; несдержанный, темпераментный: горячая голова — гаряча голова — der Hitzkopf haben; холодный, безразличный ко всему: рыба кровь — риб’яча кров — das Fischblut haben; бесстыдный, наглый: ни стыда ни совести — ні сорому (ні стиду) ні совісті — schahm- und gewissenlos sein; крайне наглый, бесстыдный, упрямый: медный*

лоб — мідний лоб — eherne Stirn; вялый, медлительный: как сонная муха — як сонна муха — matt wie eine Fliege.

Эквивалентность некоторых ФЕ нередко объясняется общностью их происхождения: в книжных фразеологизмах может проследиваться связь с библейскими, художественными и иными текстами. Такого типа ФЕ указывают, в частности, на следующие черты характера человека: *недоверчивый, скептически настроенный: Фома неверующий — Хома невірний — der ungläubige Thomas; человек большого мужества и высоких нравственных достоинств: рыцарь без страха и упрёка — лицар без догани і страху — Ritter ohne Furcht und Tadel.* Как эквивалентные можно рассматривать также ФЕ, в структуре которых содержится вариантная грамматическая форма (морфологическая, синтаксическая) или вариантная лексема, не нарушающие семантико-функциональной целостности фразеологизма. Примером тому являются фразеологизмы с такими характерологическими значениями: *откровенный, искренний, правдивый: называет вещи своими именами — називає речі своїми (справжніми, власними) іменами — die Dinge beim Namen nennen; остроумный, язвительный: острый (остёр) на язык — гострий на язык (слово) — eine spitze (scharf) Zunge haben; неразговорчивый: скупой на слова — скупий на слова (на слово / на мову) — karg an Worten sein / wortkarg sein; не приспособленный к жизни, избалованный: тепличное (оранжерейное) растение — теплична рослина — die Freibhauspflanze; ограниченный: не видит дальше [кончика] своего носа — не бачить далі власного носа — nichts ausser der eigenen Nasenspitze sehen (“не видеть ничего, кроме кончика собственного носа”) / nichts über die eigene Nasenspitze hinaussehen (“не видеть ничего более кончика своего носа”); занимающий неопределённую позицию: сидит меж двух стульев — сидить на двох стільцях (між двома стільцями / між двох стільців) — zwischen zwei Stühlen sitzen.*

Иногда эквивалентные фразеологические соответствия образуют синонимические ряды, компоненты которых имеют сходство даже по эмоционально-экспрессивной градации. Так, для характеристики отзывчивого, исполненного доброты человека в русском, украинском и немецком языках используются синонимы-фразеологизмы: *добрая душа, доброе сердце, золотое сердце, мухи не обидит — добра душа, добре серце, золоте серце, мухи (комашини) не скривдять (не зачепуть) — eine gute Seele, gutes Hertz, weiches Hertz, keiner Fliege etwas zuleide tun.* Общие для этих фразеологических выражений соматизмы “душа”, “сердце” и зооним “муха” (“комашина”) свидетельствуют об общей психоментальной интерпретации качеств человека в разных языковых культурах. В то же время наблюдаются эквивалентные по значению и составу фразеологизмы, которые в славянских языках маркированы дополнительной коннотацией. Коннотативную сему в таких фразеологизмах могут обусловить особенности их грамматической структуры: *глаза завидующие — очі завидючі — neidische Augen* (букв. “завистливые глаза”). Старославянский по происхождению суффикс -ущ- в составе прилагательных русского и украинского языков придаёт им значение высокой степени проявления признака с оттенком грубо-пренебрежительной оценки и подчёркивает обиходно-разговорную направленность этих ФЕ. Данные фразеологизмы в русском и украинском языке являются эллиптированным вариантом следующих выражений: *глаза завидующие, а руки загребущие — очі завидючі, а руки загребуші.* Ещё А. Потебнёй было подмечено, что процесс “расщепления” фразеологических единиц определённых категорий создаёт качественно новые структуры [10:97-98]. В данном случае ассоциация с развёрнутой формой фразеологизма, где наблюдается своеобразная амплификация упомянутого суффикса, также порождает дополнительные коннотации в семантике славянских фразеологизмов.

Отмечено, что эквивалентные ФЕ в некоторых из сопоставляемых языков имеют синонимы, которые, как известно, являются носителями специфической информации об одном и том же денотате. Например, для оценочной характеристики избалованного, изнеженного молодого человека в исследуемых языках употребляются эквивалентные фразеологизмы *маменькин сынок — мамин синок — das Muttersöhnchen sein.* В то же время в русском языке это значение передаёт и выражение *папенькин сынок.* Для характеристики прожорливого человека (*есть за троих — їсти за трьох — für drei essen*) в русском языке имеется также выражение *есть за четверых,* акцентирующее экспрессивность семантики фразеологизма. Такого рода синонимические модификации не нарушают семантического тождества и тождества доминирующих лексем в структуре эквивалентных фразеологизмов (“сынок”, “есть”). В то же время идентичные по составу и значению синонимические ряды фразеологизмов нередко дополняются в том или ином

языке семантически сходными, но лексически не эквивалентными фразеологизмами. Примером тому являются ФЕ со значением “лицемерный, прикрывающий свои дурные намерения маской добродетели человек”: *волк в овечьей шкуре; двуликий Янус — вовк в овечій шкурі; дволикий (двулиций) Янус — ein Wolf im Schafspelz; doppelkopfiger Janus*. В украинском языке указанное значение передаёт и выражение *дивиться лисицею, а думас вовком*.

Таким образом, фразеологические эквиваленты, характеризующие человека в русском, украинском и немецком языках, отмечены общностью семантики, единством внутреннего образа и функциональной идентичностью. Но даже при таком максимальном соответствии ФЕ могут иметь лексико-грамматическое варьирование или дифференциальную сему, стоящую на периферии семантики фразеологизма.

Не менее обширную группу составляют ФЕ, которые сходны по своей семантике, но лишь частично совпадают по составу в русском, украинском и немецком языках. Дифференциализация фразеологизмов может быть обусловлена отсутствием или наращиванием некоторых компонентов их структуры в том или ином языке, напр.: *преданный душой и телом — відданий душею (серцем) — mit Leib und Seele ergeben sein; готов в огонь и воду — у вогонь і в воду — durchs Feuer gehen* (букв. “идти сквозь огонь”); *слово / слова надо клещами тащить (вытягивать) — обценьками не вирвеш (не витягнеш) слова — sich jedes Wort (einzeln) aus der Nase ziehen lassen* (букв. “каждое слово заставлять вытягиваться (отдельно) из носа”). Наращивание структуры немецкого фразеологизма, вероятно, возникло из ассоциации с пыткой клещами.

Сходные по семантике и частично по составу ФЕ в русском, украинском и немецком языках могут иметь линейные соответствия (1:1:1), что подтверждают приведенные выше примеры, но чаще — векторные (1:N:N): *ходит (расхаживает) как [большой (важный)] барин — великий пан; велике цабе; велика цяця; велика птиця — den [grossen] Herrn spielen (herauskehren)* (букв. “выступать как [большой] господин”). При любом типе соответствий фразеологизмов в их структуре сохраняется доминирующий компонент или близкий к нему по значению, обеспечивающий семантико-функциональное сходство ФЕ. Так, для характеристики человека болтливой, пустомели в русском, украинском и немецком языках используются соответственно фразеологизмы: *бойкий на язык — клепаний на язык; на язык швидкий — das Schnattermaul haben* (букв. “иметь болтливый рот”). Доминирующими в этих фразеологизмах являются лексемы “язык” и “рот”, соотносящиеся с общим для носителей русского, украинского и немецкого языков понятием — “органы речи”. В этой связи убедительным является утверждение В. Ярцевой о том, что от сравнительного изучения мало пользы, если приходится каждый раз констатировать, что сравниваемые предметы не имеют ничего общего. “Сравнение языков возможно и плодотворно лишь при наличии хотя бы одного сходного элемента их структуры” [15:5]. Таким элементом может оказаться и сходство интегральных сем в словах, формирующих семантическую общность ФЕ. Показательны в этом отношении фразеологизмы, характеризующие несдержанного, вспыльчивого человека: *с огнём — гаряча натура — der Feuerkopf sein* (букв. “быть пламенной головой”). В значении слов “огонь”, “горячий”, “пламенный” актуализируется сема “высокая температура”. Общее для носителей разных языков представление о разрушительной силе огня, очевидно, и было заложено в образную характеристику вспыльчивого человека.

Ассоциации, лежащие в основе фразеологизмов со сходной семантикой, могут быть как общими для разных национальных культур, так и различными. Одинаковые ассоциации прослеживаются в фразеологизмах, характеризующих хитрого и лстивого человека: *Луца Пампукеевна — Лис Микита; лисичка-сестричка; лисом підштий; старий лис — ein alter Fuchs* (букв. “старый лис”). Такого типа фразеологизмы “выполняют роль эталонов, стереотипов культурно-национального мироощущения” [13:152]. В особенностях ассоциативных связей, формирующих семантику ФЕ, проявляется национальная специфика фразеологизма. В украинском языке выражение “старый лис”, будучи многозначным, может характеризовать также человека опытного, закалённого жизнью, бывалого, выносливого, которого сложно перехитрить, обмануть. Ассоциации с абсолютно разными предметами сформировали значение фразеологизмов, характеризующих человека беспокойного, непоседливого, вертлявого: *живой как ртуть — як живчик — unruhig wie Quecksilber sein* (букв. “быть беспокойным как ртуть”). Если в русском и немецком фразеологизмах фигурирует один и тот же образ — ртуть, то в украинском фразеологизме это образ пульсирующей жилки. Название предмета и его признака отразилось в семанти-

ке существительного “живчик”, а потому и не имеет атрибутивного конкретизатора в структуре украинского фразеологизма.

Распределение ФЕ по типу их соотношений в сравниваемых языках на эквивалентные и близкие по структурно-семантическим признакам является в определённой степени условным, поскольку фразеологическое разнообразие живого языка выходит за фиксированные рамки любой классификации. В этой связи можно говорить и о смешанном типе соотношений фразеологизмов в русском, украинском и немецком языках. В качестве примера могут быть ФЕ со значениями: *искренний, прямодушный: что на уме, то и на языке — що на умі, те й на язиці — wes das Herz voll, ist des geht der Mund über* (букв. “чем полно сердце, то проходит через рот”); *das Herz auf der Zunge haben (tragen)* — (букв. “сердце на языке иметь (носить)”); *смелый: не [из] робкого (трусливого) десятка — не [з] лякливого десятка; не з полохливих; не з боязких; редко, не страшкові діти — keiner von den Zaghaften sein* (букв. “быть не из робких”).

Иногда эквивалентные или близкие по структурно-семантическим особенностям ФЕ имеют в одном из языков фразеологический синоним, целиком отличающийся по составу от предыдущих, что также подчёркивает его национальную специфику. Например, высокомерного, заносчивого человека характеризуют выражения: *манія величчя; ходит как павлин — манія величі — der Grossenwahn (die Grossmanssucht) haben*. Бездельника и лентяя характеризуют такие фразеологизмы: *пальцем не пошевелит; и пальца не погнёт; и пальца не подымет; палец в ухе держит — пальцем не ворухне; мізинним пальцем не вдарить; палець о палець не вдарить; ні за холодну воду — keinen Finger rühren; keinen Finger krummen* (букв. “не согнуть ни пальца”). О наблюдательном, замечаящем всё вокруг человеке говорят такие фразеологизмы: *держать ухо остро — насторожити вуха; держати (тримати) вуха гостро; оглядатися (поглядати) на задні колеса — die Ohren spitzen* (букв. “уши наострить”); *scharf aufmerken* (букв. “остро прислушиваться”).

Сопоставление синонимических рядов ФЕ русского, украинского и немецкого языков наглядно демонстрирует как общие, так и дифференциальные признаки фразем. Последние являются индикатором национально-языковой специфики фразеологии.

Наиболее выразительно отражают особенности национального менталитета и культуры безэквивалентные фразеологизмы. Таковыми являются ФЕ, представленные лакунами в другом языке. Лакуна “представляет собой отсутствие межъязыкового соответствия в одном языке относительно другого” [12:26]. При этом важно учитывать тот факт, что ФЕ одного языка, являясь безэквивалентными относительно другого, могут иметь прямые соответствия в иных языках.

Безэквивалентными фразеологизмами русского языка являются, в частности, следующие: *балалайка бесструнная, рубаха-парень, кисейная барышня, церковная кликуша, вырос в хлопочках*. В украинском и немецком языках этим ФЕ соответствуют лакуны. Значения безэквивалентных фразеологизмов могут передавать либо лексемы, либо свободные словосочетания. По мнению М. Кочергана, во многих случаях эквивалент-слово имеет достаточно высокий уровень внутренней экспрессии, которая компенсирует отсутствие фразеологического словосочетания с тем же значением [6:340]. Например, безэквивалентной русской фраземе *забубённая головушка* соответствуют в украинском языке несколько слов с выразительной внутренней формой: *шибайголова, зайдиголова, урвиголова, пробийголова*.

Структуру безэквивалентных фразеологизмов нередко формирует лексика, отражающая определённый национальный колорит. В украинском языке это иллюстрируют следующие фразеологизмы: *як з ключа батіг* (никудышний); *мов кулик на вітер* (обст. — огорчённо, насупившись); *як порося на орчику* (возвеличивать себя); *кислиці розсипати* (становиться безвольным, жаловаться); *позичати у Сірка очі* (терять совесть, чувство собственного достоинства); *знати тільки з миски (носа) та в рот* (не разбираться ни в чём). Примером безэквивалентных ФЕ немецкого языка являются фразеологизмы, обозначающие такие качества человека: *вялый, инертный, малоподвижный, безынициативный: eine lahme Ente* (букв. “хромотая утка”); *пронырливый, жуликоватый: wo Bartel den Most holt wissen* (букв. “знать, где Бартель приносит молодое вино”); *чутко воспринимающий, тонко чувствующий: ein feines Ohr für etwas haben* (букв. “иметь чуткое ухо на что-либо”); *отличающийся большой прозорливостью, проницательностью, дальновидностью: das Gras wachsen hören* (букв. “слышать, как растёт трава”).

Следует отметить, что в немецком языке при сопоставлении его с русским обнаруживается значительно больше лакун, нежели в украинском на фоне русского. И это закономерно, поскольку

ку генетическое родство славянских языков обусловило сходство их на всех уровнях, включая фразеологический. В качестве примера, отражающего лакунарности в немецком языке, можно привести фразеологизмы с такими значениями: *чрезвычайно скромный, незаметный, тихий человек: тише воды [и] ниже травы — тихший води, нижчий трави; прилежный, трудолюбивый: как пчёлка; как вол; как муравей — як бджілка; як [чорний] віл; очень щедрый: последнюю рубашку отдаст — зніме (скине) і віддасть останню сорочку (з себе); очень молчаливый: как воды в рот набрал — як води в рот набрав; тупой, упрямый: упрямый как осёл — упертий як осел; легкомысленный: ветер в голове — вітер у голові [грає, свище]; склонный к воровству: нечист на руку — нечистий (хапкий) на руку. Только изредка можно наблюдать лакуны в украинском языке по отношению к фразеологизмам русского языка: тихий как мышка — (Mucks) Mäuschen sein (о застенчивом и скромном человеке). Сходный по лексическому составу украинский фразеологизм *мишача душа* функционирует в значении “боязливый, мелочный человек, способный на подлость”.*

Учитывая семантические, формальные и функциональные показатели ФЕ с суперконцептом *человек* в русском, украинском и немецком языках, можно сделать следующие выводы:

1. Фразеологизмы в исследуемых языках имеют три основных типа соотношений: эквивалентные, сходные и безэквивалентные.

2. Эквивалентные ФЕ имеют полное структурное, семантическое и функциональное соответствие. Это соответствие обусловлено сходным осмыслением денотатов у разных этносов, а также общностью книжных источников происхождения фразеологизмов. Эквивалентные отношения чаще наблюдаются между отдельными ФЕ русского, украинского и немецкого языков и реже — между фразеологическими синонимами этих же языков. В структуре ФЕ с эквивалентными отношениями может иметь место лексико-грамматическое варьирование, если оно не нарушает единства внутреннего образа и функций, а следовательно, и эквивалентности фразеологизмов.

3. Сходные соотношения имеют ФЕ, семантика которых строится на различного рода ассоциациях: одинаковых, сходных, иногда и разных. Будучи своеобразным культурным кодом, ассоциации в образной форме передают значения ФЕ и в то же время подчёркивают их национально-языковую специфику.

4. Наиболее ярко отражают национальный колорит безэквивалентные ФЕ. Лексические компоненты их структуры нередко акцентируют национальные реалии (*хлопочки, балалайка; кислиці, галушка; и т. п.*) или национальную окраску имён собственных (*Bartel; Сенька; Пилип, Сірко; и т. п.*), порождая тем самым лакуны в других языках.

5. ФЕ с различным типом соотношений в русском, украинском и немецком языках, характеризую человека, указывают в большинстве случаев на его отрицательные черты. Такая тенденция, по-видимому, связана с психоментальными факторами, общими для разных национальных культур, что и нашло своё выражение в фразеологических средствах языка.

1. Березнева І. М. Особливості вивчення фразеологічних одиниць із соматизмами як наукова проблема // Лінгвістичні дослідження. — К., 2000. — №5.
2. Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь. — М., 1975.
3. Дякова Т. О. Фразеологічна картина світу як складова мовної картини світу // Лінгвістика. — 2005. — № 1 (4).
4. Каракуця О. М. Лінгвокультурологічний аналіз фразеологізмів з компонентом *душа* // Лінгвістичні дослідження. — К., 2001. — № 6.
5. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. — М., 1958.
6. Кочерган М. П. Основы зівставного мовознавства. — К., 2006.
7. Майборода О. А. Внутрішня форма фразеологізму як відтворення національної самобутності мовного колективу // Лінгвістичні дослідження. — К., 2000. — № 4.
8. Мальцева Д. Г. Немецко-русский словарь современных фразеологизмов. — М., 2003.
9. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. — М., 1986.
10. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. — Харьков, 1930.
11. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти). — К. — Черкаси, 2004.
12. Стернин И. А. Принципы описания фразеологии в контрастивных словарях // Контрастивная лексикология и лексикография. — Воронеж, 2006.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996.
14. Фразеологічний словник української мови / За ред. Л. С. Паламарчука. — К., 1993. — Кн. 1 — 2.
15. Ярцева В. Н. О сопоставительном методе изучения языков // НДВШ. Сер. Филол. науки. — 1960. — № 1.

V. V. Gorban', A. L. Porozhniuk

PHRASEOLOGICAL UNITS CHARACTERIZING A PERSON IN RUSSIAN, UKRAINIAN AND GERMAN

The article is dedicated to the comparative study of Russian, Ukrainian and German phraseological units characterizing a person. It deals with different types of phraseological unit correlations, their structural, semantic and functional features. The author examines equivalent, semi-equivalent and non-equivalent phraseological units, presented by lacunas in another language, and analyzes paradigmatic groups (synonymic series, antonymic pairs) in different types of phraseological unit correlations.

Key words: phraseological unit, equivalence, lacuna, paradigm.

В. В. Горбань, А. Л. Порожнюк

ФРАЗЕОЛОГІЗМИ ІЗ СУПЕРКОНЦЕПТОМ ЛЮДИНА В РОСІЙСЬКІЙ, УКРАЇНСЬКІЙ ТА НІМЕЦЬКІЙ МОВАХ

Стаття присвячена зіставному дослідженню російських, українських та німецьких фразеологізмів, які характеризують людину. Типологію фразеологічних одиниць здійснено з урахуванням структурно-семантичних та функціональних особливостей фразеологічної мікросистеми у кожній із досліджуваних мов. Розглянуто еквівалентні, частково еквівалентні та безеквівалентні фразеологізми, представлені лакунами в інших мовах. Проаналізовано парадигматичні групи (синонімічні ряди, антонімічні пари) у різних типах фразеологічних співвідношень.

Ключові слова: фразеологізм, еквівалентність, лакуна, парадигма.

УДК [811.161.1+811.161.2+811.112.2]'373.74'367.627

Ю. Н. Луцеева

Русские фразеологизмы с числительными *семь, седьмой* (в сопоставлении с украинскими и немецкими соответствиями)

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу фразеологизмов, имеющих в своём составе компонент-числительное *семь, седьмой* в русском, украинском и немецком языках. Раскрывается национальное своеобразие и национально-культурная специфика исследуемых фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент-числительное, национально-культурная специфика, *семь, седьмой*, русский, украинский и немецкий языки.

Язык — это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре, поэтому начиная с XIX в. (Я. Гримм, Р. Раск, В. Гумбольдт, А. А. Потебня) и по сей день проблема взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в языкознании [11: 59].

Одним из направлений, занимающихся разработкой проблем взаимосвязи языка и культуры, является этнолингвистика, которая изучает взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихических факторов в народной культуре, психологии и мифологии. Ярким носителем культурной информации является фразеология, “сокровищница языка, хранящая древнейшие слова, отжившие свой век грамматические формы и забракованные временем и литературной нормой синтаксические конструкции. Консервируя форму, она консервирует и содержание — национальные обычаи, поверья, исторические предания, образное видение мира” [12: 25]. Фразеологизмы отражают национальный способ мировидения, миропонимания сквозь призму национальной культуры, т. е. содержат в себе национально- культурную специфику, которая

наиболее ясно выявляется при сопоставлении разных языков. Национальная специфика объективно обусловлена природными и культурными реальностями, присущими жизни одного народа и отсутствующими у другого, а субъективно — произвольной избирательностью человека, “когда слова, отражающие одни и те же реальности, представлены различно во фразеологии разных языков” [22: 261]. Культурная же специфика определяется соотношением фразеологизма “с элементом материальной или духовной культур данного общества, его истории, верований, обычаев, природно-географического кадра, в котором живёт данный народ” [там же].

Проблемы сопоставительной фразеологии нашли отражение в трудах А. Д. Райхштейна, Д. О. Добровольского, С. П. Ройзензона, Ю. Ю. Авалиани, О. Б. Ткаченко, Е. Ф. Арсентьевой, Э. М. Солодухо, А. А. Уфимцевой, О. А. Корнилова, В. М. Мокиенко, А. Г. Садыковой, З. З. Газиатуллиной, Л. К. Байрамовой и др. Одним из аспектов изучения сопоставительной фразеологии является изучение фразеологического корпуса языка на основании выделения какого-либо критерия: семантического (план содержания), структурного (план выражения), типологического (внутренняя форма) и др.

Целью данной статьи является проведение сравнительно-сопоставительного анализа фразеологизмов с компонентами-числительными *семь*, *седьмой* в русском, украинском и немецком языках, выявление среди них полных и неполных структурно-семантических эквивалентов, а также их этнолингвистическая характеристика.

Для полноты описания и анализа данных фразеологизмов мы обращаемся к рассмотрению их структуры, семантики, специфики компонентного состава, даём этимологический комментарий буквального значения ФЕ, “выявляем в их значении имплицитные культурные смыслы, являющиеся тем звеном, которое служит посредником между языком и культурой” [22: 9].

Актуальность данной темы обусловлена возрастающим в современной лингвистике интересом к сопоставлению механизмов вторичной номинации в разных языках и выявлению на материале фразеологизмов как общих, так и специфических особенностей языкового мышления и восприятия действительности языковыми коллективами.

Как известно, проникновение в систему образности фразеологии иностранного языка без знания буквального перевода ФЕ невозможно, однако перевод только общего смысла фразы не позволяет прочувствовать национальный колорит фразеологического фонда того или иного языка. Наличие в словаре фразеологического соответствия — лишь хорошо подобранный вариант, в котором “система образности иностранного языка искусственно подгоняется под привычную систему образности родного языка” [9: 279]. Поэтому, помимо эквивалентов в родном языке, каждый иностранный фразеологизм мы переводим дословно.

При анализе ФЕ мы руководствовались общеизвестной классификацией фразеологизмов В. В. Виноградова по степени семантической слитности, которая была дополнена Н. М. Шанским, включившим в состав фразеологии устойчивые выражения (поговорки, пословицы и афоризмы), т. е. все те устойчивые словосочетания, которые не производятся, а воспроизводятся в процессе коммуникации в готовом виде, т. е. “... в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава” [10: 559].

Среди проанализированных фразеологизмов с числительными *семь*, *седьмой* в русском, украинском и немецком языках выделяются 4 группы:

- 1) ФЕ, полностью сопадающие по семантике и структуре;
- 2) ФЕ, имеющие одинаковую семантику, но частично отличающиеся отдельными компонентами и структурой;
- 3) ФЕ, полностью отличающиеся формой, но выражающие тождественные или близкие значения;
- 4) безэквивалентные фразеологизмы, не имеющие соответствия во фразеологической системе других языков.

В первую группу вошли фразеологизмы с тождественной семантикой, структурно-грамматической организацией и тождественным компонентным составом. Это такие фразеологизмы, как, например, рус. *книга за семью печатями* [20: 128] / укр. *книжка за сьома (сімома) печатями* [15: 251] / *ein Buch mit sieben Siegeln* [4: 109]. Интернациональность данных ФЕ объясняется их давним происхождением: они употребляются ещё в Библии и являются книжными, поэтому в разных языках полностью сохраняется их лексико-грамматическая и семантическая организа-

ция. Число семь в культуре многих этносов свидетельствует о надежности и в переносном смысле означает ‘много’.

К устойчивому выражению из древней классической литературы восходит фразеологизм *быть на седьмом небе* [5: 399–400] / укр. *на сьомому небі* [21: 266]. В сочинении Аристотеля “О небе” отражены представления древних людей о том, что небо состоит из семи сфер: считалось, что на самом верхнем небе находится рай. Это выражение упоминается в Коране и Библии и носит религиозную окраску. Оно полностью сохраняет синтаксическую и лексическую структуру, присущую литературному источнику. Число *семь*, употреблённое здесь в конкретном квантитативном значении, в сочетании со словом *небо* отражает концепт “блаженство” [1: 241–242], высшую радость и воспринимается носителями языка как лучшее, положительное.

По словам В. Н. Телия, “характерной чертой идиом является их опора на конкретную лексику, способную создавать наглядно-чувственный образ “обычных” свойств, действий, состояний, или же демонстрировать очевидную несуразность их буквального значения” [19: 15]. Так, в образе фразеологизма *до седьмого пота* [6: 186–187] / укр. *до сьомого поту* [3: 43] нашла своё отражение древнейшая метрическая картина мира: компонент *седьмой* соотносится с числовым кодом культуры, в системе которого число *семь* является эталоном крайнего предела, а также выражает обобщённое понятие множества [6: 187]. Компонент *пот* ассоциируется с физическими усилиями человека. В сочетании со словом *работать* этот фразеологизм означает, что человек сам выполняет работу до крайнего утомления, а в сочетании со словом *гонять* — выполнение работы вследствие принуждения другим лицом. Компонент *гонять* образно подразумевает перенесение качеств животных на человека: т. е. человека заставляют работать очень тяжело, подобно животному. Таким образом, во втором случае значение ФЕ усиливается за счёт дополнительной коннотации компонента *гонять*. Тождественность этих фразеологизмов в русском и украинском языках объясняется их восхождением к старославянскому языку.

Компонент *пот* встречается и в русско-украинском тождестве *семь потов сошло* [8: 448] / укр. *сім потів зійшло* [15: 317]. Полное совпадение ФЕ объясняется в данном случае близкородственностью языков, однако в украинском языке имеется и синоним *нагрів чуба* [15: 317], совершенно отличающийся компонентным составом от приведенных тождеств, но имеющий некоторое образное сходство. Компонент *нагрів* ‘нагрел’ — метафорически отсылает нас к образу тела, которое нагревается при чрезмерных физических усилиях: в русском фразеологизме *семь потов сошло* констатируется, что человеческие усилия проявляются через пот, который сходит семь раз (много), а украинское выражение *нагрів чуба* свидетельствует об особом национальном представлении о физических затратах. Как известно, длинные чубы на бритой голове носили запорожцы, украинские казаки. *Нагрів чуба* означает в украинском менталитете ‘вспотеть от тяжёлого физического труда’.

Во ФЕ нередко наблюдается явление многозначности. Интересна в этом аспекте русская поговорка *семь пятниц на неделе* [20: 374], которой соответствует украинское *сім п'ятниць на тиждень* и *сім неділь на тиждень* [21: 853]. Их значение ‘необязательность, непостоянство, склонность часто и непредсказуемо менять свои планы’ [5: 483; 6: 629–630] обусловлено восхождением образов как русских, так и украинских фразеологизмов к древним представлениям о порядке, об упорядоченности бытия человека как об идеале мироустройства. Нарушение порядка запечатлено в нарушении недельного временного кода, т. е. в замене совокупности имен (понедельник, вторник и т. п.), обозначающих членение времени на отрезки — дни недели, одним именем — пятница” [6: 630]. У В. И. Даля находим вариант *семь пятниц (семь праздников) на неделе* [7: 322], что толкуется примерно как ‘каждый день выходной’, именно это значение и отразилось в украинском варианте *сім неділь на тиждень*, где *неділя* — воскресенье, т. е. выходной день, в который ничего не делали.

Подобное отношение к пятнице наблюдаем и в немецком наименовании данного дня недели Freitag (что буквально значит ‘свободный день’), а также в английском языке — Friday. В Германии и Англии уже давно принята пятидневная рабочая неделя, поэтому пятница, последний рабочий день перед выходными, рассматривается как повод для расслабления (ср.: “пятничный синдром”).

Итак, наряду с полными фразеологическими тождествами в русском и украинском языках, объясняющимися общностью их происхождения из одного источника — древнерусского языка,

близостью территории и постоянными культурно-экономическими контактами этих народов, наблюдаются всё же ФЕ, тождественные по семантике, но совершенно отличающиеся образами и синтаксической структурой. Сравните, например, русские фразеологизмы-синонимы *семь бед — один ответ; двум смертям не бывать, а одной не миновать; где наше не пропадало* [23: 79–80] и украинские *сім бід — один одвіт; раз козі смерть більш копи (як півкопи), лиха не буде; чи пан, чи пропав — двічі не вмирати* [15: 317], отличающиеся ярким национальным колоритом.

Группа частичных русско-украинских фразеологических эквивалентов характеризуется незначительными различиями в плане выражения ФЕ тождественной семантики, которые могут носить компонентный или морфологический характер.

Частичные отличия лексических компонентов наблюдаются в русском фразеологизме *семь раз примерь (отмерь), один раз отрежь* и в его украинском соответствии *сім раз (тричі) відміряй (одмір), а раз відріж (утни); десять разів мір, а раз утни* [15: 317].

Совпадение плана содержания и некоторая вариативность лексических компонентов наблюдается и в русско-украинских фразеологических соответствиях *семь верст до небес и все лесом* [20: 60] / *сім верст до небес, і все пішки* [14], означающих многословную запутанную речь или дальнюю трудную дорогу. В этих фразеологизмах воплотилось представление русского и украинского этносов о большом расстоянии до небес — *семь верст/ сім верст*, что значило ‘очень много, далеко’. Образность выражения подчеркивается в русском языке компонентами *всё лесом*, что означает ‘трудность передвижения до небес без дорог, которых нет в лесу’, а в украинском — *все пішки* (пешком).

Лексический компонент *кисель* встречаем в русском фразеологизме *за семь вёрст киселя хлебать* [5: 75–76] и в его украинском соответствии *за сім верст киселю їсти* [17: 104], где русский и украинский варианты отличаются компонентами: *хлебать/ їсти*. Слово *верста* издавна у славян символизирует большое расстояние и является старинной мерой длины, составлявшей чуть больше километра. Словосочетание *семь вёрст* подчёркивает удалённость места, а напрасное стремление там побывать или возвращение оттуда ни с чем выражено в образе киселя. Кисель был блюдом повседневным и никогда не считался чем-то особенным или дорогим, поэтому ехать за ним далеко не было смысла. Выражение *за семь вёрст киселя хлебать* исконно русское, а в украинский язык попало, вероятно, путем заимствования. В украинском встречается также синонимичное *за шматок кишки піде сім верст пішки* [14].

Вариативные лексические компоненты и частичное отличие в синтаксической структуре наблюдаем и в русском фразеологизме *у семи нянек дитя без глаза* [13: 144] и в его украинском соответствии *де дві няньки, там дитя без ока* [13: 145]; *де багато (багацько) няньок, там дитя без голови; де багато няньок, там дитя каліка; сім баб — сім рад, а дитя безпупе* [13: 144]; *багато няньок — дитина без носа* [14], значение которых — ‘когда за какое-то дело берётся несколько человек, то оно выполняется не лучшим образом’, ‘безответственное отношение к чему-либо, что исполняется, когда люди или организации надеются друг на друга’ [13: 142]. Русский фразеологизм строится на сочетании компонента *у семи нянек*, что в переносном смысле означает ‘много опекунов’, и названии части тела ‘без глаза’, употреблённой в прямом значении. В украинских соответствиях наименования частей тела варьируются: *без ока, без голови, без носа, безпупе*.

Следующая группа — ФЕ, полностью отличающиеся по грамматической организации и компонентному составу, но выражающие одинаковые или близкие значения. Такие единицы характеризуются полным различием или приблизительным сходством внутренней формы

Сравните: рус. *семи пядей во лбу* — об очень умном, мудром человеке [20: 373] и укр. *мудра голова* [16: 317]. Старинная русская мера длины *пядь (пядень)* равнялась расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев [18: 571], а сама лексема восходит к древнерусскому глаголу *пяти*. Русский фразеологизм *семи пядей во лбу* не имеет сходжений со славянскими языками, но обнаруживает значительное сходство с ФЕ румынского и испанского языков: румын. *cu şapătă pâlme în frunte* (букв. с семью пядями во лбу, где *pâlma* — ‘ладонь, пядь’), исп. *tener mas de dos palmos de frente* (букв. иметь больше двух пядей во лбу, где *el palmo, los palmos* — ‘пядь’), следовательно человек *семи пядей во лбу* должен был иметь лоб высотой около полтора метров [5: 481–482]. В основу фразеологического образа ФЕ *семи пядей во лбу* легло отождествление величины лба и содержимого мозга, а метонимическое переосмысление выражает семантику ‘человек выдающихся умственных способностей, необыкновенного таланта, ума’ [6:

628-629]. Украинское соответствие *мудра голова* полностью отличается своими компонентами от русского аналога, но его стержневое слово *голова* и компонент русского фразеологизма *лоб* принадлежат к единому семантическому полю частей тела.

Полностью отличаются лексико-грамматической структурой русская ФЕ *семь верст до небес <и все лесом>* [20: 60] от немецкого соответствия *dunkel war der Rede Sinn (Schiller) [тёмный был смысл речи]* [2: 80]. Полное несовпадение обусловлено в данном случае отсутствием в немецкой метрической системе меры *верста*. Немецкий аналог взят из литературного источника (Шиллер), является книжным и от русского отличается ещё и не только по структуре, но и семантически: русское *семь верст до небес* имеет 2 толкования: ‘о многословной, запутанной речи’ и ‘о дальней, трудной дороге’, в то время как немецкое соответствие означает только ‘запутанность речи’. В таких отличиях ярко проявляется национальный колорит и самобытность культуры каждого этноса.

Уже описанная нами русская пословица *у семи нянек дитя без глазу* [13: 144] отсутствует в немецком языке, однако не является безэквивалентной: русский фразеологический синоним с аналогичной семантикой *у одной овечки да семь пастухов, у семи пастухов не стадо* [13: 145] соответствует немецкому устойчивому выражению *viele Hirten, übel gehütet* [много пастухов дурно оберегают] [2: 87], отличающемся от русского варианта прежде всего заменой конкретного числового компонента *семь* лексемой *много*, а также лексико-грамматической структурой. Отсутствие в немецком языке варианта с лексическим компонентом *няньки* объясняется, вероятно, тем, что само понятие няни немцам не известно. На Руси же существовал обычай приставлять няню к ребёнку, которая опекала его до замужества или женитьбы.

Абсолютным несовпадением внутренней формы в русском и немецком языке характеризуется ФЕ *семь пятниц на неделе* [20: 374]/нем. *jemand hat Dreiwurm* [4: 132] [кто-то имеет три червя], *alle naselang hat etwas anderes* [все длинноносые имеют что-то иное] [4: 414].

В группу безэквивалентных ФЕ, имеющих в русском языке и отсутствующих в немецком, вошли такие фразеологизмы: *семь пядей во лбу* [20: 373], *лук от семи недуг* [1: 212]. Пядями у немцев не меряли, а в полезные свойства лука хоть и верили, но вряд ли развешивали в избах во время эпидемий, как это делалось в России. В данных фразеологизмах проявляется национальная маркированность, которая объясняется тем, что подобные ФЕ обозначают, как правило, специфические явления жизни того или иного этноса, объекты их материальной или духовной культуры, быта, не свойственные другим народам. В них отражаются особенности психологии мышления, национального менталитета. В основе таких фразеологизмов лежат определённые явления действительности, проявившиеся в условиях жизнедеятельности данного этноса, специфические детали наблюдения за определенной ситуацией, что неизбежно накладывает свой отпечаток на смысловое содержание фразеологизмов.

Проанализированный материал позволил сделать следующие выводы: совпадения и отличия ФЕ в разных языках объясняются действием экстралингвистических и внутрилингвистических факторов. Интралингвистические факторы обусловлены системными свойствами разных языков, спецификой их лексики и синтаксиса, словообразовательного и грамматического строя. Экстралингвистические факторы, объясняющие тождества и частично совпадающие ФЕ, — это единые, универсальные способы отражения объективной действительности в сознании и в языке, в религии и в классической литературе, общность основных процессов социально-экономического развития, принадлежность к одному и тому же культурно-социально-историческому ареалу, а также заимствования, обусловленные постоянными международными культурными, экономическими и др. контактами различных этносов. Как справедливо заметил В. М. Мокиенко, “Любой язык — весьма разнородный сплав соевого и чужого, исконного и заимствованного, глубинно народного и “поверхностно” книжного” [12: 24].

Национально-культурная специфика, проявляющаяся в группе частично отличающихся, полностью не совпадающих и безэквивалентных ФЕ, базируется на особенностях культуры, верований, обычаев, обрядов, истории, места обитания, т. е. на особой, специфической языковой картине мира этносов, отражающей национальное мировидение и миропонимание.

1. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. — М.: ЭЛПИС, 2008. — 472 с.
2. Афонкин. Ю. Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов: Ок. 1200 единиц. — М: Русский язык., 1990. — 288 с.

3. Батюк Н. О. Фразеологічний словник. — К.: Радянська школа, 1966.
4. Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский словарь / Под ред. Малиге-Клаппенбах и Агрикола. — М.: Русский язык, 1975. — 656 с.
5. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. — С. ПБ.: Фолио-пресс, 2001. — 704 с.
6. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. — М.: АСТ-пресс книга, 2006 — 784 с.
7. Даль В. Н. Пословицы русского народа: Сборник в 2-х т. — М., 1984. — 383 с.
8. Жуков В. П., Сидоренко М. М., Шкляр В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка: Ок. 730 синоним. рядов / Под ред. В. П. Жукова. — М.: Русский язык, 1987. — 352 с.
9. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производное национальных менталитетов. — М.: Че Ро, 2003. — 349 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990.
11. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: ИЦ "Академия", 2004. — 208 с.
12. Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. — С. ПБ.: Фолио-пресс, 1999. — 464 с.
13. Мокиенко В. М. Почему так говорят? От Авося до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. — С. ПБ.: Норинт, 2004. — 512 с.
14. Народ скаже — як зав'яже: Українські народні прислів'я, приказки, загадки, скоромовки. — К.: Веселка, 1985. — 173 с. [Електронний ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ukrlib.com/Biblioteka/NarodSkazheIakZaviazhe/PrisliviaPrikazki.html>
15. Олейник И. С., Сидоренко М. М. Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь. — К.: Рад. школа, 1971. — 352 с.
16. Олійник І. С., Сидоренко М. М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. — К.: Рад. школа, 1991. — 400 с.
17. Скрипник Л. Г. Фразеологія української мови. — К.: Наук. думка, 1973. — 248 с.
18. Словарь русского языка: В 4-х т. /АН СССР, Ин-т русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981-1984.
19. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. — М.: Наука, 1981. — 269 с.
20. Фразеологический словарь русского языка. Св. 4000 словарных статей / Под ред. А. И. Молоткова. — М.: Сов. энциклопедия, 1968. — 352 с.
21. Фразеологічний словник української мови / Уклад.: В. М. Білоноженко та ін. — К.: Наук. думка, 1999. — 984 с.
22. Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки рус. культуры, 1999. — 336 с.
23. Цвиллинг М. Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок: Ок. 700 единиц. — М.: Русский язык, 1984. — 216 с.

Yu. N. Lutseieva

RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS CONTAINING NUMERAL COMPONENT *SEVEN*, *SEVENTH* (IN COMPARISON WITH UKRAINIAN AND GERMAN COUNTERPARTS)

The article focuses on comparative analysis of the phraseological units containing numeral component *seven*, *seventh*, on the basis of Russian, Ukrainian and German languages. National diversity and specific character of national culture of phraseological units under consideration is disclosed.

Key words: phraseological unit, numeral component, national culture, seven, seventh, Russian, Ukrainian, German.

Ю. М. Луцєва

РОСІЙСЬКІ ФРАЗЕОЛОГІЗМИ З ЧИСЛІВНИКАМИ СІМ, СЬОМИЙ (У ЗІСТАВЛЕННІ З УКРАЇНСЬКИМИ ТА НІМЕЦЬКИМИ ВІДПОВІДНИКАМИ)

Стаття присвячена зіставно-порівняльному аналізу фразеологізмів, які мають у своєму складі компонент-числівник *сім*, *сьомий* у російській, українській та німецькій мовах. Розкривається національна своєрідність та національно-культурна специфіка досліджених фразеологічних одиниць.

Ключові слова: фразеологізм, компонент-числівник, національно-культурна специфіка, *сім*, *сьомий*, російська, українська та німецька мови.

Латиноязычные пословицы и поговорки с опорным компонентом фитонимом

В статье приводится классификация фитонимов в составе латиноязычных пословиц и поговорок. Прослеживается сходство и различие в средствах выражения латиноязычных паремий, в составе которых присутствует фитонимный компонент, с русскими фразеологическими эквивалентами.

Ключевые слова: пословица, компонент, фитоним, семантический эквивалент, сопоставление.

Пословицы и поговорки с названиями растений составляют особую группу фразеологизмов. Хотя их образной основой являются растения, почти все фразеологические единицы говорят о поведении или качествах человека, о ситуациях, событиях, обладают оценочным потенциалом. С древнейших времён человек использовал растения для своих нужд вначале в форме собирательства дикой флоры, затем вводя их в культуру. Фитонимные образы стали активно использоваться в качестве образной характеристики окружающей действительности и человека. Основные значения исследуемых единиц явились базой для возникновения фразеологических значений первоначально свободных словосочетаний путем метафоризации и метонимизации. Фитонимы в составе пословиц и поговорок становятся традиционными понятийными образами метафоры, связанными с вечными ценностями и представлениями людей о сущности жизни.

Фразеологизмы с названиями растений и животных рассматривались такими русскими лингвистами, как В. Виноградов, В. Жуков, Н. Шанский, В. Телия и др. В последние годы подобные группы фразеологизмов все чаще исследуются в рамках компаративной лингвистики. Идея исследования фразеологического материала с позиций типологии была инициирована работами В. Г. Гака и А. Д. Райхштейна [4].

Исследования в области языкового сопоставления фразеологических единиц с различными онимами всё чаще появляются на страницах научных журналов, в том числе и в Беларуси [1]. Наиболее перспективным представляется сравнительно-сопоставительное изучение фразеологических значений, предполагающее поиск как общего, так и особенного в семантической природе фразеологизма. Из последних работ такого рода особенного внимания заслуживают труды В. Н. Телия и Ю. П. Солодуба [5].

Цель данной статьи — рассмотреть в составе латиноязычных паремий именные компоненты — названия растений. В задачу статьи входит: 1) выявить лексико-семантические группы фитонимов, частоту их употребления; 2) проследить на лексико-семантическом уровне соотношение латиноязычных паремий с русскими фразеологическими эквивалентами.

Объектом исследования являются 58 латиноязычных пословично-поговорочных выражений, содержащих в своем составе именные фитокомпоненты. Материалом для их выявления и сопоставления послужил сборник латиноязычных пословиц и поговорок “Из античной мудрости” [2].

В сборнике, насчитывающем около трех тысяч латиноязычных пословично-поговорочных выражений, обнаружено 58 единиц с собирательными и конкретными существительными — названиями растений или частей растений. Все эти названия в соответствии с первичным значением можно распределить по следующим группам:

1. Деревья: *дуб, яблоня, фиговое дерево*;
2. Плоды: *яблоки, орехи, смква*;
3. Овощи: *горох, капуста, чеснок, лук*;
4. Злаки: *ячмень, чечевица*;
5. Цветы: *роза, мимоза*;
6. Другие растения: *чемерица, тростник, морской лук, мох*;
7. Меронимы (названия частей растений): *корень, лист(ья), ствол, семя, шипы, зелень, солома, веточка (лавровая)*;

8. Собирабельні поняття: *дерево, плод, трава, сено, квіти, ліс, ржище, урожай*.

Всього в списку представлено 32 назви, які можна віднести до класу фітонімів. Причому, що латинські іменники, що стосуються до рослинного світу, в своєму більшості не створюють національно маркованих паремій. Всі вони в тій чи іншій ступені існують не тільки в античній, але і в інших культурах. До екзотичним рослинам можна віднести, мабуть, тільки *морської цибулі* і *чечевицю*.

По ступені употребельності фітоніми розподіляються в наступному порядку: плод (*fructus*) — 6, орех (*nux*) — 5, дерево (*arbor*) — 4, трава (*herba*) — 4, роза (*rosa*) — 4, смоква (*figus*) — 3, капуста (*crambe/caulis*) — 3, дуб (*quercus*) — 2, яблуко (*malum*) — 2, горох (*cicer*) — 2, корінь (*radix*) — 2, лист/листя (*folius/ frons*) — 2, яблоня (*malus*) — 1, смоковниця (*figus*) — 1, часнок (*allium*) — 1, цибулі (*caepa*) — 1, чечевиця (*lens*) — 1, ячмень (*hordeum*) — 1, стебель (*culmus*) — 1, соломка/ржище (*stipulae*) — 1, мимоза (*mimosa*) — 1, чемериця (*(h)elleborus*) — 1, тростник (*scirpus*) — 1, мох (*muscus*) — 1, морської цибулі (*squilla*) — 1, насіння (*semen*) — 1, шипи (*spina*) — 1, сено (*fenum*) — 1, урожай/ хліб на корню (*seges*) — 1, ліс (*silva*) — 1, лаврова гілочка (*laureola*) — 1.

Як можна помітити, ступінь употребельності фітонімів не залежить від фрейма. В числі фразеологічних активних найменувань з світу флори використовуються як збирабельні іменники (*плод, дерево, трава*), так і конкретні назви (*орех, роза, смоква, капуста*). На дослідженій матеріалі чотири фітоніми зустрілися двічі, решта — по одному разу.

Слід відзначити, що кількість паремій з опорним компонентом зоонімом, виділених на згаданій вище словниковій масиві, виявилася значно більше кількості одиниць з фітокомпонентом (100 прислів'їв і приказок з назвами млекопитаючих тварин і 58 з назвами рослин). Подібне непропорційне співвідношення можна пояснити кількістю і видовим різноманіттям тваринного світу порівняно з рослинним (1,5 млн. тварин і 500 видів рослин), так і орієнтацією на наочні зображення про тварин [3:19].

Аналіз латиноязычних прислів'їв і приказок з фітокомпонентом в порівнянні з російськими фразеологічними компонентами показав, що в 46 випадках (79,4 %) образи, що лежать в основі порівнюваних одиниць, не збігаються. Семантика російських фразеологічних паралелей виражається іншими лексическими засобами. Латиноязычні прислів'я з фітокомпонентом в російській мові його не містять:

Adhuc tua messis in herba est. Ovidius. — Твоя жатва ще в траві. Ср. рос.: Не говори гоп, поки не перепрыгнешь.

E fructu arbor cognoscitur. — Дерево знають по плоду. Ср. рос.: Яблуко від яблони недалеко падає.

Arbor mala, mala mala. — Плохое дерево (яблоня) — плохіє яблука. Ср. рос.: С дурного куста і ягода пуста.

Ego tibi de alliis loquor, tu respondes de caepis. — Я говорю тобі про часнок, а ти відповідаєш про цибулі. Ср. рос.: Я про Фому, а він про Ерему. Я про сапоги, а він про пироги.

Ficos dividere. Martialis. — Ділитися смоквами (т. е. чимось не потрібним, нічого не стоящим). Ср. рос.: На тебе, Боже, що нам не гоже. Що нам не мило, то попу в каділо.

Hordeum editur et vituperatur. — Ячмень їдять і (его же) хулять. Ср. рос.: У Філі були, да Філю ж побіли. Злий чоловік у кого милости просить, того і поносить.

Nodum in scirpo quaerere. Plautus. — Іскать вузли в тростнику (т. е. іскать труднощі, яких немає). Ср. рос.: Ломитися в відкриту дверь.

Qui pavet ex culmis, stipulis non incubat ullis. — Хто боїться соломи, той не ходить по ржищу. Ср. рос.: Волків боятися — в ліс не ходити.

В 12 випадках (20,6 %) спостерігається збіг російських фразеологічних паралелей з латинськими пареміями як за значенням, так і за визначаючою семантику лексическому компоненту. Наприклад:

Mala herba cito crescit. — Плохая **трава** швидко росте.

Ad primos ictus non corrui ardua quercus. — С першого удару не падає високий дуб. Рос.: Не срубивши **дуба**, не віддуть губи.

Non procul a proprio stipite poma cadunt. — Яблука падають недалеко від власного стовбу. Рос.: **Яблуко** від **яблони** недалеко падає.

Doctrina est fructus dulcis radicis amarae. — Ученість є солодкий плод гіркої кореня. Рос.: **Корінь** навчання гіркий, да **плод** його солодкий.

Etiam post malam segetam serendum est. — И после плохого **урожа́я** надо сеять.

Nucleum qui vult esse e nuce, frangat nucem. *Plautus.* — Кто хочет съесть ядро, пусть разобьет орех.
 Рус.: Не разгрызешь **ореха** — не съешь **ядра**.

Saxum volutum non obducitur musco. — Катучий камень **мхом** не обрастает.

Семантика латиноязычных паремий с названиями растений обусловлена непосредственно лексико-семантическим потенциалом образующего фитокомпонента. Латиноязычные пословицы и поговорки, одним из компонентов которых является название растения или его части, составляют свою семантическую подгруппу в корпусе латинской фразеологии. Фитонимы характеризуются разной степенью активности, которая определяется их значением, важностью в жизни человека. Чаще других употребляются лексемы: *плод, орех, дерево, трава, роза*.

Большинство латиноязычных пословиц и поговорок с фитокомпонентом имеют семантические аналоги в русском языке, что объясняется совпадением мысленного отображения реальной действительности у носителей разных языков и общих элементов культуры — так называемых универсалий. Совпадение смысловой и образной структуры в латинских и русских фразеологизмах составляет 20,6 %. В 79,4 % русскоязычных параллелей одно и то же содержание выражается другими лексическими средствами. В латиноязычных пословицах и поговорках с названиями растений наблюдается наибольшая корреляция между тематической отнесённостью слова и идеографическими свойствами.

1. *Быковская О. А.* Русские и английские фразеологизмы с названиями явлений природы: зависимости между семантикой и идеографическими свойствами слова-компонента и фразеологического оборота // *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.* — 2005. — №1. — С. 85-89; *Голяк С. В.* Сербская и белорусская фразеология с зоокомпонентом (зависимости между свойствами фразеологизма и слова-компонента). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 // БГУ. — Мн., 2003; *Иванов Я. Я.* Семантика афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.* — 2004. — №1. — С. 63-68; *Рогачэва А. В.* Назоўнікавыя заакампаненты ў фразеалагізмах сучаснай літаратурнай мовы // *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.* — 2008. — №1. — С. 49-53; *Чудинов А. П.* Фитонимная метафора в современной политической речи // *Русская речь.* — 2004. — №1. — С. 65-70; *Ян Жуй.* Фитонимы с метафорической мотивированностью в русском и китайском языках // *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.* — №1. — 2008. — С. 19-21.
2. *Из античной мудрости.* Латинские пословицы и поговорки с русскими соответствиями/ Автор-составитель Н. А. Гончарова. — Минск, 2004.
3. *Маркелова Т. В., Хабарова О. Г.* Метафорическая ценность фразеологизмов с опорным компонентом зоонимом или фитонимом // *Филологические науки.* — 2005. — №5. — С. 17-27.
4. *Райхштейн А. Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии: (для институтов и факультетов иностранных языков). — М., 1980.
5. *Солодуб Ю. П.* Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений // *Филологические науки.* — 1997. — №5. — С. 43-54; *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996.

N. A. Goncharova

LATIN PROVERBS AND SAYINGS WITH PHYTONIM SUPPORTING COMPONENT

The article presents a classification of phytonims Latin proverbs and sayings. The author traces the similarity and distinction in the means of expression of the Latin language paroemias which contain a phytonim component as well as their equivalents in Russian phraseology.

Key words: proverb, component, phytonim, semantic equivalent, comparison.

Н. А. Гончарова

ЛАТИНОМОВНІ ПРИСЛІВ'Я ТА ПРИКАЗКИ З ОПОРНИМ КОМПОНЕНТОМ ФІТОНІМОМ

У статті наведено класифікацію фітонімів у складі латиномовних прислів'їв та приказок. Простежено подібність і різницю в засобах вираження латиномовних паремій, у складі яких знаходиться фітонімний компонент, з російськими фразеологічними еквівалентами.

Ключові слова: прислів'я, компонент, фітонім, семантичний еквівалент, зіставлення.

ПИТАННЯ СЛОВОТВОРУ ТА МОРФОЛОГІЇ

УДК [811.11+811.16]’373.211.1-115

О. Н. Скляренко

О некоторых разновидностях суффиксальных образований в ойконимии (типологический аспект)

В статье рассматривается типологическое сопоставление топонимических суффиксов в разных языках. Аргументируется типологический изоморфизм их трансформирующих путей.

Ключевые слова: суффикс, топоформант, ойконим, дериватема, германские и славянские языки.

Аффиксальные образования, к которым применим термин *дериватемы*, предложенный И. И. Коваликом [11: 28-32], можно разделить на две основные, но далеко не равнозначные группы — суффиксальные и префиксальные. В восточнославянских языках суффиксальный способ словообразования является наиболее распространённым и продуктивным в сфере имён существительных, а префиксальный наиболее широко используется при образовании глаголов [ср., напр., 29: 28, 45].

В языкознании господствует мысль, что суффиксы возникли из бывших конечных компонентов сложных слов. Однако И. И. Ковалик подчеркивает, что суффиксы образуются не только из бывших конечных компонентов композитов или самостоятельных лексических единиц, но и из бывших флексий в результате морфологического переразложения слов путём заимствования из других языков [10: 32].

В разных языках преобладает тот или иной способ образования суффиксов. В славянских языках редко можно установить происхождение суффиксов из бывших самостоятельных слов, и суффиксальные топонимы в подавляющем большинстве можно охарактеризовать как подлинные суффиксальные образования. Некоторая часть топонимических дериватем в английском языке (и шире — в германских языках) также образована при помощи подлинных топонимических суффиксов. Таким является, например, древнейший общегерманский топонимический суффикс *-ing*, отмеченный и среди американских производных ойконимов: **Banning, Corning** (CA); **Belding, Channing, Chesaning** (MI). В американской ойконимии дериватемы с германским суффиксом *-ing* встречаются в любом регионе, ср.: **Goulding, Sebring** (FL); **Redding**, (CA); **Munising**, (MI); **Erving**, (MA); канадск.: **Anning, Barring, Channing, Manning, Spalding**. Отметим сразу же, что, во-первых, эти названия нередко представляют собой заимствования, переносы с британской метрополии, а, во-вторых, они объединены единым конечным формантом, который претерпел разнообразные трансформации.

В славянских языках дериватемы аналогичного плана охватывают прежде всего образования с суффиксом *-ичи* (*-ичі*), который также оформляет разнохарактерные образования, укр.: **Бортничі, Микуличі, Княжичі, Рославичі** (Кв); русск.: **Березичи, Выгоничи**.

Для американских ойконимических дериватем характерны топонимические суффиксы *-ia*, *-a*, не свойственные ойконимам Великобритании: **Petrolia, Centralia, Bostonia, Amazonia, Ventura; Fontasna, Ventura, Gardena, Lemona**. Назовём такие суффиксы *первичными топонимическими суффиксами*.

Украинская топонимия очень богата разнообразными суффиксальными образованиями не только в количественном отношении, но и в качественном [28: 162]. В формировании суффиксальных ойконимов в украинском языке принимают участие 52 суффикса [4: 94-98]. Естественно предполагать (и это подтверждается фактами), что различные топонимические регионы обладают своим специфическим спектром топоформантов: “у каждого форманта своя судьба и, следовательно, свой ареал. Исторические различия образовали на каждой территории характер-

ный спектр топонимических формантов” [15: 69]. Число разных топоформантов варьируется в широком диапазоне. Так, в современной украинской ойконимии суффикс *-ivk-a* формирует 1727 ойконимов, суффикс *-инк-а /-інк-а* — 308 названий, суффикс *-ичи* — 199 названий, а суффикс *-ани / -яни* — всего 39 [4: 94 — 97]. Некоторые из этих суффиксов имеют межнациональный характер. Например, суффиксы *-ivci*, *-инці* широко представлены в топонимии многих славянских языков [3: 66]. Суффиксация относится к “главнейшим чертам топонимии русской”, также отличаясь богатством и разнообразием суффиксов [26:70–82]. Ойконимия США бедна суффиксацией и качественно. Например, в ойконимии Флориды используется всего 9 различных топоформантов, в Калифорнии — 8, в Мичигане — 9 и в Массачусетсе — 15 [28: 162].

Формирование германских топонимов с помощью суффикса *-ing* происходило ещё в общегерманский период. В глубокой древности возникла необходимость обозначения родовых и племенных территорий. Поэтому названия многих мест оказались связанными с именами отдельных родов и племён, ср. названия древнесаксонских племен в Великобритании: **Billinge** < **Billingas** от **bill* — “меч”, **Eastling** < **Eslingas** — от др. — англ. **Esla* — “готы” [38: 43, 157]; названия германских племён: **Greutingi** — от др. — сканд. **grjo't* (Grot — “камень”); **Juthungi** — от др. — сканд. **jo'p* — “ребёнок”, **Tervingi** — от готск. **Triu* — “дерево” [40: 242 — 246].

Со временем топоформант *-ing* перешагнул границы распространения одного языка, широко употребляясь в Англии, в скандинавских странах, в Швейцарии, Италии, Франции. На территории современной Франции можно встретить такие названия: **Balinghem** < **Balingehem** (1127 р.) (от имени *Bavilo* и *-ing* + *-heim* — ‘село’); **Boëseghem** < **Bousingahem** (877 р.) (от имени *Boso* и *-ing* + *-hem* — ‘село’); **Bolsdinghem** < **Bodningahem** (844 — 864 pp.) (от имени *Baudin* и *-ing* + *-hem* — ‘село’); **Verlincthun** < **Verlinghtun** (1173 р.) (от имени **Weilo* и *-ing* + *-tun* — ‘село’) [37: 48, 88, 91, 92, 707]. Немецкий город **Lübeck** (Любек) был основан в 1145 р. как славянское поселение **Lubice** < антропоосновы *Люб-* + суф. — *ичи*, т. е. ‘поселение рода Люба’ [21: 249].

Общегерманскому суффиксу *-ing* по своей первичной семантике и по последующим семантическим трансформациям типологически близок славянский суффикс *-ичи* (*-ичи*). Топонимы на *-ичи* (*-ичи*) относятся к тем праславянским топонимическим образованиям, возникновение которых приходится на период племенного существования славян: “его начало следует соотносить с периодом балто-славянского единства, на что указывают рефлексy **-itj* в балтийских языках, ср. лит. — *ytis*” [12: 12]. Суффикс *-ичи* (вернее, его фонетический предшественник), по всей видимости, присутствовал ещё в топонимии праславянского языка [8: 51; 32: 46; 15: 7-9; 23: 45-46]. Территория распространения славянских топонимов на *-ичи* охватывает восточную, центральную и южную часть Европы, концентрируясь на землях лужичан, чехов, словаков, частично в Венгрии, Польше: “патронимическая форма типа “*кривичи*” встречалась во всех вновь колонизованных областях: и на Эльбе, и на Балканах, и в Средней России” [25: 222]. У южных славян названия на *-ичи* концентрируются преимущественно в Боснии, Герцеговине, Хорватии и Черногории. Названия на *-ичи* встречаются также в Западной Болгарии и Северной Греции [12: 121]. В германской топонимии, наряду с топонимическим суффиксом *-ing* с древнейших времён, примерно с 500 годов до н. э., получили прочный статус топонимообразующие форманты. Это общегерманские компоненты со значением “деревня”, “дом, жилище”, “отгороженный луг” и т. д. Последующая судьба и германских языков, и их топонимических систем, и статус рассматриваемых финалей сложились по-разному. Скандинавская система географических названий устойчива и консервативна. Термины-форманты, составляющие основное ядро древнейших топонимообразующих средств, и в настоящее время сохраняются в скандинавских языках как самостоятельные слова, обозначающие топографические объекты, виды жилья и т. д. [6: 58 — 59]. Английский язык, в отличие от скандинавских языков, в силу особых условий своего развития, сохранил всего около 25% исходной германской апеллятивной лексики. Поэтому древние исходные географические термины сейчас не имеют независимого функционирования и употребляются только как своеобразные топонимические суффиксы.

В английской топонимии отмечено свыше 50 ойконимических суффиксов (вместе с их вариантами) [2: 48–52], которые исторически восходят к апеллятивам-терминам, связанным с жизнью и деятельностью человека, и терминам, относящимся к природным объектам: *-born*, *-cot*, *-den*, *-don*, *-ey*, *-ham*, *-leigh*, *-li*, *-ton*, *-wich*, *-worth* и др. Многочисленные немецкие топонимы типа **Schwarzach**, **Steinach**, **Salzach**, **Rotach**, **Urach** этимологически представляют собой компо-

зиты, конечный компонент которых *-ach* является одной из трансформаций древненемецкого слова *aha* — “вода” [47: 43]. Однако в современной форме эти названия нельзя трактовать как сложные. Их можно интерпретировать как производные со специфическим топоформантом *-ach*, оформляющим данные ойконимы. Многие шведские топусуффиксы также возникли путем выветривания семантики конечных компонентов сложных топонимов, их структурного переразложения и опрощения: **Breidsbyr** > **Braceby**, **Leifsbyr** > **Laseby**, **Griotsbyr** > **Grasby**, **Barkarbyr** > **Barkby**, ср. также **Hawardsbi**, **Osgofabi**, **Ounabi** [27: 62.]. Назовём суффиксы, возникшие из независимых слов, *вторичными топонимическими суффиксами*.

В ойконимии любого региона имеются названия населенных пунктов, один или оба компонента которых восходят к полнозначным лексемам иного языка. В американской топонимии, образованной взаимодействием различных субстратов и адстратов, особенно многочисленны такие названия. К ним относятся, например, ойконимы с конечным компонентом *-burg* (нем. *Burg* — “крепость”), ср.: **Leesburg** (FL), с компонентом *-mont* (франц. *mont* — “гора”), ср.: **Claremont**, **Beaumont**, **Belmont** (CA), с компонентом *-polis* (греч. *πόλις* — “город”), ср.: **Cassopolis** (MI), **Annapolis**, **Indianapolis**, **Jacksonpolis**. Исключительно многочисленны ойконимы с конечным *-ville* (франц. *ville* — “город”), распространённые в США повсеместно: **Balduinville**, **Bondsville**, **Brookville**, **Chilonville** (MA). Типологически интересно отметить, что английский компонент *-field* “поле” в ряде случаев приобретает форму, идентичную с франц. словом *ville* “город”, но здесь происходит противоположный процесс — побеждает иноязычное слово, ср.: **Enville** < **Evenfield** “ровное поле” [45: 36]. П. Рини этимологизирует ойконим **Barville** как “открытое пространство”, ойконимы **Clanville** и **Glanvill** идентифицирует с **Clanfield** с исходным значением “чистое пространство”, “пространство, очищенное от кустарников”, а **Turville** сопоставляет с **Therfeld** — “сухое поле” (др. англ. *thyrr* > *dry* “сухой”). Со временем конечный элемент *-ville* стал популярен при наименовании новых населённых пунктов: **Coalville**, **Ironville**, **Woodville** [44: 202]. Конечно, “степень деривативности” у разных топоформантов такого рода неодинакова. Слово *ville* в американской ойконимии превратилось в высокопродуктивный топоформант, который способен сочетаться с основами различного языкового происхождения, амер: **Fruitville**, **Graceville**, **Greenville**, **Niceville**, **Woodville** (FL), **Farmersville**, **Maryville**, **Victorville** (CA), **Centerville**, **Lakeville** (MA). Ср. соединение с испанскими основами: **Mesaville** (исп. *mesa* — “плоскогорье”), **Altaville** (исп. *alta*- “высокий”), **Oroville** (исп. *oro* — “золото”). Суффиксоидность вторых основ сложных слов, заимствованных из других языков, постепенно получает признание в языкознании. Многочисленные ойконимы Средней Азии заканчиваются на *-абад* (персидское слово *абад* — “поселение”): **Ахматабад**, **Аллахабад**, **Джелалабад**, **Джалилабад**; компонент *кент*, *кент*, *канд* — “город, поселение” встречается только в составе названий городов: **Ташкент**, **Чимкент**, **Самарканд**, **Коканд**. Слово *тура* в тюркских и монгольском языке значит “город, поселение, жилище”, откуда ойконимы: типа **Яштура**, **Том-Тура**, **Ойрот-Тура** и др. В названиях городов Северной Индии выделяется элемент *пур*, вероятно, имевший значение “город”: **Канпур**, **Рампур**, **Гурдаепур**. В ойконимах Южной Индии конечное *-ур* происходит от дравидского слова “деревня, посёлок, город”: **Шарпур**, **Поданур**, **Бангалур**, **Манчалур** [5: 58 — 59].

Отметим, что в современных славянских и американских ойконимических композитах имеются две параллельные конечные морфемы (*-град* и *-город* и, соответственно, *-ton* и *-town*). Восточнославянские и американские композитные ойконимы на *-город* (resp. — *town*) со структурной точки зрения представляют собой не сложения, а сращения аппозитивных словосочетаний, их универбизацию, ср. исходные русские топонимические словосочетания **Ивань городъ**, **Василь городъ**, **Рай-городъ**, **Миръ-городъ** [35: 81], сформировавшие еще в древнерусскую эпоху небольшой, закрытый словообразовательный ряд, который сейчас выступает как непродуктивная модель [35: 80], ср. укр.: **Ивангород**, **Степангород**, **Шаргород**, **Ужгород**, **Миргород**, **Райгород**. Американский коррелят *-town* также мало употребителен в североамериканской ойконимии. Во Флориде он встречается в 7 ойконимах: **Georgetown**, **Indiantown**, **Watertown**, **Yankeetown** и др, в Массачусетсе — в 6 названиях и один раз в ойконимии Калифорнии и Мичигана [28: 113].

Начало славянским ойконимам на *-град* положило древнеболгарское название Стамбула — Константинополя — **Царьград**, представляющее собой кальку греч. βασιλευς πόλις. По его модели в последующие времена продолжались создаваться новые ойконимы: **Павлоград**, **Елизаветград**, **Константиноград**, а также **Кировоград**, **Калининград**. Др. — англ. конечный компонент

-ton сохранил свои топонимообразующие потенции до настоящего времени, широко употребляясь в ойконимии США. В штате Массачусетс он представлен в 33 образованиях, ср.: **Paxton, Stoughton**; в Мичигане — в 29, в Калифорнии — в 8 и во Флориде — в 5 [28: 113].

Конечные компоненты *-град* и, соответственно, *-ton* в современной ойконимии представляют собой своеобразные топонимические аффиксоиды, находящиеся на пути от композитных компонентов к топонимическим суффиксам. Как англоязычные, так и восточнославянские ойконимы с этими конечными компонентами выступают как открытые словообразовательные ряды, пополняющиеся новыми ойконимическими единицами и в настоящее время: **Зерноград, Целиноград, Кедроград** и др.

Возникает вопрос о структурно-словообразовательном статусе топонимов с иноязычными компонентами. Нередко такие образования считаются сложными. А. И. Лебедева полагает, что в ойконимах типа **Екатерингоф, Мариенгоф** компонент *-гоф* (нем. Hof — “двор”) — “часть сложного слова” [14: 45]. Е. А. Черняховская относит к сложным ойконимам с конечным компонентом, восходящим к греч. слову πόλις: **Маркопіль, Христинополь** [34: 145]. Е. Мюре также относит к композитам французские топонимы с *-polis*: **Gratianopolis** (379 р.) ‘город императора Грациана’ (современный **Grenoble**) [42: 91]. Дж. Стюарт видит в ойкониме **Minneapolis** (MN) комбинацию индейского названия **Minnehaha** и греч. слова πόλις — ‘место’, где ‘а’ сохранилось от **Minneapolis** [46: 297]. Л. Фитцпатрик характеризует элементы сложных топонимов *-town, -center, -city, -dale, -field, -fort, -grove, -side, -ville, -ford* как топонимические суффиксы [39: 12]. Р. Л. Рамсей предлагает выделить группы “свободных” и “составных” топонимических аффиксов (detached and attached) [43: 14]. И. И. Ковалик напоминает, что “о суффиксальном характере” конечной части русских названий городов **Ленинград, Сталинград -град** писал ещё Б. Унбеггаун, а П. Зволинский указывал на процесс “суффиксализации” *слова-суффикса* (курсив наш. — О. С.) **-slaw** в польских географических названиях [В. Unbegaun, П. Зволинский, цит. по 10: 32-33]. А. В. Суперанская решает этот вопрос чётко и однозначно. Она считает, что в русском языке сложные названия можно выделить только на основе русского языка. Все нерусские сложные образования она относит к простым [30: 71]. Эта точка зрения абсолютно правильна. Но она полностью справедлива только в том случае, если рассматривать одно конкретное название вне топонимического ряда изоструктурных. Если же анализировать названия с иноязычным компонентом на основе структурно-функционального подхода, с учётом массовой повторяемости этих компонентов, если учитывать инклюзивную способность топонимической системы, то результаты анализа будут иными. Повторяющиеся иноязычные компоненты приобретают новую функциональную нагрузку, указывая, в частности, что образованные с их помощью названия являются именно ойконимами (а не названиями гор или рек). Генетически иноязычные, такие финалии при синхронно-функциональном рассмотрении являются специфическими топоформантами и составляют неотъемлемую часть топонимических дериватов данного языка.

Как и германский суффикс *-ing*, славянский суффикс *-ичи* употреблялся прежде всего как трибальный суффикс для формирования названий племён, родов: “Кривичи <...>, Радимичи <...>” [23: 46], ср.: *лютичи, кривичи, вятичи, дреговичи, радимичи*. Названия ряда сел **Кривичи** в Белоруссии, отмечает В. А. Жучкевич, “племенное название одной из групп славян — кривичей” [7: 151]. Важно подчеркнуть, что в славянских языках, богатых суффиксами, указанное значение выражалось при помощи иных суффиксов, например суффиксом *-аны (-яны)*: *бужани, волиняни, моравани* и упоминается “на страницах Летопису Руського X — XII вв.” [3: 67 — 68]. Название немецкого города **Dresden** происходит от славянского (лужицкого) топонима **Drezd’ane** — “жители лесов”, от луж. *drezga* — “лес”, “(мелкая) поросль”. Нередко эти названия родов связаны первоначально с указанием на место их проживания или на выходцев из определённой местности: **дреговичи** — от дрегва “болото”, т. е. “болотные люди”, **древляне** — “жители леса”, этноним **уличи (угличи)**, возможно, возник от апеллятива *лука* “территория у изгиба реки, “в углу” между реками”), ср. с формой **лучане** и др. [см. об этом: 31: 186; 33: 52]. Ю. А. Карпенко возводит этноним *славяне* к засвидетельствованному праславянскому названию Днепра — **Словута**; т. е. название *славяне* (не племенное, а территориальное) буквально значит “днепровцы” [9: 5].

В недрах позднего родового строя, в новой исторической эпохе (хронологически разной для германцев и славян, но одинаковой по своей последовательности) эти суффиксы (германский *-ing* и славянский *-ичи*) формируют топонимы из личного имени. Личное имя основателя рода,

родоначальника переносилось на всю родовую общину. Возникают патронимические обозначения потомков по предку, которые переходят и на место их проживания, становятся топонимами, ср. англ.: **Angmering** — “место проживания потомков (или подданных) Angemare -a”; **Ealing** — “место проживания потомков (или подданных) человека по имени Gilla”; **Reading** — “место проживания потомков (или подданных) Read -a”; ср. также: **Gedling, Roding, Ferring, Patching, Poling, Kettering, Worthing** и т. д. Ср. нем.: **Meiningen** — “место проживания потомков (или подданных) человека по имени Magano”; **Sigmaringen** — “место проживания потомков (подданных) Siegmar -a” [27: 46]; ср. славянские топонимы, имеющие в основе древнеславянские личные имена родоначальников: **Ярославичи, Молибожичи**; ср. географические названия до XII века на территории бассейна р. Эльбы: **Liezizi** (946), **Zizzizi** (1150), **Zemzici** (946) [41: 31]. Словообразовательная структура базовых названий на *-ичи* с христианскими именами на территории правобережной Украины “возникла задолго до XIII — XIV вв.” [15: 8]. По данным М. П. Мриглод, значительно реже, чем полные имена, в основах ойконимов на *-ичи* выступают “усечённые варианты христианских имён (образованные чаще всего способом апокопы, иногда — аферезы) **Демичи** — от *Дем* < *Дементий, Демид, Демьян*; **Меленовичи** — от *Мелен* < *Мелентий*; **Ганичи** — от *Ган* < *Йоган*” [15: 7].

Названия местностей как на *-ing*, так и на *-ичи* (и *-ане /-яне*) по своей форме **Pluralia tantum**. Они развились в глубокую старину как результат соответствующих особенностей древнего мышления [22: 136] и представляют собой переосмысление некоторой неопределённой множественности (название группы людей) в единичные предметы (название места проживания этих людей). Исходной формой английского *-ing* была полная плюральная форма *-ingas*, имевшая значение “люди (потомки или подданные) человека по имени ...”. Полная суффиксальная форма *-ingas* сохранялась, в топонимах **Hastings** — “территория людей Hasta-a”, **Redinges** (современный топоним **Reading**) [45: 164, 292].

Распад родового строя, формирование феодализма находят своё отражение в ономастике. При феодализме весьма важным показателем является частная собственность и прежде всего собственность на землю, угодья, селения. В сфере собственных географических имён также происходят принципиальные изменения: названия, в основе которых лежат именованья потомков, сменяются названиями с антропонимической основой — именами зависимых людей. Патронимичность названий сменяется посессивностью. И хотя патронимические и посессивные топонимы представляют собой два различных типа образований, в большинстве случаев они являются отантропонимическими топонимами, и без специальных этимологических исследований их невозможно дифференцировать. В основе посессивных топонимов не обязательно лежит личное имя. Иногда она обозначала положение владельца, его статус, ранг, звание и т. д., ср. англ.: **Fring** < **Freingas** от др. англ. — *frega* — “лорд”; рус.: **Бискупичи** (от бискуп — “епископ”), **Княжичи, Поповичи**. Неоднократно встречающиеся названия **Дедичи** (укр. **Дідичі**) — это не патронимическая форма, а “определённый социально-экономический, даже юридический термин, применяющийся для обозначения крестьян на наследственной земле” [17: 143].

Со временем, однако, как германский суффикс *-ing*, так и славянский *-ичи* превращаются в усложнённые топоформанты, соединяясь с рядом иных элементов. В английском языке к *-ing* присоединяются генетически независимые полнозначные слова, указывающие на частные владения. Наиболее древним элементом, присоединяемым к *-ing*, была финалия *-ton* — “ферма”, “деревня”. Первоначально это была независимая лексема, которая агглютинировалась к собственно топониму на *-ing*. Так, топоним **Harlington** в 831 г. имел форму **Hygereding tun** [45: 162]. Даже агглютинировавшись к топониму, *-ton* долго сохраняет исходное значение, ср. **Orpington** — “деревня людей Orped-a” [45: 264]. Со временем *-ton* полностью инкорпорируется с *-ing* и, слившись, они образуют единый топусуффикс *-ington* со значением “место людей + имя человека (в досуффиксальной части топонима)”. Частое употребление суффикса *-ington* привело к тому, что новообразования возникали уже по продуктивной модели “личное имя + суффикс *-ington*.”, ср.: **Wilmington** — “ферма людей Wilhelm -a”; **Bedlington, Paington** и др. [45: 394, 33, 268]. Другими генетически полнозначными словами, добавлявшимися к суффиксу *-ing*, были: *ham* — “деревня”, *field* — “поле”, *ley* — “луг”, *wood* — “лес” и др. Ср.: **Birmingham** — “деревня людей, принадлежавших Beorm-y”; **Headingley** — “луг, принадлежавший людям (потомкам, подданным) человека по имени Hedde”; **Wellingborough** — “укреплённое место людей Wændel- a” и т. д. [45: 41, 167, 381].

В славянских языках с их преимущественно суффиксальным способом словопроизводства форма *-ичи* расширялась при помощи суффиксов. Доказательством семантической транспозиции суффикса *-ичи* является его расширение посессивными суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин*. Суффикс *-ичи* сливается с простыми суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин*, образуя усложнённые топоформанты *-овичи*, *-евичи*, *-иничи*. Слияние этих простых суффиксов в усложнённые топоформанты происходило в результате близости их значения. Так что расширение суффикса *-ичи* и появление *-овичи*, *-евичи*, *-иничи* было обусловлено всем ходом социально-исторического развития общества. О. Н. Купчинский отмечает, что ойконимы на *-ичи* регулярны в древнерусском языке, а к концу древнерусского периода становятся продуктивными названия селений на *-овичи* *-евичи* [13: 10]. Русск.: **Осмоловичи**, **Красовичи**, **Костковичи**, **Нарвидовичи**, **Неговичи**, **Германовичи**, **Димитровичи**, **Яковлевичи**. В топонимии Украины древнейший суффикс *-ичи* сохранил свой облик и употребляется даже после того, как утратил свою “функцию патронимичности”. Поэтому среди топонимов староукраинского языка XIV–XV вв. “есть и отантропонимические (**Тишковичи** < Тишко, **Михалковичи** < Михалко, **Костковичи** < Костко), отапельлятивные (село **Ловчичи** < *ловчий* ‘придворный, который отвечал за охоту’, село **Оузворотвичи** < *оузворот* ‘около ворот’). Ареальной закреплённости эти образования не имеют, но зато многочисленны они на землях Галичины” [32: 46]. Расширение употребительности германского суффикса *-ing* и славянского суффикса *-ичи* привело к выветриванию их первоначальной семантики. Патронимическое, посессивное и другие значения, свойственные отантропонимическим образованиям, со временем стали ослабевать, стираться, так как дотопонимическая семантика топонимов не является необходимой для функционирования названий. Этот факт, а также экспансивные устремления продуктивных топонимобразующих суффиксов привели к тому, что новообразования могли не иметь приведённых выше значений. В основу отантропонимических ойконимов могло лечь, например, имя первопоселенца, основателя селения, который мог и не быть владельцем этого населенного пункта. При номинации использовалось иногда наиболее распространённое в данной местности имя, что служило её своеобразной приметой (а названия селениям скорее давались спонтанным образом соседями, чем самими жителями), ср. белорус.: **Мацевичи**, **Юревичи**, **Дорошевичи**, **Леоновичи**, **Русаковичи**; ср. русск. ойконимы: **Либерици** (от антропонима *Либер*) > **Либерицы** > (1623 г.) > совр. город **Люберцы** (Московская обл.) и **Глуховичи** (XVI ст. от антропонима *Глухов*) > **Луховичи** > сов. г. **Луховицы** (Московская обл.) — “переход *-ичи* в *-ицы* для Подмосковья обычный” [21: 248-249].

Широкая распространённость рассматриваемых топоформантов привела к тому, что они разорвали сдерживающие их границы семантических микрополей и начали использоваться для номинации с указанием на самые разнообразные факторы. Возникает новый тип топонимов с этими суффиксами, который В. Ташицкий назвал “топографическим”, означавший людей не по предку (или владельцу), а по месту обитания, ср. англ.: **Blything** — “люди, проживающие возле реки Blyth”; **Avoning** — “люди, проживающие возле реки Avon”; название города **Torrington** возникло от названия реки, которая протекает через этот город, и обозначало “ферма возле реки Torridge”, ср. административный район **Torrige**, который принял гидроним в качестве своего имени без изменений, ср. ещё отгидронимические деривативы **Dorking**, **Ulting**. Немецкий ойконим **Salzungen** возник от гидронима Salzbrunnen; **Beverungen** — от Bever; **Bodungen** — от Bode; **Groß-Leinungen** — от гидронима Leine [27: 49]; ср. белорусский ойконим — **Тонежичы** — “люди, живущие около реки Тонеж” [1: 76]; возможно, укр. ойконим **Потемичи** обозначал первоначально поселенцев, живущих возле реки Потемицы [20: 27]. По мнению М. Рудницкого, к древнейшим наименованиям следует отнести племенные названия **Lucice**, **Łutićie** — от “люди с болот, с болотных, водных мест” [Rudnicki, цит. по 36: 56]; ср. польск. **Luzicy** — от lug, **Ledzicy** — от led; **Podgo’rzycy** — “живущие под горой”, **Obodrzycy** — “племя, живущее по берегам Одера”, **Goleszycy** — “жители плодородной безлесной территории (gola — плодородная безлесная территория)” [24: 13]. Ойконимы рассматриваемого типа могли иметь оттопонимический характер. Они могли возникнуть из названий других селений. Английский ойконим **Hawling** обозначал выходцев из Hallow; **Tendring** — выходцев из Tundern; нем. **Hecklingen** — выходцев из Hakel. Украинский ойконим **Узворотвичи** генетически восходит к обозначению выходцев из села Узвортова; название **Бірчичи** означало выходцев из Бірчі. Со временем круг производящих основ с указанными формантами расширяется. Всё чаще производящие основы имеют отапельлятив-

ное значение, ср англ. **Epping, Upping, Iphing** — “жители высокогорий”; **Barking** < др. — англ. *berica — “берёза” — “жители берёзового леса”; **Nazeing** < др. — англ. *NÆSS “мыс” — “жители мыса”; **Sompting** < др. — англ. *sumpt “болото, топь” — “люди, живущие у болота” [38: 26, 431, 337]. Название г. **Cramlington**, возможно, возникло от др. — англ. *cran-wella* (журавлиный ручей). Добавление др. — англ. суффикса *-ington* оформило всё название как “место с людьми, живущими возле журавлиного ручья” [45: 100]. Название английского шахтёрского городка **Easington** восходит к ручью, чьё название обозначает просто “вода”. Поэтому ойконим можно истолковать как “место людей, живущих возле воды” [45: 123]. Ср. нем.: **Waterlinge** — “люди, живущие у воды”; **Berghelinge** — “люди, живущие в горах”; **Hungen** — “жители высокогорий”; **Wasungen** — “жители лугов”. Аналогичная ситуация наблюдается и в славянской топонимии. В таких случаях нередко использовались локативные префиксы. Основой новых образований на *-ичи* были предложные образования типа укр. “*nid gora*”, “*za gora*”, “*mezi gora*”, которые, лексикализируясь, создавали основу ойконимов. Поселенцы получали названия от соседей в зависимости от того, где и в каком направлении по отношению к этим соседям они размещались — за горой, под горой или между горами. Так возникли ойконимы **Загоричі, Підгоричі, Межигоричі**. Формант *-ичи* выступает здесь в “этнической” функции как эквивалент суффикса *-ани -яни*; ср. ещё белорус.: **Заостровичи**. Со временем рассматриваемые форманты приобрели способность к соединению с любым апеллятивом, ср. англ.: **Clavering** — от др. — англ. *clæfre (clover — “клевер”) — “поле клевера”; **Docking** — от др. — англ. *Doccing (dock — “щавель”) — “место, где растёт щавель”; **Saling** — от др. — англ. *salh (sallow — “ива”) — “молодой ивовый лесок” [38: 109, 146, 402]. Ср. нем.: **Solingen** — от Sol — “лужа”, “болотистая местность”; укр. **Вербичі** — от “верба”; белорус.: **Вербовичи**; рус.: **Каменичи** — от “камень”. В. А. Жучкевич отметил, что в Белоруссии к XV — XVI вв. восходят топонимы, свидетельствующие об уже исчезнувших промыслах: **Лудичи, Секеричи** [7: 81]. В Новгородских писцовых книгах XV — XVII вв. названия поселений на *-ичи* с отапеллятивными основами составляют примерно одну пятую часть всех зафиксированных ойконимов этой модели [19: 79].

Как германский суффикс *-ing*, так и славянский *-ичи* могли возникать в результате переоформления других суффиксов (либо компонентов композитов). Многочисленные англ. названия на *-ing* восходят к др. — англ. композитам с конечным *-hline* “холм”: **Garlinge** < др. — англ. *grēn hline — “зелёный холм”; **Ratling** < др. — англ. *rýt-hline — “холм, покрытый кустарником”; **Sholing** < др. — англ. *scor-hline — “холм на берегу”; **Swazrling** < др. — англ. *sweord hline дословно — “холм-меч”; **Sydling** < др. — англ. *sid-hline — “широкий холм” [38: 192, 381, 419, 456, 458].

Под влиянием продуктивной словообразовательной модели иноязычные образования могли подвергаться звуковому переоформлению, так что их финали уподоблялись распространённому топоформанту, ср. переход др. — сканд. топонима в англ.: **Eikhringr** > **Eakring**; ср. переход чешских названий в немецкие: **Manětin** > **Maneting**; **Služetin** > **Lusading**; **Chvalšiny** > **Qualsing**; **Hodonín** > **Göding**; ср. переход венгерского топонима в немецкий: **Berény** > **Bering** [27: 51].

Как видно из изложенного, в топонимии каждого из рассматриваемых языков есть суффиксальные образования, которые различаются не только своей специфической семантикой, но и чисто суффиксальной спецификой. Можно выделить топонимы с *первичными топоформантами* и топонимы со *вторичными топоформантами*. Различаясь генетически, они сходны функционально. Можно сделать следующий типологический вывод: расширение круга производящих основ топонимов не приводит к изменению их классификационного значения. Так, в русском языке топонимы на *-ичи*, как правило, являются ойконимами независимо от того, вычленяется ли у них отапеллятивный корень, основа древнего славянского личного имени-композита, полная или сокращённая основа христианского имени, географического названия, “темная” основа, не соотносимая в синхронии ни с апеллятивами, ни с именами собственными. В топонимии каждого из рассматриваемых языков есть суффиксальные образования, которые различаются не только своей специфической семантикой, но и чисто суффиксальной спецификой. Палитра топонимических суффиксов в восточнославянской ойконимии чрезвычайно богата как в качественном, так и в количественном отношении, в отличие от бедной в этом отношении североамериканской ойконимии. Наш сопоставительный анализ полностью подтверждает вывод о том, что топонимия восточнославянских языков отличается “ярко выраженной суффиксальностью” [18: 22]. Из этого следует, что узорегиональное сопоставление сплошного слоя суффиксальных

ойконимов окремо взятих топонимических районів не дає релевантних в типологічному плані результатів. Типологічний підхід потребує відбору на досопоставительному, попередньому етапі тільки тих формантів, які є прийнятними для порівняльно-сопоставительного аналізу, мають щось загальне по самій своїй специфіці.

1. *Адамович Е. М.* О суффиксальном способе образования географических названий Белоруссии // Всесоюзная конференция по топонимике СССР: Тезисы. — Л., 1965. — С. 76.
2. *Беленькая В. Д.* Очерки англоязычной топонимики. — М., 1977.
3. *Бучко Д.* Принципи та способи номінації поселень (на матеріалі ойконімії Тернопільщини) // Філологічні дослідження: Зб. наук. праць з нагоди 80-річчя чл. — кор. НАН України Ю. О. Карпенка. — Одеса, 2009. — С. 64 — 70.
4. *Гуцул Л. І.* Наголошення суфіксальних ойконімів // Записки з ономастики: Зб. наук. праць. — Одеса, 1999. — Вип. 2. — С. 93 — 99.
5. *Дьяконов А. М.* Некоторые вопросы современной индийской топонимики // Топонимика Востока: Труды совещания по топонимике Востока (Москва, 10–13 апр. 1961 г.). — М., 1962. — С. 53 — 59.
6. *Егорова Т. П.* Географические апеллятивы и словообразовательные модели скандинавской топонимии // Топонимика зарубежных стран. — М., 1981. — С. 58 — 65.
7. *Жучкевич В. А.* Топонимика Белоруссии. — Минск, 1968.
8. *Карпенко Ю. А.* Признаки молодости топонимической системы // Перспективы развития славянской ономастики. — М.: Наука, 1980. — С. 48–57.
9. *Карпенко Ю. О.* Українська гіпотеза // Мовознавство. — 1993. — № 5. — С. 3 — 8.
10. *Ковалик І. І.* Вчення про словотвір (словотворчі частини слова): Лекції з мовознавства. — Львів, 1958.
11. *Ковалик І. І.* Про основну мовну одиницю словотвірного рівня // Українське мовознавство. — 1976. — Вип. 4. — С. 28 — 32.
12. *Купчинський О. А.* Найдавніші слов'янські топоніми України як джерело історико-географічних досліджень: (Географічні назви на -ичі). — К., 1981.
13. *Купчинский О. А.* Украинские географические названия на -ичи XIV–XXвв. (История возникновения, семантико-структурный анализ, статистика и география): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10. 02. 02., Языки народов СССР (украинский язык)". — Одесса, 1974.
14. *Лебедева А. И.* Словообразование в Псковской топонимике // Уч. Зап. ЛГУ. — Серия филол. наук. — № 198. — Вип. 24. — Л., 1956. — С. 10 — 50.
15. *Мриглод М. П.* Становлення і розвиток моделей ойконімів Правобережної України з християнськими іменами в основах: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10. 02. 01., Українська мова". — Івано-Франківськ, 2002. — 20 с.
16. *Никонов В. А.* Пути топонимического исследования // Принципы топонимики. — М.: Наука, 1964. — С. 58 — 86.
17. *Никонов В. А.* Рецензия на: Šmilauer V. Osídlení Čech ve světle místních jmen. — Praha, Nakladatelství ČSAV, 1960. — 392 с. // Вопросы языкознания. — 1961. — № 2. — С. 141 — 145.
18. *Никонов В. А.* Славянский топонимический тип // Вопросы географии. — М.: Мысль, 1962. — Сб. 58. — С. 19 — 27.
19. *Полковникова С. А.* Географические названия Новгородских писцовых книг XV — XVI вв: Дис.... канд. филол. наук: 10. 02. 01. — М., 1970.
20. *Посацька-Черняхівська Є. М.* Географічні назви, пов'язані з іменами людей, їх прізвищами і прізвиськами // Мовознавство: Наук. зап. — К., 1957. — Т. XIV.
21. *Поспелов Е. М.* Географические названия мира. Топонимический словарь. — М., 2002.
22. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике: В 4-х т. — Т. 3: Об изменении значения и заменах существительного. — Харьков, 1899.
23. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике: В 4-х т. — Т. 4. — Вип. 1: Существительное. Прилагательное. Местоимение. Союз. Предлог. — М., 1985.
24. *Роспонд С.* Перспективы развития славянской ономастики // Вопросы языкознания. — 1962. — № 4. — С. 9 — 19.
25. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия: Историко-географический анализ. — М., 1979.
26. *Селищев А. М.* Из старой и новой топонимии / Избр. труды. — М., 1968. — С. 45 — 128.
27. *Склярченко А. М.* Закономерности словообразовательной организации ойконимии (на материале украинских и немецких названий населённых пунктов): Дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 20. — Одесса, 1974.
28. *Склярченко О. М.* Ізоморфізм та аломорфізм в ойконімії США й України: Дис. ... канд. філол. наук: 10. 02. 15. — Одеса, 2008.
29. *Словотвір сучасної української літературної мови / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Відп. ред. М. А. Жовтобрюх.* — К, 1979.
30. *Сутеранская А. В.* Типы и структура географических названий // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. — М.: Наука, 1964. — С. 59 — 118.
31. *Трубачёв О. Н.* О племенном названии улицы // Вопросы славянского языкознания. — М., 1961. — Вип. 5. — С. 186 — 190.
32. *Франко З. Т.* Словотвірні типи мікротопонімів староукраїнської мови XIV — XV ст. // Мовознавство. — 1984. — № 4. — С. 44 — 50.
33. *Худаш М. Л.* Питання походження давньоруських етнонімів *дреговичи* й *уличі* // Мовознавство. — 1981. — № 5. — С. 53 — 54.
34. *Черняхівська Є. М.* Питання словотворчої будови топонімічних назв на Львівщині // І Республіканська топонімічна нарада: Тези. — К., 1959.
35. *Шанский Н. М.* Двусловные названия городов в русском языке // Ономастика Поволжья. — Ульяновск, 1969. — С. 83 — 94.

36. Шульгач В. П. Гідронім Лютиця на топонімному фоні Західного Полісся // Мовознавство. — 1988. — №4. — С. 55 — 60.
37. Dauzat A. et Rostaing Ch. Dictionnaire étymologique des noms de lieux en France. — Paris, 1963. — 738 p.
38. Ekwall E. The Concise Oxford Dictionary of English Place-names. — 4-th ed. — Oxford, 1966.
39. Fitzpatrick L. L. Nebraska Place-Names, 1982.
40. Dover G. Cornish Place-Names // "Antiquity". A quarter review of archeology. — 1928.
41. Jezowa M. Dawne słowiańskie dialekty Meklemburgii w świetle nazw miejscowych i ocobowych // Słowotwórtstwo. — Zeszyt II. — Wrocław-Warszawa-Krakow, 1962.
42. Muret E. Les Noms de Lieux dans les Langues Romans. Conférence faites au Collège: Collection de Documents Linguistiques / Dirigée par MM. Meillet et Vendryes. — III. — Paris, 1928.
43. Ramsey R. L. Our Storehouse of Missouri Place Names. — Columbia, 1973.
44. Reany P. H. The Origin of English Place-Names. — 4-th impr. — London, 1969.
45. Room A. Dictionary of Place-names in the British Isles. Over 4,000 place-names — their fascinating origins and history. — London, 1988.
46. Stewart G. R. American Place-Names. A Concise and Selective Dictionary for the Continental United States of America. — New York, 1970.
47. Trautmann R. Die Slavischen Ortsnamen Mecklenburgs und Holsteins. — Berlin, 1950.

O. N. Sklayrenko

ABOUT SOME KINDS OF SUFFIXES IN THE SPHERE OF HABITATION-NAMES (TYPOLOGICAL ASPECT)

The article is devoted to the typological comparison of toponymic suffixes in different languages. It is proved that they pass similar ways of transformation process.

Key words: suffix, topoformant, typology, oikonym, derivative, Germanic and Slavonic languages.

O. M. Скляренко

ПРО ДЕЯКІ РІЗНОВИДИ СУФІКСАЛЬНИХ УТВОРЕНЬ В ОЙКОНІМІЇ (ТИПОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ)

Стаття присвячена типологічному зіставленню топонімічних суфіксів різних мов. Аргументується типологічний ізоморфізм їх трансформаційних шляхів.

Ключові слова: суфікс, топоформант, ойконім, дериватема, германські та слов'янські мови.

УДК 811.161.1'366.541'367.625.41

О. Н. Голикова

Номинатив и инфинитив как прегнантные формы имени и глагола

В работе номинатив и инфинитив рассматриваются с точки зрения потенциально заложенной в этих формах семантики путем введения нового специального понятия — прегнантные формы. Номинатив и инфинитив описаны с морфолого-синтаксической точки зрения, а также под углом текстовой семантики. Дается определение прегнантной языковой формы, номинатив и инфинитив определяются как соответствующие понятию прегнантные формы.

Ключевые слова: номинатив, инфинитив, прегнантная языковая форма.

Номинатив и инфинитив представляют собой формы слов в их первозданном виде, без грамматических наслоений, но способные функционировать в тексте, раскрывающие в нём свою языковую сущность. Именно поэтому инфинитив и номинатив представляют собой уникаль-

ный объект для лингвистического анализа: единицы языка со всем своим изначально заложенным потенциалом раскрываются в речи.

Актуальность нашего исследования объясняется тем, что номинатив и инфинитив до сегодняшнего дня являются предметами научной полемики. Дискуссионным является описание функционирования этих единиц в тексте. Поэтический текст представляет собой богатый материал для изучения выразительного потенциала данных структур.

Новизна работы заключается в том, что в ней номинатив и инфинитив рассматриваются с точки зрения потенциально заложенной в этих формах семантики путем введения нового специального понятия — *прегнантные формы*.

Целью работы является рассмотрение номинатива и инфинитива как *прегнантных* форм, что предполагает решение следующих задач:

- описать *номинатив* и *инфинитив* с морфолого-синтаксической точки зрения;
- рассмотреть *номинатив* и *инфинитив* под углом текстовой семантики;
- дать определение *прегнантной языковой формы*;
- определить *номинатив* и *инфинитив* как соответствующие понятию *прегнантные формы*.

Отталкиваясь в своих рассуждениях от взглядов Соссюра на синтагматические и парадигматические измерения грамматической системы, В. Г. Адмони отмечает особую важность выбора исходной точки для построения грамматической парадигмы в рамках лингвистического научного исследования. Адмони считает необходимым учитывать, во-первых, разную степень семантической связанности с ситуацией и контекстом форм, объединенных в грамматическую парадигму, а, во-вторых, наличие в этих парадигмах отправных точек в системе координат, соединяющей языковую систему с речевой ситуацией, с актом коммуникации, т. е. определяет особость некоторых форм как в языковой системе, так и в самом акте коммуникации. Такие формы Адмони называет “находящимися в состоянии синтаксического покоя” [1:38-39].

Одной из таких форм, в меньшей степени ориентированных на явления, находящиеся в ситуации или контексте, является в падежной системе языков с номинативным строем именительный падеж (далее — им. п.), который является и назывным падежом, т. е. способен сам по себе осуществлять акт номинации предметов (в самом широком смысле этого слова). Поэтому именительный падеж и стал в античной и европейской лингвистической традиции первым, исходным в падежной парадигме.

И. Р. Выхованец указывает на то, что из всех частей речи существительное выделяется наиболее чётко [5:47]. Происходит это в силу особенностей человеческого сознания [9:45]. Существительное отображает прежде всего объекты со значением реальной предметности, а эти материальные объекты человеческое сознание отличает легче всего. Таким образом, границы существительного оказываются достаточно чёткими, поскольку в основе выделения существительного как части речи лежит *категория предметности*. В настоящее время внимание исследователей сосредоточено на проблеме языковой роли номинатива как падежа, в котором имя существительное содержит указание как на объект бытия, так и на идею его существования [7].

Для им. п., как указано в Грамматике-80, центральными значениями являются значения *субъектное* и *определятельное*. Субъектное значение обнаруживается в подлежащем (*Дочь — студентка, Сын работает*), а также в предложениях типа *Ночь; Весна*. Спецификой субъектного значения им. п. является то, что это значение в нём, как правило, не осложнено никакими дополнительными семантическими оттенками, сопровождающими субъектное значение косвенных падежей. О дополнительном объектном значении можно говорить лишь в отдельных случаях, прежде всего в конструкциях пассива. Например: *Сын наказан отцом; Перо приравняется к штыку*. Определятельное значение им. п. обнаруживается в именном сказуемом (*Наш город — сад; Дочь — красавица*). Согласно данной точке зрения, им. п. определяет другое имя по свойству, признаку, качеству; обстоятельственные значения ему не свойственны. Кроме того, им. п. во многих случаях выступает как называющая форма в заголовках, подписях, в обращении, а также как называющая форма внутри текста.

Именительный падеж рассматривался как словоформа особого типа в работах В. Г. Адмони [1:14]. Номинатив как именная категория подробно описан А. В. Добиаем, который указал на специфику данного падежа, состоящую в том, что он выступает в качестве символа бытия [6:159].

В русском языке им. п. является формальным признаком номинативного предложения. Такие предложения занимают особое место среди односоставных: они относятся к именному типу и имеют определённую структуру. *Номинативные предложения* — это односоставные предложения, в которых главный член (имя существительное в им. п.) совместно с интонацией выражает мысль о бытии, существовании, наличии названного им предмета или явления (напр., определение А. С. Попова [14:74-94]). Номинативные предложения широко обсуждаются лингвистами в связи со своей сущностью, грамматическими признаками, а также критериями отграничения от схожих по структуре конструкций. Логической основой грамматического значения номинативных предложений выступает *понятие бытия*. Номинативное предложение в ряде работ рассматривается как отклонение от “идеального типа предложения”, под которым понимают двусоставное предложение с подлежащим в форме им. п. и сказуемым — личной формой глагола. З. К. Тарланов подчёркивает, что номинативное предложение — это “не просто отклонение от идеальной формы предложения в сторону подлежащего, а результат его *грамматической и коммуникативной абсолютизации*” [16:191]. Номинатив в позиции главного члена односоставного предложения обретает обусловленную контекстом грамматическую и коммуникативную самодостаточность.

Наиболее типичной разновидностью номинативных предложений считаются *описательные*, которые выделяются как особый тип (А. А. Шахматов, А. С. Попов и др.). Номинативное предложение “зарождается и утверждается как принадлежность конкретных форм описательной художественной речи” [16:194]. Этой форме чужда внутренняя темпоральная расчлененность и динамичность. Художники слова используют номинативные предложения для создания впечатляющих словесных картин. Например:

*Сомкнутые веки.
Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века.*

(Б. Пастернак “Доктор Живаго”)

Как видно из примера, в художественных описаниях существенная роль отводится группам (рядам) номинативных предложений. А. П. Сковородниковым выделена особая стилистическая фигура — *цепочка номинативных предложений* [18:348]. Эта фигура (Ц. н. п.) описывается как “состоящая из ряда номинативных предложений, соединенных по принципу перечисления (называния), и обладающая изобразительностью в силу особенностей составляющих ее предложений (безглагольность, грамматическое значение настоящего времени и реальной модальности) и их повтора” (там же). Ц. н. п. широко используются как в поэзии, так и в художественной прозе. Например: ... *Опустевший город*. На окнах заколоченных магазинов — декреты о классовой борьбе... *Холод... Ночной звонок* (А. Толстой “Эмигранты”).

Считается, что “языковыми, системными факторами, послужившими условиями, предпосылками для возникновения номинативных предложений в русском языке, были глубинные, фундаментальные изменения, которые претерпели глагол и имя как классы слов, изначально служившие базой для репрезентации синтаксических функций соответственно предиката и субъекта” [16:190].

В. В. Колесов утверждает, что в русском языке (как в одном из индоевропейских) прослеживается категориальное противопоставление имени глаголу, которое “последовательно поддерживается и семантически, и синтаксически в структуре любого предложения” [8:213]. Далее учёный говорит о том, что формы типа *мышление* или образования типа *папирность моей сигареты* (у Бальмонта), которые активизировались в языке на современном этапе, фиксируют “стремление к максимально абстрактному действию через обозначение такого действия *именем*” (там же).

Мы рассматриваем *номинатив* как *концентрированную языковую форму, где наряду с семантикой предметности содержится семантика вневременной бытийности, изобразительности, абстрактности*.

Инфинитив, названный А. М. Пешковским “загадочной по своему современному значению категорией глагола” [13:128], до сих пор остаётся загадкой для исследователей. Эта форма неоднозначно интерпретируется, служит источником противоположных мнений при научном

анализе самых важных вопросов грамматики, касающихся, например, описания частей речи в русском языке, синтаксиса простого и сложного предложений, категорий модальности, предикативности и т. д. Отыменное происхождение инфинитива [11:194-198], наличие у него специфических, не свойственных финитным глаголам свойств сочетаемости обусловили расхождение уже при определении его частеречной принадлежности. В ряде исследований инфинитив выделяется в отдельную часть речи (фортуноватовская школа), иногда в большей или меньшей степени сближается с именами существительными. Так, Пешковский характеризует инфинитив как “существительное, не дошедшее на один шаг до глагола” [13:131]. В концепции Шарля Балли “инфинитив ... является транспозицией глагола, позволяющей последнему играть роль существительного” [2:326]. И. Р. Выхованец высказывает предположение о том, что “к глаголу он относился на основании лексического значения, поскольку он выражает значения действия, состояния и процесса” [5:284] (перевод наш — О. Г.). При этом нельзя оставить без внимания тот факт, что инфинитив “лишён практически всех грамматических категорий глагола” (там же). Как отмечает В. Скаличка, природа инфинитива не может быть объяснена с учётом лишь отдельных признаков этой формы, которые усматривались “или в отсутствии морфологических свойств глагола, или в отсутствии грамматического значения, или в принятии морфологических и синтаксических свойств имени, в употреблении инфинитива в качестве “второго глагола” в предложении, или в модальной функции инфинитива” (цит. по: [3:4-5]). По мнению Скалички, ответ на вопрос о сущности инфинитива следует искать в комплексности его функций. “Инфинитив имеет несколько функций. Первая, основная функция — дополнение модальных и так называемых фазовых (т. е. со значением начала, конца или продолжения действия) глаголов, к этой основной функции присоединяются следующие моменты: момент отсутствия грамматической функции и элемент модальный. Два других момента обозначают усиление субстантивного характера инфинитива: употребление инфинитива в качестве подлежащего или дополнения и употребление его в качестве обстоятельства” (там же).

Многие современные учёные полагают, что “в системе частей речи возможны промежуточные образования, которые или распределяются соответствующими группировками между различными частями речи, или представляют собой морфологические двучастеречные общие формы с заложенными в них потенциальными закономерностями закрепления за грамматическими сферами” [4:81] (перевод наш — О. Г.). К таким образованиям относится и инфинитив, который характеризуется как специфическая межчастеречная форма, лишённая чётких морфологических характеристик и используемая двумя основными частями речи — глаголом и существительным (там же). По мнению И. Р. Выхованца, инфинитив выступает первой (синтаксической) ступенью транспозиции глагола в существительное, при которой закреплённость за сферой имён существительных проявляется в его синтаксических позициях, а принадлежность к глаголу — в использовании с аналитическими синтаксическими морфемами, глагольными модификаторами (там же).

В. М. Брицын подчёркивает, что обращение к инфинитиву в составе предложения обнаруживает его отчётливо выраженные предикативные функции, связанные не с названием явлений, как это свойственно, например, отглагольным существительным, а с обозначением проявлений [3:23]. В плане использования инфинитива в предложении обнаруживается регулярная ориентированность этой формы на реальный или потенциальный (обобщённый, неопределённый) субъект.

В сочетании с дательным субъекта и реже — с именительным инфинитив способен сообщать им “предложенческое” свойство обозначения не понятий, а некоторых конкретных предметов, явлений, свойств, соотнесённых с называемыми ими проявлениями. Брицын считает, что эта функция — образовывать предикативное выражение, лишённое модальной отнесённости к действительности в плане её отражения, — у инфинитива является ведущей, исконной. Наиболее отчётливо эта функция обнаруживается в конструкциях, которые могут быть названы инфинитивными конструкциями представления. Например: ...пытаешься сообразить, что это на самом деле значит — *взять и умереть*, как она...; *Взять Москву!* А Москва-то, между прочим, у них здесь — в Париже, в рабочих кварталах... (А. Толстой).

Инфинитив, или неопределённая форма глагола, является согласно своей семантике исходной формой глагольной парадигмы (см., например, РГ-80). *Инфинитив — форма, только назы-*

вающая действие и никак не обозначающая его отнесенности к лицу, числу, времени, реальности или ирреальности. Из морфологических значений, присущих глаголу, в инфинитиве заключены только несловоизменяемые значения вида и залога (делать, сделать, делаться). “Это глагольная категория с собственным грамматическим значением *потенциального действия*” [10]. Синтаксическое употребление инфинитива в инфинитивном предложении с обозначением потенциального деятеля реализует потенциальность действия. Например: *Скоро мне без листвы холодет* (С. Есенин). Инфинитив, согласно теории В. Г. Адмони, является формой, “находящейся в состоянии синтаксического покоя”. Его часто называют “глагольным номинативом”.

Как пишет Е. Н. Сидоренко, “ядром каждого языкового смысла являются слова, представленные соответствующей частью речи, выраженные начальной формой (если оно изменяемое) или морфологизованным членом предложения” [15:41].

Следует обратить внимание на то, что номинатив и инфинитив являются воплощением предметности (бытийности) и потенциальности (действия) без дополнительных семантико-грамматических наслоений, то есть в чистом, максимально компрессивном виде. Это, на наш взгляд, сопоставимо с понятием “*прегнантность*”, которое используется в философии. “*Прегнантность* (от лат. *praegnans* — точность) — содержательная лаконичность, проникновенность и острота выражений; *прегнантный* — лаконичный, но содержательный, полный смысла... *Прегнантной* называют такую структуру, благодаря которой сущность определённого данного воплощается в наиболее чистой и необходимой форме...” [17:359]. Мы считаем логичным употребление термина *прегнантные* единицы в лингвистике по отношению к номинативу и инфинитиву.

Мы называем *прегнантной* такую языковую единицу, которая в чистой и минимально необходимой структурно-грамматической форме воплощает некое языковое значение.

Можно предположить, что именно с *прегнантностью* номинатива и инфинитива связано их широкое распространение, например, в текстах средств массовой информации (особенно радио и телевидения) и в текстах рекламы, о котором пишет Д. А. Парамонов [12]. Построение предложений в этих текстах “подчинено задаче лаконично и нестандартно представить какие-то сведения за короткое время” [12:69]. Использование номинативных и инфинитивных предложений позволяет выразить ёмкое содержание в компактной форме.

Благодаря своей *прегнантности* номинатив и инфинитив в функции главного компонента предложения позволяют при простоте построения выражать в таком предложении несколько различных модальных значений. Например, номинативное предложение может содержать в себе следующие модальные значения: реальность (“В Довилль рекой текут доллары и фунты... Счастливая Франция!” А. Толстой); предположение (“Девочки, а — зима!... Мы и забыли её... Снега, стужа, вьюги...” А. Толстой); побуждение (“Мари... (Дрожащим шёпотом). Мне — опять поручение...”; “Огонь разводи! Огонь! Спички!...”; “Эмилия, мои газеты!”; “Гарсон, счёт” А. Толстой); возможность (“Граф надел пенсне и прочёл афишу. На ней стояло: “Вечер-буф молодецкого разгула Футуротворчества. Выступление четырёх гениев. Стихи. Речи. Парадоксы. Открытия. Возможности. Засада гениев. Ливень идей. Хохот. Рычание. Политика. В заключение — всеобщая вакханалия” А. Толстой); необходимость (“Давайте скоро... А ведь дела, дела, -- ни часу промедления...”; “Прежде всего — деньги, деньги, деньги...” А. Толстой), желательность (“В таком виде домой не рискну... Главное — пальто, башмаки и шапка...” А. Толстой) и т. д.

В свою очередь, инфинитивное предложение способно выражать модальные значения реальности (“...Сейчас мне так и не уснуть. Ой, беда какая” В. Пелевин); предположения (“Что бы такое от катара принять? Не принять ли цитварного семени?” А. Чехов); побуждения (“Это ему что! Пытать его...” А. Толстой); возможности (“Продать мои земли? Вы с ума сошли!” А. Толстой); необходимости (“Заплатить сто франков, чтобы пялить глаза на этих скотов, которым давно надо перерезать глотки...” А. Толстой); желательности (“Собирать креветок, танцевать с тобой шимми. Я так мечтаю об этом, Мишель” А. Толстой) и т. д.

Достаточно часто в одном номинативном или инфинитивном предложении сочетаются несколько модальных значений. Например, номинативное предложение со значением желательности (*В таком виде домой не рискну... Главное — пальто, башмаки и шапка*), приведённое выше, содержит также и значение необходимости. Смысловые эквиваленты: *Мне прежде всего хотелось бы иметь пальто, башмаки и шапку* (желательность) и *Мне прежде всего нужны пальто, башмаки и шапку* (необходимость).

Следует обратить внимание на то, что одно и то же инфинитивное или номинативное предложение, встраиваясь в разные контексты, но при этом сохраняя свою структурно-грамматическую форму без изменений, способно выражать различные модальные значения. Например, рассмотрим предложение “Свет” в разных контекстах. Оно выражает такие модальные значения, как:

реальность: *Свет*. Утро озарило весь городок; побуждение: Оператор! *Свет!*; возможность: Надоела крошечная тьма? “Свет”! Наша фирма работает для вас.

Аналогичным образом инфинитивное предложение “Отдохнуть” может передавать несколько модальных значений:

необходимость и желательность: *Отдохнуть!* Турфирма “Круиз” поможет Вам!; побуждение: Вы не в состоянии думать. *Отдохнуть!*; предположение: *Отдохнуть?* В данной ситуации об этом и не мечтай!

Формальный облик номинатива и инфинитива является модально нейтральным, поэтому номинативные или инфинитивные предложения реализуют то или иное модальное значение, только встраиваясь в синтаксическую ткань текста. Однако потенциально в формах инфинитива и номинатива заложен весь спектр модальных значений. Так проявляется прегнантность этих форм относительно категории модальности.

Перспективной исследования является рассмотрение прегнантности номинатива и инфинитива относительно других текстовых категорий, а также описание других грамматических единиц с точки зрения их прегнантности.

1. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. — Л., 1988.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1955.
3. Брицын В. М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. — К., 1990.
4. Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті. — К., 1988.
5. Вихованець І. Р., Городенська К. Теоретична морфологія української мови. — К., 2004.
6. Добиаш А. В. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. — Прага, 1987.
7. Иванова Е. Ю. Предложения типа Пожар!: бытие или идентификация? // Филологические науки. — 2005. — №1. — С. 90.
8. Колесов В. В. История русского языка. — М., 2005.
9. Кубрякова Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении. — М., 1978.
10. Лекант П. А. Категориальный статус инфинитива // III Международный конгресс исследователей русского языка “Русский язык: исторические судьбы и современность”: Сб. тезисов. — М., 2007.
11. Мейе А. Общеславянский язык. — М., 1951.
12. Парамонов Д. А. “Покупки круглые сутки!” Модальные значения в номинативных предложениях // Русская речь. — 2008. — №5. — С. 65-69.
13. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956.
14. Попов А. С. Изменение в употреблении номинативных предложений // Развитие синтаксиса современного русского языка. — М., 1966. — С. 74-94.
15. Сидоренко Е. Н. Лингвистика языковых смыслов в русистике начала 21 века. — М., 2008.
16. Тарланов З. К. Номинативные предложения в истории русского языка // Тенденции развития русского языка: Сб. статей к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой. — С. Пб., 2001.
17. Философский энциклопедический словарь. — М., 2004.
18. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты. — М., 2005.

O. N. Golikova

NOMINATIVE AND INFINITIVE AS PREGNANT FORMS

Nominative and infinitive are the word forms in their initial aspect, without grammar overrun, but those, which are able to function in text, exposing their linguistic essence. In the work we consider nominative and infinitive from the point of view of semantics, which is potentially engaged in such forms, through introduction of a new special term — pregnant forms. Nominative and infinitive are described from the view of morphologic-syntactic approach, and also in terms of text semantics. Determinations of pregnant linguistic form are given, nominative and infinitive are specified as relevant to the term “pregnant forms”.

Key words: nominative, infinitive, pregnant linguistic form.

О. М. Голікова

НОМІНАТИВ ТА ІНФІНІТИВ ЯК ПРЕГНАНТНІ ФОРМИ

Номінатив та інфінітив є формами слів у їхньому первинному вигляді, без граматичних нашарувань, але такими, що здатні функціонувати у тексті, що розкривають у ньому свою мовну сутність. У роботі номінатив та інфінітив розглядаються з точки зору потенційно закладеної в цих формах семантики шляхом введення нового спеціального поняття –прегнантні форми. Номінатив та інфінітив описані з морфолого-синтаксичної точки зору, а також під кутом текстової семантики. Надається визначення прегнантної мовної форми, номінатив та інфінітив визначаються як відповідні поняттю прегнантні форми.

Ключові слова: номінатив, інфінітив, прегнантна мовна форма.

ПИТАННЯ СИНТАКСИСУ, ТЕКСТИКИ, ДИСКУРСОЛОГІЇ

УДК 811.161.1-25/26'271'42:82.091-32

И. Н. Казаков

Сказовый нарратив как способ передачи письменной речи (на материале повестей Н. Гоголя “Записки сумасшедшего” и Л. Леонова “Записки Ковякина”)

В статье пересматривается распространенное мнение о том, что одной из главных дефиниций сказового нарратива является его “изустный” характер. На материале “Записок сумасшедшего” Н. Гоголя и “Записей Ковякина” Л. Леонова рассмотрена возможность сказового повествования служить способом передачи не только устной, но и письменной речи.

Ключевые слова: сказовое повествование, нарратив, повествователь, устная речь, письменная речь.

В научной литературе о сказе доминирует устойчивое мнение о том, что сказовая повествовательная форма способна передавать лишь устную речь. В этом отношении показательно уже первое определение сказа, предложенное Б. М. Эйхенбаумом: “Под сказом я разумею такую форму повествовательной прозы, которая в своей лексике, синтаксисе и подборе интонаций обнаруживает установку на устную речь рассказчика” [11:413]. В работах В. В. Виноградова уже в 1920-е гг. представления Б. М. Эйхенбаума о природе сказа подвергаются существенной коррекции. Академик замечает, что изучение произведения “с точки зрения своей “мимико-произносительной силы” и звукового воздействия” приводит к изучению не структуры сказа в собственном смысле, а только его “фонетики”. Более того, учёный утверждает, что характерные для устной речи элементы вообще не являются необходимыми для создания сказа: “Сказ не только не обязан состоять исключительно из специфических элементов устной живой речи, но может почти вовсе не заключать их в себе (особенно если его словесная структура вся целиком укладывается в систему литературного языка)” [2: 49]. Эту существенную мысль Виноградов доводит до логического конца: “Для некоторых кругов характерна именно установка устной речи на письменную” [2: 49]. В этой части рассуждений высказывания В. В. Виноградова диаметрально противоположны представлениям о сказе Б. М. Эйхенбаума. Однако эти мысли не были развиты академиком в дальнейшем, что позволяет современным исследователям называть сходными позиции Б. М. Эйхенбаума и В. В. Виноградова, поскольку последний считал, в конечном итоге, сказ особой формой устной монологической речи: “Сказ — это своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа, это — художественная имитация монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке её непосредственного говорения” [2:49].

Несколько иной подход к сказу находим у М. М. Бахтина, считающего, что “элемент сказа, то есть установка на устную речь, обязательно присущ всякому рассказу” (автор здесь имеет в виду всякое повествование от имени рассказчика). Исследователь рассматривает сказ с точки зрения субъекта речи: “В большинстве случаев сказ есть прежде всего установка на чужую речь, а уж отсюда, как следствие, — на устную речь” [1:221].

В. В. Виноградов оценил концепцию М. М. Бахтина как исторически и теоретически неверную. Он писал: “Установка на “внелитературное актёрство”, на “чужое” слово вовсе не обязательна для сказа. Литературный сказ может явиться как результат переноса в литературу, в план образа автора общественно-бытовой позиции писателя” [2:332].

Н. А. Кожевникова в статье “О типах повествования в советской прозе” объединяет признаки, выделенные Б. М. Эйхенбаумом и М. М. Бахтиным, и определяет сказ как явление, од-

новременно ориентированное и на “чужое” слово, и на устную речь. При этом исследователь считает более последовательным толкование сказа Б. М. Эйхенбаумом и В. В. Виноградовым, определяя главным типологическим признаком сказа “устность”, поскольку именно она, по мнению автора, выделяет сказ как “особый вид повествования и указывает на самый существенный признак, отличающий его от других форм” [4:99].

Авторы коллективной монографии “Поэтика сказа” обосновывают четырёхкомпонентную систему сказовой структуры (автор — герой — слушатель — читатель) и гиперболизируют роль “слушателя”, что позволяет им делать слишком категоричные выводы: “Аудитория в сказе далеко не всегда сочувствующая. Герою-рассказчику порой нужно затратить немалые усилия для того, чтобы возникла необходимая ему атмосфера взаимопонимания и сочувствия. Отсутствие этой атмосферы означает, что носитель сказовой речи должен прекратить изложение. Если же повествование продолжается — значит, перед нами не сказ” [7:200]. Выход в свет “Поэтики сказа” закрепил мнение о том, что сказ может служить способом передачи лишь устной речи.

Однако устная речь, письменно оформленная в художественном произведении, перестаёт быть просто устной речью, она живёт по законам композиции (в широком смысле) литературного произведения. Художественное произведение, в том числе и сказ, не следует сводить просто к рабочим записям диалектолога или фольклориста. Так, В. Д. Левин справедливо отмечает: “Устная” речь в сказе регулируется письменной формой её реализации. Ведь само членение сказа на предложения уже представляет собой письменно-книжную трансформацию устного говорения” [5:38].

В. В. Виноградов подчёркивал, что сказ может не включать в себя элементы устной речи и даже ориентироваться на письменно-книжную традицию. Однако эти слова, сказанные в пылу полемики с Б. М. Эйхенбаумом, считавшим устность чуть ли не достаточным условием возникновения сказа, не нашли своего отголоска в виноградовском определении сказа и не переросли в концепцию. Очевидно, именно эти недосказанные мысли В. В. Виноградова привели исследователя Н. И. Рыбакова к качественно новому выводу: сказ “конструируется по законам письменной словесности (сюжетно-композиционная сложность, психологическая разработанность характеров и т. д.)” [9:252-253]. Профессор З. К. Тарланов также считает, что “исследование сказа нельзя сводить к выявлению в нём разговорного элемента”, поскольку сказ — “это самостоятельная форма повествования, со своей структурой и правилами построения” [10:70]. Именно такой подход к сказу представляется нам правильным, поскольку он, во-первых, позволяет более последовательно рассматривать сказ именно как литературно-художественное явление (что, по существу, делалось и прежде, но с частыми оговорками и оглядками на законы устной речи), и, во-вторых, расширяет потенции сказовой формы повествования. Сказ может служить способом передачи не только устной, но и письменной речи, что уже давно подтверждено литературной практикой.

В этом отношении показательны повести Н. Гоголя “Записки сумасшедшего” (1835) и Л. Леонова “Записки некоторых эпизодов, сделанные в городе Гоголеве Андреем Петровичем Ковякиным” (1924).

“Записки сумасшедшего” представляют собой дневниковые записи постепенно сходящего с ума чиновника Аксентия Поприщина. Несмотря на заведомо “письменный” характер заявленного жанра (дневник, записки), нарратив повести имеет во многом сказовую природу.

На протяжении всего произведения сохраняется свойственная сказовому повествованию субъектно-пространственная дистанция между нарратором и автором, который остаётся полностью имплицитным. Голоса автора и повествователя не сливаются, формально-субъектная организация текста полностью соответствует содержательно-субъектной. Речевая зона нарратора охватывает всё основное поле текста, в том числе и голоса других персонажей — Софии, начальника отделения, собачонки Меджи. Традиционное книжное повествование стремится к наиболее адекватной передаче речи героя, а для сказового нарратива характерна приглушённость индивидуальных голосов персонажей; их речь практически полностью ассимилируется с речью повествователя, что и происходит в “Записках сумасшедшего”. Даже письма собачонки Меджи являются, по сути, порождением воспалённого воображения Поприщина и написаны в его повествовательной манере.

Повествование “Записок сумасшедшего” последовательно сохраняет характерологические особенности речи нарратора. Стиль языка повествователя становится одним из средств форми-

рования его образа. Несмотря на то, что Поприщин мыслит себя культурным и очень грамотным человеком (“Правильно может писать только дворянин” [3:159]), он подобен так называемым “низовым” рассказчикам классических сказовых структур. И дело здесь не только в том, что Поприщин не блещет эрудицией (например, он принимает стихотворение Н. Николаева “Душеньки часок не видя...” за произведение А. Пушкина), и не только в том, что он беден. Сама речь Поприщина очень часто выходит за пределы литературной нормы: она изобилует экспрессивными выражениями (“эх, канальство!”, “да чёрт его побери!”, “чёрт возьми”, “Чёрт знает что такое!”, “Тьфу, к чёрту!.. Экая дрянь!..” и т. п. [3:160, 161, 163, 165, 167]), нередко становится излишне эмоциональной и сентиментальной (“Ай! ай! ай! Какой голос! Канарейка, право, канарейка!” [3:160]). Фразы Поприщина то чрезмерно лапидарны (“Был в театре. Играли дурака Филатку. Очень смеялся” [3:162]), то избыточно пространны (“Был еще какой-то водевиль с забавными стишками на стряпчих, особенно на одного коллежского регистратора, весьма вольно написанные, так что я дивился, как пропустила цензура, а о купцах прямо говорят, что они обманывают народ и сынки их дебоширничают и лезут в дворяне” [3:162]), то неожиданно лиричны (“Вон небо клубится передо мною; звёздочка сверкает вдали; лес несётся с тёмными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане” [3:176]).

Повествование, которое ведет Поприщин, нередко уходит в сторону от основной событийной линии, и в нём появляются характерные для сказа и устной речи отступления. Речевая манера Поприщина вообще изобилует приметами “изустности”. Так, повествование нередко оказывается ориентировано на гипотетического слушателя, появление которого не предполагается самим жанром дневника. Поприщин обращается то к незримым недругам (“Нет, приятели, теперь не заманите меня; я не стану переписывать гадких бумаг ваших!” [3:170]), то к самому себе (“Погоди, приятель! будем и мы полковником” [3:170]). Значение обращений героя к самому себе оказывается очень существенным и выходит далеко за формально-синтаксические пределы. Это не просто риторические обращения, вопросы и восклицания, это напряжённый диалог с самим собой. В недрах сознания титулярного советника, обыкновенного переписчика бумаг и приспособления для заточки перьев постепенно вызревает король Фердинанд VIII. Неудовлетворённые амбиции титулярного советника Поприщина сублимируются, в конечном счёте, в самоидентификацию с испанским монархом. Маркером завершения этой трансформации становится датировка очередной дневниковой записи “Год 2000 апреля 43 числа” [3:170]. Переворот в сознании Поприщина, его “превращение” в испанского короля несколько меняет повествовательную манеру нарратора. В ней появляется больше снисходительности по отношению к окружающим и терпимости к “несуразностям” действительности, которые герой склонен списывать на “народные обычаи и этикеты двора” [3:174]. Трансформация сознания повествователя усиливает амбивалентность повествования, обостряет свойственную сказу разнонаправленность отношений автора и нарратора. В этом смысле показателен финал произведения: прорыв прежнего, здорового титулярного советника сквозь больное сознание “испанского короля” (“Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его бедную головушку! посмотри, как мучат они его!...” [3:176]) внезапно обрывается торжеством поврежденного сознания (“А знаете ли, что у алжирского бея под самым носом шишка?!...” [3:176]).

Субъектная организация повести Л. Леонова “Записи некоторых эпизодов, сделанные в городе Гогулеве Андреем Петровичем Ковьякиным” ещё в большей степени приближена к классическим сказовым моделям. Текст произведения открывается предисловием, которое представляет автора-издателя и повествователя, что должно подтвердить действительное существование последнего. Далее следует усыпанное деталями и подробностями письмо А. П. Ковьякина к издателю, призванное, как и предисловие, засвидетельствовать достоверность и подлинность личности повествователя и его записей: “С братцем моим (его Сергей Петрович зовут, по служебным делам едет) посылаю вам свои записи. Я их наново написал и выбрал некоторые, которые стоящие или опровергают. А остальные будут на сохраненье у М. Бибина” [6:10]. Таким образом автор уже на первых страницах, как это свойственно классическому сказу, намеренно обособляется от повествования, предоставляя слово своему герою.

Кажущаяся достоверность повести оказалась до такой степени высокой, что современники Леонова приняли этот художественный приём всерьёз и объявили “Записи Ковьякина” “явной обработкой сырого материала”. “В прежние времена, — отмечал критик, — провинция знала та-

ких сумасбродных писак, которые вели несуразные хроники событий, жестоко выразительные в самой своей мелочности и литературной безграмотности” [8:19]. Подобную реакцию критики вызвал в своё время и лесковский “Левша”: роль автора в создании произведения была сведена ею к обработке фольклорного материала. Такие отзывы связаны прежде всего со спецификой субъектной организации этих произведений. Повествование здесь ведётся от лица рассказчика, последовательно сохраняющего резкую характерологичность своей речи. Слово автора при этом не находит в произведении “материального” выражения, от начала до конца сохраняя свою имплицитность. Субъектная организация “Записей Ковякина” подобна структуре классического лесковского сказа. Однако в данном случае повествование облачено в форму, не характерную для сказа этого типа.

В чистом сказе Н. Лескова непременно присутствовала ситуация речи, складывалась иллюзия “непосредственного говорения”. “Записи Ковякина” же ориентированы не на “живой” рассказ, а на хроникально-летописное повествование. Эта особенность произведения позволяет ряду исследователей отрицать близость “Записей Ковякина” к классическому сказу. Например, Е. Г. Мущенко, анализируя сказ 1920-х годов, соотносит “Записи” не с чистым сказом, а с “Петушихинским проломом” на том основании, что “структурного слушателя как типа (элемента структуры) ни в той ни в другой повести Леонова нет” [7:221]. Как видим, сближение орнаментального “Петушихинского пролома” и лишённого орнаментального поля “Записей Ковякина” основано на отсутствии в этих произведениях “изустности” и связанной с ней ориентировки на сочувственно настроенную аудиторию. Авторы “Поэтики сказа” считают “изустность” и её существенную особенность — апперцепцию людей своего круга — необходимыми компонентами сказового повествования. Однако, на наш взгляд, сказ (даже классического образца) способен служить способом передачи не только устной, но и письменной речи, если в ней сохранены главные типологические сказовые признаки.

Если рассматривать “Записи Ковякина” именно под таким углом зрения, то оказывается, что они гораздо ближе к классическому сказу, нежели к орнаментальному “Петушихинскому пролому”, где доминирует авторская модальность, а образ повествователя не обладает отчётливой индивидуальностью. В “Записях Ковякина”, напротив, прямое слово и открытая позиция автора не представлены в зоне речевой деятельности рассказчика. Образ же Андрея Петровича, как и в классических сказовых образцах, формируется на основе объективной оценки читателем повествования Ковякина. При этом существенной коррекции подвергается самооценка сказителя и его смысловая позиция, поскольку они оказываются диалогически противопоставленными объективной, собственно авторской интерпретации, которая, хотя и не находит непосредственного выражения в самом тексте, чётко проявляется на его “полях”.

Хотя Андрей Петрович и мыслит себя философом, поэтом и вообще очень образованным и “выдающимся” человеком, с объективной точки зрения он остаётся рядовым обывателем провинциального Гогулева. Речь Ковякина усыпана старославянизмами, газетными и книжными штампами; он старательно избегает грубых выражений, сплошь и рядом употребляя эвфемизмы. Однако обилие просторечных и разговорных лексических форм, многочисленные синтаксические и стилистические огрехи выводят речь Андрея Петровича за пределы норм литературного языка, и она приобретает характерную для сказового повествования неконвенциональность.

Мысль рассказчика стремится к широким обобщениям, которые могут принимать вид как коротких, но претендующих на глубину и ёмкость замечаний (“В этом наша драма, люди не могут удержаться от чувств”, “Столь обширно влечение искусства на простые души”), так и характер развёрнутых философских суждений (“О время! Воистину оно подобно маляру. Нынче красит стену (предположим) баканом, завтра же траурным тоном. И скорей выгорит под солнцем бакан нашей радости, нежели траурный колер горя!” [6: 289, 299, 295]). Тягой к философичности пронизаны и многие стихотворения Ковякина. Однако художественная форма, в которой воплощены его лирические произведения (“Паук нам ткёт забвенья сети, / А мы стоим, сплошные дети, / И горько-горько гибнуть нам!..” [6:295]), резко приземляет и выставляет в ироническом свете философские потуги автора. Глубокомысленные изречения рассказчика оформлены таким образом, что содержание высказывания вступает в явное противоречие с его объективным смыслом: “Все мне были очень благодарны, что я вскрыл нарыв нашей отсталости от других стран, например от Англии (у них давно уж литер, а у нас все фунт. В этом и

заключається суть)”, “Клеветали также, что он (Спиридон Игнатьич. — И. К.) не обладает умом. А зачем, скажите, начальнику Гоголевской пожарной дружины ум? Только отягощение голове и вред героизму: умный человек в огонь не полезет... А от этого вся Россия в одночасье может сгореть” [б: 304, 312].

Явное несовпадение субъективной точки зрения рассказчика и “внетекстовой” объективной точки зрения, характерное для поэтики классического сказа, создаёт не только комический эффект. Этот приём даёт возможность ощутить авторскую позицию и формирует образ самого рассказчика.

Как видим, “Записки сумасшедшего” и “Записки Ковьякина” заявлены как письменный жанр, однако их субъектная организация, стилистика, отношения между автором и рассказчиком, принципы создания образа соотносятся прежде всего с классическим сказом, а не с традиционным книжно-литературным повествованием. Опыт Н. Гоголя и Л. Леонова не был единичен: повествование в отдельных новеллах “Конармии” И. Бабеля, целом ряде рассказов В. Шукшина, представленное читателю как письменные жанры (письмо, заявление и т. п.), носит сказовой характер.

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — 4-е изд. — М., 1979.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избр. труды. — М., 1980.
3. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7-ми т. — М., 1977. — Т. 3.
4. Кожевникова Н. А. О типах повествования в советской прозе // Вопросы языка современной русской литературы. — М., 1971. — С. 97 — 164.
5. Левин В. Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. — М., 1971. — С. 9 — 96.
6. Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 т. — Т. 1. — М., 1981.
7. Муценко Е. Г., Скобелев В. П., Кройчик Л. Е. Поэтика сказа. — Воронеж, 1978.
8. Придорогин А. Леонид Леонов: Рассказы // Книгоноша. — 1925. — № 31-32. — С. 11 — 14.
9. Рыбаков Н. И. Поэтика сказа: На материале сказов М. Кочнева // Некоторые вопросы русской литературы XX века: Сб. трудов. — М., 1973. — С. 263 — 276.
10. Тарланов З. К. Поэтика слова: Сб. ст. — Петрозаводск, 1983.
11. Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. — М., 1987.

I. N. Kazakov

THE SKAZ NARRATION AS THE WAY OF TRANSFER OF WRITTEN SPEECH (ON A MATERIAL “MADMAN’S NOTES” OF N. GOGOL AND “KOVYAKIN’S NOTES” OF L. LEONOV)

In the article skaz narration is considered to be a type of writing, not only speaking. The author of the article researches stories “Madman’s notes” to be N. Gogol and “Kovyakin’s notes” by L. Leonov to prove that their works of writing genre by the properties of the epic tale.

Key words: skaz narration, narrator, verbal speech, writing speech.

I. М. Казаков

СКАЗОВИЙ НАРАТИВ ЯК ЗАСІБ ПЕРЕДАЧІ ПИСЕМНОГО МОВЛЕННЯ (НА МАТЕРІАЛІ ПОВІСТЕЙ М. ГОГОЛЯ “ЗАПИСКИ БОЖЕВІЛЬНОГО” ТА Л. ЛЕОНОВА “ЗАПИСИ КОВ’ЯКІНА”)

У статті переглянуто поширену думку про те, що однією з головних дефініцій сказового нарративу є його “усний” характер. На матеріалі “Записок божевільного” М. Гоголя та “Записів Ков’якіна” Л. Леонова розглянуто можливість сказової розповіді слугувати засобом передачі не тільки усного, але й писемного мовлення.

Ключові слова: сказова розповідь, нарратив, оповідач, усне мовлення, писемне мовлення.

С. Ю. Нагорная

Традиционный текст и регулятивы языковой деятельности

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (№08-04-00117а).

В статье рассматривается влияние традиционных текстов на развитие книжного языка, а также на стабилизирующие и адаптационные возможности в изменяющихся социосистемах на примере старообрядческого дискурса. Прецедентные тексты, содержащие базовые ценностные характеристики, идеологемы и мифологемы, оцениваются как трансляторы идей и стратегий в постоянно изменяющихся условиях, позволяющие обосновать решения актуальных проблем.

Ключевые слова: старообрядчество, эволюция языка, национальная идентичность, текст, регулятив.

Уникальный опыт сохранения самобытности, целостности конфессиональных и культурных моделей, адаптационных техник в постоянно изменяющихся социосистемах эксплицирует особая часть русского этноса — старообрядчество. Интерес вызывает в данном аспекте одно из малоизученных направлений в староверии — странническое согласие, возникшее в середине XVIII в., которое отличается постулированием ярко выраженного антиассимилятивного культурного поведения, стремлением к изоляции, оппозициональным отношением к официальным властям (непризнанием легитимности власти) и иноверцам.

Актуальным для современного глобализационного пространства является изучение интеграции традиционализма и эволюционных процессов в данном дискурсе.

В старообрядческой среде сохраняется культ сакрального текста. Прецедентные тексты содержат базовые ценностные характеристики, идеологемы и мифологемы и оцениваются как трансляторы идей и стратегий в постоянно изменяющихся условиях. Именно они позволяют обосновывать решения современных проблем. Данные тексты не только воспринимаются и воспроизводятся странниками, на их базе создаются новые сочинения, при этом на формирование языковой практики влияют именно усвоенные тексты. Из читательского опыта автор выносит осознание уместности того или иного средства в книжной практике. Эволюция языка старообрядческих текстов показывает, что все изменения, происходящие в письменном узусе, находятся в пределах потенции языковой системы, но на то, какое выражение активизируется, влияет читательский опыт пишущего. Сформировавшийся язык, в свою очередь, влияет на ментальные процессы, на декодирование действительности, на восприятие и концептуализацию мира носителей языка, т. к. язык — “универсальный код модели мира, формирующий ее и формируемый ею” [1:69].

Динамика изменений в книжном языке данного дискурса позволяет выявить факторы, оказывающие наибольшее влияние на эволюцию письменного узуса. Это, прежде всего, внутренние факторы развития (системные) и внешние. К внешним факторам следует отнести контакты с другими системами, что обусловлено гетерогенным составом страннических сочинений, а также социокультурными воздействиями, сменой риторических стратегий. При этом новая традиция создается на основе языковых представлений, сформированных исходя из собственного языкового опыта авторов.

Можно говорить о существовании определенных стабилизирующих механизмов, выполняющих функции регулятивов языковой деятельности, формирующих в своей основе книжный язык старообрядцев-странников. Среди этих механизмов следует назвать, прежде всего, установку на преемственность, а также апелляцию [2:26], реинтерпретацию и компиляцию.

Преемственность выражается в ориентации на традиционный книжный язык и в активном владении и использовании в речевой практике церковнославянского языка — традиционного языка православия и сакральных текстов “дониконовской печати”, которые бытуют в старообрядческой среде. Усвоение книжного языка осуществляется через чтение и осмысление основного корпуса текстов авторитетной топики. Навыки, приобретенные в процессе чтения, трансформируются в навыки активного употребления письменного языка, т. е. опыт чтения формирует навыки письма.

Сакральные тексты, авторитарная топка являются для старообрядцев образцом действия, по которому сверяются и оцениваются все поступки, а также данные тексты используются в обосновании адаптационных практик в современных авторах условиях и служат защитой от произвольных интерпретаций и модификаций. При этом прямые цитаты из Священного Писания, богослужебной литературы, трудов отцов церкви входят в текст как цитаты на церковно-славянском языке строгой нормы. Текстовые реминисценции сакральных текстов носят не стилистическую нагрузку, как знаковость книжности, а выполняют установку на определенное соотношение производимого текста с предшествующим, служат средством “включения” описываемой действительности в священную историю творения Бога, возводя единичное в типичное, и, соответственно, способствуют адекватному пониманию текста.

Часто используется и аллюзивный текст, а также на основе апелляции — репелляции, при возникновении у контрагентов “неправедных” мнений. Любая инновация в конфессиональной, социальной или экономической практике требует специальной обдуманности и обоснованности на основе авторитетных источников. Таким образом, старообрядцы используют тактику усложнения, привнесения дополнительных компонентов для интерпретации ситуации.

При постепенной реинтерпретации опыта предшествующего поколения осуществляется анализ воспринимаемого узуса. Реинтерпретация обусловлена как внутренними факторами, так и внешним воздействием, прежде всего влиянием разговорного языка. Таким образом происходит переосмысление семантики простых претеритов, например, окказиональное использование аористных форм иллюкутивных глаголов при вводе в текст светских источников, т. е. при решении нестандартной коммуникативной задачи. Использование таких форм, как *рече*, было индуцировано цитатой, как при реминисценциях сакральных текстов: *оуказъ повелѣваетъ, глаголя: публиковать рече во всѣмъ государстве печатными оуказами (511, 109об) [3]; понеже рече, не для того на васъ положилъ оныи тогда двойной окладъ расколническия, чтобы вы свою расколническую прелестъ разсѣвать могли (511, 91)*. Аористом глагола *речи* вводятся цитаты ревизских сказок, например: *тая же де от себѣ извѣствующе: что желаемъ рече положены быть въ расколнической окладъ, зане прежде сего рече в расколѣ не бывали (511, 111)*. Указанная особенность позволяет сделать вывод об утрате формой *рече* старого временного значения и превращении ее в формальный показатель конструкции с чужой речью. Автор в стремлении следовать книжно-славянской традиции использует аористную форму глагола *речи* в функции ввода чужой речи независимо от источника цитирования, для ввода цитат вероучительных текстов и для ввода светских текстов. О формализации данного структурного элемента говорят нарушения нормы их использования: *онъ же рѣхъ: вотъ де отселѣ согласовали (510, 177)*; ср.: *онъ же де к нимъ сице отвѣщахъ (510, 177об)*.

Использование формы аориста 3 лица мн. числа *быша* при субъекте в ед. ч., когда субъект может обозначаться как формой им. падежа ед. ч., так и формой род. п. ед. ч., также указывает на трансформацию стандартных выражений, образование унифицированного предиката, где глагольные *л*-формы прошедшего времени воспринимаются как категория, приложимая к любому действию, упоминаемому вне строгой нарративной последовательности.

На реинтерпретацию оказывает влияние традиционный книжный язык и в графике — использованием “юсов”, лигатур и подобных написаний. В лексике данное влияние выражается в активном использовании особого словаря: абстрактной и отвлеченной лексики, особо важной для авторов при осмыслении опорных культурных артефактов. В морфологии — сложной системы прошедших времен глагола, причастий, энклитических форм местоимений и т. п. [4].

Компилятивная техника в страннических текстах применяется с определенной обработкой, например, редукцией текста, пересказа, дополнения, комментариев. Например, при обосновании страннического крещения или определенных конфессиональных запретов авторы осуществляют поиск соответствующих прецедентов в авторитетных сочинениях [5:186]. Компиляция стимулирует использование в языковой практике при выполнении нестандартной коммуникативной задачи традиционных книжных форм.

Старообрядцы чутко ощущают автономию письменного узуса. Доказательством автономизации может служить отражение в данных текстах флексий полных прилагательных в имен. — вин. падежах мн. числа, которые воспроизводятся в силу преемственности языкового поведения авторов, создающих тексты в соответствии с книжной традицией. На это же указывает экс-

плицитная регламентация консервативного дат. мн., энклитические частицы в предложениях с элементами нарративной условности.

Сохранение целостности собственных культурных и конфессиональных моделей осуществляется в странническом согласии активным использованием в различных практиках прецедентных текстов, что позволяет найти связь между авторитетным топосом и повседневностью, при неизменности эсхатологического осмысления реальности. Любое обновление практик требовало специальной подготовки, обдуманности и обоснованности в модусе конфессиональной ценности, осмысление собственного предназначения (в продлении жизни “чувственной пустыни”, сакрализации места). Повседневность осваивается, когда вероисповедание осмысливается деятельным, а не созерцательным. В духовной практике достоверными являются те стратегии, которые строго выдержаны в рамках преемственности традиции, что служит защитой от произвольных интерпретаций, но позволяет осуществлять выбор из возможных вариативных средств.

Как было сказано выше, уместность того или иного средства автор выносит из читательского опыта. Это позволяет говорить о том, как формируется нормативность данного письменного узуса и ее потенциальные варианты. Исследование рукописных текстов старообрядцев-странников XVIII–XX вв. позволяет выявить доминирующую норму данного узуса, слабые звенья системы, наиболее подвижные, и устойчивые, наиболее стабильные. Этому способствует сравнение разных по времени и территории создания списков одного текста. Например, обнаруженные нами списки текста “*Отвѣтъ хртіянъ, наприсланныя тетрати испомория*” в собрании рукописных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета и Российской государственной библиотеки показывает, что слабыми звеньями системы являются: графическое смещение *ѣ* и *е* (*грехи, грѣхъ, безгрешно, дѣлы, делесы, въ члцехъ, воустехъ/воустѣхъ, во отвѣтной своей книгѣ/книги*); смещение *ц* и *с*: *цвѣтникъ/свѣтник, ж/ш: тяшкий*; использование вариативных флексий: *древнія книги, богатыя, надо капиталу, никакого страху, от еретикъ, лишново говорилъ, от туду, откуду, единого/единого, гордаго/гордого* и т. д. [6]. Данные написания не снижают успешности зрительного декодирования, не противоречат стоящей перед автором коммуникативной задаче. Такие написания могут быть рассмотрены в виде некоторого ядра, иллюстрирующего те направления, по которым идет “новаторская” деятельность языковых субъектов.

Устойчивыми звеньями системы можно назвать такие особенности, как использование простых претеритов, форм *dualia tantum*, вокатива, энклитических местоимений; флексии —*аго*: *древлецерковнаго блговерия, хртіянскаго цртвия, аплскаго, шестаго, указаннаго, бывшаго*; абстрактных существительных на —*ание, -ение, -ие*: *созидания, содержание, исповѣдание, запрещенія, вкушение, пожитие, братія, мучитиліе, начертания, глаголаніе, размышление, пустынножитиліе, злострадание, слышание*; следующих флексий: *сѣ соловецкими отцы, печатными листы; людем единыя, правыя вѣры, стыя восточныя цркви, поморскія авторы; двѣмя персты*; форм со свистящими: *о семь вѣцѣхъ, въ члцѣхъ, раскольницы и раздорницы, стѣранницы есмь мы бга ради*.

Проведённое исследование показывает, что инновационные тенденции осуществляются в пределах возможной вариативности системы, при этом в рамках сохранения конфессиональной ценности и целостности. Отбор языковых средств носит осознанный характер, осуществляется, исходя из читательской практики авторов.

Письменный узус старообрядцев, таким образом, обладает собственной органичной динамикой. Конкретные параметры эволюционных механизмов в данном дискурсе требуют дальнейшего изучения, что позволит восстановить целостную языковую систему в исторической непрерывности, что, в свою очередь, является актуальным для выявления механизмов и стратегий развития русского литературного языка как важнейшей духовной ценности, формирующей модель мира носителей языка.

1. Цивьян Т. В. Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика // Избранное: В 2-х кн. — М., 2008. — Кн. 2.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. — М., 2005.
3. Примеры в работе приводятся из рукописных текстов странников без сохранения авторской орфографии: 510 — Ответы Архангелогородских староверцов, ХУ111 в., РГБ, собр. Ундольского, ф. 310, №510; 511 — Сборник старообрядческий, РГБ, собр. Ундольского, №511.

4. *Нагорная С. Ю.* К вопросу о развитии русского письменного языка: сочинения старообрядцев-странников // Вестник МГОУ. Серия "Русская филология". — М.: Изд-во МГОУ. — 2006. — №2(27). — С. 113-117.
5. *Дутчак Е. Е.* Из "Вавилона" в "Беловодье": адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX- начало XXI в.) — Томск: Изд-во ТГУ, 2007.
6. *Сборник старообрядческих* полемических сочинений об антихристе. Первая пол. XIX в. ОРКП НБ ТГУ. №В-5688. Сборник старообрядческий. 30-е годы XIX в. ОРКП НБ ТГУ. №В-5441; ОРКП НБ ТГУ № В-5515.

S. Yu. Nagornaya

THE TRADITIONAL TEXT AND REGULATIVE OF LANGUAGE ACTIVITY

The article is devoted to the influence of traditional texts on the development of book language, and also on stabilizing and adaptable opportunities in changing peoples' systems on an example of an old belief discourse. The precedent texts which contain base valuable characteristics, idiologems and mifologems, are estimated as compilers of ideas and strategy in constantly changing conditions.

Key words: Old Belief, evolution of language, national identity, text, regulative.

С. Ю. Нагорна

ТРАДИЦІЙНИЙ ТЕКСТ І РЕГУЛЯТИВИ МОВНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

У статті розглядається вплив традиційних текстів на розвиток книжної мови, а також на стабілізаційні та адаптаційні можливості в соціосистемах, що змінюються, — на прикладі старообрядницького дискурсу. Прецедентні тексти, що містять базові ціннісні характеристики, ідеологеми та міфологеми, інтерпретуються як транслятори ідей і стратегій у мінливих умовах, що дозволяють обґрунтувати розв'язання актуальних проблем.

Ключові слова: старообрядництво, еволюція мови, національна ідентичність, регулятив, текст.

УДК 81'42: 81'373.612.2

С. Б. Кураш, Л. М. Шецко

Художественный троп как интертекстема

Статья посвящена исследованию способности художественных тропов выступать в функции интертекстем в аспекте внутренней и внешней интертекстуальности. Под внутренней интертекстуальностью понимается идиостилевое словесно-образное единство, а под внешней — результат взаимодействия текстов одного автора с текстами других авторов. Соответственно, у интертекстовых тропов выявляются функции внутренних и внешних интертекстем, которые иногда могут совмещаться по отношению к одному и тому же тропеическому образу. Исследуется также варьирование тропеических образов в пространстве идиостиля, интертекста одной культуры и межкультурного диалога текстов.

Ключевые слова: троп, текст, интертекст, интертекстема.

Введение. Одна из ключевых методологических идей, определяющих те направления филологической науки, которые так или иначе связаны с изучением текста, — это мысль о бытии текста в неизолированном, "разгерметизированном" пространстве, наполненном диалогизирующими отношениями, высказанная в своё время М. Бахтиным, поддержанная Ю. М. Лотманом, Р. Бартом, Ю. Кристевой и целым рядом других учёных, отечественных и зарубежных. Последнему из названных принадлежит и ключевое для данной парадигмы исследований понятие интертекстуальности.

К данному моменту времени сформировались различные подходы к категории интертекстуальности: широкий, состоящий в констатации "сплошной", обязательной диалогии данного

текста с другими, в отрицании того, что есть тексты не интертекстуальные (М. Бахтин, Ю. Кристева); и узкий, признающий лишь такие случаи интертекстуальности, которые маркированы в тексте тем или иным образом (присутствуют в виде цитат, аллюзий, реминисценций, эпитафов и пр.) (И. В. Арнольд и др.) [см.: 2; 14].

Как внутри-, так и межкультурное интертекстовое пространство сохраняет свою непрерывность, которую обеспечивают различные внеязыковые и собственно языковые детерминанты и которая находит выражение в своеобразных “дискурсивных скрепах” — т. е. в некоторых “отмеченных” в этом смысле феноменах. К их числу, несомненно, принадлежат тропы, которые сами по себе, по своей природе, обнаруживают признаки изоморфизма по отношению к интертексту. Ср.: “Известно сразу несколько... классификаций, по-разному подразделяющих способы отсылок от текста к тексту... И всё же большинство из них явно или имплицитно уподобляют виды этих отсылок тем или иным тропам и фигурам. Тем самым как раз и подразумевается, что последующий текст преобразует референтную функцию предыдущего в автореферентную, так как в процессе порождения тропов и фигур язык, вообще говоря, отображается на самого себя, превращается в знак знака” [9:14]. “Механизмом, лежащим в основе взаимопроникновения и пересечения различных сфер и их элементов в когнитивной модели функционирования интертекста, является существование на уровне подсознательного некоего логического конструкта, архетипа, управляющего стремлением человека уподоблять созданные им произведения либо явлениям природы, либо ранее созданным произведениям”, — отмечает Н. А. Белозёрова [1:26-27].

Целью данной работы является определение способов участия тропов в организации интертекстового пространства разных диапазонов (от пространства идиостиля до межкультурного взаимодействия).

Результаты исследования. Тропы способны выступать в функции единиц интертекстуального пространства, получивших терминологическое наименование интертекстом [6; 8; 11 и др.]. Так, К. П. Сидоренко определяет интертекстуальность как “межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста — грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, — вовлеченный в межтекстовые связи” [8:11].

В. М. Мокиенко [6] выделяет следующие признаки интертекстом:

- 1) паспортизация конкретным текстуальным источником, т. е. авторство таких единиц, в разной степени осознаваемое носителями языка;
- 2) стереотипизированность и воспроизводимость в готовом виде (не исключающая вариативности);
- 3) интертекстуальность, т. е. способность служить строевыми элементами текста (или его фрагментов), маркируя его семиотически или стилистически.

Границы интертекста могут концентрически расширяться от внутренней интертекстуальности (автоинтертекстуальности, в терминологии Н. А. Фатеевой [11]) до внешней — интертекста национальной литературы, культуры, наконец — до интертекста интеркультуры (термин М. В. Тростникова [10:564]).

Автоинтертекстуальность Н. А. Фатеева определяет “как одно из проявлений авторской интертекстуальности” [11:91], при этом отмечая проблемность данной ситуации в том плане, что здесь мы имеем дело с интертекстуальностью “в квадрате, поскольку совпадение ситуативных, концептуальных, композиционных и операциональных метатропов в разных текстах одного автора будет максимальным” [11:92]. Это не вызывает возражений, поскольку тексты, созданные одним автором, при всём их возможном разнообразии, образуют нечто единое, будучи скреплёнными категорией образа автора (по В. В. Виноградову). Они образуют общую систему микросмыслов, единую картину индивидуально-авторского мировидения с определенными коммуникативно-прагматическими установками, эстетической направленностью и пр. Макротекстом творчества того или иного автора является идиостиль.

Автоинтертекстуальные тропы — это, таким образом, ключевые, воспроизводимые в пределах идиостиля, нередко варьируемые в структурно-семантическом плане образные построения (например, метафорика оружия у В. Маяковского; метафорика, связанная с образом коня, у С. Есенина). Это, по определению Н. В. Павлович, “авторские варианты одного и того же текс-

та. Так, у Манделштама есть варианты: *Железный пух в морозной крутят тяге* и *Морозный пух в железной крутят тяге* [7:29]; в терминологии Н. А. Кожевниковой — это явление обратимости тропов [4].

Тропы, реализующие как внутреннюю, так и внешнюю интертекстуальность, сосредоточиваются в интертекстовом пространстве в диапазоне от устойчивого употребления метафорических формул-архетипов наподобие *жизнь — дорога (река, движение и пр.), старость — вечер, закат* и т. п., восходящих “к метафоричности языка, возникшей в процессе стадийного развития речи и мышления и находящей параллельное отражение как в образном схематизме поэтической речи, так и в данных мифа и фольклора, а также в лингвистической семантике” [12:96], — до собственно интертекстовых (в узком понимании) образов, идентифицируемых с конкретным текстом-источником.

Что касается первой позиции — воспроизведения устойчивых метафорических формул (серийных, системных, регулярных метафор), возглавляющих многие образные парадигмы (по Н. В. Павлович), — то здесь приходится говорить не столько о собственно интертекстуальности, сколько о “литературной эквивалентности” (И. П. Смирнов), когда нет прямых свидетельств относительно того, что один текст был образован на основе другого, один метафорический образ был исходным, а другой — производным именно от него, когда, наконец, невозможно установить авторство первого, отправного, образа, начавшего цепь интертекстуальных перевоплощений [см.: 9:62]. Однако нельзя отрицать и того, что на подобных образах, как на своеобразных дискурсивных скрепах, держатся и индивидуальные, и национальные поэтические стили, и культурно-языковая непрерывность (“интертекст интеркультуры”, по М. В. Тростникову) — “достаточно вспомнить в связи с этим такие традиционные для мировой поэзии объекты художественной рефлексии, как *луна, роза, водопад, колокол, лебедь* и другие. Каждый новый метафорический образ любого из них, участвуя в художественной истории объекта, не только обозначает всю ее ретроспективу, вступая со своими предшественниками в диалогические состязания, которые отнюдь не дисциплинируются привычной схемой традиции-новаторства, но что важнее всего, обогащает представление о виртуальном потенциале объекта” [3:22]. Таким образом, в данном случае мы имеем дело со своеобразным пре-диалогом, до-интертекстуальностью или, по крайней мере, с её периферийной зоной [13:8-9]. Именно в силу архетипичности в данный тип диалогических отношений могут объединяться и тексты разных языковых кодов, разных национальных литератур.

Так, в русско-белорусском интертекстовом пространстве функционирует большое количество сходных тропеических образов, восходящих к общим архетипам и демонстрирующих одни и те же парадигмы. Ср.: 1) *Вот и вечер жизни. Поздний вечер. / Холодно и нет огня в доме* (Д. Кедрин) ~ *Вечар жыцця ўжо ступіў на парог, моўчкі да нас прабіраецца ў сени*. (Л. Геніюш); 2) *На древе человечества высоком / Ты лучшим был его листом, / Воспитанный его чистейшим соком, / Развит чистейшим солнечным лучом!* (Ф. Тютчев). ~ *Я — інтэрнацыяналіст / І ў шумнай кране чалавецтва / З тутэйшае галінкі ліст*. (Р. Бородулин); 3) *Скажи: / Какой ты след оставишь? / След, / Чтобы вытерли паркет / И посмотрели косо вслед, / Или / Незримый прочный след / В чужой душе на много лет?* (Л. Мартынов). ~ *Усё павінна след пакінуць / Бо, як пачаўся белы свет, / Прамень, / пясчына / і расіна / Нязменна пакідаюць след. / ...Не забывайцеся ж, / якія / Вы пакідаеце сляды* (П. Бровка).

Однако если тропеические переключки подобного рода в целом ожидаемы, прогнозируемы в силу их регулярности, системности, обусловленной в том числе и архетипической природой, особенно в пространстве таких культурно родственных поэтических дискурсов, как русский и белорусский, то о целом ряде метафорически структурированных словесных образов, обнаруживаемых и у русских, и у белорусских поэтов, такого сказать нельзя. Речь идёт о нерегулярных, индивидуально-авторских, серийно не закрепившихся в литературной традиции тропеических моделях. Вместе с тем таковых в культурном диалоге русской и белорусской поэзии обнаруживается немало. Например, в стихотворениях Р. Рождественского “Мелочь” и А. Балутенко “Грыбы” в качестве текстообразующей выступает одна и та же нетипичная метафорическая модель: “создание стихов — собирание грибов”. Можно привести и ряд аналогичных примеров: *Когда взошло твоё лицо / над жизнью скомканной моею, / вначале понял я лишь то, / как скудно всё, что я имею. / Но рощи, реки и моря / оно особо осветило / и в краски мира посвятило / непосвящённого меня* (Е. Евтушенко) и *Высокае імя Жанчыны / Ўзыходзіць ішодня нада мной. / Ўзыходзіць — і цені*

знікаюць, / *Ўзыходзіць — і промні ярчэй* (Э. Зубрыцкі). Этот факт находится в русле рассуждения Н. В. Павлович о том, что “если мы имеем дело с образом (есть два понятия, их противоречие и отождествление), то рано или поздно находятся образы, сходные с ним, а значит, может быть определён их инвариант — парадигма” [7:18].

Тропы, реализующие факты внешней (в том числе и межкультурной) интертекстуальности, в том числе и межкультурного характера, фиксируются в двух видах диалога текстов.

Первый — “не-троп — троп”, ср.: *и днём и ночью / шар учёный / всё ходит / вокруг своей оси* (С. Кирсанов); *Не люблю я золкага надвор’я, / Холад працінае да касці. / Мой вучоны кот ля лукамор’я / Не жадае ў ланцугу ісці.* (Р. Крушына); *За табой, як кот вучоны, / Я ішоў на ланцугу* (Ф. Гуринович). Образ учёного кота, будучи сказочным в прецедентном, пушкинском, тексте, становится основой для создания метафорических тропов в цитируемых произведениях С. Кирсанова и белорусских поэтов Р. Крушины и Ф. Гуриновича.

Выходящие в межкультурный интертекст тропы нередко строятся на базе прецедентных литературных онимов. Для белорусской интертекстовой метафорики здесь второе по значимости и частотности место (после белорусских) занимают знаковые онимы русской культуры, и в частности, литературы: *...Я знаю — я не здольны быць Дантэсам, / А значыць, на мяне расце Дантэс* (П. Воробьёв).

Второй вид внешних тропеических интертекстем связан с собственно диалогами тропов, в первую очередь метафор, т. е. тот случай, когда во вновь продуцируемом тексте имеет место воспроизведение именно прецедентного тропеического образа, источник которого способен идентифицироваться. Здесь также характерно межкультурное диалогическое взаимодействие. Ср., например: *Слаўлю я слова свінцова-важкое, / што ратавала людзей ад агню, / непераможнае слова, якое / брала любую ў баі вышыню* (П. Макаль). Эти строки имеют очевидную интертекстуальную опору на поэму В. Маяковского “Во весь голос”, ср.: *Стихи стоят / свинцово-тяжело, / готовые и к смерти / и к бессмертной славе*, ряд его других поэтических текстов, дискурсивно объединённых интертекстовой метафорой “поэзия — оружие”. Ср. аналогичный пример, где прецедентный метафорический образ у белорусского автора восходит к “Медному всаднику” А. С. Пушкина: *Упала зорачка мая / на воды цёмныя патопу; / і з поля зроку знік маяк, / што асвятляў акно ў Еўропу* (И. Логвинович).

Наиболее характерным способом диалогизирования тропов в интертексте является их контрастные отношения, при которых происходит отрицание смыслов (концептуальных, эстетических, идеологических и пр. установок) претекста [13]. Эпицентром таких столкновений очень часто становятся тропеически структурированные словесные образы, в первую очередь метафоры.

Отношения контрастирующей семантики могут распространяться как на автоинтертекстуальные, так и на внешнеинтертекстуальные связи. Например, такие отношения можно наблюдать между двумя стихотворениями М. Цветаевой, одно из которых посвящено О. Э. Мандельштаму — “Никто ничего не отнял...” (1916), а второе — Б. Пастернаку — “В мире, где всяк...” (1924). В обоих поэт сравнивает свой дар с талантом названных мастеров слова. Однако в случае с О. Мандельштамом она говорит о его превосходстве, а творчество Б. Пастернака оценивает как равновеликое своей поэзии: *Я знаю, наш дар — неравен, / Мой голос впервые — тих. / Что вам, молодой Державин, / Мой невоспитанный стих!* (1916) ~ *Знаю — один / Мне равносилен. / Знаю — один / Мне равномошен. / Знаю: один / Ты — равносущ / Мне* (1924). Таким образом, два текста М. Цветаевой контрастируют относительно общего семантического наполнителя “отношение к творчеству современников”.

Как пример оппозиции метафорических контекстов с контрастирующим значением выступает диалог фрагмента текста поэмы В. Маяковского “Владимир Ильич Ленин” “Единица — вздор, / единица — ноль...” со строками Е. Евтушенко из стихотворения “Забастовка сердца”. Е. Евтушенко вступает в полемику с В. Маяковским: *Народа стержень — это единицы. / Из личностей народ — / не из нулей.* За этой оппозицией кроется разница в идейно-эстетических взглядах двух поэтов, разделённых временем. Из аналогичных примеров можно привести и диалог стихотворений В. Маяковского “Сергею Есенину” (1926) и С. Есенина “До свиданья, друг мой, до свиданья...” (1925): *В этой жизни / помереть / не трудно. / Сделать жизнь / значительно трудней — В этой жизни умирать не ново, / Но и жить, конечно, не новей.*

Выводы. Троп в поэтическом дискурсе может выступать не просто как поэтическое средство, а как механизм поэтического мышления, один из ведущих межтекстовых и междискурсивных скрепов, в том числе в и интеркультурном интертексте. Это с одной стороны обусловлено парадигмальной организацией тропеических образов в культурном пространстве, а с другой — сущностной родственностью тропа и интертекста как механизмов умножения смыслов и организации поликодового мировосприятия средствами художественного слова.

1. *Белозерова Н. Н.* Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики (на материале русских, английских и ирландских художественных текстов): дис. ...д-ра филол. наук: 10. 02. 20. — Тюмень, 2001.
2. *Денисова, Г. В.* В мире интертекста: язык, память, перевод / Г. В. Денисова; пред. С. Гардзонио; пред. Ю. Н. Караулова. — М., 2003.
3. *Иванюк Б. П.* Метафора и литературное произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования). — Черновцы, 1998.
4. *Кожевникова Н. А.* Об обратимости тропов // Лингвистика и поэтика / Отв. ред. В. П. Григорьев. — М., 1979. — С. 215 — 224.
5. *Кураш С. Б.* Изоморфизм и “метафора метафоры” в лингвосомиотической интерпретации художественного текста / дискурса // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: матер. III Междунар. науч. конф., 12-13 мая 2005 г. — Мозырь, 2005. — Ч. 1. — С. 14 — 17.
6. *Мокиенко В. М.* Крылатые слова как лингвистическое явление и как объект обучения РКИ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruslang.edu.ru/filcj/materials/>
7. *Павлович Н. В.* Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. — 2-е изд. — М., 2004.
8. *Сидоренко К. П.* Интертекстовые связи пушкинского слова: монография. — СПб., 1999.
9. *Смирнов И. П.* Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака. — СПб., 1995.
10. *Тростников М. В.* Перевод и интертекст с точки зрения поэтологии // Семиотика. Антология / сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова — 2-е изд., испр, доп. — М., 2001. — С. 563—580.
11. *Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. — 3-е изд. — М., 2007.
12. *Франк-Каменецкий И. Г.* О развитии поэтической метафоры // Советское языкознание. — Т. 1. — Л., 1935. — С. 93 — 145.
13. *Хаками О. Н.* Русский поэтический интертекст в аспекте системных отношений: текстоцентрический и текстотипологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 02; Бел. гос. ун-т. — Минск, 2007.
14. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. — М., 2009.

S. B. Kurash, L. M. Shetsko

THE ART TROPE AS THE INTERTEXTUAL UNIT

The article is devoted to research of ability of art tropes to act in function of intertextual units in aspect of internal and external intertextuality. The internal intertextuality is understood as the unity of individual style, and the external intertextuality is understood as the result of interaction of texts of one author with texts of other authors. Functions of the internal and external intertextual units are characteristic for the tropes. The variation of tropical images in the individual style, in the intertext of one culture and intercultural dialogue of texts are investigated too.

Key words: trope, text, intertext, intertextual unit.

С. Б. Кураш, Л. М. Шецко

ХУДОЖНИЙ ТРОП ЯК ІНТЕРТЕКСТЕМА

Статтю присвячено дослідженню властивості художніх тропів виступати у функції інтертекстем в аспекті внутрішньої та зовнішньої інтертекстуальності. Внутрішня інтертекстуальність — це ідіостильова словесно-образна єдність, зовнішня — результат взаємодії текстів одного автора з текстами інших авторів. Отже, у інтертекстових тропів виявляються функції внутрішніх і зовнішніх інтертекстем, які іноді можуть суміщуватися стосовно одного тропеїчного образу. Досліджується також варіювання тропеїчних образів у просторі ідіостилу, інтертексту однієї культури та міжкультурного діалогу текстів.

Ключові слова: троп, текст, інтертекст, інтертекстема.

Д. В. Колода

Монтажный принцип организации стихотворений Юрия Левитанского и синтаксические средства его реализации

Статья посвящена описанию синтаксических средств реализации монтажа как принципа организации поэтических текстов Юрия Левитанского. В работе делается попытка уточнения термина “монтаж” в художественном тексте. Анализ показал, что монтажный принцип реализуется с помощью парцелляции, фигур усечения, вставных конструкций и рядов разных типов. Монтаж создаётся не столько благодаря наличию определенных единиц, сколько в результате столкновения или соположения. В работе определяются типы монтажа в лирике Юрия Левитанского.

Ключевые слова: поэтический текст, лирика, монтаж, синтаксические средства, Левитанский.

Термин “монтаж” из кинематографии уже давно перешёл в другие виды искусства, в том числе и в филологию. И каждый вид искусства реализует принцип монтажности своими свойствами. Однако реализация монтажности в поэтических текстах изучена слабо. Впервые о реализации монтажа в художественном тексте начал писать Ю. Н. Тынянов, но в его работах речь шла о композиционной стороне этого принципа. Понятие монтажа затрагивается учеными различных гуманитарных направлений, в том числе такими известными филологами, как Ю. М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, Б. А. Успенский. Этим и обусловлена актуальность данного исследования.

Новизна работы заключается в том, что в ней впервые описывается монтажный принцип организации поэтических текстов на уровне синтаксиса, определяются и описываются синтаксические способы репрезентации монтажа в стихотворениях Юрия Левитанского.

Цель — выделить и описать синтаксические средства реализации монтажного принципа и определить его смыслообразующую роль в поэтических текстах Юрия Левитанского.

В. Ждан, известный киновед 1960х-1970х годов, писал, что ещё во время существования немого кино в 20х годах прошлого века “огромную роль в создании выразительной формы играл монтаж как выражение режиссерской мысли, её взгляда на изображаемый предмет. Монтаж был во всём. Иногда буквально собирали человека по частям, из разных лиц, “слагали” его поведение и настроение, свободно перебрасывали из одного места и времени в другие. Монтажно создавали радость и печаль, любовь и ненависть, горе и страх” [3:171]. “Фундаментальная особенность киноязыка — игра на границе иллюзии и реальности — стала возможной во многом благодаря тому, что сейчас называют “эффектом Кулешова”, то есть благодаря монтажу” [8:180].

С. М. Эйзенштейн понимал монтаж как столкновение кадров (а не их сцепление). В своих работах режиссер и теоретик искусства показывает, как с помощью монтажа реализуется переход от изображения предмета к передаче целого понятия: “Сочетанием двух “изобразимых” достигается начертание графически неизобразимого. Например, изображение воды и глаза означает “плакать” [15: 284-285]. В то же время В. Пудовкин подчёркивал: “Монтаж — язык кинорежиссёра. Так же как в живом языке, в монтаже существует слово — целый кусок заснятой плёнки, фраза — это комбинация этих кусков...” [7:59].

То восприятие мира, которое предложил кинематограф, которое свойственно этому виду искусства, изменило сознание и мировосприятие человека XX века. К середине XX века кино в различной степени стало проникать и в другие виды искусства, которым свойственна двуплановость, то есть изображаемое и способ его изображения. Эту идею высказывал еще Б. А. Успенский [10: 10-12], рассуждая о проблеме монтажа. Но на наш взгляд, не только монтаж, но и кино в целом проникает в другие искусства; различные кинематографические признаки приспособляются к тому или иному направлению творчества, либо актуализируются только самые яркие черты и принципы кинематографа.

Ю. Н. Тынянов был первым, кто описал изоморфизм кино и поэтических текстов. Он подчёркивал, что “скачковой” характер кино, роль в нем кадрового единства, смысловое преоб-

ражение бытовых объектов (вещи в кино, а слова в стихе) — роднят кино и стих [9:336]. Следует отметить, что тыняновское понимание монтажа близко пониманию монтажа Эйзенштейном как столкновения, а не сцепления кадров. Таким образом, концепции Тынянова и Эйзенштейна имеют много общих черт.

Анализируя монтаж, Ю. М. Лотман подчеркивал, что для него характерно именно столкновение элементов. Ученый отмечал, что это “обычное средство образования художественных значений”, на котором “строятся семантические эффекты типа метафоры, стилистические и иные художественные смыслы” [6: 328].

В 1970-х — 80-х гг. в различных поэтических системах разрабатываются приемы монтажа фрагментов стихотворных текстов [4: 70]. Появляется термин “монтажная поэзия”. Например, признаки монтажного принципа обнаруживаются в китайской лирике [2: 63].

В конце XX века усиливается интерес ученых-филологов к проблемам монтажа, который к этому времени затрагивает различные виды искусства, в том числе и литературу. Появляется сборник “Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино”, в котором исследованы монтажные принципы вне кино.

Наше исследование стремится выделить монтаж как принцип организации поэтических текстов. Этот принцип в поэзии Юрия Левитанского реализован на всех уровнях, в том числе и на синтаксическом. Здесь монтажность реализуется как способ организации-построения, определяющий архитектуру стиха (как в формально-синтаксическом, так и композиционном плане). Отличие данного способа от линейного развёртывания текста заключается в работе поэта с дискретными фрагментами текста (которые можно определить как “кадры”), столкновение-соположение которых позволяет увидеть объект с разных сторон, с разной дистанции и в разном масштабе.

Для своего исследования мы пользуемся таким определением, где монтаж понимается как система сочетаний дискретных фрагментов текста.

Монтаж даёт возможность соединять два отрывка, которые находятся в разной временной и/или пространственной плоскости. Мы это можем проследить на типичном для Левитанского отрывке стихотворения “Как показать зиму”:

*...Я покажу сперва балкон,
где мы увидим ёлочку стоящей
как бы в преддверье
жизни предстоящей,
всю в ожиданье близких перемен.
Затем я покажу её в один
из вечеров
рождественской недели,
всю в блеске мишуры и канители,
как бы в полёте всю,
и при свечах.
И наконец,
я покажу вам двор,
где мы увидим ёлочку лежащей
среди метели,
медленно кружащей
в глухом прямоугольнике двора. [5: 176]*

Здесь мы наблюдаем два монтажных шва трёх “кадров”. С точки зрения синтаксиса, каждый “кадр” представляет собой одно предложение, а монтажный шов характеризуется концом предложения (в данном случае точками). В данном примере изменение во времени представлено как лексически, так и синтаксически: “временная” лексика представлена словоформами “*сперва*”, “*в преддверье*”, “*предстоящей*” (находящимися в первом кадре), “*затем*” (во втором кадре), “*наконец*” (в третьем).

Следует согласиться с мнением И. В. Вайсфельда, который утверждает, что монтажность — не только способ мышления, при котором художник, расчленив на кадры, синтезирует, но также что монтаж — это окончательное композиционное бытие фильма [1: 32]. Именно монтажный принцип построения рассматриваемого поэтического текста создает композицию всего произведения.

Исследуя стихотворения с точки зрения реализации принципа монтажности, следует подчеркнуть, что она чаще всего выявляется при наличии сюжетности в поэтическом тексте.

В результате анализа поэтических текстов Юрия Левитанского было выявлено три семантических типа монтажа: пространственный (27,5%), темпоральный (41,5%) и пространственно-темпоральный (31%). Рассмотрим каждый из них.

Пространственный монтаж показывает расположение в разных пространствах, что выражается столкновением и/или сочетанием языковых единиц. Например:

*Месяц, тоненькая долька,
из окна глядит на нас...
Катерина, Анна, Ольга
засыпают в этот час. [5: 303]*

Первые два стиха относятся к одной локации, а следующие — к другой. Синтаксически пространственный монтаж здесь выражен столкновением двух двусоставных распространённых предложений.

*Я кричу за эту стену: — Погодите!
Ветер во поле березу пригибает.
Одевайтесь, — говорю, —
и выходите,
где-то во поле береза погибает!*

*Пять минут, — кричу, — достаточно на сборы.
Мы спасем ее от ветра и мороза!.. —
Пересуды за стеною,
разговоры.
Замерзает где-то во поле береза. [5: 41]*

Данный пример пространственного монтажа типичен для текстов Юрия Левитанского. Здесь соединяются несколько фрагментов из разных локаций. Первая локация — зывающий лирический герой (синтаксически выражена прямой речью и словами автора), вторая локация — береза в поле (второй и последний стихи; синтаксически представлена отдельными двусоставными распространёнными предложениями) и следующая локация — “*Пересуды за стеною, разговоры*” (синтаксически выражена сложным предложением бессоюзного типа с односоставными номинативными предикативными единицами). Каждый фрагмент является самостоятельным предложением, и композиционно он располагается в новом стихе. “Кадры” выделяются синтаксически и композиционно, а монтажный шов проходит на границе стиха.

Темпоральный монтаж представляет собой столкновение языковых единиц, семантика которых разнит их во времени, например:

*Здесь когда-то
его обнимала жена,
а теперь обнимает его
тишина
этих белых, как снег, вечеров. [5: 70]*

В данном примере принцип монтажности реализован как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. На уровне лексики монтаж представлен наличием в одном предложении наречий “*когда-то*” и “*теперь*”, что открывает два временных плана повествования. Монтажный шов на синтаксическом уровне представлен сочетанием двух частей сложносочинённого предложения.

Пространственно-темпоральный монтаж представляет собой столкновение и/или сочетание дискретных фрагментов, семантика которых разнит их в пространстве и во времени.

*...Мой старший брат по плоти и по крови
свободного российского стиха
(да и по той, по красной, что впиталась
навечно в подмосковные снега,
земную пробуравив оболочку)... [5: 403]*

Первый и второй стихи этого отрывка представляют собой первый фрагмент “монтажной склейки”, а вся вставная конструкция, которая переносит читателя в иное пространство и время по отношению к реальности этого стихотворения, — второй фрагмент. Монтаж заключается в столкновении вставной конструкции и основного тела поэтического текста.

Синтаксически монтажный принцип в поэтических текстах Левитанского представлен сочетанием и/или столкновением различных единиц и конструкций. Например, монтажный принцип может быть выражен приёмом парцелляции в поэтическом тексте:

*Женщины были — Жанны, Марии, Анны.
Дружба была и верность. Вражда и злоба. [5: 408]*

В приведённом отрывке лирический герой представляет события в своей жизни дискретно с помощью парцелляции во втором стихе отрывка. Каждый парцеллят представляет собой две предикативные единицы с сочинительной связью. Именно сочетание парцеллятов выражает монтажный принцип текста.

Ещё одной конструкцией, которая реализует монтажный принцип в текстах Левитанского, является фигура усечения.

*... Грозит мне вдогонку —
вот ужо тебе, погоди!..
А море
всё так же плескалось
где-то там впереди... [5: 377-378]*

Стык апосиопезы, как разновидности усечения, и последующего предложения создаёт эффект монтажа. Его усиливает местоположение этих конструкций в отдельных стихах. Следующий стих подобен следующему “кадру”.

Не только апосиопеза создает эффект монтажа, но и просиопеза:

*И когда мы ушли, он остался один стоять
над холодной вечерней водой,
и без нас уже листья с осенних деревьев
облетели.
... В этот час, когда ветер тревожно стучится
в ночное окно,
в этот час января и полночной метели,
до озноба отчётливо вдруг представляю... [5: 261]*

Подчёркнутая нами часть в данном отрывке представляет собой монтажный шов как на синтаксическом, так и на композиционном уровнях. На синтаксическом уровне выделяются два самостоятельных сложноподчинённых предложения, второе из которых начинается с просиопезы, то есть опущения начальной части высказывания. Именно просиопеза и выделение “кадров” в отдельные строфы на композиционном уровне отделяет “кадры” друг от друга.

Использование вставных конструкций также является средством реализации монтажного принципа в поэтических текстах Левитанского, напр.:

*... Внезапно увидел огромную,
указывающую куда-то вдаль
стрелу,
на которой было написано
мое имя
(как на давних военных дорогах —
названья чужих городов,
не взятых покуда нами). [5: 227]*

Вставная конструкция в функции сравнения является следующим смонтированным с остальной частью предложения “кадром”. Содержанием вставной конструкции является воспоминание военных дней, так называемый “флэш-бэк”.

Частотные конструкции, создающие эффект монтажности в поэтических текстах Левитанского, — ряды разного порядка. Следует перечислить типы рядов, создающих монтажный принцип:

- а) номинативный ряд,
- б) ряд однородных сказуемых,
- в) ряд второстепенных членов предложения,
- г) ряд предикативных единиц в составе МСП,
- д) ряд односоставных предложений.

Рассмотрим только некоторые из них.

*Дальше
происходит множество
всевозможных событий,
бесконечной чередой проходят,
сменяя друг друга,
дни и недели,
дожди и метели,
солнечные затмения,
смены погоды,
годы —
словом, проходит жизнь. [5: 249]*

В этом отрывке номинативный ряд несколько разнороден. Первые четыре элемента находятся в паре друг с другом и связаны сочинительной связью. Интересно, что элементы каждой пары номинативного ряда являются неким семантическим единством, гипонимами: “дни и недели”, “дожди и метели”.

*Тут стрелка электрических часов
покажет час,
и сразу полвторого,
и резко остановится на двух. [5: 148]*

Данный пример характеризуется рядом дополнений, который состоит из двух элементов, а третий элемент, являющийся дополнением к следующей предикативной части, выступает как последний элемент ряда: час — полвторого — два. Доказательством служит не только общность семантики этих элементов, но также и локализация каждого в конце стиха, создавая тем самым вертикальный ряд.

*... Нам не удавалось наблюдать,
как листья блекли,
и не замечалось,
как успевали листья облетать,
как вновь они раскрыться успевали... [5: 301]*

Монтажный эффект в данном отрывке создается с помощью ряда придаточных частей МСПП, элементы которого связаны анафоричным союзом “как”, благодаря которому элементы ряда находятся в вертикальном ряду.

Как видно из приведенных примеров, конструкции с рядами разного порядка придают тексту эффект монтажности повествования. Каждый элемент ряда в поэтическом тексте является “кадром” в киноповествовании, а соположение элементов в ряду является монтажом.

В текстах Юрия Левитанского встречается и текстовый монтаж. Например, поэтический текст “Мое море” дискретен и состоит из пронумерованных частей, каждая из которых является “кадром” в фильме о море. Данный текстовый монтаж подобен прозаическому членению на главы. И именно потому, что для поэтического текста это членение не характерно, его наличие становится более значимым и является также средством реализации монтажного принципа в текстах Левитанского.

Мысль Ю. Н. Тынянова об “окрашенности” одного “кадра” другим, развившаяся также из его литературной теории (закон “тесноты стихового ряда”), оказывается в прямой близости к мыслям Эйзенштейна о “доминанте монтажа” и о “куске — указателе, который сразу “окресит” весь ряд в тот или иной признак” [11: 46]. В рассмотренных текстах Юрия Левитанского присутствует доминанта монтажа, которая структурирует синтаксис и композицию поэтических произведений Левитанского.

Анализ лирических текстов Юрия Левитанского показал, что в основном монтажный принцип организации текстов реализуется при наличии следующих приемов и конструкций: парцелляции, фигур усечения, вставных конструкций и рядов разных типов. Показано, что монтаж создается не столько благодаря наличию определённых единиц, сколько в результате столкновения или соположения.

1. *Вайсфельд И. В.* Композиция в киноискусстве. — Ч. 1. — М., 1974.
2. *Го Шичан, Шербина А. М.* О переводе китайской “монтажной” поэзии на русский язык // Русская филология. Украинский вестник. — 1999. — № 1-2. — С. 63.
3. *Ждан В.* Эволюция киновыразительности // Кинематограф сегодня. — М., 1971. — Вып. 2. — С. 163 — 213.
4. *Ковтунова И. И.* Синтаксис поэтического текста. Типология и эволюция // Стилистика и поэтика: тезисы всесоюзной научной конференции (Звенигород, 9 — 11 ноября 1989 г.). — М., 1989. — Вып. 1. — С. 68 — 70.
5. *Левитанский Ю.* Стихотворения. — М., 2005.
6. *Лотман Ю. М.* Об искусстве. — С. Пб., 2005.
7. *Пудовкин В. И.* Избранные статьи. — М., 1955.
8. *Руднёв В. П.* Энциклопедический словарь культуры XX века. — М., 2001.
9. *Тьянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977.
10. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. — С. Пб, 2000.
11. *Эйзенштейн С. М.* Избранные статьи. — М., 1956.
12. *Эйзенштейн С. М.* Избранные произведения: в 6 т. — М., 1964 — Т. 2. — 1964.

D. V. Koloda

MONTAGE PRINCIPLE IN THE ORGANIZATION OF THE POEMS OF Y. LEVITANSKIY AND SYNTACTICAL MEANS OF ITS REALIZATION

The work is devoted to the description of syntactical means of montage as an organization principle in the poetic texts by Y. Levitanskiy. There elaborates the term “montage” in texts. The analysis of the lyrics shows that the montage principle in the organization of poems’ is frequently realized if the following syntactical methods and constructions are used: parcelling, cutting-off figures, inserted constructions and sequences of different types. Montage is created not only with the help of definite units but also as a result of clash or co-position. The work deals with types of montage in the lyrics of Y. Levitanskiy.

Key words: poetic text, lyrics, montage, syntactical means, Levitanskiy.

Д. В. Колода

МОНТАЖНИЙ ПРИНЦИП ОРГАНІЗАЦІЇ ВІРШІВ ЮРІЯ ЛЕВІТАНСЬКОГО ТА СИНТАКСИЧНІ ЗАСОБИ ЙОГО РЕАЛІЗАЦІЇ

Статтю присвячено опису синтаксичних засобів реалізації монтажу як принципу організації поетичних текстів Ю. Левітанського. В роботі зроблено спробу уточнення терміну “монтаж” у художньому тексті. З’ясовано, що монтажний принцип реалізується за допомогою парцеляції, фігур усікнення, вставлених конструкцій і рядів різних типів. Монтаж створюється не стільки завдяки наявності певних одиниць, скільки внаслідок їх зіткнення або співположення. В роботі охарактеризовано типи монтажу в ліриці Левітанського.

Ключові слова: поетичний текст, лірика, монтаж, синтаксичні засоби, Левітанський.

ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ І МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

УДК [811.161.1+811.161.2]г271:82 Гоголь

К. П. Добровольская

Пути формирования языковой и поликультурной компетенции студентов на материале литературного наследия Н. В. Гоголя

В статье рассматриваются пути формирования языковой и поликультурной компетенции студентов на материале творчества Н. В. Гоголя, его опыт развития диалога языков и культур русского и украинского народов. С позиций актуального историзма и преемственности традиций обосновано непреходящее значение литературного наследия Н. В. Гоголя для развития международной русистики и решения задач формирования вышеуказанных компетенций иностранных и украинских студентов в условиях поликультурной среды Украины.

Ключевые слова: языковая компетенция, поликультурная компетенция, пути формирования, Н. В. Гоголь, литературное наследие.

Новая геополитическая и поликультурная среда, в которой оказались Украина и Россия после распада Советского Союза, их сложные политические взаимоотношения на современном этапе становления украинской государственности оказывают сильное эмоциональное воздействие и не всегда положительное влияние на умы и речевое поведение студенческой молодежи, побуждают преподавателей русского и украинского языков к разработке и внедрению наиболее эффективных путей взаимосвязанного формирования языковой, лингвокультурной и поликультурной компетенции иностранных и украинских студентов.

Решение важных лингводидактических, исследовательских и методических задач включения литературного наследия Н. В. Гоголя в теорию и практику формирования языковой и поликультурной компетенции иностранных студентов в условиях их обучения в поликультурной среде Украины приобретает всё большую актуальность с позиций международной русистики.

Наше обращение к литературному наследию Н. В. Гоголя с названной программной целью продиктовано не только празднованием 200-летнего юбилея со дня рождения классика русской литературы и гениального сына Украины, но и тем, что его жизненный и творческий путь, художественные произведения, статьи о богатстве, красоте и выразительности русского языка, наброски по истории Малороссии, письма к родным и друзьям являются драгоценными фактами межкультурного взаимодействия украинского и русского народов, диалога выдающегося художника слова с передовыми людьми Украины, России и других стран Европы, взаимообогащения славянских культур ценностями, включение которых в работу студентов по русскому и украинскому языкам будет способствовать формированию навыков международного духовного общения, языковой и поликультурной компетенции личности.

Как известно, Н. В. Гоголь родился 20 марта (1 апреля н. с.) 1809 г. в местечке Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии в семье украинского писателя, автора комедий и режиссёра театра Д. П. Трощинского. Он с детства знал родословную семьи Гоголей-Яновских, с восхищением вспоминал рассказы родных о ратных подвигах прадедов Лизогуба и полковника Запорожской Сечи Остапа Гоголя. Изучение страниц истории Украины, описанных Н. В. Гоголем в “Тарасе Бульбе”, “Вечерах на хуторе близ Диканьки” и других повестях, чтение “Мёртвых душ” и “Ревизора” в процессе СРС, литературно-краеведческие экскурсии, конкурсы эрудитов, викторины, беседы о его творчестве являются важными путями формирования языковой и поликультурной компетенции студентов.

Подготовка к юбилею писателя, который своими художественными произведениями и словесными образами обогатил духовную сокровищницу русского и украинского народов, послу-

жила мощным импульсом к пробуждению интереса студентов к его жизни и литературному наследию, что, в свою очередь, нашло отражение в разнообразии путей формирования языковой и поликультурной компетенции иностранных и украинских студентов. К сожалению, глубокого осмысления путей формирования этих компетенций личности на материале жизни и творческого наследия Н. В. Гоголя в методической литературе мы не встретили, хотя о его юбилее в прессе напечатано немало сообщений.

Рассматривая жизнь и творчество гениального писателя как неисчерпаемый и достоверный источник содержательной языковой и страноведческой информации об историческом прошлом Украины и России, благотворных связях украинского и русского народов и благородной роли Гоголя в развитии диалога двух близкородственных языков и культур, мы считаем чрезвычайно важным путём решения проблемы замену выбора “или ... или” на сочетание “и...и”, то есть на взаимосвязанное изучение его произведений на практических занятиях по русскому и украинскому языкам в иностранной аудитории, факультативных занятиях по внеаудиторному чтению и многообразных путях соизучения выявленной в его литературном наследии ценной лингвострановедческой информации о тесной связи исторических судеб и языков украинского и русского народов, значении духовных ценностей украинской и русской культур для взаимообогащения славянских народов и формирования на этом материале не только языковой, но и поликультурной компетенции обучаемых.

Одним из эффективных путей формирования языковой компетенции иностранных студентов является проведение вступительных бесед перед чтением биографического очерка об основных этапах жизни и творчества Н. В. Гоголя, отрывков из его художественных произведений, статей и писем, подготовительной лексической и грамматической работы с учётом реального уровня владения студентами русским языком и их интереса к литературному наследию писателя. Выполнение различных творческих заданий, работа над комментариями к биографии и текстам, отражающим культурно-исторические факты русской, украинской и других культур, лексическая работа над страноведчески ценными единицами русского и украинского языков как неотъемлемыми компонентами языка художественных произведений Гоголя (лексикой, фразеологизмами, афоризмами: пословицами и поговорками, крылатыми словами, именами его героев, топонимами) и источниками сведений об истории и культуре украинского и русского народов, цитирование крылатых слов писателя, фрагментов его статей о русском языке помогают иностранным студентам понять своеобразие исторической эпохи, в которой жил Гоголь, подводят к пониманию его творчества, вводят студентов в мир мыслей и чувств самого писателя и его героев — носителей культурных ценностей двух народов.

Беседуя о жизни и творчестве Н. В. Гоголя, тайнах его национальной души и отвечая на вопросы студентов, к какой культуре (русской или украинской) принадлежит его литературное наследие, желательно познакомить их с его письмом А. О. Смирновой из Франкфурта от 24 декабря 1844 г.: “Скажу вам одно слово насчёт того, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Я сам не знаю, какая у меня душа. Знаю только, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой: явный знак, что они должны пополнить одна другую...” [2: 577-579].

Изучение страноведческих сведений о жизненном и творческом пути Гоголя, заочные путешествия в места его детства и юности в Украине, жизни и творчества в Петербурге и Москве, за границей (в Италии, Австрии, Швейцарии, Франции, Германии, Испании, Португалии, Чехии и других странах) и в Одессе, беседы и просмотр фотодокументов, кинофильмов, телепередач и видеofilmов являются важнейшим средством формирования языковой и поликультурной компетенции личности.

Организация чтения отрывков из повестей, пьес и писем Н. В. Гоголя не сводится к решению только коммуникативных задач. Опровергая мнение некоторых студентов об ухудшении отношений между Украиной и Россией, мы через внеаудиторное чтение “Ревизора”, “Мёртвых душ” и статей художника слова о русском языке, “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, лингвострановедческий комментарий текстов, слов с культурным компонентом из его украинско-русского словаря, семантизацию безэквивалентной и фоновой лексики, беседы о значении повестей, пьес и писем писателя обеспечиваем показ его вклада в описание страниц истории Украины и

России, способствуем формированию ценностных ориентаций студентов, раскрываем высокое благородство его души, любящей и Украину, и Россию, не только русский язык и культуру, но и украинский язык, фольклор, народные песни и самобытную культуру украинского народа.

Организация работы над чтением страноведчески ценных текстов о жизни и творчестве Гоголя, изучением его лучших произведений, беседы о любви русского писателя к родной природе, рассказы преподавателей украинского и русского языков о его глубоких размышлениях над судьбами героев украинского и русского народов, Украины и России способствуют овладению ценностями украинской и русской культур. Внеаудиторное чтение отрывков из произведений, писем и материалов о любви Гоголя к Родине, Васильевке, местам его детства и юности, реке Псёл, впадающей в “чуден Днепр” [3:217], презентация на студенческой научной конференции научных проектов “В лета невозвратно мелькнувшего моего детства”, “В лета моей юности” [4:3], “Гоголь в Великих Сорочинцах”, “Гоголь в Нежинской гимназии высших наук”, “Сорочинская ярмарка глазами Гоголя”, “Гоголь в Одессе”, “Гоголь и Украина”, “Вечера на хуторе близ Диканьки”, “Гоголь в Москве”, “Гоголь в Петербурге”, “Гоголь в Италии” позволяют студентам не только усвоить ценные сведения об отношении русского писателя к Украине, России и русскому языку, но и извлечь национально-культурные компоненты из языка выдающегося художника слова, способствующие восприятию его литературного наследия и формированию языковой и поликультурной компетенции личности.

1. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. — М., 1937 — 1952.
2. Гоголь Н. В. Письма: В 4 т. — С. Пб, 1901. — Т 2. — С. 577-579.
3. Гоголь Н. В. Сочинения: В 2 т. — М., 1959. — Т 1. — С. 217.
4. *В лета моей юности*: Н. В. Гоголь на Полтавщине. — М., 1991.

К. Р. Dobrovolska

THE WAYS OF FORMING THE LINGUISTIC AND MULTICULTURAL COMPETENCE OF STUDENTS ON MATERIAL OF N. V. GOGOL'S LITERARY HERITAGE

The article deals with the ways of forming the linguistic and multicultural competence of students on the basis of N. V. Gogol's works, his dialogue of Russian and Ukrainian cultures' experience. N. V. Gogol's literary heritage is very important for the development of international Russian philology and solving the tasks of foreign and Ukrainian cross-cultural verbal communication.

Key words: linguistic competence, multicultural competence, ways of forming, N. V. Gogol, literary heritage.

К. П. Добровольська

ШЛЯХИ ФОРМУВАННЯ МОВНОЇ ТА ПОЛІКУЛЬТУРНОЇ КОМПЕТЕНЦІЙ СТУДЕНТІВ НА МАТЕРІАЛІ ЛІТЕРАТУРНОЇ СПАДЩИНИ М. В. ГОГОЛЯ

У статті розглядаються шляхи формування мовної та полікультурної компетенцій студентів на матеріалі творчості М. В. Гоголя, його досвід розвитку діалогу мов і культур російського та українського народів. З позицій актуального історизму і спадкоємності традицій обґрунтовано непересічне значення літературної спадщини Н. В. Гоголя для розвитку міжнародної русистики та вирішення завдань формування вищезазначених компетенцій іноземних і українських студентів в умовах полікультурного середовища України.

Ключові слова: мовна компетенція, полікультурна компетенція, шляхи формування, М. В. Гоголь, літературна спадщина.

Г. М. Васильева

К вопросу о создании лексико-синтаксического словаря для начального этапа обучения РКИ

Статья посвящена проблемам создания лексико-синтаксического словаря сложноподчиненного изъяснительного предложения, которое является одним из очень сложных участков языковой системы и вызывает трудности у иностранных учащихся любого этапа обучения.

Ключевые слова: лексико-синтаксическая координация, лексико-синтаксическая модель, контактное слово, лексический минимум, учебный словарь.

Конструкция сложноподчинённого изъяснительного предложения является одним из очень сложных участков языковой системы и вызывает значительные трудности у иностранных учащихся, изучающих русский язык. Проблемы в использовании изъяснительных СПП, употребляющихся иностранными студентами крайне редко, обусловлены, во-первых, сложным явлением лексико-синтаксической координации, т. е. взаимозависимостью лексической и грамматической составляющих конструкции сложноподчиненного предложения [1], и, во-вторых, чрезвычайным разнообразием структур, на основе которых строится подобное высказывание в речи (около 3000). Все это приводит к необходимости словарного описания данного феномена СПП в учебных целях.

В 2008 г. в РГПУ им. А. И. Герцена под рук. проф. С. Г. Ильенко был создан общий «Лексико-синтаксический словарь русского языка», объектом описания которого стали модели сложноподчинённого изъяснительного предложения, которые характеризуются специфическим структурообразующим ядром, состоящим из контактного слова главной части, обладающего определённым лексическим значением (*видеть, говорить, знать, понимать, утверждать* и др.), и изъяснительного союза придаточной части (*что, чтобы, будто, якобы, как бы, когда* и др.). Именно это структурообразующее ядро и обеспечивает возможность структурирования изъяснительного СПП, например: *Она знала, что это неправда.*

Следует отметить, что грамматические пометы, обычно используемые в толковых словарях для характеристики глаголов речи, мысли, эмоции, которые и выступают чаще всего в роли контактного слова главной части, как правило, ориентированы только на простое предложение, а еще точнее — на словосочетание (приводятся указания на специфику управления). Так, например, при слове **бояться** широко используются пометы «КОГО-ЧЕГО»: **БОЯТЬСЯ ГРОЗЫ, БОЯТЬСЯ ПЛАВАТЬ**. Однако пометы, характеризующие жизнь слова в рамках сложного предложения, как правило, отсутствуют. Представляется, что при глаголе **БОЯТЬСЯ** актуальной была бы помета о его связи с изъяснительными союзами: **ЧТО, КАК БЫ, КАК БЫ НЕ**: *бояться, что соседи не придут; бояться, как бы не пришли соседи; бояться, не заболели ли соседи.*

С. Г. Ильенко ещё в 1973 г. было предложено понятие *контактной рамки* [1], включающей лексический компонент (контактное слово в главной части) и грамматический компонент (союз) в придаточной части СПП: **ЗНАТЬ, ЧТО; СОМНЕНИЕ, ЧТО.**

Она знала, что это неправда.

У друзей появилось сомнение, что они встретятся.

Лексико-обуславливающие контактные слова (т. е. первый компонент контактной рамки) своим лексическим значением мотивируют возможность отнесения к себе той или иной придаточной части. Для того, чтобы контактное слово могло вступать в связь с придаточной частью, формируемой изъяснительными союзами (*что, будто, чтобы* и др.), оно должно принадлежать к одной из следующих тематических глагольных групп (передачи информации, мысли, чувства; созерцания; волеизъявления).

Вторым компонентом контактной рамки является изъяснительный союз. Его выбор зависит от лексического значения контактного слова, модальной характеристики придаточной части, от значения самого союза. Например, наиболее специализированным является союз **ЧТОБЫ**

(который употребляется главным образом при глаголе волеизъявления и в отрицательных конструкциях (*Я умоляю её, чтобы она приютила меня*). Союзы БУДТО, ЯКОБЫ, ЛИ употребляются в придаточных предложениях, обладающих косвенной (предположительной и вопросительной) модальностью (*Девушки шептались, будто у молодоженов сложные отношения. Я беспокоился, придет ли на доклад Михаил Фёдорович*), в то время как наиболее распространённый союз ЧТО употребляется в придаточных прямой модальности (*Я видел, что Наденька его сторонится*) и т. д.

Лексико-синтаксический словарь СПП создал базу для разработки словаря учебного типа, предназначенного для студентов-иностранцев, изучающих русский язык.

Учебная лексикография, ориентированная на учебный процесс в иностранной аудитории, отражает проблематику научного направления “русский язык как иностранный”, поэтому она базируется не только на общих дидактических принципах, но и на принципах, являющихся исходными для всех исследований данного направления.

В соответствии с принципами *доступности и последовательности*, на основе которых отбирается и организуется учебный материал, планируется создание двух выпусков учебного лексико-синтаксического словаря, которые будут рассчитаны на начальный и продвинутый этапы обучения русскому языку. На основании *принципа компрессии и минимизации языка* предполагается сокращение количества словарных статей ориентировочно до 500 (для продвинутого этапа) и до 100 (для начального уровня владения языком). Количество словарных статей для начального этапа обучения русскому языку было установлено с опорой на “Лексический минимум по русскому языку как иностранному: 1 сертификационный уровень” (2000), в котором было зафиксировано 102 лексемы, выступающих в качестве лексического компонента контактных рамок СПП в общем “Лексико-синтаксическом словаре русского языка”.

1-ый и 2-ой выпуски учебного словаря будут различаться не только количеством лексикографируемых единиц, но и организацией материала: если в словаре для начального этапа, который будет включать около 100 словарных статей, будет использован алфавитный принцип, то при создании учебного словаря для продвинутого этапа предполагается использование идеографического подхода.

Корпус лексико-синтаксических конструкций отображает внутренний мир человека, представляющий собой чрезвычайно сложное и неоднозначно интерпретируемое антропоцентрическое пространство. В самом широком обобщении в нём можно выделить 4 обширные тематические группы:

- ЛС-модели, отображающие мыслительную, познавательную деятельность человека (*думать, размышлять, понимать, вспоминать*);
- ЛС-модели, отображающие речевую деятельность (*говорить, кричать, бормотать*);
- ЛС-модели, отображающие эмоциональный мир человека (*чувствовать, ощущать, радоваться, печалиться*);
- ЛС-модели, отображающие поведение и волеизъявление человека (*ждать, опасаться, ошибаться, сомневаться*).

Каждая из данных групп предполагает выделение конкретных подгрупп, что будет учтено во втором выпуске учебного словаря.

Несмотря на то, что в учебном лексико-синтаксическом словаре предполагается значительное сокращение лексикографируемого материала (имеется в виду количество контактных рамок и словарных статей) по сравнению с общим лексико-синтаксическим словарём, некоторые зоны словарной статьи (например, зона толкования опорного слова) будут несколько расширены. Содержательно и структурно словарная статья учебного словаря будет опираться на концепцию словарной статьи общего “Лексико-синтаксического словаря русского языка” и, соответственно, будет включать опорную лексику (контактное слово) с толкованием ее лексического значения; собственно лексико-синтаксическую модель сложноподчиненного предложения, представленную контактной рамкой (с соответствующими грамматическими и стилистическими пометами); зону иллюстрирования, содержание которой будут составлять краткие предложения (в словаре для начального этапа) и цитаты, извлеченные из оригинальных русскоязычных текстов XIX-XX вв. (для продвинутого этапа). Однако учебная направленность создаваемого словаря и его ориентированность на формирование коммуникативной компетенции иностранных учащихся требует некоторых изменений в содержании ряда сегментов и зон словарной статьи.

Разработанные в общей лексикографии приёмы толкования, по мнению методистов, не решают всех вопросов, связанных с проблемой *учебного толкования*, призванного способствовать наиболее эффективному усвоению слова иностранными студентами и направленного на формирование у них лексической компетенции. Как уже отмечалось выше, конечной целью обучения иностранных студентов, находящихся на продвинутом этапе обучения, а также студентов-филологов, на которых, в первую очередь, будет ориентирован второй выпуск лексико-синтаксического словаря, является формирование языковой компетенции, “сопоставимой с языковой компетенцией носителей русского языка” [5: 117]. В связи с этим в толковании значения слов по возможности должна быть отражена “действительная лексическая компетенция носителей русского языка”. Такой подход к понятию лексической компетенции предполагает, что учебное толкование должно быть ориентировано на отражение гораздо большего числа сем, всесторонне характеризующих объект номинации, чем это происходит в общих толковых словарях русского языка.

Как известно, реальные признаки предметов и явлений, закрепленные в слове в виде сем, обладают разной значимостью — одни более, другие менее существенны. В учебном толковании слова должны быть отражены не только основные, ядерные, но по возможности все “яркие” и “коммуникативно-релевантные” семы, т. е. реальный объем значения-компетенции нередко оказывается шире того, который представлен в общих словарях.

В работе над учебным лексико-синтаксическим словарём предполагается расширение объёма *толкования* опорного слова за счет увеличения его семантической ёмкости, т. е. за счёт включения большего числа сем (расширения набора дифференциальных признаков), отражения коммуникативно-значимых элементов семантического объёма, например:

ВОРЧАТЬ — *Говоря раздраженным тоном, негромко и неотчетливо выразить неудовольствие, досаду и т. п.* (общий словарь).

ВОРЧАТЬ — *На протяжении какого-то промежутка времени выразить недовольство чем-либо или кем-либо, говоря негромко и монотонно и ни к кому конкретно не обращаясь* (учебный словарь).

ХВАСТАТЬСЯ — *Говорить о чём-л. (о своих поступках, достоинствах и т. п.) с хвастовством* (общий словарь).

ХВАСТАТЬСЯ — *Говорить обычно с преувеличениями о чём-то особенном, что говорящий или кто-то из его близкого круга имеет или сделал, считая, что собеседник будет лучше о нём думать, или же давая выход самодовольству* (учебный словарь).

Следует отметить, что дополнительные семантические признаки, использованные в тексте учебных толкований, были взяты из материалов “Нового объяснительного словаря синонимов русского языка”, созданного под общим руководством Ю. Д. Апресяна [4].

Таким образом, если в первых толкованиях отражены в основном ядерные семы, то в толковании, предлагаемом в качестве учебного, зафиксированы и “не основные” семы, являющиеся, однако, отражением лексической компетенции носителей русского языка.

В соответствии с *функционально-стилистическим принципом* в учебном лексико-синтаксическом словаре предполагается использование системы функционально-стилистических помет, а также расширение объёма иллюстрирующего материала за счёт последовательного введения высказываний, извлеченных из текстов разной функциональной принадлежности. В учебный словарь для иностранных студентов в соответствии с принципом *методической целесообразности* не будут включены малоупотребительные и стилистически маркированные лексико-синтаксические конструкции, например: [**ПРОСИТЬ**], (**ДАБЫ...**)^{устар.} — однако ряд устаревших моделей, встречающихся в художественных текстах, будет представлен в составе словаря, предназначенного для студентов-филологов, как и некоторые широко употребительные в просторечии: [**ВЯКАТЬ**], (**ЧТО...**)^{прост.}

Согласно принципу синхронности в иллюстративный материал словаря не будут включены примеры употребления лексико-синтаксических конструкций, зафиксированные ранее XIX века. Отбор единиц будет осуществляться в ориентации на лексические минимумы, способ же презентации сертификационных уровней в тексте издания требует особого внимания. Ввиду неизбежности включения в словарь для продвинутого этапа обучения определённого числа стилистически маркированных лексических единиц представляется необходимым, как уже отме-

чалось вище, використовувати чётко розроблену систему помет, отражающую функционально-стилистическую принадлежность контактных слов.

Таким образом, содержательно и структурно словарная статья учебного словаря будет опираться на концепцию словарной статьи общего “Лексико-синтаксического словаря русского языка” и, соответственно, будет включать опорную лексику (контактное слово) с толкованием её лексического значения; собственно лексико-семантическую модель СПП, представленную контактной рамкой (с соответствующими грамматическими и стилистическими пометами); зону иллюстрирования, содержание которой будут составлять краткие предложения и речения (в словаре для начального этапа) и цитаты, извлеченные из оригинальных русскоязычных текстов (для продвинутого этапа). Например:

для начального этапа:

ДОГОВОРИТЬСЯ/ДОГОВАРИВАТЬСЯ — Прийти (приходить) к соглашению.

Договориться/договариваться, (чтобы...)

Друзья договорились, чтобы прийти вместе.

для продвинутого этапа:

ДОГОВОРИТЬСЯ/ДОГОВАРИВАТЬСЯ — Прийти (приходить) к соглашению путём переговоров; условиться (уславливаться) с кем-либо о чём-либо.

Договориться/договариваться, (чтобы...)

Он смог договориться, чтобы завтра подали на камбуз свежего мяса (Первенцев. Огненная земля).

Антропоцентрическая установка учебного словаря, его направленность на формирование коммуникативной компетенции требует включения в словарную статью учебного лексико-синтаксического словаря следующих характеристик, отражающих различные уровни коммуникативной компетенции: *синтаксическую* (с помощью включения примеров типичных моделей СПП), *грамматическую* (в виде присловных грамматических помет), *фонетико-акцентологическую* (с помощью постановки ударения), *лексическую* (в виде расширенного толкования, включающего большее число сем), *стилистическую и ситуативную* (в виде функционально-стилистических помет, отражающих специфику речевой ситуации), *энциклопедическую (страноведческую)* и *национально-культурную* (с помощью введения культуроинформативного и тематически ценного иллюстративного материала).

Знания о конструкции сложноподчинённого изъяснительного предложения, которая, будучи предназначена для экспликации речи, мысли, восприятия и чувства и т. п., представлена чрезвычайно разнообразием структур, на основе которых строится высказывание в речи, являются необходимым условием активного владения русским языком иностранными студентами.

1. Ильенко С. Г. О лингвистических основах школьного курса синтаксиса // Обучение русскому языку в 7 — 8 классах. — М., 1973.
2. Ильенко С. Г., Левина И. Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка. — С. Пб., 2007.
3. *Лексический минимум* по русскому языку как иностранному, 1 сертификационный уровень. Общее владение. — М. — С. Пб., 2000.
4. *Новый объяснительный словарь синонимов* русского языка / под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. — М., 2000.
5. *Стернин И. А.* Системное значение слова и его реализация в речи // Экспрессивность на разных уровнях языка. — Новосибирск, 1984.

G. M. Vasilieva

ON THE ISSUE OF CREATION OF THE LEXICO-SYNTACTIC DICTIONARY FOR TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE INITIAL STAGE

The present article covers the problems concerning the creation of the lexico-syntactic object clause compound sentence dictionary. The object clause compound sentence is one of the most difficult elements of the language system and causes difficulties for foreign students at any stage of education.

Key words: lexico-syntactic coordination, lexico-syntactic model, contact word, basic dictionary, educational dictionary.

Г. М. Васильєва

ДО ПРОБЛЕМИ СТВОРЕННЯ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧНОГО СЛОВНИКА ДЛЯ ПОЧАТКОВОГО ЕТАПУ НАВЧАННЯ РОСІЙСЬКІЙ МОВИ ЯК ІНОЗЕМНІЙ

Статтю присвячено проблемам створення лексико-синтаксичного словника складнопідрядних пояснювальних речень, які вважаються однією з найскладніших ділянок мовної системи та викликають труднощі в іноземних учнів будь-якого етапу навчання.

Ключові слова: лексико-синтаксична координація, лексико-синтаксична модель, контактне слово, лексичний мінімум, навчальний словник.

УДК 811.161.1'276.3'373-053.5

Е. Ю. Крюченкова

Теоретические основы обогащения словарного запаса школьников 5—7 классов (лингвометодический аспект)

Статья посвящена проблемам обогащения словарного запаса школьников. Предложены комплексы речевых действий, способствующие успешному речевому и общекультурному развитию учащихся.

Ключевые слова: словарный запас, речевые действия, лексическая система, компоненты значения слова.

Непрерывным условием совершенствования системы обучения школьников русскому языку, в том числе и обогащения их словарного запаса, следует считать выявление находящихся в её основании лингвистических закономерностей. Сущность “предмета преподаваемого” [2: 84], как отмечал Ф. И. Буслаев, является одним из факторов, обуславливающих особенности усвоения языка, его лексической системы.

Именно поэтому лингвистические предпосылки формирования знаний, умений и навыков по русскому языку являются предметом пристального внимания исследователей. Следует отметить, что изыскания в этой области отличаются поиском таких закономерностей, которые определяются ролью языка в речемышлении, его связью с личностными характеристиками человека.

Проблемы речевого развития школьников, формирования их ценностных ориентаций рассматриваются в парадигме психолингвистики (Н. И. Жинкин, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев, И. М. Румянцева и др.), теории “языковой личности” (Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, И. И. Халеева и др.), лингвокультурологии (А. А. Брагина, Н. Д. Бурвикова, В. В. Воробьев, Д. Б. Гудков, В. Г. Костомаров и др.). Однако следует отметить, что предпосылки развития словаря учащихся в указанных исследованиях определены не в полном объёме. Вместе с тем это может способствовать созданию методической системы, обеспечивающей успешное речевое и общекультурное развитие школьников. Рассмотрение и выявление лингвистических основ обогащения словарного запаса учащихся составляет цель нашей публикации.

Организация усвоения лексики русского языка основывается, на наш взгляд, на представлении о свойствах слова как языкового знака, обеспечивающего речемыслительную способность человека и влияющего на формирование его когнитивной сферы. Данное утверждение мы считаем правомерным, во-первых, следуя принципу преемственности взглядов на лингвистические предпосылки обучения русскому языку (Ф. И. Буслаев, Н. И. Жинкин, Ю. Н. Караулов, И. И. Срезневский, Н. М. Шанский и др.), во-вторых, исходя из принятых в современной лингвистике аспектов изучения языка и слова как его единицы.

Согласно лингвистическим исследованиям, свойства языка как системы проявляются в речевой деятельности и зависят от его участия в данных процессах. Это можно отнести и к слову, роль которого в речемышлении даёт основания считать главной его характеристикой, по словам

А. Н. Рудякова, функциональное качество — предназначенность для выражения конкретного компонента идеальной системы — понятия, или сигнификата [8: 62]. Насколько человек владеет этим качеством, то есть умеет применять слова для выражения и понимания мысли, настолько это свидетельствует о степени развития его словаря. Поэтому обогащение словарного запаса школьников в конечном итоге можно понимать как совершенствование умения применять слова в их главном функциональном качестве. Поскольку употребление слов представляет их выбор в соответствии с замыслом реализуемого высказывания [7: 27], с позиций развития речевой способности человека его словарь должен быть организован таким образом, чтобы обеспечить возможность адекватного выбора / распознавания слов в речевом общении. При этом следует принимать во внимание тот факт, что словарный состав языка имеет системную организацию. Поэтому выбор слов представляет использование лексической системы языка в целом, а не отдельных её элементов. Полагаем, что именно это определяет выбор единиц содержания обогащения словарного запаса учащихся.

Можно, таким образом, утверждать, что развитие словарного запаса учащихся состоит в овладении максимальным количеством слов как элементов лексической системы русского языка, основанном на усвоении всех их свойств и отношений, связанных с главным, функциональным, качеством слова. В предлагаемом нами аспекте обогащение словаря школьников можно считать фактором, обеспечивающим формирование и развитие учащегося как “языковой личности”. Среди качеств языковой личности, которые Ю. Н. Карауловым обозначены как соответствующие “готовности”, определены “готовности” к номинациям, рецепции лексики, осуществлению выбора слов [5: 60], то есть то, что подразумевает применение слов в соответствии с их функциями в речевых процессах. Данные готовности обеспечивают развитие вербально-семантического (слова, “вербальная сеть”) уровня языковой личности [5: 51-52]. Рассмотрим более подробно, в единстве каких свойств и отношений и при каких условиях важно обеспечить усвоение школьниками лексики русского языка.

Слову как номинативной единице языка свойственно единство его означаемого и означающего (В. В. Виноградов, Ф. де Соссюр, Н. М. Шанский и др.), “акустического образа и семантики в трёх её ипостасях: грамматического, категориального и лексического значений” [1: 60].

Таким образом, можно полагать, что адекватный отбор слов в речемыслительной деятельности возможен при условии, что у человека развито умение воспринимать лексическую единицу в единстве акустического образа и семантики. Это даёт нам основание утверждать, что слово должно усваиваться на основе взаимосвязи его формальной организации и содержания. Реализовать данный принцип позволяет комплексный подход к работе над формальной и содержательной стороной слова как языкового знака при обогащении словаря учащихся. Иными словами, необходимо организовать выполнение школьниками *комплекса действий* над значением слова и его формальным выражением.

При этом, если исходить из представления слова как целостной структуры в единстве семантики и формальной организации, его усвоение будет иметь следующие особенности. Как известно, понять целое, не осмыслив его составляющие, невозможно [1: 94], так как они являются носителями свойства целого. Поэтому под усвоением слова следует подразумевать овладение школьниками компонентами его содержания, произношением, написанием и строением; выявление взаимоотношения слова как целого и составляющих его значение и форму структурных компонентов. Рассмотрим, какие свойства означаемого и означающего слова как целого и их компонентов должны быть усвоены.

Со значением слова в первую очередь связывают его лексическое значение (Л. Г. Барлас, В. В. Виноградов, Е. С. Кубрякова, Л. А. Новиков, И. А. Стернин и др.), основу которого составляет выражаемое им понятие. Овладение лексическим значением слова является важной составляющей содержания обогащения словаря школьников. При том следует учитывать неоднородный характер взаимодействия значения слова и понятия [11: 138-140]. Поэтому для обогащения словарного запаса важным условием является обеспечение возможности соотносить значение слова, подлежащего усвоению, с обозначаемым им понятием, реалиями действительности.

Согласно концепции В. В. Виноградова, отношение слова к действительности нашло своё отражение в наличии нескольких типов лексических значений: прямом номинативном, номинативно-производном и экспрессивно-синонимическом [3: 165-172]. Поэтому для овладения

лексическим значением слова важно учитывать его принадлежность к определённому типу. Так, для усвоения прямого номинативного значения можно соотносить его непосредственно с называемым явлением, производного — с мотивирующим его значением, экспрессивно-синонимического — с прямым, выявляя признаки, на основе которых возможно было возникновение переносного значения.

При комплексной работе над усвоением слов в поле внимания учителя должны постоянно находиться также многозначность и синонимия словесных значений, обусловленная асимметрией слова как языкового знака. От того, насколько слушающий владеет многообразием форм выражения одного значения и значениями, воплощёнными в одной форме, зависит адекватность понимания замысла речевого высказывания.

Усвоение слова следует организовывать также с учётом составляющих лексическое значение структурных компонентов. Согласно выявленным в исследованиях И. А. Стернина [10: 36-44] особенностям структуры лексического значения, учащимся должны быть осмыслены 1) денотативный, коннотативный, функционально-стилистический компоненты лексического значения слова; 2) ядерные и периферийные семы денотативного и коннотативного компонентов.

Важным является и понимание того, что “значение как явление, порожденное человеком, обществом, включает в себя ... культурный компонент” [6: 4]. Через слово происходит формирование информационной базы, культуры человека, овладение опытом предшествующих поколений и становление индивида как члена определённого социума [4: 156]. Следовательно, содержание обогащения словарного запаса учащихся включает формирование их ценностных ориентаций посредством усвоения культурного компонента значения слова. Его можно рассматривать как средство, воздействующее на формирование “картины мира”, мотивы, установки и потребности языковой личности. Иными словами, её лингвокогнитивного и мотивационного (прагматического) уровней, благодаря соединению и взаимодействию которых формируется мировоззрение человека [5: 53-56]. Такое содержание обогащения словарного запаса школьников особенно актуально с позиции теории языковой личности.

Для усвоения компонентов значения слова важен тот факт, что выбор слова, а следовательно, и компонентов его значения как составляющих целого, обуславливается целью речевого действия, которая определяет замысел речевого высказывания [1: 26-29]. При этом цель речевого действия, согласно теории языковой личности, определяется имеющимися у человека коммуникативными потребностями (мотивами, установками) [5: 51-52]. Поэтому выполнение учащимися речевых действий, включающих отбор и распознавание слов адекватно замыслу продуцируемого/воспринимаемого речевого высказывания, является важнейшим условием обогащения словарного запаса. Полагаем, что выполнить данное условие в процессе обучения возможно, создавая соответствующие речевые ситуации, выбирая для них коммуникативную задачу с учётом 1) значения слова в целом либо только отдельных его компонентов, ранее не усвоенных школьниками; 2) имеющихся у школьников коммуникативных потребностей. Предпочтительно, чтобы речевые действия учащихся включали максимальное количество речевых контекстов, реализующих необходимые варианты актуализации значения слова.

Введение слова в разнообразные речевые ситуации необходимо и с точки зрения овладения его формальной структурой. Правомерность данного утверждения основывается на представлении формы языковых единиц, в том числе и слов, в качестве скрытых для непосредственного восприятия органами чувств свойств языковых явлений, которые обнаруживаются в ситуациях речевого общения [1: 102].

Указанные особенности комплексного усвоения слова в единстве значения и формальной организации предполагают одновременную работу над его восприятием, произнесением и написанием. Это связано с тем, что “замыкание связей между комплексным физиологическим образом действительных свойств внешней вещи и акустическим образом” слова обеспечивается взаимодействием “корковых представительств всех анализаторных аппаратов, участвующих в целостном отражательном процессе” [11: 59]. Активная речемыслительная деятельность учащихся, предполагающая как произнесение, так и написание слов, считается также важным условием их успешного усвоения.

Согласно психолингвистическим исследованиям, поиск слов в памяти при порождении речевого высказывания характеризуется множественностью параметров; во время речевого акта

“реализация некоторого слова может оказаться раздражителем, вызывающим в качестве реакции другое слово” [7: 201]. Если человеком недостаточно усвоены все возможные связи и отношения слова с другими словами, выбор слов, адекватный замыслу речевого высказывания, может быть затруднён. Поэтому отношения слов являются важным качеством, которое должно быть усвоено школьниками в процессе обогащения словарного запаса. Наиболее целесообразно при этом предусмотреть действия школьников по восстановлению семантических полей усваиваемых слов, где представлены основные типы семантических отношений лексических единиц [9: 77]. В таком случае их отношения будут видны учащимся в своей целостности и системности.

Итак, данные лингвистических исследований позволили установить, что обогащение словаря учащихся обуславливается особенностями слова, связанными с применением его в речемыслительной деятельности и влияющими на формирование человека как языковой личности. С этой точки зрения важно обеспечить развитие лексикона как динамической функциональной системы, обеспечивающей адекватный замыслу речевого высказывания выбор / распознавание слов в речевом общении. Реализовать такую задачу возможно при условии овладения учащимися максимальным количеством слов русского языка как компонентов лексической системы в целом в единстве всех их соответствующих свойств: формальной организации, значения, связей и отношений. Такой подход предполагает выполнение учащимися комплекса действий над значением, формальным планом, значимостью слова. Поиск методов и приёмов, обеспечивающих указанные действия школьников, считаем актуальной проблемой методики обогащения словарного запаса.

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. — М., 2005.
2. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка // Хрестоматия по методике русского языка: Организация учеб. процесса по рус. яз. в шк.: Пособие для учителя / Авт. — сост. Б. Т. Панов, Л. Б. Яковлева. — М., 1991. — С. 84 — 87.
3. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова / Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 162 — 189.
4. Залевская А. А. Введение в психолингвистику: учебник для студ. — М., 1999.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
6. Морозов А. В. Психология влияния. — С. Пб, 2001.
7. Основы теории речевой деятельности / АПН СССР, Ин-т языкознания. — М., 1974.
8. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. — Симферополь, 1998.
9. Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология / Новиков Л. А., Иванов В. В., Кедайтене Е. И., Тихонов А. Н. — Ч. 2. — М., 1987.
10. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, 1985.
11. Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики). — М., 1968.

H. Yu. Khruchenkova

THE THEORETICAL BASIS OF THE 5TH TO 7TH FORM PUPILS' VOCABULARY ENRICHMENT (METHODICAL ASPECT)

The article deals with the problem of pupils' vocabulary enrichment. The author suggested some complexes of exercises helping to develop speech and general culture of pupils.

Key words: vocabulary, speech activity, lexical system, word meaning components.

О. Ю. Крюченкова

ТЕОРЕТИЧНІ ОСНОВИ ЗБАГАЧЕННЯ СЛОВНИКОВОГО ЗАПАСУ УЧНІВ 5–7 КЛАСІВ (ЛІНГВОМЕТОДИЧНИЙ АСПЕКТ)

Статтю присвячено проблемам збагачення словникового запасу учнів. Запропоновано комплекси мовленнєвих дій, що сприяють успішному мовленнєвому й загальнокультурному розвитку учнів.

Ключові слова: словниковий запас, мовленнєві дії, лексична система, компоненти значення слова.

Н. В. Замковая, И. М. Моисеенко

Особенности учебника РКИ в условиях билингвизма в Эстонии

Статья написана при финансовой поддержке исследовательского фонда Таллиннского университета.

Статья посвящена рассмотрению особенностей учебника русского языка как иностранного в условиях билингвизма в Эстонии. Анализируется современная языковая ситуация в республике, намечаются способы определения потребностей двуязычных учащихся в учебной литературе по русскому языку.

Ключевые слова: учебник РКИ, билингвизм, индивидуализация обучения, двуязычный учащийся.

При проведении исследования в рамках проекта целевого финансирования “Эстонский текст в русской культуре. Русский текст в эстонской культуре” (SF 0130126s08, руководитель проекта И. Белобровцева), было определено, что 3392 учащихся школ с эстонским языком обучения являются двуязычными (русско-эстонское двуязычие). Это составляет 3,1% от их общего количества в школах с эстонским языком обучения (по статистике Министерства образования и науки Эстонии). Наблюдается явная тенденция роста данной группы учащихся. При сравнении данных о количестве двуязычных учащихся, обучающихся в школах с эстонским языком обучения, полученных в 2001–2002 [5] и 2008/2009 учебных годах, становится ясно, что их количество выросло на 1315 человек, что особенно показательно на фоне снижения общего количества учащихся в общеобразовательных школах Эстонии.

Получение образования значительным количеством учащихся-билингвов на эстонском языке, естественно, оказывает существенное влияние на “состояние” родного языка, зачастую приводит к снижению уровня владения им [6:27]. Низкое качество родного языка [1; 2] вызывает тревогу и заставляет задуматься о необходимости его поддержки. Данные проведенного нами исследования [3] свидетельствуют о том, что большая часть учащихся-билингвов говорит дома на русском языке, однако говорящие на двух языках (русском и эстонском) составляют значительный процент (почти 40%). Данные, полученные от администрации некоторых школ, свидетельствуют о том, что в некоторых семьях родители целенаправленно отказываются от использования родного русского языка и даже избегают общаться с детьми на двух языках, предпочитая переходить на эстонский. При этом имеются такие семьи (и это симптоматично), в которых родители, общаясь между собой на двух языках или только на русском, в общении с ребёнком переходят исключительно на эстонский язык. Встречаются и такие родители, которые, сами плохо владея эстонским языком, стараются общаться со своими детьми именно на этом языке.

В такой ситуации качественное школьное преподавание русского языка может оказать значительную поддержку. В настоящее время в школах с эстонским языком обучения русский язык изучается как иностранный (в большинстве из них как язык В — второй иностранный язык, с 6 класса), причём двуязычные учащиеся получают образование в общей группе, и для них нет специальной литературы.

Потребности данной группы учащихся возможно частично учесть и в не предназначенных специально для них учебниках. Одним из них является учебник русского языка как иностранного “Продолжим знакомство...” [4] для гимназического этапа. Предлагаемая в нём система работы даёт возможность ученикам продвигаться в изучении языка в необходимом каждому темпе и в соответствии с индивидуальным уровнем речемыслительного развития, а также позволяет учитывать особенности учащихся-билингвов.

Большинство заданий сформулировано таким образом, что требует переработки информации. Как правило, они имеют два варианта. Первый вариант ориентирован на менее подготов-

ленных учащихся и является в большей степени репродуктивным. Второй вариант предназначен для более подготовленных учащихся: такие задания обычно являются более сложными, объёмными, творческими, требуют лучшего владения языком. Таким образом, в учебнике реализуется принцип индивидуализации обучения.

Продемонстрируем, каким образом содержание учебника позволяет учесть потребности двуязычных учащихся, то есть индивидуализировать процесс обучения языку, принимая во внимание особенности данной группы учеников.

Во-первых, второй вариант заданий ориентирован на учащихся, имеющих хорошую языковую подготовку. Такими учащимися, как правило, являются дети из двуязычных семей. Эти задания сложны не только в содержательном отношении (требуют умения сравнивать, анализировать, обобщать...), но и в языковом, что побуждает двуязычных учащихся постоянно совершенствовать свою лингвистическую компетенцию, в том числе системно овладевая языковыми средствами. Например:

Рассмотрите картинки. Выберите 1–2 из них и составьте по ним письменный рассказ. Используйте в нем все “спрятанные” на картинке глаголы в прошедшем времени с нужными приставками.

Во-вторых, языковой материал в учебнике представлен не только функционально (от смысла к форме, от потребностей к средствам их организации), но и системно в виде обобщающих грамматических таблиц. Это позволяет учащимся-билингвам более детально разобраться в системе родного языка, осознать его структуру и основные функции.

В-третьих, в методическую систему учебника включены задания, в процессе выполнения которых необходимо знакомство со страноведческой и культурологической информацией о России, которая для данного контингента учащихся является не только страной изучаемого языка, но и зачастую родиной их предков. Такие сведения, которые в основном содержатся в текстах учебника, позволяют осознать значимость русской культуры и испытать чувство удовлетворения от своей принадлежности к ней. Например:

Составьте письменный рассказ о посещении (реальном или виртуальном) одного из российских музеев. Напишите, в каком музее вы были, когда; где находится музей, чем он знаменит. Что произвело на вас самое большое впечатление? Что бы вы посоветовали там посмотреть своим одноклассникам (родственникам) или кому-то другому.

Прослушайте, как ответили на вопросы “Где вы любите отдыхать? Куда собираетесь в отпуск?” известные в России люди.

В-четвёртых, ряд заданий учебника способствует формированию навыков межкультурной коммуникации, а учебные тексты, являющиеся основой для их выполнения, содержат сведения о русско-эстонских культурных и деловых контактах. Например:

Познакомьтесь с отрывками из стихотворений русских поэтов о Таллинне. Что хотел сказать о Таллинне каждый из авторов? (приводятся отрывки из стихотворений П. Вяземского, И. Северянина, В. Рождественского).

В-пятых, предусмотрены задания, представленные в основной рабочей тетради, выполняющие которые ученики имеют возможность расширять свой словарный запас, закреплять употребление словообразовательных моделей, а также отрабатывать навыки грамотного письма. При отборе языкового материала для упражнений учитывались затруднения данной группы учащихся.

Приведём примеры подобных заданий:

Подберите антонимы к следующим словам.

Забывать —, радоваться —, говорить —, быстро —, хорошо —, громко —, чётко—, кратко —, красиво —, правильно —, монотонно —, основательно —, устно —, активно —, скорый —, чужой —, смеяться —, большинство —, близкий —.

Образуйте от существительных прилагательные.

мех — меховой

подвал — подвальный

стекло — стеклянный

шёлк — _____

зеркало — _____

дерево — _____

сад — _____

кирпич — _____

пластмасса — _____

текстиль — _____

металл — металлический

шерсть — шерстяной

платьё — платьёжный

синтетика — _____

вода — _____

радость — _____

Образуйте краткие формы от следующих прилагательных. Составьте предложения.

Образец: красивый —— красив, красива, красиво, красивы. Жильё должно быть не только красиво, но и уютно.

Полезный, прочный, практичный, приятный, уютный, универсальный, разнообразный, привлекательный, популярный, мягкий.

Представляется, что перечисленные выше содержательные и структурные характеристики представленного авторами учебника русского языка как иностранного позволяют в определённой степени учитывать потребности учащихся-билингвов, получающих образование в школах с эстонским языком обучения.

1. *Ауг Н.* Языковое развитие русскоговорящего ребёнка в иноязычной среде. Магистерская работа. — Таллинн, 2007.
2. *Гусева А.* Образовательные трудности русскоговорящих учащихся в школе с эстонским языком обучения. Магистерская работа. — Таллинн, 2009.
3. *Замковая Н., Моисеенко И., Чуйкина Н.* Ситуация распространения русско-эстонского двуязычия в школах с эстонским языком обучения. // *Kultuuride dialoog — võimalus või paratamatus?* — Tallinn: Tallinna Ülikooli kirjastus, 2009. — С. 266-287.
4. *Замковая Н., Моисеенко И.* Продолжим знакомство... Учебник русского языка для 10 класса. — Tallinn: Koolibri, 2009.
5. *Русскоязычная семья и эстонская школа.* Социологическое исследование. — Таллинн: Центр "Integratio", 2008.
6. *Baker C.* Kakskeelne laps. Haridus-ja Teadusministeerium. — El Paradiso, 2005.

N. Zamkovaya, I. Moiseenko

ABOUT SOME DISTINCTIVE FEATURES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE ORIENTED TEXTBOOKS IN THE PRESENT STAGE OF BILINGUALISM IN ESTONIA

In this current report we take a look into some particular features of Russian as a foreign language textbook which are active at present because of blooming bilingualism in Estonia. We offer you a review of a present lingual situation in our country, outline a few of prospective methods and means of dealing with the needs of bilingual students by publishing some special schoolbooks freely available.

Key words: Russian as a foreign language textbook; bilingualism; teaching by methods distinctly individualized; bilingual student.

Н. В. Замкова, І. М. Моїсеєнко

ОСОБЛИВОСТІ ПІДРУЧНИКА З РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ЯК ІНОЗЕМНОЇ В УМОВАХ БІЛІНГВІЗМУ В ЕСТОНІЇ

У статті розглянуто особливості підручника російської мови як іноземної в умовах білінгвізму в Естонії. Аналізується сучасна мовна ситуація в республіці, намічаються способи визначення потреб двомовних учнів у навчальній літературі з російської мови.

Ключові слова: підручник з РМІ, білінгвізм, індивідуалізація навчання, двомовний учень.

Н. И. Костина

Лакунарность как лингводидактическая проблема

В статье рассматриваются проблемы возникновения лакун и способы их заполнения в процессе обучения студентов иностранному языку. Приведены различные определения лакун, анализируются подходы к классификации этого сложного явления, описываются способы их элиминирования.

Ключевые слова: лакуна, лакунарность, интеркультурное сообщество, элиминирование, заполнение, компенсация.

В современной лингводидактике язык рассматривается в тесной связи с фактами общественной жизни его творцов и носителей, с их историей, географией, бытом, культурой и литературой. Совокупность этих знаний составляет мир изучаемого языка, без проникновения в который невозможно полностью понять языковые явления. Таким образом, в ситуации контакта представителей различных культур языковой барьер — не единственное препятствие на пути к пониманию национально-специфических особенностей самых разных компонентов культур-коммуникантов, которые могут затруднить процесс межкультурного общения.

По мнению С. Г. Тер-Минасовой, к компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, можно отнести следующие:

1) традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи, определяемые как традиции в “соционормативной” сфере культуры, и обряды, выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данной общности системе нормативных требований;

2) бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего её нередко называют традиционно-бытовой культурой;

3) повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме, нормы общения, а также связанные с ними мимический и пантомимический коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности);

4) “национальные картины мира”, отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;

5) художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса [5: 34-35].

Признавая существование связи языка и культуры, многие отечественные и зарубежные исследователи обращаются к лексико-семантическому уровню языка, единицы которого непосредственно реагируют на изменения во всех сферах человеческой деятельности. По словам Г. Д. Томашина, “перед тем как приступить к обучению языку, необходимо сравнить не только системы языков (родного и изучаемого), но и обслуживаемые ими культуры, причем не просто культуры как таковые, но как культуры, выраженные в семантике языковых единиц” [6: 57].

В основе семантических систем разных языков лежат понятийные системы, сформированные в сознании представителей той или иной лингвокультурной общности. В лингвистических исследованиях часто отмечается значимость универсальных, общечеловеческих факторов для формирования понятийных систем: единство материального мира, фундаментальных условий жизни, общее магистральное направление деятельности людей в условиях земной цивилизации, общность механизмов восприятия человеком окружающей действительности.

Однако при всех общих условиях в когнитивной базе народа существуют только ему присущие реалии культуры, быта, среды, которым в иной культуре (и понятийной системе) соответствуют полные или частичные пробелы (Г. Д. Томашин, М. В. Никитин, Г. В. Колшанский, С. Г. Тер-Минасова). Данные несовпадения или расхождения принято называть лакунами (от лат. *lacuna* — “углубление”, “впадина”, “провал”). Существуют и другие термины для обозначения данного явления: “реалии” (Г. Д. Томашин), “безэквивалентная лексика”, “фоновая лексика”, (В. И. Жельвис, Н. В. Чичерина), “внекультурная лексика” (В. В. Кабакчи), “лингвокультурема” (В. В. Воробьев, Л. Г. Веденина), “варваризмы” (А. А. Реформатский), “экзотическая

лексика” (А. Н. Гвоздев), “локализмы” (А. М. Финкель), “инореалии” и “иноформы” (В. Г. Гак) и др.

В англоязычной литературе аналогичные явления получили название *gaps* (провал, пропуск), *random holes in speech patterns* (случайные пробелы в речевых моделях).

Лакуны — это своего рода синонимы специфических реалий, процессов, состояний, которые противоречат узальному опыту носителя иного языка и культуры. К основным признакам лакуны можно отнести непонятность, непривычность (экзотичность), чужеродность. Так, например, в английском языке не существует эквивалента для обозначения русских слов *сутки*, *кипяток*, *борщ*, *маячить* и др., а в русском языке отсутствуют при сравнении с английским обозначения для следующих понятий: контролёр счётчиков на автостоянке — *traffic warden*, письмо с выражением благодарности за гостеприимство — *thank-you letter/bread-and-butter letter*, посетитель магазина, рассматривающий товары, перелистывающий книги, но ничего не покупающий — *browser*.

Прошло более 30-ти лет с тех пор, как в отечественной психолингвистике начал изучаться феномен лакунарности и появились первые публикации по этой проблеме. Сегодня данное научное направление существует в общем контексте теории языкового сознания и межкультурного общения, разрабатываемой в рамках российской психолингвистики. Важную роль лакунология (термин используется И. Ю. Марковиной и Ю. А. Сорокиным) играет и в современной лингводидактике, т. к. успех процесса общения зависит не только от овладения обучаемыми языковым кодом, но и от владения социокультурным кодом сообщества, на языке которого ведётся коммуникация, другими словами, знаниями и представлениями, которые представлены в когнитивной базе этого лингвокультурного сообщества.

В лингвистике существуют различные определения понятия “лакуна”. В. Н. Комиссаров называет лакуной “обозначения специфических для данной культуры явлений, которые являются продуктом кумулятивной функции языка и могут рассматриваться как вместилища фоновых знаний, т. е. знаний, имеющихся в сознании говорящих”. [1: 37]. А. В. Федоров говорит о “словах, обозначающих национально-специфические реалии” [7: 146]. Ю. С. Степанов указывает на наличие “лакун”, или “антислов” во французском языке в сравнении с русским и пишет, что “сравнительное описание норм двух языков вскрывает существующие в каждом языке словарные пробелы, “белые пятна” на семантической карте языка, незаметные изнутри, например, человеку, владеющему только одним языком” [4: 120].

В настоящее время существует большое количество классификаций лакун, в основе которых лежат различные критерии. Так, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин выделяют языковые и культурологические лакуны. Языковые лакуны, в свою очередь, подразделяются на лексические, грамматические и стилистические, абсолютные и относительные [2:23]. С точки зрения данных авторов, представляется целесообразным использовать понятие “лакуна” не только при сопоставлении языков, но и при сопоставлении некоторых других аспектов культуры. Именно поэтому речь идет о выделении культурологических лакун, подразделяемых на этнографические, психологические, поведенческие, кинесические.

С одной стороны, такое расширение сферы использования понятия “лакуна” основывается на положении о тесной взаимосвязи языка и культуры; с другой стороны, выявление наряду с языковыми лингвокультурологических и культурологических лакун может способствовать установлению некоторых конкретных форм корреляции языка и культуры [2: 25].

Ещё один подход к классификации лакун представлен А. А. Махониной и М. А. Стерниной. В рамках этого подхода все межъязыковые субстантивированные лакуны подразделяются на три группы: номинативные, обобщающие и конкретизирующие.

Номинативные лакуны возникают на фоне отсутствия в языке соответствующей номинации: *glimpse*- мимолётное впечатление.

Обобщающие лакуны возникают на фоне отсутствия в языке соответствующего обобщения. Обобщение может происходить по различным принципам (по действию: что-либо вызывающее сильное удивление — *eye-opener*; по месту: предмет, лежащий поверх другого предмета. — *rider* и т. д).

Конкретизирующие лакуны возникают на фоне отсутствия в языке соответствующей конкретизации по определённому признаку(по цели: охотник, истребляющий вредных животных с

целью получить вознаграждение — *bounty hunter*; по манере поведения: тот, кто портит удовольствие другим — *spoilsport*) [3: 46].

Описанные виды лакун свидетельствуют о том, что этот лингво-культурологический феномен существует на разных языковых, речевых и культурологических уровнях. Лакуны, отражающие специфику той или иной лингвокультурной общности, являются, как правило, препятствием для взаимопонимания носителей различных культур. Однако практика межкультурного общения и опыт современной лингводидактики свидетельствуют о существовании разнообразных способов преодоления барьеров, создаваемых национально специфическими различиями контактирующих культур.

В настоящее время наиболее распространёнными способами элиминирования лакун являются заполнение и компенсация. В практике преподавания можно выделить ряд наиболее эффективных способов заполнения лакун: определение (дефиниция), перевод-толкование, перевод с лингвострановедческим комментарием и др.

Определение (дефиниция) — описание значения слова уже известными словами (например: *Corner shop — a small shop, usually at the corner of a street that sells mainly food and household goods*). Способ дефиниции является довольно действенным, но следует помнить, что дефиниция часто очень громоздка. К тому же она предполагает определенный уровень владения языком, из-за чего неприемлема на начальной ступени. Важно, чтобы определение было составлено грамотно и включало только известные учащимся слова, что помогает избежать путаницы.

Перевод-толкование тоже позволяет добиться хороших результатов, так как помимо эквивалента на родном языке обучаемым сообщаются сведения о совпадении (или расхождении) в объёме значения, т. е. преподаватель раскрывает лексический фон слова, его коннотации. Перевод-толкование уместно применить в такой ситуации, когда одно и то же понятие по-разному (избыточно или недостаточно) словесно выражается в разных языках.

Рассмотрим, например, способы выражения такого факта внеязыковой реальности, который по-русски называется палец. Чтобы назвать этот предмет по-английски, необходимо уточнить, что имеется в виду: палец руки или ноги, и если руки, то какой палец, потому что, как известно, пальцы руки, кроме большого, у англичан называются *fingers*, большой палец — *thumb*, а пальцы ноги — *toes*. Русскому словосочетанию *десять пальцев* эквивалентно английское *eight fingers and two thumbs* (восемь пальцев и два больших пальца), а *двадцать пальцев* — это *eight fingers, two thumbs, and ten toes* (восемь пальцев, два больших пальца (на руках) и десять пальцев (на ногах)). Такая форма выражения одного и того же кусочка реального мира вызовет у русского, изучающего английский язык, ощущение избыточности (зачем делить пальцы на *fingers, thumbs, toes?*), а у англичанина, изучающего русский язык, — недостаточности (три разных с точки зрения английского языкового мышления понятия объединены в одно — *палец*) [5: 59].

При обучении лексике с национально-культурным компонентом значения преподаватель может использовать перевод с лингвострановедческим комментарием. Лингвострановедческий комментарий — информация о национально-культурном компоненте лексики, предусмотренная для изучающих иностранные языки. Лингвострановедческий комментарий, имеющий целью обеспечить наиболее полное понимание текста, восполнить недостаток фоновых знаний у студентов, разрешить конфликт культур и перевести его в диалог, бывает остро необходим при работе с лексикой. Важно то, что комментарий не только отражает восприятие, но и формирует его [5:113]. Лингвострановедческий комментарий часто применяется при работе с безэквивалентной лексикой. Например: *brunch (breakfast+ lunch)* — поздний завтрак (заменяющий первый и второй завтрак); *drugstore (AmE)* — магазин, в котором, помимо лекарств, можно купить косметику, шоколад и т. д.

Компенсация лакуны — процесс заполнения лакуны, который сводится к подбору тождественного или квазитожественного элемента, который будет служить аналогом “чужому” образу в своей культуре. Данный приём используется в тех случаях, когда сохранить лакуну нельзя, так как необходимо сделать текст максимально понятным инокультурному читателю или слушателю, а заполнить её по тем или иным причинам невозможно.

При работе с лакунами студентам могут быть предложены самые разнообразные задания: распределение слов в соответствии с предложенными рубриками, формулировка дефиниций сопоставление лексических единиц с дефинициями, заполнение пропусков текста лексикой с

національно-культурним значенням, робота з картинами і фотографіями, географічними картами, знаками і символами культури, виконання лінгвострановедчих тестів, що містять соціокультурні лакуни, і др.

Підводячи ітоги, необхідно відзначити, що феномен лакунарності виявляється практично в усіх мовах світу. Умови життя і побуту народу породжують поняття, відсутні у представників інших інокультур. Саме тому використання іноземної мови в комунікативних цілях вимагає певного рівня мовної, мовної і соціокультурної компетентності, внаслідок чого виникає необхідність постійного вивчення мови і культури.

1. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода. Лингвистические аспекты. — М., 1990.
2. *Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А.* Культура и текст. Введение в лакунологию. — М., 2008.
3. *Махонина А. А., Стернина М. А.* Опыт типологии межъязыковых лакун. — Благовещенск, 2005.
4. *Степанов Ю. С.* Французская стилистика. — М., 1965.
5. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2004.
6. *Томахин Г. Д.* От страноведения к фоновым знаниям носителей языка и национально-культурной семантике языковых единиц в их языковом сознании // Русский язык за рубежом. — 1995. — № 1. — С. 54–58.
7. *Фёдоров А. В.* Основы общей теории перевода. — М., 2002.

N. I. Kostina

GAPS IN LANGUAGE AND CULTURE AS A LINGUODIDACTIC PROBLEM

The article deals with the problem of language and culture gaps in the process of intercultural communication. The author analyzes the definitions of this phenomenon, presents some modern approaches to the classification of language and culture gaps and describes the ways of their elimination.

Key words: language and culture gaps, intercultural communication, background knowledge, elimination.

Н. І. Костіна

ЛАКУНАРНІСТЬ ЯК ЛІНГВОДИДАКТИЧНА ПРОБЛЕМА

У статті розглядаються проблеми виникнення лакун і засоби їх заповнення у процесі викладання студентам іноземної мови. Автор дає різні дефініції лакун, аналізує точки зору щодо класифікації цього явища, описує засоби елімінації лакун.

Ключові слова: лакуна, лакунарність, міжкультурна комунікація, елімінація, заповнення, компенсація.

Е. Н. Степанов, Л. М. Барина, Г. И. Курова

Принцип индивидуализации обучения при формировании учебных программ по РКИ в Одесском лингвистическом центре

В статье описаны способы внедрения принципа индивидуализации обучения русскому языку как иностранному в условиях краткосрочных курсов при Одесском лингвистическом центре и отражение этого принципа в учебных программах.

Ключевые слова: учебная программа, личностно-ориентированное обучение, коммуникативный метод, интенсивные методы, русский язык как иностранный, краткосрочное обучение.

Под индивидуализацией обучения в дидактике обычно понимают способ организации учебного процесса, при котором учитываются индивидуальные психологические особенности учащихся и создаются условия для реализации потенциальных возможностей каждого из них [7: 88]. Однако опыт преподавания иностранных языков позволяет связывать принцип индивидуализации обучения не только с психологическими особенностями, но и с познавательными мотивами учащихся, уровнем их лингвистической компетенции, жизненным опытом и даже профессиональными интересами.

С середины 90-х годов XX века в связи с переходом в европейское и мировое образовательное пространство в методике преподавания русского языка как иностранного при разработке базовых учебных программ происходит переосмысление и поиск путей решения новых задач по проектированию систем обучения с учётом разнообразия (диверсификации) и индивидуализации. Изменился баланс потребностей учащихся: большее количество иностранцев приезжает в Украину изучать русский язык не только с целью получения высшего образования, но и для того, чтобы овладеть языком как инструментом общения, необходимым для установления профессиональных, деловых, торговых, личностных контактов. Важным мотивом для многих обучаемых стало стремление получить Сертификат, подтверждающий уровень практического владения русским языком, поскольку наличие такого документа в целом ряде стран помогает продвижению по службе.

Под влиянием нового социального заказа, когда целью обучения становится владение русским языком как инструментом общения и межкультурного обмена, краткосрочные курсы представляются наиболее мобильной и массовой формой обучения РКИ.

Опытом преподавания русского языка иностранцам на курсах нередко делятся участники международных конгрессов, конференций, симпозиумов, семинаров, поднимая вопросы мотивации и интенсификации обучения, страноведческого подхода в обучении РКИ, роли языковой среды, места преподавателя в учебном процессе и многие другие.

Система курсового обучения РКИ, обладая структурой, одинаково присущей любой другой педагогической системе, является самостоятельной формой обучения и имеет ряд специфических характеристик по сравнению с другими формами и профилями обучения, что и определяет необходимость выбора оптимальных методик и адаптации составляющих пакета документов (в первую очередь, учебных программ) к конкретным условиям обучения.

Программы преподавания РКИ в Одесском лингвистическом центре (ОЛЦ — OLSC, Odessa Language Study Centre) ориентированы на личностно-деятельностный подход к обучению [см., напр., 3]. Они учитывают применение разных режимов оптимизации обучения, поэтому предусматривают вариативность методов подачи материала.

Ведущим методом преподавания РКИ в ОЛЦ является коррелирующий с личностно-деятельностным подходом коммуникативный метод, основной в группе комбинированных методов. Известно, что в основу данного метода положены идеи коммуникативной лингвистики, психологической теории деятельности, концепции развития индивидуальности в диалоге культур [6]. Главной особенностью данного метода является попытка приблизить процесс обучения

языку к процессу реальной коммуникации, что обуславливает тщательный отбор речевых тем, интенций, ситуаций общения и, следовательно, речевых актов, отражающих практические интересы и потребности учащихся, а также коммуникативно-мотивированное поведение преподавателя и обучаемых на занятиях [8: 196]. Широкое использование коммуникативного метода в практике преподавания РКИ диктует направленность современных методических исследований на разработку и описание содержания обучения, глубокий и всесторонний анализ коммуникативных целей и задач обучения нерусскоговорящих русскому языку. Гибкая, вариативная модель курсового обучения, личностно-ориентированный подход требуют от преподавателя постоянной адаптации и коррекции содержания обучения. Использование коммуникативного метода в обучении РКИ позволяет быстро реагировать на изменяющиеся реалии, определяющие появление новых дискурсов и новых лингвокультурных концептов в содержании предмета обучения РКИ.

В ОЛЦ разработан пакет документов, регламентирующих учебный процесс по РКИ, в основу которого заложена модель многоуровневой программы: от начального уровня до уровня свободного владения языком. Программы курсов разработаны в соответствии с Государственными стандартами по русскому языку как иностранному и охватывают основные аспекты русского языка: фонетику, грамматику, лексику, письмо, чтение, говорение, аудирование. При этом основное внимание уделяется разговорной практике и восприятию речи на слух, что является непременным требованием коммуникативного курса современного русского языка.

В стандартную программу РКИ входит:

- развитие и совершенствование навыков разговорной речи;
- развитие и совершенствование навыков восприятия речи на слух;
- изучение основных грамматических конструкций и их практическое применение в разговорном контексте;
- развитие и совершенствование навыков письменной речи;
- чтение с использованием различных видов текстов: на начальных этапах обучения — адаптированных, а на продвинутых — оригинальных.

Результаты предварительного тестирования учащегося позволяют определить уровень его владения русским языком (в соответствии со шкалой Совета Европы) и включить в соответствующую этому уровню группу либо предложить индивидуальную форму обучения.

Таблица 1

Уровни владения иностранным языком

Уровень		
Элементарное владение	A 1	Уровень выживания
	A 2	Предпороговый уровень
Самостоятельное владение	B 1	Пороговый уровень
	B 2	Продвинутый уровень
Свободное владение	C 1	Уровень профессионального владения
	C 2	Уровень совершенного владения

Общий курс РКИ предназначен для самого широкого круга лиц, желающих изучать русский язык: иностранных граждан разных социальных слоёв, корпоративных и профессиональных групп. Слушатели овладевают лексикой, которая необходима в различных ситуациях общения на русском языке (знакомство, разговор по телефону, профессия, здоровье, семья, хобби, праздники и др.). На протяжении курса изучаются грамматические особенности и основные фонетические законы русского языка, а также осуществляется знакомство с реалиями русской жизни и русскими коммуникативными правилами и традициями, что позволяет правильно использовать полученные знания в повседневной жизни. На базе фонетического курса строится систематическая работа лексико-грамматического характера. Учебный лексико-грамматический материал преподносится по принципу “от содержания к форме”, от замысла к средствам его выражения. Грамматический материал направлен, главным образом, на формирование и развитие навыков и умений устной речи в монологической и диалогической форме для участия в дискуссии на предложенные темы. Много внимания уделяется работе с глаголами и глагольными формами, вопросам словообразования, определения и выбора лексических единиц, осо-

бенностям синтаксических конструкций и построения собственных высказываний. Изучение каждой темы сопровождается тренировочными упражнениями, цель которых — развитие навыков устной и письменной речи. Учебный материал предлагается в последовательности, обеспечивающей максимальное предупреждение трудностей при формировании навыков и умений. Основные принципы построения занятия:

- коммуникативность;
- интерактивность (вовлечение учащегося в диалог-дискуссию);
- двуединая тематическая организация;
- концентричность в подаче лексико-грамматического материала (повторяю — расширяю — узнаю);
- триединство отработки материала (отрабатываю в готовом — в моделируемом — в свободном контекстах);
- сюжетное построение.

Помимо общего курса русского языка, при изучении которого принцип индивидуализации обучения реализуется, как правило, в процессе коллективной деятельности членов группы и педагога в рамках коммуникативного метода, в ОЛЦ используется ряд интенсивных методов при обучении как в малых группах, так и индивидуально. Выбор интенсивного метода обычно зависит от уровня готовности учащихся к интенсивным занятиям русским языком. Среди используемых методов — метод активизации возможностей личности и коллектива (МА), эмоционально-смысловой метод и интегральный метод “погружения” в язык. Интенсивные методы позволяют нерусскоговорящим овладеть навыками реальной коммуникации на русском языке в более короткие сроки. При этом нагрузка выше, чем при обучении коммуникативным методом (например, учащиеся без знания русского языка и владеющие языком на уровне выживания занимаются по 30 академических часов в неделю против 20 часов занятий коммуникативным методом). Программа для работы с использованием интенсивных методов рассчитана на 5 уровней обучения, каждый из которых включает фонетический, лексический, грамматический блоки.

Опыт преподавания свидетельствует о том, что среди интенсивных методов учащиеся ОЛЦ предпочитают метод активизации возможностей и метод “погружения” в язык. МА, теоретически обоснованный и достаточно хорошо зарекомендовавший себя на практике ещё в 1980-е годы [напр., 4], чаще выбирается учащимися гуманитарной сферы знаний (в процессе преподавания обязательно соблюдаются принципы личностного общения, ролевой организации и концентрированности учебного материала, полифункциональности упражнений, двуплановости обучения, а при групповом обучении — и коллективного взаимодействия), а метод “погружения” в язык, в котором широко используются электронные и технические средства обучения, чаще выбирается учащимися естественнонаучной сферы знаний, а также учащимися-психологами. Эмоционально-смысловой метод сам по себе используется редко. Обычно он становится ведущим в ходе интенсивных занятий на спекурсах (о них подробнее будет сказано ниже); в общем же курсе используют лишь элементы эмоционально-смыслового метода при постпороговых уровнях владения русским языком. Основным элементом, обеспечивающим процесс смыслопорождения, является ролевая игра, переходящая в деловое диалогическое и монологическое общение, максимально приближенное к реальной ситуации. При этом преподаватель стремится к максимально исчерпывающему количеству вариантов смыслопорождения в ходе решения каждой ситуативной задачи.

Одной из сфер использования принципа индивидуализации обучения РКИ в ОЛЦ является разработка на основе базовой программы диверсификационных программ, гибко учитывающих максимальные *коммуникативные потребности* учащихся *в определённых дискурсах* (экономическом, культурологическом, юридическом, финансовом, военном, политическом, медиальном, туристическом, философском, биологическом, математическом и т. д.), *индивидуальный уровень владения языком* (например, при постпороговых уровнях владения большинством аспектов русского языка плохое владение фонетическими нормами, наличие существенных трудностей в понимании и использовании приставочных глаголов, неумение склонять имена числительные, неправильное использование ряда предлогов, союзов, эмотивных средств и др.), *национальные и личностные особенности* (родной язык, возраст, жизненный опыт, профессиональные интересы,

психологические характеристики, способность к обучаемости), и внедрение этих программ в практику преподавания в виде спецкурсов либо отдельных индивидуальных занятий.

Слушателями курсов русского языка в ОЛЦ являются люди разных социальных статусов, вероисповеданий, политических убеждений, возрастов, с разной лингвистической и культурной компетенцией, профессиональными интересами. На основе идентификации коммуникативных потребностей наиболее часто приезжающих учащихся разработаны программы ряда спецкурсов:

1) “Бизнес-курс” для начального и продвинутого уровней. Рабочая программа спецкурса включает изучение специфики делового общения; анализ коммуникативных ситуаций, возникающих в бизнесе; изучение речевых клише установления и поддержания контакта с собеседником, способов аргументации, ведения телефонных переговоров и т. д., а также ролевые игры экономического, финансового, торгового дискурса.

2) Спецкурс “История русской культуры” рассчитан прежде всего на профессиональных филологов и культурологов, хотя часто привлекает к себе антропологов, социологов и др. Программа данного спецкурса предусматривает изучение русской народной традиции в области фольклора, песенного, хореографического, изобразительного творчества, а также культурного наследия XIX — XX вв. в области литературы, музыки, театра, живописи, кино. При изучении спецкурса проводится лингвистический анализ ряда художественных текстов (А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Чехов, А. Ахматова, М. Булгаков, В. Пелевин и др.), описание, обсуждение, оценка художественных полотен (А. Рублёв, И. Айвазовский, И. Репин, М. Шагал, И. Глазунов и др.), скульптурных и архитектурных памятников, музыкальных произведений, театральных спектаклей, кинофильмов.

3) Спецкурс “Методика преподавания русского языка как иностранного”, рассчитанный на прослушивание профессиональными лингвистами, предусматривает изучение основных методов преподавания русского языка нерусскоговорящим, подходов и приёмов обучения разным видам речевой деятельности, выработку навыков разработки и анализа разных видов фонетических, лексических, грамматических заданий.

4) Спецкурс “Изучение языка масс-медиа” рассчитан на часто приезжающих для обучения в ОЛЦ иностранных журналистов, дикторов, других работников СМИ, а также политологов, экономистов, социологов. В основе спецкурса — работа с устными и письменными текстами радиопередач, телепрограмм, российских, украинских и местных газет и журналов. В рамках данного спецкурса цели учащихся и, соответственно, пункты программы, отбираемый текстовый материал варьируются. Так, работников СМИ больше интересует стилистическое разнообразие русского газетного текста, особенности газетных клише, фразеология, метафорика газет и журналов, правила составления рекламы и антирекламы по-русски, правила коммуникации в русскоязычном радио- и телеэфире. Политологов в этом спецкурсе обычно интересуют правила составления и представления текстов политического дискурса, экономистов — правила составления и представления текстов экономического дискурса, юристов — юридического дискурса и т. д.

5) Специалистов правovedческой и дипломатической сфер обычно интересует спецкурс “Основы русской юридической лингвистики”, главной целью которого является изучение русской юридической терминологии и обучение правилам понимания и составления текстов юридического дискурса: конституции, закона, судебного решения, приговора, постановления, кассационной жалобы, искового заявления, обвинительного заключения, протокола, договора, соглашения, меморандума, контракта, рекламации, трудового соглашения, страхового полиса и др.

Все спецкурсы рассчитаны на углублённое практическое изучение основ профессиональной коммуникации слушателей на русском языке. Опыт показывает, что наибольший эффект работа учащихся по освоению материала того или иного спецкурса приносит, как правило, на постпpоговых уровнях владения русским языком.

Учебный план разрабатывается преподавателем, как правило, в соответствии с личными пожеланиями студента и с учётом его индивидуальных коммуникативных потребностей. Согласование индивидуальных коммуникативных потребностей учащихся обычно происходит накануне их приезда в ОЛЦ с менеджером либо преподавателем. Приведём несколько примеров.

Известно, что в горных селениях Австрии, Италии, Швейцарии, Франции развит зимний горнолыжный туризм. Многие курорты посещаются выходцами из равнинных республик быв-

шого СССР, причём предпочтение отдаётся курортам, на которых есть русскоязычные тренеры-консультанты. Для жителей непромышленных альпийских районов эта хорошо оплачиваемая работа — основной либо дополнительный (в выходные и праздничные дни, каникулы) заработок. Основные цели такого тренера-консультанта в ОЛЦ — научиться русской разговорной речи, правилам коммуникации, русской коммуникативной традиции, чтобы уметь поддержать беседу в ситуации рекреационного дискурса, а также овладеть русской спортивной, анатомической, географической, метеорологической терминологией, достаточной для компетентного общения с русскоязычными туристами в сфере своей профессиональной деятельности. Разумеется, такой слушатель будет заниматься, скорее всего, по заранее согласованной индивидуальной программе.

За последние 20 лет во всех странах Западной Европы поселилось немало выходцев из республик бывшего СССР. Не все они хорошо владеют языками стран пребывания, но нуждаются, например, в психологической либо медицинской помощи. Реакция на эту потребность — приезд в ОЛЦ психологов и врачей, работающих с русскоязычными пациентами в разных европейских странах, и их желание глубже изучить коммуникативные особенности русского психологического и медицинского дискурсов.

Граждане России и других постсоветских республик совершают деловые поездки в Европу. Европейцы всё чаще бывают в странах распространения русского языка, решая немало всевозможных вопросов, связанных с правовым, финансовым, страховым регулированием хозяйственной либо другой деятельности. Нередко приходится обращаться к адвокатам, в судебные органы. Успех работы адвоката во многом зависит от знания языка и клиента, и его соперника. ОЛЦ уже помогал адвокатам из стран ЕС, обратившимся с просьбой помочь в углублённом изучении языковых особенностей русского судебно-процессуального дискурса, который является одной из составных частей юридического дискурса.

Иногда в ОЛЦ обращаются иностранцы, приехавшие в Украину в качестве туристов-одиночек, с просьбой научить их общаться по-русски в общественных местах. Для такого контингента слушателей разработан спецкурс “Everyday Russian” (“Повседневный русский”). В процессе обучения слушатели узнают прежде всего правила русского коммуникативного поведения в ресторане, гостинице, магазине, музее, театре, на выставке, пляже, стадионе, вокзале, рынке, при передвижении по городу пешком, на такси и в общественном транспорте, при покупке билетов на автобус, поезд или самолёт и под.

Известен случай, когда в ОЛЦ обратился менеджер одного из швейцарских банков, свободно владевший русским языком, с одной просьбой: научить его правильно склонять все русские имена числительные, поскольку ему стыдно перед своими русскими клиентами за допускаемые ошибки. Ликвидация этого пробела в знаниях заняла 4 часа.

В период становления коммуникативного подхода к изучению русского языка как иностранного (1970-е гг.) привлечение родного языка учащегося не приветствовалось, даже запрещалось [2: 82]. Практика показала, что учащиеся, особенно на начальном этапе изучения языка, испытывают трудности при получении объяснений без привлечения родного языка или языка-посредника, которым они достаточно хорошо владеют. “Для полной реализации когнитивного принципа, или принципа сознательного усвоения, то есть дальнейшего применения полученных знаний, перехода их в навыки и умения, необходимо использовать родной язык учащихся” [5: 398]. В методике произошло “переосмысление роли родного языка в сторону расширения его функций” [2: 82]. Сегодня не вызывает сомнения тезис о том, что “национально-языковая ориентация преподавания позволяет повысить эффективность преподавания, т. е. уменьшить время обучения и увеличить объём изучаемого материала за счёт использования межъязыкового сходства и снижения влияния интерференции” [1: 177].

В условиях преподавания РКИ на краткосрочных курсах экономия времени усвоения материала имеет большое значение. Однако использование родного языка учащихся либо языка-посредника в ОЛЦ широко используется только в группах слушателей, начинающих изучать русский язык. В группах учащихся предпорогового и порогового уровней владения русским языком язык-посредник используется нечасто: для толкования новых понятий, объяснения метафорических значений, фразеологизмов, трудных случаев синонимии, грамматических явлений и под. В группах постпороговых уровней владения русским языком, по нашему мнению,

следует крайне редко прибегать к родному языку учащихся либо языку-посреднику, поскольку одним из мотивов приезда слушателей в ОЛЦ является желание оказаться в русскоязычной среде с целью повышения уровня владения механизмами аудирования, в том числе механизмами идентификации понятий, осмысливания, антиципации, то есть вероятностного прогнозирования, языковой догадки.

Проанализировав опыт создания и реализации учебных программ по русскому языку как иностранному в Одесском лингвистическом центре, мы пришли к выводу о том, что одним из ведущих принципов преподавания РКИ на краткосрочных курсах является принцип индивидуализации обучения. Внедрение этого принципа в программы и практику преподавания обусловлено необходимостью учёта не только психологических особенностей учащихся, но и их познавательных мотивов, уровня лингвистической компетенции, коммуникативных потребностей в определённых дискурсах, национальных и личностных особенностей. Реализация принципа индивидуализации обучения обуславливает создание вариативных учебных программ основного курса русского языка, а также разработку спецкурсов по изучению коммуникативных традиций и правил наиболее востребованных дискурсов, разработку отдельных занятий по углублённому изучению языкового материала, представляющего наибольшую сложность для определённых категорий слушателей. Индивидуализации обучения на краткосрочных курсах способствует использование коммуникативного метода и ряда интенсивных методов обучения РКИ.

1. Азимов А. Р., Шукин А. Н. Словарь методических терминов. — СПб., 1999.
2. Ерёмкина О. А. Когда преподавателю-русисту нужна помощь родного языка // Русский язык за рубежом. — 1994. — №3. — С. 82-86.
3. Зимняя И. А. Педагогическая психология. — 2-е изд., доп. — М., 1999.
4. Китайгородская Г. А. и др. Мосты доверия. Интенсивный курс русского языка. — М., 1993.
5. Нистратова С. Л. Из опыта создания национально ориентированных пособий по русскому языку для самостоятельной работы студентов-итальянцев // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства. — Одеса, 2006. — №11. — С. 398-402.
6. Пассов Е. И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. — М., 2000.
7. Шукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц. — М., 2007.
8. Шукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов. — М., 2003.

Ye. N. Stepanov, L. M. Barina, G. I. Kurova

INDIVIDUAL TRAINING PRINCIPLE AT RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE CURRICULUM FORMING IN ODESSA LANGUAGE STUDY CENTRE

The article deals with the ways of individual training principle at teaching Russian as foreign in conditions of short-time courses in Odessa Language Study Centre and reflection of this principle in curriculums.

Key words: curriculum, individually-oriented training, communicative method, intensive methods, Russian as foreign, short-time courses.

Є. М. Степанов, Л. М. Баріна, Г. І. Курова

ПРИНЦИП ІНДИВІДУАЛІЗАЦІЇ НАВЧАННЯ ПРИ ФОРМУВАННІ НАВЧАЛЬНИХ ПРОГРАМ З РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ЯК ІНОЗЕМНОЇ В ОДЕСЬКОМУ ЛІНГВІСТИЧНОМУ ЦЕНТРІ

У статті описано способи впровадження принципу індивідуалізації навчання російській мові як іноземній в умовах короткострокових курсів при Одеському лінгвістичному центрі й відображення цього принципу в навчальних програмах.

Ключові слова: навчальна програма, особистісно-орієнтоване навчання, комунікативний метод, інтенсивні методи, російська мова як іноземна, короткострокове навчання.

Е. Д. Гуськова, Л. С. Маричереда

Конкретизация содержания, форм и методов преподавания научного стиля речи с учётом межпредметной координации (из опыта работы)

В статье рассматриваются проблемы преподавания научного стиля речи иностранным студентам подготовительного факультета с учётом межпредметной координации; рассматриваются и предлагаются формы и методы работы с текстами, которые помогают интенсифицировать учебный процесс.

Ключевые слова: содержание, научный стиль речи, межпредметная координация, формы, способы и методы обучения.

Новые экономические условия, трудности набора зарубежных учащихся, их неравномерный заезд сокращают сроки обучения на подготовительных факультетах. Несмотря на то, что современная технология обучения русскому языку иностранных студентов, особенно на начальном этапе, разработана достаточно хорошо, вышеперечисленные факторы ставят перед преподавателями-русистами задачи конкретизации содержания, форм и методов преподавания.

Содержание обучения определяется на основе анализа коммуникативных потребностей иностранных учащихся, выделяются сферы иноязычного общения, значимые для учащихся, наиболее типичные для них ситуации общения, определяются темы, проблемы и речевые действия, типичные для конкретных ситуаций, а также обслуживающий их языковой материал. Обучение студентов подготовительных факультетов научному стилю речи имеет целью формирование у учащихся умений и навыков, обеспечивающих их коммуникативную компетенцию в учебной деятельности на занятиях по дисциплинам, определяющим будущую специальность учащихся. Это требует от преподавателя-русиста специфической расстановки акцентов при отборе и организации языкового, речевого и текстового материала, а также корректировки объёма и сроков его презентации.

В методике преподавания РКИ всегда актуальной остаётся задача создания новых учебно-методических материалов, которые являются основным источником знаний для студентов и обучают их пользоваться этими знаниями.

Кафедрой лингводидактики ОНПУ разработана новая форма учебного пособия, которое, по нашему мнению, позволяет оптимизировать процесс усвоения научного стиля речи. Под оптимизацией понимается научно обоснованный выбор и осуществление наилучшего для данных условий варианта содержания и методов обучения с точки зрения его задач и рациональности затрат времени обучаемого и преподавателя.

Такой формой пособия является комплект Рабочих тетрадей по НСР, который включает тетрадь по обучению грамматике научной речи (РТ-1), тетрадь по обучению изучающему и ознакомительному чтению (РТ-2), компьютерные лабораторные работы по НСР, аудиокурс обучающихся лекций, учебные словари.

В соответствии с целью обучения в пособии поставлены и решаются задачи по формированию у студентов навыков и умений изучающего и ознакомительного чтения. Ведь именно умение ориентироваться в языковом материале, понимать структуру учебно-научного текста, извлекать основную информацию, работать со словарём, навыки диалогической и монологической речи на основе информации, полученной из текстов и при аудировании, способствуют адекватной коммуникации иностранных студентов в их учебной деятельности.

В разработанном пособии коммуникативная компетенция в разных видах речевой деятельности формируется на основе системы текстов. Все тексты построены в соответствии с **тематикой и логикой** изложения научной информации и отражают **структуру** научного материала. В пособии представлены тексты таких типов, как описание, повествование, рассуждение, доказательство, а также тексты смешанного типа.

Формирование языковой компетенции происходит в системе упражнений, учитывающих **поэтапность** формирования навыков и умений, на базе системы текстов изучающего характера. Каждая лексико-грамматическая конструкция активизируется в текстах **разных** научных дисциплин. Например, при изучении первой грамматической темы (РТ-1) “Определения понятия” базовыми грамматическими конструкциями являются **что это что, что изучает что, что обозначает что**. Эти же конструкции последовательно отрабатываются и закрепляются как в текстах по математике, физике и химии (РТ-2), так и на уроках преподавателей-предметников (вводный курс), что, на наш взгляд, учитывает интересы студентов, способствует переносу навыка, а также приводит к пониманию того, что данное лексико-грамматическое явление носит **системный общенаучный** характер.

Опорой для развития таких навыков и умений служит связный текст небольшого объёма со строго отобранной лексикой и логическим изложением темы. Такой текст может служить моделью для построения монологического высказывания и развития навыков диалогической речи. При этом учитывается уровень подготовки студентов на каждом этапе обучения языку и то, что учебный материал должен предъявляться с некоторым опережением с целью формирования предметной компетенции. Тексты составляются на основе учебных пособий по математике, физике и химии (иногда предлагаются преподавателями-предметниками), поэтому работа проводится параллельно, возникает своего рода тандем: преподаватель-русист и преподаватель-предметник.

Предтекстовые задания служат прежде всего для формирования навыков работы с научной лексикой (терминами и терминосочетаниями). Работа с ними проводится до предъявления текста. Алгоритм этого этапа работы — от слова к словосочетанию и предложению. Языковые упражнения обеспечивают умение выделять словообразовательные “маяки”, активизируют мышление, создают психологическую установку при работе с текстом определённого содержания и развивают языковую догадку. Например, при изучении теста “Нефть” в притекстовых упражнениях даётся описание ряда веществ, являющихся топливом. На основе этого описания студенты сами формулируют определение топлива и, прочитав словосочетание “маслянистая жидкость тёмно-коричневого цвета”, догадываются, к какому виду топлива можно отнести данное определение. Обычно предтекстовые задания предполагают самостоятельную работу студентов.

Следующим этапом является работа с учебным текстом: чтение текста с опорой на зрительный вариант. Каждому тексту сопутствуют притекстовые задания, помогающие учащимся концентрировать внимание при чтении на определённых аспектах. Это задания типа: *найдите в тексте определение...; найдите в тексте ответ на вопрос...; дайте название тексту; скажите одной фразой, о чём говорится в этом тексте; найдите в тексте новую информацию / информацию, которая повторяется; используя информацию текста, заполните (составьте) схему* и т. п.

Вся система послетекстовых заданий помогает учащимся более полно осмыслить текст, сформулировать вопросы к нему и задать их друг другу, что, на наш взгляд, является гораздо более продуктивным видом работы, чем ответы на вопросы преподавателя. Этот этап работы способствует развитию речевого умения (диалогическая речь и монологическое высказывание). Такие задания выполняют также и контролирующую функцию. К ним относят задания типа: *составьте все возможные терминосочетания (И. п. +Р. п.); восстановите предложения без опоры на текст; расширьте таблицу (схему), используя информацию текста; прочитайте схему; поставьте вопросительные слова; закончите вопросы; разделите текст на части; составьте микроконспект* и т. п.

Все задания делятся на **воспроизводящие (репродуктивные), вариативные** (предусматривающие выбор варианта решения задачи), и **конструктивные**, предлагающие студенту самостоятельную работу с микротекстом: *догадаться о значении терминов, найти место микротекста в макротексте, дополнить его информацией, изобразить в виде схемы, дополнить информацией из других источников* и т. п.

Предлагаемые материалы отличаются по объёму, степени сложности и позволяют осуществлять индивидуальный подход к обучению, развивать навыки самостоятельной работы, навыки не только различных видов чтения, но и письма, что значительно активизирует учебную деятельность и интенсифицирует учебный процесс.

Также следует обратить внимание на то, что в Пособии чётко выделяются типологически однородные виды упражнений и заданий. Целесообразность единообразия определяется целевой задачей, материалами, которыми оперируют на своих занятиях преподаватели-предметники.

Первые пять тетрадей готовят студентов к работе с аутентичными научными текстами, которые уже не представляют трудностей для них, поскольку система заданий остаётся прежней, структура урока не меняется и все задания алгоритмизированы (от простого к сложному). Эти материалы составляют тот фундамент, на основе которого преподаватель-предметник может успешно продолжать формирование и развитие у студентов необходимых навыков и умений.

В Пособии по НСР предлагаются различные методы изложения материала преподавателем: репродуктивные (*найдите в тексте..., попробуйте повторить без опоры...*), продуктивные (*расскажите о..., прочитайте схему / чертёж*), проблемно-поисковые (*дополните рассказ новой информацией, расскажите о..., используя конструкции...*), а также метод самостоятельной работы (начиная от выполнения домашних заданий и заканчивая поисковыми заданиями).

Принципы межпредметной координации отражаются, прежде всего, в кропотливой работе по совершенствованию содержания, формирования умений и навыков, что возможно лишь при абсолютном доверии и систематическом обсуждении как процесса обучения иностранных студентов, так и его результатов.

1. *Сурыгин И. А.* Дидактический аспект обучения иностранных учащихся (основы теории обучения на неродном для учащихся языке). — СПб., 2000.
2. *Соловьёв Л. Е.* К вопросу о коммуникативности и системности при разработке учебного пособия по научному стилю речи // Учебный процесс как основа комплексной адаптации иностранных студентов к новой социальной и культурной среде: Сб. тезисов. — Одесса, 2005. — С. 71-72.
3. *Шмакова И. И.* К вопросу об обучении языку специальности на начальном этапе языковой подготовки иностранных учащихся // Там же. — С. 73.
4. *Груцьяк В. И.* Русист и предметник: аспекты взаимодействия: Материалы X конгресса МАПРЯЛ. — СПб.: Политехника, 2003. — С. 130-133.

E. D. Guskova, L. S. Marichereda

THE CONCRETE DEFINITION OF CONTENT FORMS AND METHODS OF TEACHING THE SCIENTIFIC STYLE OF SPEECH WITH REGARD TO COORDINATION BETWEEN DIFFERENT SUBJECTS OF TEACHING

The article investigates the problems of teaching foreign students of the preparatory course the scientific style of speech; the authors suggest forms and methods of work with texts which intensify the process of study.

Key words: content, scientific style of speech, coordination between different subjects of teaching, forms and methods of teaching.

О. Д. Гуськова, Л. С. Марічереда

КОНКРЕТИЗАЦІЯ ЗМІСТУ, ФОРМ І МЕТОДІВ ВИКЛАДАННЯ НАУКОВОГО СТИЛЮ МОВЛЕННЯ ІЗ ВРАХУВАННЯМ МІЖПРЕДМЕТНОЇ КООРДИНАЦІЇ

У статті розглядаються проблеми викладання наукового стилю мовлення іноземним студентам підготовчого факультету з урахуванням міжпредметної координації, розглядаються та пропонуються форми й методи роботи з текстами, які дозволяють інтенсифікувати навчальний процес.

Ключові слова: зміст, науковий стиль мовлення, міжпредметна координація, форми, засоби, методи навчання.

Поисковые задания на занятиях по практическому курсу русского языка

В данной статье рассматриваются вопросы методики обучения иностранных студентов-нефилологов анализу языковых явлений на корректировочном этапе обучения русскому языку.

Ключевые слова: частично-поисковый метод, объяснительно-иллюстративный метод, методика РКИ, формирование системы ориентиров, уровни языка.

Основной целью обучения студентов-нефилологов практическому курсу русского языка является овладение ими различными видами речевой деятельности и одновременное усвоение грамматических форм и структур, коммуникативных компетенций, которые позволяют использовать русский язык не только как средство общения, но и как средство познания мира во всём его многообразии, познания своей профессии, как средство формирования активной социальной, гражданской позиции. Основные функции языка — *коммуникативная* и *познавательная*, — а также его важнейшее свойство — *системность* — делают актуальной в методике РКИ проблему соотношения коммуникативной направленности в обучении и системности поиска путей гармоничного сочетания коммуникативно-ориентированного обучения и принципов осознанности и системности в усвоении языка.

Многочисленные экспериментальные исследования, данные практики обучения показывают, что при чтении и аудировании студенты мало внимания уделяют грамматическим признакам слов, пренебрегают анализом форм и структур без специального обучения на занятии. Без осознания и систематизации не усваиваются основы языка, нарушается коммуникативная адекватность речи. Следует также иметь в виду и индивидуальные особенности студентов “коммуникативного” и “некоммуникативного” типа овладения языком (по М. К. Кабардову). В связи с этим в настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы методики обучения студентов-нефилологов анализу языковых явлений на корректировочном этапе.

Сложившаяся в Казахстане методика преподавания русского языка студентам-нефилологам предусматривает, в основном, использование информативно-иллюстративного метода, позволяющего в короткие сроки изучить запланированный материал, и репродуктивного, способствующего усвоению способа деятельности на языковом материале. Причина преимущественного использования этих двух методов заключается в том, что, давая примеры и теоретические положения в готовом виде, преподаватель не формулирует их как проблемы, не выводит путём доказательств из языковых фактов. Обеспечить творческую деятельность может проблемное изложение материала, предполагающее наличие языковой проблемы: её формулировку, анализ языковых фактов, доказательства и рассуждения, выводы, а также использование наряду с репродуктивными упражнениями языковых заданий частично-поискового и поискового характера.

Студенты-нефилологи начинают изучать русский язык комплексно: предполагается одновременное ознакомление с языковыми единицами различных уровней, формирование системы ориентиров и на её основе языковых и речевых навыков и умений. В процессе корректировочного курса студент встречается с языковыми проблемами, испытывает серьёзные затруднения на уровне различных коммуникативно значимых языковых единиц: слова, словосочетания, предложения, микротекста.

При изучении *слова* как коммуникативно значимой единицы основными проблемами, с которыми встречается студент, являются: 1) взаимоотношение смысла и его формального выражения в морфологическом и синтаксическом аспектах; 2) вычленение морфемы для правильного узнавания и понимания слова; 3) различное словоизменение одних и тех же частей речи. При изучении *словосочетания* выделяются следующие проблемы: 1) способы связи слов в словосочетаниях, их грамматическое оформление и смысл; 2) вычленение словосочетаний из состава

предложения. Изучение *простого предложения* требует, в первую очередь, решения таких проблем: 1) взаимосвязи порядка слов и смысла предложения; 2) правил определения грамматической основы предложения. При изучении *сложного предложения* основными проблемами, на которые следует обратить внимание студентов, являются: 1) смысловые отношения между простыми предложениями, входящими в состав сложного, их грамматическое и структурное оформление; 2) интонационные особенности, влияющие на адекватное выражение своих мыслей и понимание чужих. В работе с *микротекстом* основное внимание студентов следует обращать на смысловые и формальные связи внутри текста.

Указанные проблемы положены в основу классификации языковых заданий творческого характера. Предлагаемая классификация основывается, таким образом, на специфике осознания явлений языка, изучаемых на материале коммуникативно значимых языковых единиц, и на характере проблемных ситуаций, которые возникают в процессе исследования языковых явлений.

Мы предлагаем такую классификацию языковых заданий творческого (поискового) характера:

I. Задания на уровне слова:

1. Выяснение взаимосвязи смысла, грамматического выражения и синтаксической функции слова.

2. Выявление морфемного состава слова и роли морфемы как его значимой части.

3. Определение особенностей словоизменения.

II. Задания на уровне словосочетания:

1. Выяснение способа связи слов в словосочетании, его грамматического выражения.

2. Выявление связи слов внутри предложения, выделение словосочетаний.

III. Задания на уровне простого предложения:

1. Определение структурно-семантических особенностей предложения.

2. Выявление интонационно-смысловых особенностей предложения.

3. Вычленение грамматической основы предложения.

IV. Задания на уровне сложного предложения:

1. Выявление структурно-семантических отношений внутри сложного предложения.

2. Определение интонационных особенностей сложного предложения.

V. Задания на уровне микротекста: выявление смысловых и структурно-временных отношений внутри микротекста, диалога.

В процессе презентации языкового материала и на этапе его усвоения используются языковые задания поискового характера. Специфику этих заданий для изучающих русский язык как иностранный на корректировочном этапе определяют, с одной стороны, названные выше языковые проблемы, группирующиеся вокруг коммуникативно значимых единиц. С другой стороны, способом выполнения заданий будет являться большее количество логико-лингвистических операций, среди которых следует выделить специфические для изучающих русский язык как иностранный: а) узнавание и вычленение морфемы, основы слова; б) соотнесение языкового факта с родным языком или языком-посредником; в) соотнесение смысла языковой единицы и её грамматического выражения; г) сопоставление ряда аналогичных языковых явлений для выяснения их сходства и различия.

Специфика поисковых заданий языкового характера зависит от большей или меньшей сложности для студента русского языка. Понятие сложности здесь аналогично тому, что понимается под ним в методике преподавания русского языка как родного: сложность задания определяется структурными особенностями текста задания и структурными особенностями способа выполнения заданий. Понятие трудности определяется рядом специфических факторов, например, наличием или отсутствием аналогичных понятий и грамматических категорий в родном языке студента, принадлежностью родного языка студента к агглютинативным или неагглютинативным языкам, наличием или отсутствием у студента навыков изучения иностранного языка.

Особенности предлагаемой методики обучения студентов-иностранцев анализу языковых явлений состоят в следующем. На этапе уяснения системы ориентиров грамматический материал вводится как традиционно, посредством объяснительно-иллюстративного метода, так и через творческое осмысление материала с использованием частично-поискового, поискового

метода и метода проблемного изложения. На этапе усвоения системы ориентиров (в первой его стадии) предусматривается выполнение лабораторных работ, то есть серии письменных самостоятельных работ, содержащих языковые задания репродуктивного и поискового характера (частично-поисковые задания и проблемные задачи). В процессе изучения вводно-грамматического курса лабораторные работы выполняются на заключительном этапе урока, после презентации грамматического материала и его выведения в речь посредством условно-речевых и собственно речевых упражнений. Формулировки заданий в лабораторных работах даются на родном языке студента или на языке-посреднике. При проверке письменных работ студентов преподаватель устанавливает, усвоена та или иная модель только на речевом уровне или студент осознал её также и на языковом уровне. Таким образом, преподаватель получает материал для индивидуальной работы со студентами, позволяющий, в частности, осуществить дифференцированный подход к студентам “коммуникативного” и “некоммуникативного” типов.

Приведём пример использования частично-поискового метода презентации языкового материала по теме “Будущее сложное время”.

Преподаватель предлагает студентам новые слова: *вчера, сегодня, завтра* — и записывает предложения: *Вчера Мурат читал книгу. Сегодня Мурат читает книгу.* Далее следует беседа преподавателя со студентами:

- Какое время употреблено в первом и втором предложениях?
- Что указывает в первом предложении на прошедшее время? (Ответ: обстоятельство *вчера* и суффикс прошедшего времени).
- Что во втором предложении указывает на настоящее время? (Ответ: обстоятельство *сегодня* и личное окончание *-ет*).
- Какие члены предложения несут информацию о времени? (Ответ: обстоятельство времени и сказуемое).

– Как вы думаете, какой из этих членов предложения обязателен, а какой факультативен? Далее записывается ещё одно предложение: *Завтра Мурат будет читать книгу.*

Вопросы для беседы:

- В каком времени происходит действие в третьем предложении?
- Что указывает на будущее время? (Ответ: обстоятельство и глагол).

Используя частично-поисковый метод, преподаватель последовательно проводит студентов по пути решения языковой проблемы: совместно с ними находит проблему в языковом материале, вовлекает их в процесс её доказательного решения путём постановки вопроса, помогает в поисках ответов. Частично-поисковая деятельность студентов под руководством преподавателя создаёт условия для самостоятельной поисковой деятельности.

В заключение приведём примеры заданий языкового характера, разделённых по уровню активизации мыслительной деятельности.

I. Задания репродуктивного характера:

1. Выпишите из данных слов те, которые относятся к мужскому, женскому и среднему роду, содержат указание на время.
2. Составьте из данных слов несколько словосочетаний (слова даются в начальной форме).
3. Просклоняйте (проспрягайте) по аналогии.
4. Укажите в предложениях стрелочками грамматические связи слов.
5. Подчеркните в тексте слова, отвечающие на вопросы... (или задайте вопросы к выделенным словам).

II. Частично-поисковые задания:

1. Дополните данный ряд слов однокоренными словами.
2. Сгруппируйте слова по определённому признаку.
3. Составьте предложения по данной модели.
4. Вставьте в предложение пропущенные союзы и т. п.

III. Проблемные задачи:

1. Определите значение незнакомого слова по контексту.
2. Определите значение незнакомого слова путём словообразовательного анализа.
3. Восстановите в диалогах пропущенную часть. Отредактируйте текст (замените повторяющиеся слова местоимениями, повторяющиеся союзы бессоюзной связью и т. д.).

Использование предлагаемой методики уже на корректировочном этапе обучения позволяет целенаправленно формировать у студентов языковые грамматические навыки формообразования, словорасположения и соотнесения смысла с его грамматическим выражением, что составляет основу языковой компетенции обучаемых.

1. *Кабардов М. К.* Роль индивидуальных различий в успешности овладения иностранным языком: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1983.
2. *Бунеев Р. Н.* Организация самостоятельной работы студентов при изучении русского языка: Методические указания для преподавателей. — М., 1989.
3. *Активизация мыслительной деятельности учащихся на уроках русского языка.* — М., 1983.
4. *Махмутов М. И.* Теория и практика проблемного обучения. — Казань, 1972.

S. I. Esimbek

SEARCHING TASKS AT THE LESSONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE PRACTICAL TRAINING

The article deals with the methods of teaching the foreign students — non-philologists to analyze the language phenomena at the starting stage of learning Russian.

Key words: partially-searching method; explanatory-illustrative method; methodology of RAF, orientation system forming, language levels.

С. І. Єсимбек

ПОШУКОВІ ЗАВДАННЯ НА ЗАНЯТТЯХ З ПРАКТИЧНОГО КУРСУ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ

У статті розглянуто питання методики навчання іноземних студентів-нефілологів аналізу мовних явищ на етапі корегування знань з російської мови.

Ключові слова: частково-пошуковий метод, пояснювально-ілюстративний метод, методика РМІ, формування системи орієнтирів, мовні рівні.

УДК 81:06.048.2

О. П. Колесова

Формування вмінь для виявлення негативних проявів інформаційних впливів засобів масової інформації

У статті розглянуто основні негативні прояви інформаційних впливів за формами, видами і способами їх поширення. З метою розвитку вмінь їх виявляти, автором визначені опосередковані ознаки наявності негативних проявів інформаційних впливів за основними каналами впливу та за способами здійснення.

Ключові слова: інформаційні впливи, маніпуляція, обман, брехня, інформаційне суспільство, негативні прояви, канали впливу, маніпуляційне спілкування, форми маніпуляції.

Сучасна наука розробила великий арсенал масових інформаційних впливів на людину. Без цих впливів на нинішньому етапі розвитку суспільства, очевидно, обійтися неможливо. Спеціальними впливами можуть бути охоплені як усі шари суспільства, так і, селективно, окремі його групи. Сьогодні активно застосовуються ще повною мірою не усвідомлені суспільством спеціальні методи вкорінення у підсвідомість громадян потрібної інформації у вигляді настирливої реклами й інших інформаційних впливів [6: 4].

Погоджуємось із думкою І. Єршової-Бабенко про те, що “існуючі сьогодні інформаційні потоки вимагають від фахівця формування принципово нових якостей мислення” [2: 224], адже за твердженням І. Зязюна: “Лавиноподібний розвиток інформаційних технологій змінює спосіб життя і систему цінностей, вимагаючи пріоритетів у виробництві інформаційного продукту” [4: 71].

Інформаційне суспільство — це суспільство, в якому інформація множитья, ускладнюється, швидко застаріває і набуває якісно нових функцій, у якому інформаційний вплив часто має на меті маніпулювання поглядами та діями людей, потребує від людини нових компетенцій [3]. Беручи до уваги, що “Інформаційне протистояння пронизує тепер усі сфери життя, починаючи від дипломатії, економіки і закінчуючи збройною боротьбою, за таких обставин інформація та інформаційні технології поступово стають найдієвішим засобом завоювання світу. ... Можна навести безліч прикладів, коли дезінформація, прихований психологічний вплив на свідомість, акції залякування та стримування активно застосовувалися іноземними державами проти України без належного спротиву з її боку” [7: 3], наше дослідження спрямоване на формування вмінь виявляти негативні прояви інформаційних впливів.

Мета статті полягає у розкритті основних проявів негативних інформаційних впливів, визначенні форм, видів і способів їх поширення та опосередкованих ознак їх наявності з метою розвитку вмінь їх виявляти.

На нашу думку, одним із розповсюджених інформаційних впливів на сучасному етапі розвитку нашої держави є реклама. Це обумовлено її поширеністю та нав’язливістю (інколи неможливо її уникнути — зовнішня реклама, реклама під час трансляції телепередач чи прихована реклама в художніх фільмах (головний герой вживає продукти певної торгової марки тощо) та ін.).

Крім цього, реклама на додаток до її загально визнаних функцій із продажу товарів, культивуванню нових споживчих запитів і вихвалювання системи робить корпоративній економіці ще одну неоціненну послугу. Її втручання в усі інформаційні й розважальні програми знижує й без того низьку здатність аудиторії критично оцінювати тотальний характер освітлюваної події або проблеми [8].

Аналіз наукових джерел, дані опитувань та власний досвід свідчать, що практично всі фахівці будь-яких спеціальностей постійно піддані негативним проявам інформаційного впливу. Ці дані дозволили нам виокремити основні прояви означеного впливу та визначити форми, види і способи їх поширення (див. таблицю 1).

Таблиця 1

Основні негативні прояви інформаційного впливу та форми, види і способи їх поширення

№ п/п	Негативні прояви	Форми	Види	Способи поширення
1	Брехня	присвоєння кому-небудь чи чомусь різноманітних якостей; чиста вигадка; перекручування; підміна понять; перебільшення; підтасовка фактів; фабрикація подій	пропаганда; дезінформація; кривотолки; плітки/чутки; доноси; обмови; наклепи; розіграші	ЗМІ; реклама; політичні діячі; професійне спілкування; суспільне спілкування
2	Обман	за допомогою напівправди; посередництвом правди		
3	Маніпуляція	організаційно-процедурні; психологічні; логічні		

Варто зазначити, що таке визначення форм негативних проявів є досить умовним, адже в маніпуляційних діях, як правило, присутні обман / брехня, а подача неправдивої інформації до адресата може бути здійснена за допомогою різноманітних маніпуляцій тощо.

Найбільш поширеними каналами, за якими здійснюється інформаційний вплив на людину на сучасному етапі розвитку держави є, як нами визначено:

– *вербальні* — словесна інформація, що передається адресатові через: спілкування (професійне, соціальне), теле- та радіомовлення, інтернет;

– *друкована продукція* — різноманітна текстова інформація, емблеми, символи, знаки та ін.;
 – *невербальні* — інформація, що отримується внаслідок спостереження за “мовою тіла” людини (поза, жести, міміка та ін.).

Брехнею, як правило, називають навмисну передачу відомостей, що не відповідають дійсності. *Брехати* (за С. Ожеговим) — говорити неправду, обмовляти, наговорювати. Брехня — це не щось особливе, а щоденна об’єктивна дійсність, яку змінити дуже складно, а отже її наявність (можливість) необхідно враховувати як у професійній, так і соціальній діяльності. Фахівці з психологічної безпеки під **обманом** розуміють неправдиве, невірне повідомлення, що здатне ввести в оману того, кому воно адресоване [10: 25-26]. При цьому головна відмінність брехні від обману полягає у тому, що брехня завжди ґрунтується на навмисно неправдивому, брехливому твердженні. Сутність брехні завжди зводиться до того, що людина вірить чи думає одне, а в спілкуванні свідомо висловлює інше [10: 11].

З позицій психології, учені визначають **маніпуляцію** як приховане від співрозмовника спонування до переживань, певних станів, зміни відносин, рішень, дій, що потрібні для досягнення ініціатором своєї мети шляхом: порушення особистого простору; кепкування, глузування; підбурювання; введення в оману та ін. [8: 116].

Мета **маніпуляційного спілкування** — використання співрозмовника як засіб досягнення якої-небудь особистої мети. Сумісна діяльність у такому випадку нерівноправна ... [8: 100].

Аналіз праць І. Огнева, С. Кара-Мурзи, В. Панкратова та інших фахівців з психологічної безпеки і нейтралізації маніпуляцій дав змогу конкретизувати форми маніпуляції таким чином:

1) *організаційно-процедурні* — застосовуються організатором спілкування (наради, дискусії, семінара тощо) з метою прийняття необхідного рішення;

2) *психологічні* — недопустимі з точки зору моралі прийоми спору (дискусії тощо), які ґрунтуються на психологічному впливі на опонента з метою ввести його в нестійкий стан;

3) *логічні* — будуються на навмисних порушеннях основних законів і правил формальної логіки чи навпаки, на їх умілому використанні з метою маніпуляції.

Особливостями сприйняття людиною інформаційних впливів, що сприяють проникненню негативних проявів, на нашу думку, можна вважати:

– *линь самостійно мислити, аналізувати, порівнювати та перевіряти інформацію, що надходить;*

– *стереотипність, лінійність мислення;*

– *схильність народів, особливо слов’янських, до підкорення;*

– *віра друкованому слову чи вербальному повідомленню у ЗМІ (особливо у людей старшого віку та тих, що проживають у невеликих містах, селах тощо).*

На підставі аналізу робіт Н. Вукіної [1], С. Корольчук [7], Л. Михайлова [8], іншої відповідної літератури [напр., 4; 5; 10], власних спостережень та досвіду нами виокремлено низку опосередкованих ознак, що свідчать про наявність негативних проявів інформаційних впливів, які спрямовані на об’єкта впливу.

Опосередковані ознаки (за основними каналами впливу), що свідчать про наявність негативних проявів інформаційних впливів: *вербальні; друкована продукція; невербальні (обличчя; руки; поза).*

Опосередковані ознаки (за способами здійснення), що свідчать про наявність негативних проявів інформаційних впливів: *організаційно-процедурні; психологічні; емоційні; семантичні.*

Варто підкреслити, що дані ознаки є опосередкованими (при їх аналізі необхідно враховувати звички, стан співрозмовника, обставини, в яких відбувається інформаційний вплив тощо), тому ймовірність наявності негативних проявів напряду залежить від кількості виокремлених ознак та їх наявності за різними каналами впливу і способами здійснення: чим більше ознак, каналів впливу і способів здійснення задіяно, тим більша вірогідність наявності негативних проявів інформаційних впливів.

1. Вукіна Н. В. та ін. Критичне мислення : як цьому навчати : Науково-методичний посібник / Наук. ред. О. І. Пометун. — Х., 2007. — 190 с.
2. Ершова-Бабенко И. В. Психосинергетические стратегии человеческой деятельности. (Концептуальная модель): Монография. — Винница, 2005. — 360 с.
3. Ожегов И. Психологическая безопасность. — Ростов н/Д, 2007. — 605 с.
4. Зязюн І. А. Філософія педагогічної дії : Монографія. — К.; Черкаси, 2008. — 608 с.
5. Кальниць В. та ін. 25-й кадр й інші технології впливу на підсвідомість // Науковий світ. — 2007. — № 10.

6. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. — М.: Прогресс, 2001. — 861 с.
7. *Корольчук М. С.* та ін. Психологія : схеми, опорні конспекти, методики : Навч. посібник. — К., 2005. — 320 с.
8. *Михайлов Л. А.* и др. Введение в психологию общения. Невербальные средства общения: Учеб. пособие. — С. Пб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. — 105 с.
9. *Попов С. В.* Визуальное наблюдение. — С. Пб., 2002. — 320 с.
10. *Современный язык жестов / Авт.-сост. И. Н. Кузнецов.* — М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2006. — 448 с.

О. Р. Kolesova

DEVELOPMENT OF ABILITIES TO FIND OUT THE NEGATIVE DISPLAYS OF INFORMATIVE INFLUENCES

The article deals with the basic negative manifestations of informative influences. The author classes them in forms, kinds and methods.

Key words: informative influence, negative displays of informative influences.

Е. П. Колесова

РАЗВИТИЕ УМЕНИЙ ОБНАРУЖИВАТЬ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЛИЯНИЙ СМИ

В статье рассмотрены основные отрицательные проявления информационных влияний по формам, видам и способам их распространения. С целью развития умений их обнаруживать, автором определены опосредствованные признаки наличия отрицательных проявлений информационных влияний по основным каналам влияния и способам осуществления.

Ключевые слова: информационное влияние, отрицательные проявления информационных влияний.

РЕЦЕНЗІЇ

В. Н. Абашина. Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке: аспект актуального членения: Монография / Министерство образования и науки Украины; Львовский национальный университет имени Ивана Франко. — Львов: Издательский центр ЛНУ имени Ивана Франко, 2006. — 344 с.

Книга В. Н. Абашиной, посвященная исследованию проблемы актуального членения сложного предложения, представляет собою исследование интегративного характера, плодотворно соединяющее достижения системоцентрической научной парадигмы, ставшей уже традицией, с разысканиями новейшей — когнитивной — парадигмы. В книге представлен, прежде всего, фундаментальный анализ собственно лингвистической и психолингвистической платформ, с высоты которых становятся возможными когнитивный и коммуникативно-прагматический подходы к сложному предложению, которое позиционируется автором как специфическая единица не только структурно-грамматической, но также когнитивно-семантической и коммуникативно-прагматической организации.

Монография В. Н. Абашиной состоит из введения, пяти разделов и заключения; она снабжена списком использованной литературы, насчитывающим 285 позиций (в том числе 44 работы автора); содержит именную указатель исследователей, чьи теоретические положения так или иначе представлены в книге, а также предметный указатель понятий и терминов, используемых автором для презентации проблемы и обоснования выдвинутой концепции.

Первый раздел “Актуальное членение: история и персоналии. Идеи и результаты” (с. 17-53) знакомит с историей изучения актуального членения в отечественном и зарубежном языкознании, определяя место теории АЧ в системе лингвистических знаний и характеризуя основные направления в его исследовании. Первое направление, с которого началось систематическое исследование АЧ, В. Н. Абашина связывает с наиболее отчётливым выражением идеи о связи АЧ как коммуникативно-речевого феномена с формально-грамматическими показателями структуры предложения (А. Вейль, В. Матезиус, П. Адамец, Д. Н. Шмелёв, О. А. Лаптева, И. П. Распопов, И. И. Ковтунова, Т. М. Николаева, Н. Д. Арутюнова, О. А. Крылова, П. Сталл, некоторые другие учёные). Уже в рамках этого направления, дискутируя о природе АЧ, лингвисты стали выделять основные и дополнительные языковые средства его выражения, в том числе порядок слов и фразовое ударение, создавать и развивать его понятийно-терминологический аппарат и метаязыковое обеспечение. Второе направление автор связывает с теориями, акцентирующими внимание в изучении феномена АЧ на динамизме коммуникативного акта, его функциональной перспективе, градуальности (Я. Фирбас, М. Ю. Федосюк, Е. Е. Рунова, Т. Е. Янко). Затронуты также и перспективы новых пониманий АЧ.

Во втором разделе “Актуальное членение в психолингвистической парадигме” (с. 54-110) В. Н. Абашина поднимает вопрос о когнитивных началах АЧ, подробно описывая систему взаимосвязей лингвистики и психологии в сфере функционально-коммуникативного синтаксиса. Закономерно, что чрезвычайно важными в исследовании данного аспекта АЧ являются идеи Г. Габеленца о психологическом субъекте, объекте и предикате, Г. Штейнталя об универсальном порядке слов, А. А. Потемни о языке как деятельности и средстве создания мысли, а также двучленности акта мысли-речи, Е. С. Кубряковой о моделях порождения речи, Г. В. Колшанского о предложении как молекуле коммуникации, дискретной языковой единице, А. А. Леонтьева, И. П. Сусова, В. А. Звегинцева о причастности АЧ к процессу обязательного расчленения дискретного речевого потока.

Автор монографии утверждает, что “наблюдающаяся кардинальная смена исследовательской парадигмы, выход на ведущие позиции когнитивных и прагматических аспектов исследования

языка, предполагающих интеграцию синтаксической, семантической и прагматической информации, представляет реальную возможность также и на актуальное членение посмотреть с неграмматической точки зрения, ... вернуть изучение этого феномена в изначальное психолингвистическое русло” (с. 76). В монографии приводятся примеры такого подхода, имевшего место в лингвистике (Е. А. Реферовская, Л. В. Сахарный, Е. В. Падучева, Е. В. Рахилина, И. М. Богуславский, Т. Е. Янко), и упоминаются случаи использования психолингвистических методик в толковании природы АЧ авторитетными учёными (Л. В. Щерба, А. В. Гвоздев, Д. Слобин).

В. Н. Абашина разделяет мнение лингвистов, отрицающих существование строгих корреляций между синтаксическими членами предложений и их коммуникативными функциями, однако признаёт такие корреляции при взаимодействии компонентов коммуникативной структуры с собственно семантическим материалом высказывания. Так, функцию рематизаторов исследователь усматривает у подавляющего большинства русских наречий и частиц. Правоммерность утверждений относительно психолингвистической природы АЧ подтверждается, по мнению автора монографии, значимостью в функционировании данного феномена фактора человека мыслящего и говорящего, фактора ситуации, фактора контекста, влияющих на выбор определённого варианта выделения темы и ремы высказывания.

Во втором разделе В. Н. Абашина представляет дефиниции ключевых понятий АЧ. Так, само *актуальное членение* учёный рассматривает как *неизбежный для всякого речевого действия (коммуникативного акта) процесс рангового квантирования вербализованной при реческазывании ментальной информации* (с. 103). *Тема* рассматривается как *исходный блок сообщения, то, что уже существует в сознании говорящего в виде ментального образа* (с. 105), а *рема* — как *приписываемое в процессе когнитивной обработки фрагмента действительности конкретное предикативное свойство уже вербализованному в теме ментальному образу* (с. 109). Учитывая психолингвистическую природу АЧ, автор монографии признаёт возможность существования темы не только реальной, но и виртуальной (с. 107), как, между прочим, и имплицитного, латентного вопроса, который в повествовательном дискурсе мог бы поставить перед автором (рематического) высказывания виртуальный адресат.

Третий раздел “Сложное предложение как когнитивная структура” (с. 111-150) посвящён изучению когнитивных потенций сложных предложений, проблемам когнитивной интерпретации предметной ситуации посредством сложных предложений. Здесь приводится ряд аргументов, доказывающих на примере функционирования сложных предложений наличие в русской языковой картине мира корреляций между феноменологическими и лингвистическими когнитивными структурами. В. Н. Абашина убеждена, что “в когнитивном потенциале именно сложного предложения заложена способность вербализовать обнаруженные в процессе мышления отношения зависимости между событиями” (с. 114).

В синтаксисе в разное время по-разному рассматривался вопрос о соотношении сложного предложения и простых предложений, составляющих его. По мнению автора монографии, последовательность простых предложений и сложное предложение представляют собой “принципиально отличающиеся когнитивные структуры, ибо репрезентируют далеко не однопорядковый уровень знаний о мире” (с. 121).

Вполне закономерно, что позиции автора рецензируемой работы во многом опираются на фундаментальное учение о речевых актах Т. А. ван Дейка, на коммуникативно-синтаксический подход к изучению сложного предложения Н. С. Поспелова, Д. И. Изаренкова, В. А. Белошапковой, а также на некоторые наблюдения М. М. Бахтина над стилистическими особенностями сложного и последовательности простых предложений. В то же время привлекает внимание корректность и деликатность исследователя в дискуссионных позициях — при неуклонной стратегической последовательности в утверждении собственных концептуальных положений (см., например, обсуждение проблемы АЧ в сложносочинённых предложениях: с. 174-179).

Глубокими являются наблюдения над особенностями АЧ в структурно отличающихся сложных предложениях (СП): СП минимальной и усложнённой конструкций, в том числе в периоде, в сложносочинённом, сложноподчинённом и бессоюзном предложениях. Так, в общепропозитивной структуре сложноподчинённого предложения (СПП) пропозиции главной части присущ собственно событийный характер, именно она, описывая определённую денотативную ситуацию, предназначена для актуализации в коммуникативном акте, то есть является “канони-

ческой” ремой. Именно главная часть чаще всего содержит ассерцию, ассертивный компонент предложения. Пропозиция же придаточной части обычно не предполагает коммуникативной актуализации, вследствие чего становится отправной точкой, “канонической” темой сложного предложения. В этой части чаще всего имеется пресуппозиция, пресуппозитивный компонент, который остаётся неизменным при замене утвердительной ассерции отрицательной и наоборот. Напр.: *Если он даёт их больше, // они восприниматься не могут* (Н. Берберова) — Ср.: * *Если он даёт их больше, // они восприниматься могут*.

Самым большим по объёму является четвёртый раздел “Теория актуального членения и сложное предложение: коммуникативно-прагматический подход” (с. 151-272). Здесь автор систематизирует основные способы актуализации коммуникативно-прагматической информации в СП минимальной конструкции: сложносочинённом (ССП), сложноподчинённом (СПП), бессоюзном (БСП). В. Н. Абашина замечает, что полипредикативность СП предопределяет его полипропозитивность, в то же время “актуальное членение может осуществляться только там, где есть событие, денотативная ситуация, представленная *отдельной* [выделено нами. — Л. Г., Е. С.] коммуникативно релевантной пропозицией” (с. 165-166). Логико-семантическая структура предложения находится в постоянном взаимодействии с коммуникативной перспективой высказываний, реализующихся в конкретных типах АЧ (с. 171). Таким образом, любое СП вариантно с точки зрения выделения элементов его коммуникативной перспективы.

Изучив значительное количество сложносочинённых, сложноподчинённых и бессоюзных сложных предложений, В. Н. Абашина приходит к ценным для теоретической и прикладной лингвистики выводам об особенностях коммуникативной организации СП.

Так, результаты наблюдений учёного свидетельствуют о том, что в русском языке имеются два коммуникативных типа ССП с присущими каждому из них коммуникативными возможностями. Среди предложений канонического типа (реально и формально полипропозитивных) имеются такие, в которых представлена коммуникативная однотипность, когда каждая часть расчленена на тему и ремю (*В городе у него // была уйма дел, но делами он // не мог заниматься* (В. Набоков)), нерасчленённые высказывания с комплексной ремой (*Стояло лето Керенского, и заседали лимонадное правительство*), предложения с другими разнообразными комбинациями типов АЧ. Предложениями неканонического типа автор считает ССП разделительные с отношениями взаимоисключения, в том числе и такие, в которых наблюдается ситуация неопределённости выбора. Они формально имеют несколько пропозиций, каждая из которых соотносится с отдельной денотативной ситуацией; однако “конститутивно важным оказывается то, что в представлении говорящего эти денотативные ситуации ... остаются неопределёнными в плане их осуществления, поскольку в целом восходят к некоторому ментальному образу ситуации, формально не соотносимому ни с одним из чередующихся событий” (с. 184). Напр.: *Не то русский мальчик, играющий в свайку, не то итальянский Иоанн Креститель с чуть заметной горбинкой на тонком носу* (О. Мандельштам). В монографии имеются результаты некоторых наблюдений над особенностями АЧ в ССП не только открытой, но и закрытой структуры, однако детального анализа конструкций закрытого типа с позиций АЧ мы, к сожалению, не находим.

Конституирующими при анализе СПП В. Н. Абашина считает отличия между предложениями детерминантного и присловного типа, то есть расчленённой и нерасчленённой структуры. Предложения детерминантного типа имеют две событийные пропозиции, из которых актуализируется, как правило, та, которая находится в главной части. Напр.: *Чтобы увидеть реку, // глаза надо было чуть-чуть приподнять* (Б. Пастернак). *И чем жарче и радостней печёт солнце, // тем холоднее дует из тьмы, из окна* (И. Бунин). На страницах монографии представлены доводы, способные убедить в том, что в СПП с присловной связью содержание главной части представляет собой ассертивный компонент общепропозитивного значения (ремю), а содержание придаточной части — предпосылку суждения, речевую пресуппозицию высказывания (тему). Важнейшим приёмом доказательства истинности данного положения В. Н. Абашина не без оснований считает введение в СПП оператора отрицания (с. 204). По нашему мнению, здесь следует говорить как о введении оператора отрицания (в случае утвердительного предложения), так и о его исключении (в случае отрицательного предложения).

Актуализация, введение придаточной части в семантический фокус, допускается, по мнению В. Н. Абашинной, в случаях, когда содержание главной части известно из предшествующего

контекста (с. 225–227). Попутно исследователь замечает, что имеющиеся в ряде СПП заключительные частицы *то, так* служат формальным маркером предполагаемой ремы, показателем границы АЧ, а соотносительное слово *тогда*, введённое в состав главной части местоименно-соотносительных предложений, — маркером тематической функции этой части. Эту же роль в ряде художественных идиостилей выполняет тире, а в парцеллированных конструкциях — точка, отделяющая рему-парцеллят от предшествующей ей темы.

Говоря об АЧ СПП нерасчленённой структуры, автор монографии заявляет, что в этих предложениях, как и в СПП расчленённой структуры, собственно событийной является та пропозиция, с которой соотносится содержание главной части (с. 231), однако на реальном материале В. Н. Абашина показывает значительное разнообразие способов АЧ в присловных СПП. Так, в изъяснительных и прикомпаративных СПП граница АЧ нередко проходит в пределах главной части, а в комплексную рему входит модусный предикат, находящийся в главной части, и диктумная информация, содержащаяся в придаточной части (напр.: *Он // сразу вспомнил, каким был этот мост летом* (В. Набоков). *Хаотичность материала заставляла Юрия Андреевича разбрасываться // ещё больше, чем к этому предрасполагала его собственная природа* (Б. Пастернак). *Но на следующий день // стало ясно, что второй кандидат в хранители архива не годится* (Н. Берберова)). Рематизированный модус изъяснительного предложения может быть выражен целой его главной частью, в то время как тема ограничена придаточной (напр.: *Странно, // что она не стала его умолять не драться* (В. Набоков)). Исследование СПП с присубстантивными придаточными показало, что постпозиция придаточной части “служит средством выражения её рематичного коммуникативного характера”, а “интерпозитивное — тематичного” (с. 245). Ср.: *На носу его // были очки, которых Иван Фёдорович не выдвигал у него прежде* (Ф. Достоевский). — *Поезд, в который он сел, // был великолепен* (И. Бунин). Несмотря на своеобразие синтаксической структуры местоименно-соотносительных предложений, они тоже имеют несколько вариантов коммуникативной организации. Ср.: *Брюсов // тщательно разбирал то, что ему читали* (В. Ходасевич). — *То, что занимало его мысли, // было неизмеримо важнее* (Г. Газданов). — *Гнев и презрение овладели // той, кого он любил* (В. Ходасевич). В споре с Л. Ю. Максимовым автор монографии приходит к выводу о том, что порядок расположения частей в местоименно-соотносительных предложениях всегда зависит от коммуникативной функции каждой из этих частей (с. 259).

Разнообразие вариантов АЧ бессоюзных сложных предложений В. Н. Абашина связывает, в первую очередь, с особенностями их структурной, интонационной и семантической организации. Учёный усматривает изоморфизм между ССП и БСП открытой структуры в плане организации их коммуникативной структуры. В предложениях же закрытой структуры первая часть содержит в качестве структурно определяющего требующий вербального изъяснения лексический компонент (с. 269). К сожалению, из класса бессоюзных предложений закрытой структуры в монографии детально проанализировано АЧ только в БСП с изъяснительными отношениями между частями. Чаще всего темой в них, подобно СПП с придаточным изъяснительным, становится именная группа первой части, а ремой — нуждающийся в семантическом восполнении предикат первой части и вторая часть СП, которая занимает открытую синтаксическую позицию при изъясняемом компоненте (напр.: *И внезапно оба // почувствовали: что-то не так, — ой не так!* (В. Набоков)).

В последнем, пятом разделе “Сложное предложение как составляющая текста: особенности актуального членения” (с. 273–300) В. Н. Абашина рассматривает АЧ сложного предложения в динамике его функционирования в составе текста. Сравнивая канонические и абсурдные тексты, автор монографии заключает, что в каноническом тексте тема-рематическая прогрессия (последовательное движение информации) происходит вплоть до полного раскрытия темы текста. Абсурдным же становится текст, в котором отсутствует поступательное движение информации, её последовательное развёртывание, что является следствием пренебрежения фактором актуального членения, его игнорирования (с. 280).

При том, что в книге В. Н. Абашиной глубоко и тонко проанализирован весьма солидный корпус специальной литературы, некоторые работы, сопряжённые с темой исследования, оказались вне поля зрения. Такими, в частности, являются работы Е. П. Марченко, рассматривающие АЧ многочастных (полипредикативных; усложнённых) сложных предложений как еди-

ницы текста, а также работы Ю. В. Ванникова и Г. Н. Рыбаковой, посвящённые парцелляции сложного предложения.

Совершенно новым в синтаксисе является анализ актуального членения в текстах разных коммуникативных регистров речи. Этот материал свидетельствует о существовании зависимости между коммуникативным речевым регистром и способом его актуального членения. Так, высказывания генеритивного коммуникативного типа, рассматриваемые как потенциальные афоризмы, являются нерасчленёнными, то есть такими, весь состав которых является ремой. Такие высказывания обычно несут новые знания, передают авторскую оценку некоторой ситуации, описываемой в предшествующем контексте, относительно свободны с точки зрения места расположения в тексте и сопряжены в нём с другими коммуникативными регистрами. Напр.: *Фенечка // хорошела с каждым днём* (репродуктивный регистр). *Бывает эпоха в жизни молодых женщин, когда они вдруг начинают расцветать и распускаться, как летние розы* (генеритивный регистр); *такая эпоха // наступила для Фенечки* (информативный регистр) (И. Тургенев).

В “Заключении” (с. 301-308) автор обобщает результаты своих разысканий и обозначает перспективы дальнейшего исследования в русистике проблематики, связанной с актуальным членением.

Книга В. Н. Абашиной “Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке: аспект актуального членения” вносит солидный вклад в синтаксическую русистику. Многие вопросы теории СП получили в ней новое, соответствующее уровню современной лингвистики толкование. Так, к решению остро дискуссионного вопроса о единстве, целостности СП (в том числе ССП и БСП открытой структуры) и соотношении его с текстовой последовательностью простых предложений В. Н. Абашина подходит не только с собственно языковых (структурно-семантических, ставших теперь уже общепринятыми и традиционными), но, в первую очередь, с лингвокогнитивных и коммуникативно-прагматических позиций. “Последовательность простых предложений и сложное предложение представляют собой принципиально отличающиеся когнитивные структуры”, ибо репрезентируют разные уровни знаний о мире (с. 121). Референциальное значение сложного предложения, по мнению автора монографии, принципиально отличается от значения ряда простых самостоятельных предложений в тексте; сложные предложения “отражают иной фрагмент действительности, нежели соположенные в ряду простые предложения” (с. 125). Использование же в речевом акте сложного предложения или текстовой последовательности простых предложений определяется интенцией говорящего и его коммуникативно-прагматической установкой (с. 119).

Убедительно заострён вопрос о статусе местоименно-соотносительных сложноподчинённых предложений нерасчленённого типа. Ведь действительно, при том, что выделение этой группы сложноподчинённых предложений Н. С. Пospelовым и его последователями связано со структурно-семантическим подходом, характеристика и внутреннее деление их на подгруппы осуществляется преимущественно по формальному, структурному основанию. А семантическое деление этих предложений на отождествительные, вмещающие и фразеологического типа ставит их в изолированное положение в сравнении со всеми другими семантическими группами сложноподчинённых предложений, хотя на самом деле местоименно-соотносительные сложноподчинённые предложения обладают семантической соотносительностью и с нерасчленёнными, и с расчленёнными конструкциями.

Сложное предложение позиционируется В. Н. Абашиной как единица, которая предназначена не только для презентации ряда денотативных событий и логических пропозиций, и даже не только для выражения отношений между ними, но, главным образом, для того, чтобы показать фокус ментальной релятивной пропозиции, то есть того, что вытекает из отношений, стоит над ними и объединяет их. Это позволяет автору монографии квалифицировать сложное предложение как когнитивную структуру, обеспечивающую доступ к определённой структуре знания и включающую СП в число объектов когнитивной лингвистики. Актуальное же членение является механизмом, регулирующим процесс передачи информации от сознания адресанта к сознанию адресата. Таким образом, и теория АЧ выводится на новый уровень.

Книга хорошо структурирована, а презентация теоретических положений выполнена на интересном, высокохудожественном иллюстративном материале.

Считаем, что монографическое исследование В. Н. Абашиной “Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке: аспект актуального членения” является значительным вкладом в синтаксическую теорию современного русского языка и имеет большое практическое значение для совершенствования филологического образования школьников и студентов, а также компьютерного анализа текста.

Л. Н. Гукова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;

Е. Н. Степанов, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Наші автори

- БАРИНА Лариса Михайлівна**, ст. викладач каф. загальних дисциплін і мовної підготовки іноземних громадян Південноукраїнського національного педуніверситету ім. К. Д. Ушинського (Україна, Одеса)
- ВАНХАЛА-АНИШЕВСЬКИ Мар'ятта (Vanhala-Aniszewski Marjatta)**, д. філос. н., професор російської мови та культури Університету м. Ювяскюля (Фінляндія)
- ВАСИЛЬЄВА Галина Михайлівна**, д. ф. н., професор каф. міжкультурної комунікації Російського держпедуніверситету ім. О. І. Герцена (Росія, Санкт-Петербург)
- ВИДЕЛ-ІГНАШЧАК Малгожата (Widel-Ignaszczak Małgorzata)**, аспірант каф. слов'янських мов Люблінського католицького університету (Польща, Люблін)
- ВИТ Надія Петрівна**, к. ф. н., доцент, зав. каф. іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ВИСОЦЬКА Зоряна Іванівна**, викладач каф. мовної та психолого-педагогічної підготовки Одеського державного економічного ун-ту (Україна, Одеса)
- ГОЛКОВА Оксана Миколаївна**, к. ф. н., доцент каф. ділової іноземної мови та перекладу Харківського національного політехнічного ун-ту “ХПІ” (Україна, Харків)
- ГОЛУБЕНКО Лідія Миколаївна**, к. ф. н., професор, зав. кафедри німецької філології, декан ф-ту романо-германської філології Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ГОНЧАРОВА Нінель Афіногенівна**, к. ф. н., професор каф. романських мов Білоруського держуніверситету (Білорусь, Мінськ)
- ГОРБАНЬ Вікторія Володимирівна**, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ГРИГОРЕНКО Марина Юрївна**, аспірантка Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- ГУКОВА Ліна Миколаївна**, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ГУСЬКОВА Олена Дмитрівна**, ст. викладач каф. лінгводидактики Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)
- ДАНІЛІДУ Натриса Федорівна (Δανιηλίδου Νατρίσα του Θεοδώρου)**, к. пед. н., викладач російської мови відд. балканістики Університету Західної Македонії (Греція, Флорина)
- ДЕЛЮСТО Марина Сергіївна**, аспірантка каф. української мови Ізмайльського державного гуманітарного ун-ту (Україна, Ізмаїл)
- ДЖУНУСАЛІЄВА Галина Дикомбаївна**, ст. викладач каф. мовної та психолого-педагогічної підготовки Одеського державного економічного ун-ту (Україна, Одеса)
- ДОБРОВОЛЬСЬКА Клавдія Петрівна**, доцент каф. мовної та психолого-педагогічної підготовки Одеського державного економічного університету (Україна, Одеса)
- ДУБОВИК Олена Ігорівна**, аспірантка каф. російської мови та методики викладання Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- ЄРЕМЕНОК Оксана Ігорівна**, к. ф. н., доцент каф. іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ЄСИМБЕК Сауле Измуханівна**, асистент каф. теорії та методики дошкільної й початкової освіти Казахського національного педуніверситету ім. Абая (Казахстан, Алмати)
- ЗАМКОВА Наталія Вікторівна**, к. пед. н., доцент Таллінського ун-ту (Естонія, Таллін)
- ІВАНОВА Наталія Георгіївна**, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ІНОУЕ Юкійоші**, к. ф. н. (майстер), професор Токійського університету “Софія” (Японія, Токіо)
- ІУНОВА Ірина Олександрівна**, д. ф. н. (хабілітат), професор, зав. кафедри слов'янської філології Слов'янського університету Республіки Молдови (Молдова, Кишинів).
- КАЗАКОВ Ігор Миколайович**, к. ф. н., доцент, зав. кафедри загального і російського мовознавства та теорії й історії літератури Слов'янського держпедуніверситету (Україна, Слов'янськ)

- КАКСІН Андрій Данилович**, к. ф. н., керівник відділу хантийської філології Обсько-угорського інституту прикладних досліджень і розробок (Росія, Ханти-Мансійськ)
- КЖАНОВСЬКА Агнешка (Krzanowska Agnieszka)**, к. ф. н., ад'юнкт Щецинського університету (Польща, Щецин)
- КОЗИЦЬКА-БОРИСОВСЬКА Жанета (Kozicka-Borysowska Żaneta)**, к. ф. н., ад'юнкт Щецинського університету (Польща, Щецин)
- КОЛЕСОВА Олена Петрівна**, викладач каф. мовної та психолого-педагогічної підготовки Одеського державного економічного ун-ту (Україна, Одеса)
- КОЛОДА Дар'я Володимирівна** — викладач Харківського національного педуніверситету ім. Г. С. Сковороди (Україна, Харків)
- КОСМЕДА Тетяна Анатоліївна**, д. ф. н., професор каф. педагогіки і словесних технологій Львівського державного ун-ту внутрішніх справ (Україна, Львів)
- КОСТИНА Наталя Іванівна**, к. пед. н., доцент каф. другої іноземної мови ф-ту РГФ Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- КОШАРНА Світлана Олексіївна**, д. ф. н., професор каф. російської мови та методики викладання Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- КРАВЦОВА Юлія Валентинівна**, к. ф. н., доцент, докторант каф. російської мови та загального мовознавства Херсонського держуніверситету (Україна, Херсон)
- КРЮЧЕНКОВА Олена Юріївна**, зав. науково-методичною лабораторією мов і літератур національних меншин каф. методики викладання іноземних мов та мов і літератур національних меншин Одеського обласного інституту удосконалення вчителів (Україна, Одеса)
- КУРАШ Сергій Борисович**, к. ф. н., доцент, зав. кафедри російської мови Мозирського державного педуніверситету ім. І. П. Шамякіна (Білорусь, Мозир)
- КУРОВА Галина Іванівна**, ст. викладач каф. української та російської мов Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)
- ЛАВРИНЕНКО Алевтина Тимофіївна**, к. ф. н., доцент каф. російської мови Інституту російської філології Жешувського ун-ту (Польща, Жешув)
- ЛАГОДЕНКО Джульєта Володимирівна**, к. ф. н., доцент каф. англійської мови Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- ЛЕВИЦЬКИЙ Андрій Едуардович**, д. ф. н., професор каф. теорії та практики перекладу з англійської мови Київського національного ун-ту ім. Т. Шевченка (Україна, Київ)
- ЛПАТОВ Олександр Тихонович**, д. ф. н., професор каф. російського та загального мовознавства Марійського держуніверситету (Росія, Йошкар-Ола)
- ЛУЦЕЄВА Юлія Миколаївна** — аспірант кафедри російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- МАРИЧЕРЕДА Людмила Семенівна**, ст. викладач каф. глотодидактики Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)
- МОІСЕЄНКО Ірина Михайлівна**, к. пед. н., доцент Таллінського університету (Естонія, Таллін)
- НАГОРНА Світлана Юріївна**, к. ф. н., доцент каф. російської мови та методики викладання Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- НЕМИРОВСЬКА Олександра Федорівна**, к. ф. н., доцент каф. української філології Південноукраїнського національного педуніверситету ім. К. Д. Ушинського (Україна, Одеса)
- НЕНАШЕВА Лариса Вікторівна**, к. ф. н., доцент каф. історії російської мови та діалектології Поморського держуніверситету ім. М. В. Ломоносова (Росія, Архангельськ)
- ПЕН Бінь**, магістр каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна-Китай, Одеса)
- ПЛОТНИЦЬКА Світлана Валеріївна**, к. пед. н., доцент каф. іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ПОРОЖНЮК Алла Леонтіївна**, к. ф. н., доцент каф. української мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- РОМАНЕЦЬ Любов Олександрівна**, аспірантка каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

- СІЛІН Леа (Siilin Lea)**, д. ф. н., професор російської мови та культури Університету м. Ювяскюля (Фінляндія)
- СКЛЯРЕНКО Ольга Миколаївна**, к. ф. н., ст. викладач каф. іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- СМОЛІНА Ксенія Павлівна**, д. ф. н., професор Московського держпедуніверситету (Росія, Москва)
- СТЕПАНОВ Євгеній Миколайович**, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- СТЕРНІНА Марина Абрамівна**, д. ф. н., професор, зав. каф. англійської мови природничих факультетів Воронежського держуніверситету (Росія, Воронеж)
- СТОЯНОВА Світлана Володимирівна**, студентка історико-філологічного ф-ту Південноукраїнського національного педуніверситету ім. К. Д. Ушинського (Україна, Одеса)
- ТКАЧУК Наталія Олегівна**, аспірантка каф. загального та слов'янського мовознавства Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ХРУЦЬКА Наталія Володимирівна**, к. ф. н., доцент, докторант каф. російської мови Національного педуніверситету ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ)
- ЧУБУР Тетяна Олексіївна**, к. ф. н., доцент каф. іноземних мов Воронежського держпедуніверситету (Росія, Воронеж)
- ШЕЦКО Лариса Михайлівна**, аспірантка каф. російської мови Мозирського держпедуніверситету ім. І. П. Шамякіна (Білорусь, Мозир)
- ШУМАРІНА Тетяна Федорівна**, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ЯКОВЛЕВА Ольга Василівна**, к. ф. н., доцент каф. загального та слов'янського мовознавства Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ЯРОЦЬКА Галина Сергіївна**, к. ф. н., доцент каф. прикладної лінгвістики Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

Наши авторы

- БАРИНА Лариса Михайловна**, ст. преподаватель каф. общих дисциплин и языковой подготовки иностранных граждан Южноукраинского национального педуниверситета им. К. Д. Ушинского (Украина, Одесса)
- ВАНХАЛА-АНИШЕВСКИ Марьятта (Vanhala-Aniszewski Marjatta)**, д. филос. н., профессор русского языка и культуры Университета г. Ювяскюля (Финляндия)
- ВАСИЛЬЕВА Галина Михайловна**, д. ф. н., профессор каф. межкультурной коммуникации Российского госпедуниверситета им. А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)
- ВИДЕЛ-ИГНАШЧАК Малгожата (Widel-Ignaszczak Małgorzata)**, аспирант каф. славянских языков Люблинского католического университета (Польша, Люблин)
- ВИТ Надежда Петровна**, к. ф. н., доцент, зав. кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ВЫСОЦКАЯ Зоряна Ивановна**, преподаватель каф. языковой и психолого-педагогической подготовки Одесского государственного экономического университета (Украина, Одесса)
- ГОЛИКОВА Оксана Николаевна**, к. ф. н., доцент каф. делового иностранного языка и перевода Харьковского национального политехнического университета “ХПИ” (Украина, Харьков)
- ГОЛУБЕНКО Лидия Николаевна**, к. ф. н., профессор, зав. кафедрой немецкой филологии, декан ф-та романо-германской филологии Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ГОНЧАРОВА Нинель Афиногеновна**, к. ф. н., профессор каф. романских языков Белорусского госуниверситета (Белоруссия, Минск)
- ГОРБАНЬ Виктория Владимировна**, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

- ГРИГОРЕНКО Марина Юрьевна**, аспирант Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- ГУКОВА Лина Николаевна**, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ГУСЬКОВА Елена Дмитриевна**, ст. преподаватель каф. лингводидактики Одесского национального политехнического университета (Украина, Одесса)
- ДАНИИЛИДУ Натриса Фёдоровна** (Δανιηλίδου Νατρίσα του Θεοδώρου), к. пед. н., преподаватель русского языка отд. балканистики Университета Западной Македонии (Греция, Флорина)
- ДЕЛЮСТО Марина Сергеевна**, аспирант каф. украинского языка Измаильского государственного гуманитарного университета (Украина, Измаил)
- ДЖУНУСАЛИЕВА Галина Дикомбаевна**, ст. преподаватель каф. языковой и психолого-педагогической подготовки Одесского государственного экономического университета (Украина, Одесса)
- ДОБРОВОЛЬСКАЯ Клавдия Петровна**, доцент каф. языковой и психолого-педагогической подготовки Одесского государственного экономического университета (Украина, Одесса)
- ДУБОВИК Елена Игоревна**, аспирант каф. русского языка и методики преподавания Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- ЕРЕМЕНОК Оксана Игоревна**, к. ф. н., доцент каф. иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ЕСИМБЕК Сауле Измухановна**, ассистент каф. теории и методики дошкольного и начального образования Казахского национального педагогического университета им. Абая (Казахстан, Алматы)
- ЗАМКОВАЯ Наталия Викторовна**, к. пед. н., доцент Таллиннского университета (Эстония, Таллинн)
- ИВАНОВА Наталия Георгиевна**, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ИНОУЭ Юкиёши**, к. ф. н. (мастер), профессор Токийского университета “София” (Япония, Токио)
- ИОНОВА Ирина Александровна**, д. ф. н. (хабилитат), профессор, зав. кафедрой славянской филологии Славянского университета Республики Молдовы (Молдавия, Кишинёв).
- КАЗАКОВ Игорь Николаевич**, к. ф. н., доцент, зав. кафедрой общего и русского языкознания и теории и истории литературы Славянского госпедуниверситета (Украина, Славянск)
- КАКСИН Андрей Данилович**, к. ф. н., руководитель отдела хантыйской филологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Россия, Ханты-Мансийск)
- КЖАНОВСКА Агнешка (Krzanowska Agnieszka)**, к. ф. н., адъюнкт Щецинского университета (Польша, Щецин)
- КОЗИЦКА-БОРИСОВСКА Жанета (Kozicka-Borysowska Żaneta)**, к. ф. н., адъюнкт Щецинского университета (Польша, Щецин)
- КОЛЕСОВА Елена Петровна**, преподаватель каф. языковой и психолого-педагогической подготовки Одесского государственного экономического университета (Украина, Одесса)
- КОЛОДА Дарья Владимировна** — преподаватель Харьковского национального педуниверситета им. Г. С. Сковороды (Украина, Харьков)
- КОСМЕДА Татьяна Анатольевна**, д. ф. н., профессор каф. педагогики и словесных технологий Львовского госуниверситета внутренних дел (Украина, Львов)
- КОСТИНА Наталья Ивановна**, к. пед. н., доцент каф. второго иностранного языка ф-та РГФ Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- КОШАРНАЯ Светлана Алексеевна**, д. ф. н., профессор каф. русского языка и методики преподавания Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- КРАВЦОВА Юлия Валентиновна**, к. ф. н., доцент, докторант каф. русского языка и общего языкознания Херсонского госуниверситета (Украина, Херсон)

- КРЮЧЕНКОВА Елена Юрьевна**, зав. научно-методической лабораторией языков и литератур национальных меньшинств каф. методики преподавания иностранных языков и языков и литератур национальных меньшинств Одесского областного института усовершенствования учителей (Украина, Одесса)
- КУРАШ Сергей Борисович**, к. ф. н., доцент, зав. кафедрой русского языка Мозырского госпед-университета им. И. П. Шамякина (Белоруссия, Мозырь)
- КУРОВА Галина Ивановна**, ст. преподаватель каф. украинского и русского языков Одесского национального политехнического университета (Украина, Одесса)
- ЛАВРИНЕНКО Алевтина Тимофеевна**, к. ф. н., доцент каф. русского языка Института русской филологии Жешувского университета (Польша, Жешув)
- ЛАГОДЕНКО Джульетта Владимировна**, к. ф. н., доцент каф. английского языка Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- ЛЕВИЦКИЙ Андрей Эдуардович**, д. ф. н., профессор каф. теории и практики перевода с английского языка Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина, Киев)
- ЛИПАТОВ Александр Тихонович**, д. ф. н., профессор каф. русского и общего языкознания Марийского госуниверситета (Россия, Йошкар-Ола)
- ЛУЦЕЕВА Юлия Николаевна** — аспирант каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- МАРИЧЕРЕДА Людмила Семёновна**, ст. преподаватель каф. глоттодидактики Одесского национального политехнического университета (Украина, Одесса)
- МОИСЕЕНКО Ирина Михайловна**, к. пед. н., доцент Таллиннского университета (Эстония, Таллинн)
- НАГОРНАЯ Светлана Юрьевна**, к. ф. н., доцент каф. русского языка и методики преподавания Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- НЕМИРОВСКАЯ Александра Фёдоровна**, к. ф. н., доцент каф. украинской филологии Южноукраинского национального педуниверситета им. К. Д. Ушинского (Украина, Одесса)
- НЕНАШЕВА Лариса Викторовна**, к. ф. н., доцент каф. истории русского языка и диалектологии Поморского госуниверситета им. М. В. Ломоносова (Россия, Архангельск)
- ПЕН Бинь**, магистр каф. русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина-Китай, Одесса)
- ПЛОТНИЦКАЯ Светлана Валерьевна**, к. пед. н., доцент каф. иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ПОРОЖНЮК Алла Леонтьевна**, к. ф. н., доцент каф. украинского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- РОМАНЕЦ Любовь Александровна**, аспирант каф. русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- СИИЛИН Леа (Siilin Lea)**, д. ф. н., профессор русского языка и культуры Университета г. Ювяскюля (Финляндия)
- СКЛЯРЕНКО Ольга Николаевна**, к. ф. н., ст. преподаватель каф. иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- СМОЛИНА Ксения Павловна**, д. ф. н., профессор Московского госпедуниверситета (Россия, Москва)
- СТЕПАНОВ Евгений Николаевич**, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- СТЕРНИНА Марина Абрамовна**, д. ф. н., профессор, зав. каф. английского языка естественно-научных факультетов Воронежского госуниверситета (Россия, Воронеж)
- СТОЯНОВА Светлана Владимировна**, студентка историко-филологического ф-та Южноукраинского национального педуниверситета им. К. Д. Ушинского (Украина, Одесса)
- ТКАЧУК Наталья Олеговна**, аспирант каф. общего и славянского языкознания Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ХРУЦКАЯ Наталья Владимировна, к. ф. н., доцент, докторант каф. русского языка Национального педуниверситета им. М. П. Драгоманова (Украина, Киев)

ЧУБУР Татьяна Алексеевна, к. ф. н., доцент каф. иностранных языков Воронежского государственного университета (Россия, Воронеж)

ШЕЦКО Лариса Михайловна, аспирант кафедры русского языка Мозырского государственного университета им. И. П. Шамякина (Белоруссия, Мозырь)

ШУМАРИНА Татьяна Фёдоровна, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ЯКОВЛЕВА Ольга Васильевна, к. ф. н., доцент каф. общего и славянского языкознания Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ЯРОЦКАЯ Галина Сергеевна, к. ф. н., доцент каф. прикладной лингвистики Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

Мова : Науково-теоретичний часопис / М-во освіти і науки України ; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова ; гол. ред. Д. С. Іщенко. — Одеса : Астропринт, 2009. — № 14. — 252 с.

Наукове видання

МОВА

**Науково-теоретичний часопис
з мовознавства**

№ 14

Українською та російською мовами

Підписано до друку 09.11.2009. Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура «Newton». Друк офсетний. Ум. друк. арк. 29,30.
Тираж 300 прим. Зам. № 662.

Видавництво і друкарня «Астропринт»
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-24-26, 33-07-17, 37-14-25
www.astroprint.odessa.ua; www.fotoalbum-odessa.com
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.